

"Юрий Корчевский - Огонь! Бомбардир из будущего"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
Topreading.ru

Юрий Корчевский

Огонь! Бомбардир из будущего

Глава 1

Побег

Поднявшись утром, решил собираться. Дело сделано, языка не знаю, пора и честь знать, собрал невеликие свои пожитки. Но напоследок хотелось встретиться с Филиппом. Попрощаться, конечно, ну и забрать вещи, которых в комнате я не находил – например, не было штуцера, мушкета, подаренной шпаги, одежды. Очень кстати, легок на помине, вошел Филипп в черном деловом сюртуке. Прямо с порога он воскликнул:

- Я так и знал, что ты будешь собираться в дорогу. Куда ты вчера исчез, я искал тебя весь вечер?

- С дамой был, помнишь ли ты прекрасную графиню, что сидела напротив меня?

Филипп весело захохотал:

- А я уж думал, ты не попробуешь ни одной французенки! Собирай вещи, едем ко мне, весь багаж у меня дома, можешь отдохнуть у меня, куда тебе торопиться?

Но я хотел уехать до осенних штормов и распутицы, август кончался, неизвестно, как встретит Русь, какой погодой? Мы поехали в карете домой к Филиппу, по дороге я разглядывал дома, улицы и площади. После дворца большого впечатления не получил.

По французским меркам дом Филиппа был неплох – в два этажа, из пиленого камня, с дубовыми дверями. Сзади, за домом, был небольшой садик. В комнате в целости и сохранности лежала моя сумка с одеждой, в кожаных чехлах хранились ружья. Мы посидели, выпили вина, к которому я уже начал привыкать. Филипп вызвал слугу и отправил его с поручением.

- Каким путем ты будешь добираться назад?

- Думаю, так же, как и сюда, – морем до Иван – города, если повезет с русскими купцами, до Новгорода, а там как получится.

- Охрану бы нанял, сто золотых ливров, полученных тобой – сумма большая, можно купить морской корабль или имение во Франции. Разбой на дорогах процветает, если прознают про деньги – беда!

- Так пара охранников не уберезет, случись серьезная передряга.

- Должен сказать тебе по секрету, со дня на день может начаться война с Испанией, войска уже идут к югу, на море стычки уже происходят, как бы не попасть на море в неприятности – захватят судно в плен или еще хуже – утопят, может, тебе поехать сушей? С немцами отношения хорошие, доедешь сушей до какого-либо немецкого порта – Киля или Данцига, а там, на Балтике, испанцев нет, да и с немцами они не воюют.

Я задумался, в его словах было рациональное зерно. Да, пожалуй, я так и сделаю, по суше через Германию до немецких портов, а далее морем.

Я поблагодарил Филиппа за совет, мы выпили еще прекрасного бургундского. На улице застучали подковы, послышался шум колес подъехавшего экипажа.

- Это за тобой, я послал слугу нанять для тебя экипаж, поскольку я еще не знал, куда ты поедешь, какой дорогой, с кучером пойдём договариваться вместе.

Мы вышли, у дома стояла большая карета, запряженная парой лошадей, кучер стоял подле. Толстый, солидный дядька с длинными усами, красные щеки и нос с прожилками выдавали любителя выпить. Филипп стал договариваться, конечной целью определили Любек - один из оживленных портов Ганзейского союза, там часто бывали и русские корабли. Филипп начал сговариваться о цене, бурно жестикулируя руками. Наконец он подошел ко мне, спросил, есть ли у меня еще какие-либо деньги, кроме золотых ливров короля. Я поинтересовался, а какие нужны? У меня были с собой из Москвы.

- Я договорился за два серебряных гульдена, один нужно отдать сейчас авансом.

Я отвернулся от кучера, развязал поясной кошель, высыпал на руку горсть серебряных монет. Филипп выбрал одну и вручил ее кучеру. Слуга тем временем снес к экипажу мои вещи. Кучер взобрался на облучок и поинтересовался, будет ли охрана. Получив отрицательный ответ, неодобрительно покрутил головой, вытащил из-под облучка здоровенный короткоствольный мушкетон. Елки-палки, да это же чуть не маленькая пушка. Довольный произведенным впечатлением, сунул его назад и что-то проговорил по-французски. Филипп перевел - заднее окно кареты опускается, если господин имеет ружье - он покосился на ружейные чехлы, то может стрелять через окно. Ну что же, хорошо, что предупредил. Пока слуга затаскивал в экипаж вещи, коих и было немного, мы дружески обнялись с Филиппом, похлопывая друг друга по спинам. Прошедшие приключения и дальняя дорога нас сблизили, было бы неплохо, если бы Филипп вернулся в Москву, но увы. Филипп даже всплакнул, утерев глаза кружевным платочком. Я сел в экипаж, и мы тронулись. Какое-то время в заднее окошко я видел его фигуру, махавшую мне рукой. Сначала я разглядывал проплывавшие мимо дома, потом пошли окраины, и я решил заняться оружием. Достал из чехлов, почистил и зарядил штуцер и мушкет, затем оба пистолета. Шпага лежала в ножнах, я вытащил ее, полюбовался блеском отличной стали и со вздохом убрал назад в ножны. Пользоваться ею я не умел, так же как и другим холодным оружием, так, научился немного махать саблей, но с опытным фехтовальщиком мне долго не продержаться. Укачиваемый в подрессоренной карете, сидя на мягких сиденьях, обитых кожей, я задремал. Проснулся от того, что остановились. Мы стояли у постоялого двора, кучер знаками показал, что надо кормить лошадей и кушать самим, и показал рукой на постоялый двор. Я вошел, трапезная была пустыня, или время не обеденное, или место неудачное выбрано. Подошедшему хозяину я жестами объяснил, что хочу курицу и вина. Все было быстро принесено, мы с кучером разделили трапезу, а поскольку из кухни восхитительно пахло пирогами, взял с собой в дорогу парочку пирогов со сладкой начинкой и бутылку вина. Кучер покосился на бутылку, сел на облучок, и мы снова тронулись. Дороги были грунтовые, пыль летела из-под колес, и хотя был небольшой боковой ветер, пыль набивалась в карету, садилась на волосы и одежду. Пожалуй, кучер был в лучшем положении на свежем воздухе. Миновали несколько деревень и небольшой городок. Какое-то седьмое чувство заставило меня насторожиться, обернуться, посмотреть в окошечко. Нас догоняли четыре всадника, меж тем наши лошади уже подустали, вряд ли мы оторвемся ходом. Я расчехлил оружие, и когда в клубах пыли появился просвет, опустил откидное окно, высунул ствол, прицелился и выстрелил. Один всадник упал, но остальные пришпорили лошадей и стали приближаться. Я слышал, как кучер погонял усталых лошадей, пытаюсь уйти с лесной дороги, экипаж кидало на корнях деревьев и ухабах. Времени перезарядить штуцер не было, я взял мушкет.

Теперь главное – не выстрелить раньше срока. Мушкет заряжен картечью, максимум пятьдесят метров хорошего выстрела.

Всадники, не встречая огня, быстро приближались. Я прицелился, выстрел, один упал с лошади, второй безжизненно свесился с седла, но лошадь продолжала скакать. Оставался еще один. Видно, сильно обозленный потерей товарищей, он не отставал, медленно приближаясь. Я высунул в окно пистолет, прицелился и выстрелил, но в это время карету сильно качнуло, и я увидел, что пуля срезала несколько веток в стороне. Не беда, есть еще пистолет. Я отбросил на сиденье разряженный и взял готовый к стрельбе. Лицо догонявшего было скрыто под полумаской, в правой руке он сжимал шпагу, за поясом виделась рукоять пистолета. Кони устали, стали хрипеть. Кучер что-то прокричал по-французски, понять бы еще что? Я понимал, что еще минута-две такой скачки, и наши кони встанут, разбойники же были на свежих лошадях. Сейчас помог бы мушкет, но он разряжен, кучер же был занят управлением лошадьми и помочь не мог. Вот до всадника осталось не более десяти метров, я прицелился в середину груди. Даже если у него одета под одежду кольчуга или панцирь, удар будет такой, что его просто вышибет из седла. Выстрел! Но мерзавец в последний миг резко наклонился, опершись на одно стремя. Баланс сил теперь становился непредсказуем. У разбойника заряженный пистолет и шпага, у меня только шпага, которой я не умею владеть. Ну что же, выбора не было. Я достал шпагу из ножен, и в это время слева послышался звон стекла. Разбойник скакал уже рядом, ногой выбив окно. Я прижался к стене кареты, чтобы меня не было видно, и как только рука разбойника ухватила за край облучка, – вероятно, он хотел сразить кучера, я резким выпадом всадил шпагу в плечо. Он вскрикнул от боли и неожиданности и выронил свою шпагу, но не растерялся и левой рукой выхватил из-за пояса пистолет. Правая рука его повисла, как плеть, по рукаву обильно струилась кровь, поводья были опущены, и лошадь скакала рядом с каретой. Я попытался уколоть его шпагой, но он увернулся. Стрелять в меня ему было несподручно, для этого необходимо было повернуться всем корпусом, а раненая рука сковывала движения. Кучер, видно, понял, что дела идут не очень хорошо, я давно не стрелял. Он вытащил из-под сиденья мушкетон, обернулся влево и, держа мушкетон одной правой рукой, выстрелил. Разбойника качнуло в седле, вероятно, все-таки зацепило. В ответ почти мгновенно он выстрелил в кучера. Несколько секунд ничего не происходило, затем лошади замедлили ход, и карета остановилась. Я пинком открыл правую дверь и, схватив шпагу, выскочил. Лошади стояли в пене, тяжело поводя боками, кучер, обмякнув, сидел на облучке, прислонившись спиной к стенке кареты и свесив голову. Сзади раздавался шорох, я мгновенно обернулся и увидел противника. Молодой человек крепкого телосложения, по правой руке стекает кровь, на левой несколько кровавых пятнышек от дроби мушкетона, из которого стрелял кучер. Лицо его искажалось от ярости и боли, но настроен он был решительно. Как врач, я понимал, что долго ему не продержаться, скажется кровопотеря, лицо его было бледновато, но разбойник решительно шагнул вперед и взмахнул шпагой. Реакция у меня была неплохой, я успел присесть, и клинок пролетел у меня над головой. Похоже, левой рукой он владел неплохо, учитывая несколько дробинок в ней. Я решил его измотать, перебежав на другую сторону кареты, разбойник последовал за мной, но не так резво. Ага, я выбрал правильную тактику, надо его погонять, пока кровопотеря его не обессилит. Я не давал ему приблизиться на расстояние удара шпагой, держа дистанцию метров пять, постоянно перемещаясь за деревья, карету, валуны. Разбойник на глазах слабел, его уже пошатывало, но решимость его не убывала. Если он не убьет меня, я убью его, и он это понимал. Наконец судьба дала мне удачный момент, француз запнулся о корень дерева и потерял равновесие. Я не сомневался ни мгновения, подскочив к нему, всадил шпагу в левый бок. Застонав, он упал, но какой живучий оказался: из положения лежа попытался уколоть меня своей шпагой в живот. Мне удалось отскочить, и, зайдя с другого бока, я ударил его шпагой прямо в сердце. Посучив ногами, разбойник затих. Я устало сел на пенек, переводя дыхание, посидев несколько минут, поднялся, обтер об одежду убитого шпагу и вложил в

ножны. Залез в карету и трясущимися от пережитой схватки руками перезарядил все свое оружие, заткнув пистолеты за пояс. Кто его знает, не появится ли на дороге кто-либо еще, например дружки убитых разбойников, оставаться безоружным мне не хотелось. Теперь надо было выяснить, что с кучером, – жив он, если ранен, то насколько тяжело, убит ли. Когда я забрался на облучок и начал нащупывать пульс, кучер застонал. Жив, курилка! Я, как мог, осторожно спустил его на землю, стянул кафтан и осмотрел. Пуля разбойника раздробила ему плечевую кость, рука безжизненно болталась, неестественно изгибаясь выше локтевого сустава. Я бросился в карету, достал сумку с инструментами, первым делом влил ему в рот настойки опиума, иначе болевой шок может его погубить, затем сходил в лес и наломал веток, чтобы наложить шину. Разрезав рукав рубашки, несколько расширил рану, извлек расплюснутую свинцовую пулю и крупные отломки кости, наложив веточки по размеру, как мог репозиционировал отломки кости, наложил импровизированную шину. С большим трудом затащил в карету кучера и уложил его на сиденье. Щеки его были бледными, но пульс уже был приличным для такой тяжести ранения. Лошадь разбойника ускакала, теперь надо было заняться убитым. Я обшарил карманы, в которых нашел пару золотых монет, сунул их в карман, чтобы затем отдать кучеру на лечение. Какое-то время работать он не сможет. Осмотрев шпагу разбойника, нашел ее довольно хорошего качества и, обтерев, сунул в ножны, отстегнутые с пояса убитого. Пистолет был старый, уже тронутый ржавчиной, интереса для меня не представлял, но поскольку железо было довольно дорогое, сунул вместе с мушкетером кучера под сиденье облучка. Осмотрел место схватки. Если бы не убитый, то ничего бы и не говорило о поединке. Убитого решил не хоронить и не брать в карету. Найдут разбойники – похоронят, найдут волки или шакалы – кроме черепа, ничего не останется, увидят честные люди – порадуются, что одним мерзавцем стало меньше, маску с лица я не снял, а честный человек лицо не укрывает.

Сев на облучок, тронул вожжи, немного отдохнувшие лошади медленно поплелись по дороге. Через пару километров показалась деревня с небольшой церковью почти в центре. Туда я и направил лошадей, остановив их на небольшой площади. Вокруг меня собралась небольшая толпа местных жителей. Я спрыгнул с облучка, отворил дверцу кареты, жестом подозвал двух местных, похоже, крестьян. Они с опаской заглянули внутрь, увидели кучера с пятнами крови и о чем-то заговорили с жителями. Раненый застонал, и я показал, что его надо вынести и отнести в дом. Кучера вынесли и положили на землю, подстелив какую-то дерюжку. К нам подошел из церкви кюре или пастор, кто его разберет, в сутане с белым воротничком, бегло осмотрел кучера, что-то проговорил. Двое местных бросились в глубь деревни, а раненого, взяв дерюжку за концы, перенесли в ближайший дом. Я стоял на площади рядом с каретой в одиночестве и решал, что же мне делать. Мои размышления прервал появившийся жандарм. Здоровенный детина в форме, с саблей на боку, утирая грязным платком вспотевший лоб, спрашивал меня по-французски. Я ничего не понимал и, лишь указав на себя пальцем, несколько раз повторил:

– Руссо, Московия.

Жандарм сходил за священником, тот попытался говорить со мной на польском. Отдельные слова я улавливал, медленно, чтобы он меня понял, я рассказал, что москвит, приезжал в Париж по просьбе короля. Возвращаясь назад, подвергся нападению разбойников, один из которых – убитый и лежит в лесу недалеко отсюда. В доказательство я вытащил свои дорожные бумаги и предъявил. Жандарм с интересом их посмотрел, но, по-моему, ничего не понял, так как читать не умел, но, как и всякого служивого, бумаги с печатями на сургуче его успокоили. Он ушел, но через несколько минут проскакал верхом, направляясь по дороге в лес, где произошла стычка. Я опять остался один. Немного потоптавшись, сел в карету, ожидая, чем это все кончится. Где-то через час прискакал жандарм, вокруг которого собрались

местные жители, вышел кюре. Жандарм рассказал, что в лесу лежит убитый известный разбойник, которого давно разыскивают за многочисленные преступления, кюре подтвердил его рассказ, объяснив, что раненый пришел в сознание и смог рассказать о нападении. От толпы отделились несколько человек, завели лошадей и карету во двор, где лежал раненый, туда же пошел и я. Как мог, я постарался поговорить со священником, стараясь объяснить ему, что мне надо ехать дальше. Он лишь мотал головой, показывая жестами, что надо спать. И в самом деле, я за всеми перипетиями не заметил, что солнце уже садится, скоро стемнеет. Мне постелили постель, я перетащил сумку с деньгами и оружием к себе в комнату. Вошла хозяйка и пригласила за собой. За столом сидела многочисленная семья хозяина дома. Меня усадили, и я разделил с ними скудную трапезу.

Утром я пошел к священнику, только с ним я мог хоть как-то изъясниться. Он повторял только одно «ждать». Ну что же, будем ждать. Пока нечего было делать, я навестил раненого. Состояние его улучшилось, он был в сознании, но бледен. Здоровой правой рукой он пожал мне руку, что-то говоря. Я достал серебряный гульден и, хотя кучер пытался протестовать, вложил ему в руку. Мне показалось, что он его заслужил.

С улицы донеслись стук копыт и шум колес. Я вышел и увидел небольшую карету, запряженную одной лошадью. Из церкви вышел священник и объяснил, что дальше меня повезет эта карета, лучшего в ближайшем городке не нашлось. Оказалось, вечером он отправил своего прихожанина в соседний городок, чтобы найти мне новое средство передвижения. Я с чувством пожал ему руку, поняв теперь, что означало его «ждать».

Перегрузив вещи в карету, мы тронулись в путь. Молодой кучер во все горло распевал песни, ничуть не заботясь, нравится ли это мне. Без приключений мы добрались до Любека, кучер подъехал к порту, выгрузил мои вещи, и я расплатился. Я отнес вещи в припортовый постоялый двор и снял там комнату, заодно хорошо пообедал. Теперь надо было искать корабль в нужную сторону. Двинулся на пристань, пытаюсь по очертанию кораблей узнать русский. Вот что-то похожее на большой морской ушкуй, с кормовой надстройкой. Подойдя, я окликнул матроса. Тот действительно оказался русским. К сожалению, они пришли только вчера, дня два-три уйдет на разгрузку, затем пойдут грузиться в другой порт.

- С той стороны пирса стоит русский купец, вчера они грузились, наверное, сегодня будут отходить.

Поблагодарив, я пошел к указанному судну. И в самом деле, у пирса стояла пузатая торговая шхуна новгородского купца, который согласился меня взять до Новгорода за два серебряных рубля, если без харча, и за три со столованием.

Деньги ему я отсчитал сразу, попросив для переноса вещей пару матросов. За пять медяков вещи были перенесены на корабль в отведенную мне маленькую каюту, и, перекрестившись, купец приказал отчаливать. В портовой гавани сновали корабли, мы медленно, на одном носовом парусе выбрались из гавани и оказались в открытом море. Были подняты все паруса, и шхуна бодро устремилась на восток. Я постоял немного на палубе, но, утомленный долгой ездой в карете, решил пойти в каюту отдохнуть. Проснулся от стука в дверь, меня приглашали к ужину. На палубе сидела вся команда. Посередине стоял котел с кулешом, лежал нарезанный хлеб. Мы поели, затем купец меня стал расспрашивать - кто я и откуда, какие где цены. Поскольку цен на товары я не знал, слегка раздосадованный купец отошел. На судне были спущены все паруса, лишь горел светильник на мачте, и на носу ходил вахтенный. Команда улеглась спать, и я последовал их примеру. Утро оказалось не таким радостным, я услышал торопливую беготню матросов на палубе, возбужденные разговоры. Быстро оделся и выскочил из каюты. Невдалеке от нас, в паре кабельтовых, покачивался на волнах громадный

военный корабль с несколькими рядами пушечных портов на борту, на корме реял шведский флаг. Капитан вглядывался в судно, пытаясь понять, какого черта им от нас надо. Когда он уходил из Новгорода, Швеция с Россией не воевала, на пиратов наша пузатая торговая шхуна никак не походила, но ведь просто так военный корабль стоять не будет. Отбиться от него двумя скромными пушечками нечего и думать. У него с одного борта я успел насчитать шестьдесят портов. Залпа половины из больших пушек на такой короткой дистанции хватит, чтобы от шхуны остались мелкие щепки. Оставалось ждать. От фрегата отвалила шлюпка и направилась к нам. Несколько матросов гребли, были видны два офицера в белой униформе. Шлюпка подошла, стукнулась о борт. Купец распорядился сбросить веревочный трап. На борт взобрались два морских офицера, в белой униформе, в шляпах с перьями, в высоких ботфортах. Поправив одежду, на русском спросили:

- Кто капитан, каков груз, откуда и куда следуете?

Купец вышел вперед:

- Следуем из Любека в Новгород, груз - железо в криницах и железные изделия.

- Мы должны досмотреть судно, по сообщению шведских властей, вы перевозили в Любек товары, не заплатив пошлины!

Купец начал возмущаться, пытаясь что-то доказать, но его никто не слушал. Один из офицеров дунул в свисток, болтавшийся до того на шее на цепочке, на шхуну полезли матросы со шлюпки. Один встал у руля, двое других согнали команду на нос судна, офицер помахал шляпой фрегату. Матросы распустили паруса, и мы двинулись за фрегатом в кильватере. К вечеру, когда мы уже продрогли на ветру, показался шведский берег. Фрегат подошел к пирсу, мы встали следом. На борт были брошены сходни, вошла команда портовой охраны, нас согнали на берег, не позволив взять даже личные вещи. Под конвоем из четырех вооруженных солдат нас отвели в портовую тюрьму, располагавшуюся неподалеку, и заперли в одной общей камере. Все устало повалились на грязную, сопревшую солому, в углу пищали и возились крысы, хотелось пить и есть. Я придвинулся к купцу, свет еле проникал через маленькое зарешеченное оконце, солнце уже садилось, и с каждой минутой в камере становилось темнее. Я обратился к купцу:

- Слышь, Гриша, за что нас, как долго мы будем здесь сидеть?

- Вины за собой я не знаю, а сколько будем сидеть - одному богу известно. Придется ждать суда, раньше нас не отпустят. Хорошо еще, если судно и товар не конфискуют, всегда свои русских купцов обижали.

Я переварил услышанное и решил спать, в моем положении ничего более не оставалось.

Утром купца увели, затем поодиночке стали вызывать членов команды. Меня вызвали в последнюю очередь. В маленькой комнате за столом сидели в камзолах двое важных господ. В руках у них я увидел свои подорожные документы:

- Кто вы, с какой целью находитесь на судне?

- Я лекарь из Московии, мое имя Кожин, на судне нахожусь пассажиром, направляюсь из Франции домой, в Москву. Мне хотелось бы знать, на каком основании я задержан? Документы мои в порядке, к судну я никакого отношения не имею.

Шведы о чем-то переговорили на своем языке:

- Будете находиться вместе с командой на общих правах до решения суда.

- Кто капитан, каков груз, откуда и куда следуете?

Купец вышел вперед:

- Следуем из Любека в Новгород, груз - железо в криницах и железные изделия.

- Мы должны досмотреть судно, по сообщению шведских властей, вы перевозили в Любек товары, не заплатив пошлины!

Купец начал возмущаться, пытаясь что-то доказать, но его никто не слушал. Один из офицеров дунул в свисток, болтавшийся до того на шее на цепочке, на шхуну полезли матросы со шлюпки. Один встал у руля, двое других согнали команду на нос судна, офицер помахал шляпой фрегату. Матросы распустили паруса, и мы двинулись за фрегатом в кильватере. К вечеру, когда мы уже продрогли на ветру, показался шведский берег. Фрегат подошел к пирсу, мы встали следом. На борт были брошены сходни, вошла команда портовой охраны, нас согнали на берег, не позволив взять даже личные вещи. Под конвоем из четырех вооруженных солдат нас отвели в портовую тюрьму, располагавшуюся неподалеку, и заперли в одной общей камере. Все устало повалились на грязную, сопревшую солому, в углу пищали и возились крысы, хотелось пить и есть. Я придвинулся к купцу, свет еле проникал через маленькое зарешеченное оконце, солнце уже садилось, и с каждой минутой в камере становилось темнее. Я обратился к купцу:

- Слышь, Гриша, за что нас, как долго мы будем здесь сидеть?

- Вины за собой я не знаю, а сколько будем сидеть - одному богу известно. Придется ждать суда, раньше нас не отпустят. Хорошо еще, если судно и товар не конфискуют, завсегда свеи русских купцов обижали.

Я переварил услышанное и решил спать, в моем положении ничего более не оставалось.

Утром купца увели, затем поодиночке стали вызывать членов команды. Меня вызвали в последнюю очередь. В маленькой комнате за столом сидели в камзолах двое важных господ. В руках у них я увидел свои подорожные документы:

- Кто вы, с какой целью находитесь на судне?

- Я лекарь из Московии, мое имя Кожин, на судне нахожусь пассажиром, направляюсь из Франции домой, в Москву. Мне хотелось бы знать, на каком основании я задержан? Документы мои в порядке, к судну я никакого отношения не имею.

Шведы о чем-то переговорили на своем языке:

- Будете находиться вместе с командой на общих правах до решения суда.

- А в чем моя вина?

Но слушать меня никто не стал. Надзиратель грубо толкнул в плечо и отвел в камеру. И это у них, блин, правосудие?

Вся команда уже была в камере, не хватало лишь купца, который как владелец был и капитаном. Его под руки притащили позже, был он избит. Как мог, я попытался оказать

помощь. Еды снова не давали, но принесли в большом кувшине воды, все напились, я смочил купцу повязки.

- Гриша, что они хотели?

Купец, застонав, повернулся на бок.

- Хотят, чтобы я признал вину, якобы беспошлинно возил воск и меха в Ганзейский союз.

- А если заставят признаться?

- Судно и груз конфискуют в королевскую казну, команду отправят на галеры или на каторгу.

Такой оборот меня не устраивал. Надо было что-то придумывать. Осмотрев решетку на оконце и стены, понял, что отсюда, кроме как через дверь не выбраться.

Я придвинулся к купцу:

- Гриша, а суд может нас признать невиновными и отпустить?

Купец долго молчал, я даже подумал, что он не услышал вопроса:

- Это вряд ли.

Такой ответ еще более укрепил меня во мнении, что отсюда надо бежать.

- Гриша, бежать отсюда надо!

Купец лишь усмехнулся разбитыми губами:

- А как?

- Да на нашем же судне.

- До судна еще добраться надо, а там охрана, да даже если уйдем из порта, фрегат догонит, он значительно быстрее.

Я надолго задумался. Да, препятствий много, но каторжный труд на серебряных копях короля Густава меня не прельщал. Я зашептал Григорию в ухо:

- Кто из твоих ребят может держать язык за зубами и силушкой не обижен?

Купец даже не задумался:

- Федор Карасев и Онуфрий Оглобля.

- Позови их к нам!

Я боялся посвятить в свой план всю команду - вдруг шведы попытаются маленько вздумают, не всякий язык удержат сумеет. Пока нас не развели по разным камерам, или не заковали в кандалы, или еще что-нибудь такое же мерзопакостное не сделали, я решил действовать. Объяснил Федору и Онуфрию задачу, начал стучать в дверь. Долго ничего не происходило, затем в коридоре послышались шаги, открылось окошечко в двери. Надзиратель что-то спросил на шведском. Я бойко затараторил на русском, показывая рукой в глубь камеры.

Сработает ли моя уловка? Окошко закрылось, загромыхали ключи, дверь в камеру приоткрылась, и высунулась рука с масляным светильником. Федор тут же ухватился за руку и резко втащил стражника внутрь. Тот и пикнуть не успел, как Онуфрий тряпкой заткнул его рот. К сожалению, никакого оружия у него при себе не было, лишь связка ключей. Я стащил с него форменную одежду и надел поверх своей. Поскольку стражник был ростом высок, как и все шведы, одежда пришлась впору. Было неприятно натягивать на себя чужую, пахнущую чем-то кислым одежду, но выбора не было. Шведа связали и бросили в углу.

- Кто-нибудь говорит по-местному? - обратился я к команде.

Один из матросов сказал, что немного умеет.

- Выясни у него - где и сколько охраны в тюрьме.

Матрос залопотал по-шведски. Кляп изо рта мы вытаскивать побоялись - швед с перепугу мог закричать. Стражник пальцами показал - двое. Итак, не все плохо. Времени терять было нельзя, если все пойдет как надо, побег обнаружат утром, когда придет смена.

Я вышел в коридор и направился к выходу, за мной тихо крались Федор и Онуфрий, остальные сидели в камере. Подошли к караульному помещению, оно слабо освещалось масляной плоской, на столе стоял кувшин с вином, двое стражников в расслабленных позах сидели на лавках. Дисциплина явно хромала. Я опустил голову, стараясь, чтобы свет не попадал на лицо - может, на мгновение это собьет стражников с толку. Где находится оружие, я не знал, хуже, если под рукой у тюремщиков. Обернувшись, сделал знак Федору и Онуфрию - быть наготове, не спеша открыл дверь, позвякивая связкой ключей на пальце. Один из стражей поднял голову, и, пока он не успел меня разглядеть, я обрушил кулак с зажатými ключами ему на голову. Ворвавшиеся следом за мной мои сокамерники быстро скрутили второго. Связав им руки и ноги поясными ремнями, заткнули рты их одеждой и, не церемонясь, отволокли в камеру. Моряки с нетерпением ожидали нас. Я приказал не шуметь и тихо идти к выходу. Дверь на всякий случай в нашу бывшую камеру запер. С ключами в руке пошел к выходу, где уже стояли все наши. В караулке мы нашли две алебарды и три короткие сабли, больше похожие на абордажные, невелик арсенал. Но это лучше, чем голые руки. Хорошо, что нас разместили в припортовой тюрьме - охрана слабая, да и до судна добираться недалеко. Было бы хуже, если бы нас заперли в городской тюрьме, - охрана была бы больше, и попробуй найти дорогу в ночном городе. Мы медленно продвигались среди портовых построек и складов, пытаюсь не шуметь и не привлекать внимания. Вот и наше судно, у сходней стоит охранник, и неизвестно, сколько их на шхуне и есть ли они. До стоящего у пирса фрегата метров семьдесят, шуметь нельзя, тревога поднимется мгновенно. Даже если на фрегате часть команды на берегу, оставшихся с лихвой хватит, чтобы порубить нас в капусту. Поскольку я был в чужой форме, решил идти сам. Сунул в рукав нож, Федору сказал незаметно подобраться сбоку от охранника и в нужный момент отвлечь внимание - бросить камень в воду или кашлянуть. Онуфрий должен был идти передо мной. Со стороны это могло выглядеть, как будто я сопровождаю задержанного. Все бы хорошо, но не думаю, что арестованных водят по ночам. Расчет только на некоторую растерянность охранника, хотя бы минутную. Вся оставшаяся часть команды шхуны спряталась в тени портового склада. Ну, пора, Федор уже минут двадцать, как уполз, и должен быть на месте. Мы с Онуфрием вышли из-за пакгауза и, не торопясь, направились к нашей шхуне. Когда до охранника осталось несколько метров, он что-то спросил. Я сделал вид, что закашлялся, но шагал по-прежнему. Охраннику мое молчание явно не понравилось. Он начал шарить по поясу, явно пытаюсь вытащить из ножен палаш. В это время очень кстати подал о себе знать Федор - в воду рядом со шхуной свалился какой-то крупный предмет. Охранник инстинктивно обернулся на шум, я рванул вперед и всадил ему нож прямо в сердце, одновременно зажимая рот рукой. Подскочивший Онуфрий подхватил его

за ноги, и мы живо затолкали убитого в щель между бочками, стоявшими на пирсе. Уже втроем с присоединившимся Федором, который взял палаш убитого в руку, мы осторожно поднялись на нашу шхуну. Поскольку матросы знали корабль лучше меня, они пошли первыми. Даже в темноте они хорошо ориентировались в закоулках шхуны. Мы быстро обшарили весь корабль – пусто, никого. Я распорядился, чтобы Онуфрий тихонько привел на судно всю команду. Сам прошел в свою каюту – все вещи, оружие, даже деньги были на месте, вероятно, до решения суда. Я осмотрел свои пистолеты, они оказались заряжены, и сунул их за пояс. На палубе слышались шарканье подошв, тихое чертыхание – команда пришла. Распорядившись, чтобы люди зашли в трюм и не высывались, мы уединились с купцом Григорием, Федором и Онуфрием в небольшой капитанской каюте. Поскольку инициатива побега исходила от меня и пока все шло, как надо, я невольно стал лидером, и команда, даже купец, мне безоговорочно подчинялась. Я решил держать совет – что можно предпринять, чтобы задержать фрегат в порту. Нам надо выиграть хотя бы сутки. Поскольку я человек сугубо сухопутный, мне необходимо было выслушать мнение моряков. Еще сидя в тюрьме, я наметил три варианта, как задержать фрегат. Первый – взорвать крьюйт – камеру, где хранится порох для орудий, но для этого надо проникнуть на фрегат, что уже непросто, к тому же у артиллерийских погребов наверняка стоит вооруженная охрана. План отвергли сразу. Вторым вариантом было привязать под водой канатом перо руля к кнехту на пирсе. На мой взгляд, вариант был хорош, но моряки отвергли его сразу – фрегат, как и любое парусное судно, отходит от стенки медленно, инерция судна мала, руль вряд ли сломается – балка очень толстая, к тому же из дуба. Канат просто перерубят, это вызовет задержку всего на несколько минут. Этот вариант тоже отвергли. У меня оставалась последняя надежда – я предложил набрать пороха в бочку, на плаву подвести ее под руль и взорвать. Порох для двух маленьких пушечек был, бочки на причале тоже, дело оставалось за запалом, не так-то просто поджечь запал, будучи в воде. Спичек или зажигалок ведь не было. Вдруг мелькнула мысль – а пистолет?

Ведь его замок при выстреле высекает сноп искр. Если пистолеты разрядить, высыпав из ствола порох, и просто щелкнуть курком, как бы вхолостую, таким путем можно поджечь запал. Все это я изложил своим товарищам по несчастью. После некоторого молчания и раздумья план был признан реальным. Я взялся разряжать пистолеты, решив один оставить себе, второй отдать другому человеку. Федор отказался сразу – плавать не умел. Онуфрий молча кивнул головой. Купец и Федор ушли за бочкой с порохом. Теперь надо было сделать запалы. На всякий случай надо сделать два – не ровен час, замкнут в воде. Скотал из бумаги трубочки, туго набил их порохом, который высыпал из пистолетных стволов. Получилось что-то вроде китайских шутих. Мы с Онуфрием обговорили, что и кто делает, я ему показал, что надо сделать, если я по каким-либо причинам не смогу поджечь фитиль. Федор с Григорием принесли бочонок с порохом, мы аккуратно проковыряли небольшую дырочку с торца, заткнув ее деревянной пробкой. Запалы замотали в кусочки кожи, положили на голову и натянули шапки – хоть какая-то защита от воды. За пояс сунули по пистолету и обмотались веревками. Федор с Григорием подтащили к борту бочку, мы с Онуфрием по веревочному трапу тихонько опустили в воду, чтобы не было всплеска, и нам на веревке опустили бочку. Вода сразу обожгла холодом, кажется, тепло из тела ушло мгновенно. Мы с Онуфрием, подталкивая бочку с порохом, поплыли к фрегату. Освещение на пирсе было очень слабым, кое-где торчали факелы, да у трапа стояли часовые, рядом с которыми горел огонь. Корма фрегата оставалась в темноте, что нам и нужно. Молча подплыли, кое-как отмотали веревки с поясов и принайтовали бочку к перу руля с кормовой стороны. Бочка была наполовину в воде, если повезет, взрыв может не только оторвать руль, но и повредить обшивку на корме, это было бы сверх программы, тогда шведам будет не до погони, придется спасать свой фрегат. Мы сняли шапки и, стуча зубами от холода, достали запалы, воткнули в отверстие бочки. Когда я делал запалы для самодельных бомбочек при коломенской схватке, горели они около восьми секунд,

сейчас запалы были в два раза длиннее, но сколько они будут гореть – неизвестно. Если секунд пятнадцать – двадцать, доплыть до своей шхуны мы не успеем, взрывом нас просто оглушит и выбросит на берег, как рыбу. Я прошептал Онуфрию:

- Как только подожжем фитили, выбираемся на пирс и бегом к шхуне.

Онуфрий не понял:

- А часовые? Панику же поднимут!

- Да и черт с ними, все равно взрыв будет, и паники хватит и без нас.

Мы вытащили пистолеты, взвели курки и, поднеся замки к запалам, спустили курки.

У Онуфрия это получилось удачней, его запал сразу задымил, а мне пришлось щелкнуть курком еще раз. Вот и мой запал задымился, мы как можно быстрее доплыли до пирса и по деревянным перекладинам, как по лестнице, взобрались на пирс. Дружно, как спортсмены на старте, рванули к шхуне, только пятки застучали по доскам. Часовые не сразу поняли, в чем дело, начали кричать по-шведски что-то угрожающее. Мы, не обращая внимания на крики, летели к своему судну. Трап наши уже убрали, команда сидела на веслах, ожидая нашего возвращения. С разбегу, оттолкнувшись от причала, мы прыгнули, зацепившись руками за борта. Нас моментально подхватили чьи-то сильные руки и втянули на палубу. Капитан крикнул:

- Взяли!

Весла правого борта дружно оттолкнулись от причала, мы стали отходить от причальной стенки. Сердце в груди после сумасшедшего бега оглушительно стучало, с одежды текли потоки воды. Никого не надо было подгонять, гребцы работали, как на гонках, с каждым мгновением и взмахом весел удаляя нас от причала. По причалу бежал в нашу сторону часовой, на ходу срывая с плеча мушкет. И в это время раздался взрыв. Под кормой фрегата гулко ухнуло, поднялся столб воды, корабль подбросило, падая, он правым боком кормы ударился о причал. Факелы потухли, и в крошечной темноте было слышно, как вода с ревом врывается в утробу судна. Слышались крики раненых, поднялась паника. Теперь можно не бояться преследования. Правда, во время взрыва нас тоже хорошо потрянуло, положив на левый борт, однако шхуна быстро выпрямилась, купец распорядился поднять паруса. Ветер дул с суши, мы быстро удалялись от негостеприимного берега, радуясь удачному побегу. На причале зажглись факелы, были видны бегающие люди. В нашу сторону из береговой крепости раздалось несколько пушечных выстрелов, но нас укрывала темнота. Я пошел в свою каюту, надо было переодеться в сухую одежду. Когда я вышел из каюты, купец открывал на палубе бочонок с вином, рядом стояла вся команда, лишь один рулевой с тоской поглядывал в нашу сторону. Выбили дно бочонка, здоровым ковшом зачерпнули вина, что купец вез в Новгород на продажу, и протянули мне.

- Пей, лекарь, сегодня ты герой и освободитель, слався!

Ко мне поближе из круга команды вытолкнули Федора и Онуфрия.

- Налить им по полной, за освобождение!

Далее ковш с вином обошел всю команду. Люди были возбуждены, радость свободы была им в головы, заставляя терять осторожность. Я подошел к купцу:

- Выдели человек пять из команды, пусть не пьют, впереди полночи хода в шведских водах, если нас поймают, повесят на реях, как врагов.

Купец лишь отмахнулся. Тогда я взял под руки Федора и Онуфрия, отвел их к борту:

- Ребята, не пейте больше, трезвый один рулевой, мы в чужих водах, случиться чего – все сгинем!

Мужики переглянулись. И выпить с товарищами им явно хотелось, и меня слушать жизнь заставила, пока все, что я делал, было правильным.

- Хорошо, пить больше не будем, пока в свои воды не войдем.

Остаток ночи прошел относительно спокойно – относительно потому, что почти вся команда напилась, раздавались пьяные песни, шум. Федор с Онуфрием стояли – один на носу, другой на корме, вглядываясь в ночное море. Поскольку купец был тоже пьян, шхуна управлялась только рулевым. Куда мы плыли, я понятия не имел, поскольку не обладал штурманскими навыками. Небо начало сереть, стали видны белые барашки волн, низкие хмурые тучи. Ко мне подбежал Федор:

- На горизонте за кормой паруса, как бы не за нами погоня.

Команда лежала на палубе пьяная в дым. Что делать, я не знаю, где мы находимся, далеко ли до наших берегов, есть ли подводные рифы и отмели, и еще неизвестно, то ли случайный попутчик сзади, то ли погоня.

- Вот что, Федор, бери Онуфрия и будите купца, что хотите делайте, но приведите его в порядок.

Хлопцы убежали исполнять, а я пошел на корму, посмотреть, что за паруса. Паруса действительно были, причем уже не на горизонте, а ближе, можно было разглядеть, что мачты две, но вот что за судно и его принадлежность, понять пока было нельзя. Я вернулся к купцу. Федор с Онуфрием терли купца за уши, били по щекам, тот лишь мычал нечто нечленораздельное и мотал головой.

- Вот что, парни, обвяжите его веревкой и бросайте с корабля, глядишь, в воде быстрее очухается.

Федор с Онуфрием переглянулись, но перечить не стали. Нашли веревку, коих на корабле было множество, обвязали вокруг грудной клетки несколько раз и, стянув с Григория сапоги, бросили его за борт. Мы встали у борта и смотрели, не хватало только, чтобы на наших глазах он захлебнулся. Однако, как старый морской волк, почуяв, что он в воде, Григорий стал молотить по воде руками и вертеть головой, пытаюсь понять, где он и что с ним. Поскольку вода была холодной, минут через пять-десять пришел в чувство, стал кричать, чтобы его вытащили, а мерзавцев, что бросили его в воду, он сам утопит. Не обращая внимания на крики и ругательства, я выждал еще минут десять, и когда купец уже посинел от холода и стал клацать зубами, приказал его вытащить. Потоки воды стекали на палубу с дрожащего от холода Григория, я распорядился его переодеть в сухое и привести ко мне на корму. Сам побежал к рулевому, посмотрел на приближающиеся паруса. Что-то больно ходко идет, не похоже на торговца, те медлительны, поскольку всегда нагружены. Так резво могут ходить только военные суда или разбойники. Ни то ни другое ничего хорошего нам не сулило. Наконец на корме появился Григорий – вид его был ужасен – отечное лицо с разбитыми шведами губами, мутные глаза, изо рта убойный запах перегара. Сразу, с ходу, он начал

громко ругаться, крича, что ему испортили празднование освобождения, а теперь у него болит голова. Я решил не церемониться и схватил его голову, повернул к парусам:

- Шведов видишь?

Лицо его вмиг посерело. Шведы – верная смерть на виселице, фрегат-то мы их повредили, а может, и утопили. Взгляд купца стал осмысленным, видно, дошло наконец, что дела нешуточные. Он повернулся к рулевому:

- Каким курсом и сколько времени идем?

Рулевой назвал курс. Купец свесился с борта, я подумал, грешным делом, что после выпивки его тянет на рвоту, но он долго вглядывался в воду, сказав наконец:

- Вода мутная, река близко.

Бросил Федору:

- Поднимай с Онуфрием команду, ноги уносить надо.

- Хорошо, пить больше не будем, пока в свои воды не войдем.

Остаток ночи прошел относительно спокойно – относительно потому, что почти вся команда напилась, раздавались пьяные песни, шум. Федор с Онуфрием стояли – один на носу, другой на корме, вглядываясь в ночное море. Поскольку купец был тоже пьян, шхуна управлялась только рулевым. Куда мы плыли, я понятия не имел, поскольку не обладал штурманскими навыками. Небо начало сереть, стали видны белые барашки волн, низкие хмурые тучи. Ко мне подбежал Федор:

- На горизонте за кормой паруса, как бы не за нами погоня.

Команда лежала на палубе пьяная в дым. Что делать, я не знаю, где мы находимся, далеко ли до наших берегов, есть ли подводные рифы и отмели, и еще неизвестно, то ли случайный попутчик сзади, то ли погоня.

- Вот что, Федор, бери Онуфрия и будите купца, что хотите делайте, но приведите его в порядок.

Хлопцы убежали исполнять, а я пошел на корму, посмотреть, что за паруса. Паруса действительно были, причем уже не на горизонте, а ближе, можно было разглядеть, что мачты две, но вот что за судно и его принадлежность, понять пока было нельзя. Я вернулся к купцу. Федор с Онуфрием терли купца за уши, били по щекам, тот лишь мычал нечто нечленораздельное и мотал головой.

- Вот что, парни, обвяжите его веревкой и бросайте с корабля, глядишь, в воде быстрее очухается.

Федор с Онуфрием переглянулись, но перечить не стали. Нашли веревку, коих на корабле было множество, обвязали вокруг грудной клетки несколько раз и, стянув с Григория сапоги, бросили его за борт. Мы встали у борта и смотрели, не хватало только, чтобы на наших глазах он захлебнулся. Однако, как старый морской волк, почуяв, что он в воде, Григорий стал молотить по воде руками и вертеть головой, пытаюсь понять, где он и что с ним. Поскольку

вода была холодной, минут через пять-десять пришел в чувство, стал кричать, чтобы его вытащили, а мерзавцев, что бросили его в воду, он сам утопит. Не обращая внимания на крики и ругательства, я выждал еще минут десять, и когда купец уже посинел от холода и стал клацать зубами, приказал его вытащить. Потоки воды стекали на палубу с дрожащего от холода Григория, я распорядился его переодеть в сухое и привести ко мне на корму. Сам побежал к рулевому, посмотрел на приближающиеся паруса. Что-то больно ходко идет, не похоже на торговца, те медлительны, поскольку всегда нагружены. Так резво могут ходить только военные суда или разбойники. Ни то ни другое ничего хорошего нам не сулило. Наконец на корме появился Григорий – вид его был ужасен – отечное лицо с разбитыми шведами губами, мутные глаза, изо рта убойный запах перегара. Сразу, с ходу, он начал громко ругаться, крича, что ему испортили празднование освобождения, а теперь у него болит голова. Я решил не церемониться и схватил его голову, повернул к парусам:

- Шведов видишь?

Лицо его вмиг посерело. Шведы – верная смерть на виселице, фрегат-то мы их повредили, а может, и утопили. Взгляд купца стал осмысленным, видно, дошло наконец, что дела нешуточные. Он повернулся к рулевому:

- Каким курсом и сколько времени идем?

Рулевой назвал курс. Купец свесился с борта, я подумал, грешным делом, что после выпивки его тянет на рвоту, но он долго вглядывался в воду, сказав наконец:

- Вода мутная, река близко.

Бросил Федору:

- Поднимай с Онуфрием команду, ноги уносить надо.

Вот, прости господи, артист – сам команду спаивал, а сегодня попробуй их подними. Удалось растолкать трех человек, но проку большого в том не было, покачиваясь, они с бессмысленными взглядами бродили по палубе, держась за окружающие предметы – борт, ванты, мачту. Купец встал на корме и стал отдавать распоряжения, я пошел посмотреть пушки, их было две – одна на носу, другая на корме. Калибр был невелик, от пиратов было бы подспорье, но если нас догоняет военный корабль, делать с этими недомерками нечего. Я проверил – заряжены ли пушки, подтащил поближе банник, ядра, бочонок с порохом. Корабль вдруг резко повернул влево, парус захлопал на ветру.

- Ты что делаешь? – подбежал к Григорию я.

- Здесь недалеко островки есть, туда надо, если судно военное да о двух мачтах, стало быть, осадка большая, поостережется близко подходить, на мель сядет, а мы меж островов покруглимся, глядишь, и сорвемся с крючка.

Ну что ж, купцу виднее, плавал здесь часто, должен знать особенности – отмели, течения, острова. Я с беспокойством обернулся – судно еще более приблизилось и хотя было далеко, уже можно было понять, что оно военное. Теперь решало время – или они нас догонят и потопят, или мы успеем дойти до островов. После нашего поворота преследователи повторили наш маневр, стало быть, это по нашу душу. На шхуне Григория стояли все паруса, ветер был попутный, но все равно мы двигались слишком медленно, чтобы сохранить дистанцию. По моим прикидкам, часа через два-три нас догонят. Вдали, несколько правее курса, показалась земля, все-таки хоть и пьян был Григорий, ошибся самую малость. Я начал с Федором и

Онуфрием по очереди будить матросов – мы лили на них забортную холодную воду, выкручивали уши, пытались поставить на ноги. Наши попытки привели к небольшому успеху – еще два зомби бродили по палубе. А ведь когда мы подойдем к островам, придется маневрировать, а то и идти под веслами, нужна команда. Но выбирать не приходилось, мне кажется, Григорий и сам каялся, что напоил на радостях команду. Я видел, какие опасливые взгляды он бросал через плечо, стоя у штурвала. Преследующее судно медленно, но неуклонно приближалось, до него оставалось мили три-четыре. Ветер неожиданно опал, паруса бессильно повисли, до островов было всего ничего, каких-то триста-четырееста метров. Купец заметался по корме, ища выход. Преследователь тоже встал, затем медленно повернулся к нам боком. Судно было невелико, о двух мачтах, по борту в один ряд шли орудийные порты, я насчитал их двенадцать, вот они открылись, две пушки выстрелили, корабль окутался дымом. Расстояние было слишком велико, я спокойно стоял у борта и смотрел. Ядра со звучным шлепком упали с недолетом метрах в трехстах. Или капитан слишком зол на нас, или решил продемонстрировать силу и решимость. Часа два мы стояли неподвижно, ветра не было, двигаться под веслами – недостаточно людей, а судно противника – по-моему, это была бригантина, я разбирался в этом слабо, – вообще не было приспособлено к движению под веслами. На бригантине стало видно какое-то шевеление, мы увидели, как спускают две шлюпки, в которые по трапу опускаются вооруженные матросы. Видимо, решили, поскольку судно наше небольшое и торговое, людей на нем мало, вооружения нет – захватить его абордажем со шлюпок. Шлюпки отвалили от бригантины, направились в нашу сторону. На корме бригантины проблескивало стекло, вероятно, капитан осматривал предстоящее поле боя в подзорную трубу. Я подошел к Григорию:

– Кто у вас в команде канонир?

Григорий лишь махнул рукой:

– Пьяные они все, толку не будет.

Подошел к Федору с Онуфрием:

– Ребята кто-нибудь с пушкой обращаться умеет?

– Видели, а сами не пробовали.

Опять придется все делать самому. Взяв с собой обоих, я повел их к носовой пушечке.

– Сейчас я выстрелю, как буду заряжать, смотрите внимательно, один будет у носового орудия, другой у кормового. Ваше дело заряжать, стрелять я буду сам, тут навык нужен.

Оба согласно закивали. Подождав, когда шлюпки подойдут поближе, я прицелился, поднес к затравочному отверстию фитиль. Ба-бах! Пушка окуталась дымом. Недолет! Я медленно, показывая моим сотоварищам, прочистил ствол, насыпал пороха, забил пыж, затолкал ядро.

– Все ли понятно?

Оба согласно закивали. Я поправил прицел, бросил Онуфрию.

– Зажигай!

Снова грянул выстрел. Почти хорошо, ядро упало рядом со шлюпкой, здорово ее качнув. Мы с Федором бросились к кормовой пушке. Навожу, выстрел! Пока Федор начал перезаряжать, я бросился на нос. Онуфрий уже зарядил орудие и ждал меня. Я взглянул на цель. На месте была

только одна шлюпка, от второй остались только щепки и плавали крупные обломки, рядом барахтались в воде матросы. После выстрела, окутанный пороховым дымом, я не посмотрел на результат попадания, поскольку побежал на нос. Вторая шлюпка подбирала матросов, медленно кружась на месте гибели первой шлюпки. Это хорошо, в стоячую или медленно движущуюся цель попасть легче. Я старательно навел пушечку, поджег порох в запальном отверстии. Выстрел! Онуфрий бросился заряжать, а я задержался, чтобы посмотреть результат. Ядро ударило в нос шлюпки, оторвав несколько досок. По-моему, им теперь будет не до нас. Точно, шлюпка развернулась и, бросив барахтающихся в воде товарищей, рванула к судну. Ход ее был тяжел, видимо, в шлюпку поступала вода. Не доплыв до бригаантины метров сто, она накренилась на нос и медленно перевернулась, рядом были видны матросы, которые плыли к судну. Так, отлично. Мы не потеряли ни одного человека, тогда как противник лишился двух шлюпок и около десятка человек команды. Выглянуло солнце, ярко заблестела вода. Купец схватил в руки астролябию, пытаюсь определить наше местоположение.

- Да, далековато еще до родных берегов, - пробормотал он.

На палубе начали шевелиться матросы, видно, грохот пушек все-таки заставил их пробудиться, простояли еще около часа, когда я увидел, что с бригаантины спускают еще две шлюпки. Неужели капитан такой дуболом, снова пошлет шлюпки на наш захват? Зря я так подумал о капитане, обе шлюпки встали впереди бригаантины, завели буксирные концы и стали грести. Медленно бригантина двинулась в нашу сторону. Чертов швед, я разгадал его замысел. Стоит подтащить бригантину к нам поближе метров на двести, как более мощные орудия шведов спокойно нас расстреляют, пустив ко дну, а мы ничего не сможем противопоставить - мал калибр наших пушечек, дальнобойность не та. Я побежал к Григорию, хотел пояснить опасность ситуации, тот меня оборвал:

- Сам уже понял!

Посоветовавшись с Григорием, решили бить врага его же оружием. Спустили одну из двух имеющихся у нас шлюпок, куда сели те, кто мог грести, взяв судно на буксир, стали тянуть его к островам. Людей на шлюпке набралось всего восемь человек, но и противнику не легче, их судно значительно больше и тяжелее, матросы быстро выдохнутся. Пот тек с нас ручьем, похмелье быстро покидало тяжело работающих матросов. Грести в полную силу на шлюпке, буксируя шхуну, - нелегкая работа. Медленно мы приближались к проливу между двух островов, намереваясь встать именно там, чтобы оставить за собой свободу маневра. Фу, наконец-то дотянули. Я оглянулся назад - бригантина медленно тащилась за нами, сильно отставая. Теперь надо было подождать, с какой стороны острова покажется их судно. Вода у островов была мутная, купец бросил за борт грузило с веревкой, на которой узлами были отмечены сажени. Вытащил, довольно ухмыльнулся:

- Под днищем у нас всего сажень, здесь бригантина уже вряд ли пройдет, скорее всего станет перед островами, станет палить из пушек, наше дело - шлюпкой утащить шхуну в сторону, прикрываясь островом, как щитом.

Вот в проливе показались шлюпки, буксирующие за собой бригантину. С носа судна свесился матрос, промерял глубину, вот он дал отмашку, на шлюпках перестали грести, гребцы в изнеможении побросали весла. Были видны их мокрые от пота голые спины. С бригаантины прокричали, шлюпки пошли к корме. Так, сообразил я, сейчас будут разворачивать бригантину боком, чтобы открыть огонь.

- Григорий! Уводить за остров шхуну надо быстрее!

Но тот уже распорядился. Гребцы, немного отдохнувшие во время остановки, налегли на весла, и мы отошли метров на двести, вплотную прижавшись к острову, килем почти касаясь дна. Громыкнули пушки бригантины, ядра пошлепались довольно далеко от нас. Капитан стрелял вслепую, но кто знает, что он выкинет дальше. Капитан оказался настойчивым, через некоторое время из-за острова показалась шлюпка. Увидев нас, они сразу остановились и стали семафорить на бригантину. Стояли они вне досягаемости наших пушечек. Раздался залп пушек бригантины. Ядра легли далеко, но значительно ближе, чем в первый раз. Так дело не пойдет. Я быстро сбегал в каюту за своим штуцером, бил он раза в полтора-два дальше наших пушечек, зарядил, оперся стволом на борт и стал ждать. Не ожидая подвоха, один из матросов встал в шлюпке в полный рост, тут я его и снял первым же выстрелом. Команда на судне восторженно взревела. Перезарядился, стал выжидать. Вот еще один матрос поднялся, – лежа в шлюпке, ведь семафорить не будешь. Выстрел, еще один упал. В шлюпке притаились. Если первый выстрел можно было считать случайностью, то второй привел их в замешательство. Пушки бригантины громыкнули еще раз. Ядра легли рядом, а одно зацепило борт, аж щепки полетели. Григорий побежал на нос, но гребцы в шлюпке, видя и сами результаты стрельбы с бригантины, налегли на весла, пытаясь увести нас от обстрела. Напоследок, пока шлюпка противника была еще видна, я выстрелил по неосторожно высунувшемуся матросу. Но вот шхуна отошла с прежнего места, чтобы нас обстрелять, теперь уже вряд ли хватило бы дальноточности, да и шлюпке противника высунуться я бы не дал.

- Григорий, может, шлюпкой протянем шхуну вокруг острова, зайдём к ним с кормы, попробуем обстрелять из пушек, ежели повезет, повредим руль или мачту, иначе они от нас не отцепятся.

- Давай попробуем, сам вижу, что выхода нет, тем более уже все пьяницы на ногах.

Увлеченный стрельбой, я и не обратил внимания, что на палубе больше нет валяющихся пьяных тел. Шлюпка подошла к нашему борту, гребцы поменялись. Нас, прижимаясь к острову, потащили вокруг острова. Поскольку островок был невелик, за час-полтора удалось его обогнуть. Мы увидели, что с кормы бригантины стоят обе шлюпки врага, пытаясь оттянуть ее назад. То ли капитан бригантины почуял опасность, то ли придумал новую пакость. Мы заходили со стороны кормы, где пушек у противника не было. Мушкетного огня я пока не опасался, штуцеры у них вряд ли были, а мушкет хорош для близкого боя. На бригантине явно нас увидели, команда забегала, капитан кричал на шлюпки, пытаясь развернуть судно бортом к нам, чтобы можно было открыть огонь. Я бросился на нос шхуны и как можно быстрее стал стрелять из штуцера по гребцам в шлюпке, убив несколько матросов, остальные залегли в шлюпки, не высывая носа, хотя капитан с бригантины громогласно кричал проклятия. Я тщательно прицелился по капитану, выстрелил, успел увидеть, как он схватился за руку и его тут же оттащили от борта. Мы сблизилась уже на дистанцию огня. Медлить я не стал, вдруг им удастся повернуть корабль, тогда нам крышка. Из двенадцати орудий одного залпа хватит, чтобы пустить нас на дно. Прицелился, выстрелил из пушки. Маленький недолет, но изменить прицел нельзя, и так уже на пределе дальности. Кричу гребцам в шлюпку:

- Подтяните еще чуть-чуть.

Шхуна медленно двинулась вперед, мы с Онуфрием как бешеные перезаряжали пушку, кормовой воспользоваться нельзя, оставалось действовать быстро. Прицелили, выстрел. Ядро, прошелестев, шлепнулась в воду рядом с вражеской шлюпкой, опрокинув ее, опять перезаряжаем, тщательно прицеливаюсь. В парус бригантины стрелять бесполезно – ядра наши слишком малы, чтобы проделать серьезную дыру, надо попасть в руль или в мачту. Утопить не сможем, но лишим хода, а нам больше и не надо, дождемся ветра и поминай, как звали. Выстрел, на этот раз удачно, прямо в баллер руля, аж щепки полетели. Снова

перезаряжаемся, выстрел. Мимо. Мачта – слишком тонкая цель. Еще раз повторяем, опять мимо, но поскольку ядро уже было на излете, прошло низко над палубой, сметая на своем пути людей и ломая оснастку. Еще раз стреляю и на этот раз удачно, правда, я целил в одну мачту, но переломилась другая, ведь стояли они почти в створе, друг за другом. Мачта сначала накренилась, затем с шумом упала в воду, обрывая ванты. Команда шхуны завопила от радости, а на бригантине раздались яростные вопли. Вот теперь мы тоже их обездвижили на какое-то время, им теперь даже ветер не поможет. Но сбрасывать со счетов бригантину не стоит – одна мачта и парус целы, и пушки наверняка заряжены, стоит нам немного отойти от их кормы в сторону, как нам могут вцепиться ядра в борт. Я еще пару раз выстрелил из пушки по палубе бригантини, пытаюсь доставить им побольше повреждений, потом улегся на носу со штуцером. Поскольку невооруженным глазом с такого расстояния можно было отличить по одежде простого матроса от офицера, я решил немного проредить офицерские ряды, утихомирив и загнав команду в трюм. Ишь, разбежались по палубе, пытаюсь под командой офицеров что-то исправить. Выстрелил четыре раза, точно ранив или убив троих, один раз промахнулся. Суета на палубе стихла. Так-то лучше будет. Я обратился к Григорию:

– Смотри, чтобы нас течением не снесло в сторону, как раз попадем под пушки бригантини. Пусть гребцы в шлюпке не спят. Поднимется ветер – поднимем паруса и отойдем подальше, но точно за кормой бригантини.

Григорий согласился. Вообще с момента захвата нас шведским фрегатом Григорий сник и переложил всю инициативу по нашему вызволению на меня. Конечно, мне было бы проще быть под началом опытного, активного капитана, чем все брать на себя. Я же не морской волк, многих морских дел не знаю и не ориентируюсь, но что получилось, то получилось.

Ближе к вечеру поднялся легкий ветерок, на шлюпке встрепенулись, развернули нас кормой к бригантине, мы взяли шлюпку на буксир и подняли паруса. На прощание я угостил ядром из кормового орудия застывшую бригантину, угодив в кормовую надстройку, аж щепки полетели. Мы еле-еле плелись под слегка надутым парусом и, лишь отойдя на значительное расстояние от бригантини, подняли шлюпку с гребцами на борт. К ночи ветер окреп, паруса надулись, мачты скрипели от напряжения, вода шипела под форштевнем, ход наш стал замечательно хорош. Мы резво шли к себе домой.

Глава 2

Демидов

Дальнейший путь прошел спокойно, лишь на рубежной заставе служивые поупирались – не было судовых документов и у меня подорожной, все осталось у шведов. Когда мы объяснили десятнику, как попали в такую ситуацию, да подкрепили слова маленькой толикой серебра, нас пропустили.

Глава 2

Демидов

Дальнейший путь прошел спокойно, лишь на рубежной заставе служивые поупирались – не было судовых документов и у меня подорожной, все осталось у шведов. Когда мы объяснили десятнику, как попали в такую ситуацию, да подкрепили слова маленькой толикой серебра, нас пропустили.

Ну, здравствуй, Россия!

По Неве, по Волхову дошли до Господина Великого Новгорода. Здесь наши пути с Григорием разошлись, денег он с меня за перевоз не взял, сам поклонился в ноги:

- Кабы не ты, Юрий Григорьевич, быть бы нам в полоне у свеев, да судно с товаром бы отобрали, благодарю от всего сердца. Увидишь где меня али судно мое, знай - всегда найдешь помощь, должник я твой отныне.

Мы обнялись. Федор и Онуфрий снесли мои вещи на причал. Григорий самолично обошел суда у новгородского причала - не возьмет ли кто попутчика до Москвы. Такое суденышко нашлось, и вещи мои скоро перенесли на него. Кораблик был невелик - чисто речная посудина, намного меньше шхуны Григория, каюты там не было. Вещи сложили в трюм, я расположился на палубе под натянутой холстиной. По Мсте, переволоком до Волги - и вот она, Москва. Мы вошли в столицу с севера, меня высадили, и на извозчике я добрался до своего уже такого родного Петроверигского переуллка, вот и знакомые ворота. Выгрузив вещи, я ворвался во двор, ко мне навстречу уже шел Иван - один из охранников команды Сидора. Он поклонился, подхватил вещи и сопроводил меня до дома. Распахнулась дверь, из дома выбежала Анастасия, повисла на шее, начала целовать. На шум из дома выскочил Мишенька, тоже бросился меня обнимать. Паренек изрядно подрос, пока меня не было. Радостно обнимаясь, прошли в дом. Забегала челядь, на кухне загремела посуда. Настя убежала на кухню отдать распоряжения, а я пошел во двор, распорядился истопить баньку. Самое милое дело - помыться с дороги, да и в баньке, с душистым квасом. Однако протопится она не скоро, часа через три. В это время можно и перекусить. Подъехал на возке Сидор, бросился обнимать - он объезжал мои предприятия, проверял.

- Все в порядке, хозяин, все работает, можешь не волноваться.

Слава богу, одной тревогой на душе меньше. Потихоньку вокруг меня собирались мои работники, поздравляли с приездом. Поскольку подарков я никому не привез, щедро раздал серебро - пусть каждый себе купит подарок по вкусу. Настенька с крыльца позвала отобедать, мы с Сидором поднялись в дом, уселись за стол, покушать толком и не дали - расскажи, как съездилось, что видал. Как мог подробнее, я рассказал о Франции, описал короля, его дворец, о лечении наследника. Все слушали, открыв рты, засыпая меня вопросами. О пленении шведами и побеге из тюрьмы я благо разумно умолчал, все-таки пообедать удалось, хотя обед значительно растянулся, к тому времени согрелась банька, позвали мыться. Пошли вдвоем с Сидором, он знатно веничком обхаживает. В баньке было хорошо натоплено, я начал потеть уже в предбаннике. Зашедши в парную, Сидор плеснул на раскаленные камни кваску, зашипело, и нас обдало парком с хлебным духом. Я расположился на полке, Сидор начал потихоньку водить дубовым веничком надо мной, слегка пошлепывая по спине, затем полил водичкой, прошелся банной рукавичкой, веник бил все сильнее и сильнее, пока я не взмолился:

- Хватит, Сидор, шведы не погубили, так ты жизни лишишь!

Сидор окатил меня водой, и мы вышли передохнуть.

- Рассказывай, хозяин, что там у тебя со шведами случилось, я же понял за столом, что ты не все рассказал.

Я знал, что через Сидора ничего лишнего никто не узнает, пересказал ему всю нашу эпопею с пленением, побегом из тюрьмы и боем с преследователями. Сидор внимательно выслушал,

одобрил все мои действия:

- Я же говорил, тебе надо воеводой быть, а ты в лекари подался. По этому поводу надо пивка попить, с ледника принесли жбан.

Мы выпили холодного свежего пива и снова пошли париться. Теперь я поохаживал Сидора веником, но он оказался крепче и все приговаривал:

- Поддай жару, бей сильнее.

Наконец мы устали, тела были красными, от щек можно было прикуривать. Снова посидели в предбаннике, остыли, попили пива. Неожиданно я захмелел, видно, сказались дорожная усталость, а дома накатило расслабление. Где бы я ни был, как бы хорошо меня ни встречали, но дома лучше всего - даже воздух другой. В спальне с Анастасией я спокойно полежал, пока она пересказывала все домашние новости, а затем мы занялись камасутрой. Проснулся я уже почти в полдень. Челядь и домашние ходили на цыпочках, разговаривали шепотом. Хорошо дома, только тот, кто уезжал надолго, может это оценить. Перекусил вдвоем с Анастасией, она не сводила с меня восторженно сияющих глаз, все время болтала о мелких домашних делах. После обеда решил посетить на возке с Потапом все мои заведения. На удивление, все шло налаженным чередом, моего вмешательства не требовалось. На следующий день решил с Настенькой и Мишенькой выехать в город, развеяться, посетить торг, прикупить подарки. Долго мы ходили по торгу, я выбрал Настеньке дорогое платье по французской моде, что видел в Париже, Настя сначала отговаривала от дорогой покупки, но по ее глазам и зарумянившимся щекам я видел, что подарок пришелся по вкусу. Мише выбрали у оружейника небольшой нож в богато украшенных ножнах, здесь это не оружие, а приспособление - отрезать ломоть мяса на столе, какие-то другие мелкие надобности. Для серьезных дел ножи в ходу были другие - с толстым обухом, длинным лезвием, серьезной рукояткой, в простых и прочных ножнах. Миша всю обратную дорогу радостно вертел его в руках. Вечером после ужина я занял свой кабинет, надо было поразмышлять, куда пристроить деньги, полученные от французского короля. Сумма в сто золотых ливров была серьезной, и вложить ее требовалось с умом. Никто из домашних мне не мешал, даже Настя не заходила в кабинет. Она знала, что если я сижу в кабинете, трогать и отвлекать меня не надо, я занят серьезным делом. Мысли были - купить готовое или построить свое серьезное производство - вопрос, какое? Мебельное - так здесь делают мебель из деревянного массива сами, с привозной мебелью из Италии или из Франции мне не потягаться; корабельную - так я в кораблях и их строительстве ничего не понимаю, может, попробовать железообработку? Я долго перебирал в уме различные производства, но никак не мог найти верное решение. Пришла идея съездить к Федору, дьяку Разбойного приказа, может, он что присоветует. Собрался, сел в возок и поехал, наслаждаясь теплыми еще осенними деньками. Федор был на месте, стража без вопросов пропустила, меня уже хорошо знали. Дьяк был слегка пьян и весел.

- Заходи, гость дорогой! Давно я тебя не видел, слышал, ты во Францию путешествовал, с королем встречался?

- Было дело, Федя, из-за того и к тебе приехал, вопрос один обдумать надо.

Я вытащил из сумки бутылку водки, поставил на стол. Федор пить не стал, хотя водке обрадовался, положил ее в стол.

- Расскажи для начала, как съездил?

Я вкратце пересказал свою французскую поездку, не забыл упомянуть шведский плен и побег.

Федор почмокал губами:

- То, что убег, то хорошо, иначе и следов не осталось бы, но плохо, что подорожная осталась у них, как бы жалоб от свеев не было. Так об чем помозговать хотел?

- Хочу я, Федя дело какое серьезное наладить - готовое ли прикупить, свое ли открыть, не присоветуешь ли чего хорошего?

Федор не думал ни секунды:

- Есть хорошее дело - мы сейчас этим занимаемся. В трактире на Моховой по пьяному делу убили заводчика Дервянкина, у него хорошее дело - ткацкая фабрика, осталась вдова с детьми, фабрику продавать, наверное, будет. Посети, поговори - может, что у вас и сладится.

- Федор, я же никогда тканями не занимался, понятия не имею, как это делается, да и сбывать как?

- О-хо-хо, вроде ты и мужик хваткий, да, видно, не во всем. Оставишь старого управляющего на первых порах, сам в дело вникнешь постепенно, а со сбытом - государь новую одежду для войска закупать будет, так ты подсуетись - узнай, какая ткань будет нужна, цвет, а ежели и пошить возьмешься, так совсем хорошо будет.

Я посидел, переваривая услышанное, обмозговывал со всех сторон. А что, пожалуй, стоит попробовать.

- Где живет вдова?

- Если ты на возке, поехали, покажу.

Мы уселись и поехали, ехать было далековато, на другую сторону Москвы. На мощеной улице стояли крепкие дома, видно, что жили небедные люди. На стук в ворота вышел угрюмый дядька, пробурчал, что хозяина нет и не будет.

- Да мы к вдове, поговорить. - Холоп отступил в сторону, и мы прошли в дом. Убитая горем хозяйка усадила нас на лавку, поднесла по ковшу сбитня по обычаю. Разговор начал Федор:

- Злодейство мы в Разбойном приказе расследуем, убийца сыщем, но приехали мы по другому делу - не хочешь ли фабрику ткацкую уважаемому человеку продать, сама-то вряд ли сможешь с нею управиться.

- Сама не знаю, что делать, можно и продать.

Мы съездили, осмотрели фабрику, стояла она довольно далеко от центра, подле от Москвы-реки. Здание было бревенчатым, крепким, довольно длинным, внутри было шумно, рядами стояли ткацкие станки, где вручную женщины ткали ткани. Сопровождал и показывал фабрику управляющий - дородный мужик серьезного вида. На складе я задержался - он был почти полон - лежали ткани льняные, хлопковые и немного шерстяной ткани.

- Сама не знаю, что делать, можно и продать.

Мы съездили, осмотрели фабрику, стояла она довольно далеко от центра, подле от Москвы-реки. Здание было бревенчатым, крепким, довольно длинным, внутри было шумно, рядами стояли ткацкие станки, где вручную женщины ткали ткани. Сопровождал и показывал фабрику

управляющий – дородный мужик серьезного вида. На складе я задержался – он был почти полон – лежали ткани льняные, хлопковые и немного шерстяной ткани.

- Как сбываете тканьь?

- Да хозяин распорядился – грузить на суда, и приказчики сдавали оптом купцам в городах.

Ага, все-таки какая-то сбытовая сеть есть, уже лучше. В целом фабричка мне понравилась, вокруг здания приличный участок земли, была возможность расширить производство или поставить швейную фабрику. Начали договариваться о цене, она оказалась невелика. Мы решили оформлять сделку. Так я стал владельцем ткацкой фабрики. Сразу договорился с управляющим, что все пока остается по-прежнему, фабрика работает, судами готовые ткани возят на продажу. Сам тем временем окольными путями стал выяснять, какие ткани нужны для войска. Если будет государев заказ, то это выгодно – ткань и красители однотипные, объем большой, сбыт гарантированный. Наконец нашел нужного человека, что за толику малую ознакомил меня с будущими обновами для войска. Решив не откладывать дела, я сообщил управляющему ткацкой фабрикой, чтобы часть производства перевели на выпуск нужной ткани необходимого цвета. Одновременно на территории фабрики, наняв плотников и привезя лес, начал строить новое большое здание для пошива одежды. Загвоздка стала в пуговицах, не мудрствуя лукаво и вспомнив историю, решил сделать еще одно небольшое здание, где бы лили из олова пуговицы. Имея формы, из такого металла, как олово, можно было в день изготовить сотни, если не тысячи одинаковых пуговиц, что и надо было для войска. Теперь оставалось самое сложное – добиться, чтобы заказ дали именно мне. Предварительно пересчитал, сколько ткани и мундиров из нее может изготовить моя фабрика. Получалось не очень много – порядка двадцати готовых мундиров в день. Я не знал только одного – на сколько человек надо было шить. Ну что же, и это узнать можно. По всей видимости, государь по образцу Европы, глядя на служивых людей других стран, решил и свое войско приодеть. В одинаковых кафтанах, шапках и штанах были одеты лишь стрельцы да охрана Кремля – гвардия, можно сказать. В бою войско было одето почти одинаково – кольчуга, шлемы, штаны и сапоги, и все прикрывалось щитом, а вот в мирной жизни княжеские дружины и стрельцы были одеты разномастно. Долго, несколько недель, я подбирался к нужному мне человеку, боярину Морозову, опять же Федор из Разбойного приказа помог, свел. Я привез образец красной ткани и показал один специально сшитый кафтан. Все у меня забрали, решив сообщить свое мнение позже. Через месяц я получил большой заказ и с ним в перспективе большие деньги.

По Москве уже с месяц ходили разговоры, что с юга к городу с двадцатитысячным войском подошел гетман Сагайдачный, который встал лагерем в полутора десятках верст от Москвы. На помощь ему в сентябре подошел королевич Владислав, который со своим воинством с ходу занял Тушино. С каждым днем обстановка в столице становилась все напряженнее. Тревожные ожидания носились в воздухе, вселяя в души смятение. Я долго раздумывал, отправить или нет свою семью в Рязань. Кто его знает, как повернутся события в Москве, – войско слабо, казна пуста, договорятся ли патриарх или государь с королевичем и гетманом. На всякий случай я распорядился сделать в доме солидные запасы продовольствия – соли, муки, копченого и вяленого мяса, сала и другого. Сам я занялся укреплением дома – поскольку забор был и ранее заменен, поставил на участке две бревенчатые вышки. Обшил железом изнутри входные двери. На нижние окна кузнец отковал красивые и прочные решетки. Сидор прикупил на торгу пару бочонков пороха, свинца, несколько мушкетов для челяди. Я все не мог решить – отправить Настю с Мишей и женщинами в Рязань или оставить в Москве. В Рязани вроде по разговорам спокойнее, но путь на корабле может оказаться опасным, оставаться в Москве – вдруг казаки и поляки прорвутся в город? Наверняка будут грабежи и резня. Князья, дворяне, богатые купцы потихоньку вывозили свои семьи, в основном в сторону Муром, Владимира, Костромы. По моему распоряжению Сидор отобрал в свою команду еще десять человек, все бывшие воины из

различных княжеских дружин, ушедшие кто по ранениям, кто по возрасту. Лишними ребята не будут – отпадет потребность в обороне дома, будут заниматься охраной ткацкой фабрики, водочного заводика. Теперь каждый день дом охраняли четыре человека, не считая Сидора и Ивана. Двое были на вышках, один у парадных, один у задних ворот. Все хорошо вооружены – сабли, мушкеты, на всех надеты кольчуги. Бывшие воины службу знали, всегда трезвые и настороже. Напряжение росло. На торгу скупались в первую очередь продукты, цены росли. Мне казалось, что даже в воздухе висело какое-то предчувствие тревоги, грозы. И вот вечером первого октября по городу пронесся колокольный звон, на улице зашумели. Ко мне прибежал один из караульчиков:

– По улице люди бегают, в основном бегут к центру, с южной стороны города. Никак поляки на приступ пошли, приготовиться надо.

Я вооружил челядь, Сидор расставил их по заранее намеченным местам, усилив тем самым уже имеющуюся охрану. Мои ружья и пистолеты были заряжены. Семье и обслуге я приказал подняться на второй этаж дома, к окнам не подходить, света не зажигать. Сидор и я заняли места на первом этаже, в случае угрозы нападения мы могли быстро подобраться к любой точке, а в случае прорыва на нашу территорию собрать всю охрану и челядь в доме и держать оборону. Дом каменный, поджечь его будет непросто. Шум на улице вроде как стих, проскакало несколько всадников, и наступила тишина. Переулок мой хоть и недалеко от центра, но к северной стороне, да и расположен так, что найти не всегда с первого раза можно. Со стороны Кремля продолжал раздаваться набат – это бил колокол на колокольне Ивана Великого. Видно, и в самом деле противник пошел на приступ. Кое-где стали видны отсветы пожаров. Я решил послать Ивана на разведку – сидеть в неведении было тяжело. Вооружившись саблей, ножом и парой пистолетов, Иван легко перемахнул через забор и исчез в ночи. Какие-то новости он принесет? Вокруг дома и в переулке пока было спокойно. В середине ночи в начале переулка раздались шум, крики, звон железа. По переулку текла темная масса, кто это, разобрать было невозможно. Вот в ворота начали сначала стучать, затем ломиться. Выломав калитку, во двор ворвалась группа вооруженных людей. В темноте было неясно – поляки ли это, казаки Сагайдачного или просто грабители. В отсветах факелов, которые они держали в руках, поблескивало оружие. Ну что же, добро пожаловать, непрошеные гости. Толпа по дорожке ринулась к дому, вдруг земля под ними разверзлась, и первые две нестройные шеренги провалились в яму с кольями, послышались крики боли, стоны раненых. Неплохо потрудились мои холопы под руководством Сидора, вырыв глубокую – метра три-четыре яму и установив в ней заостренные колья. Сверху уложили тонкие палки, замаскировали серой тканью, присыпали пылью. Даже с близкого расстояния можно было различить, только если зная заранее. Всем домашним я показал ловушку и настоятельно рекомендовал пользоваться только задними воротами. Толпа нападавших замерла в смятении, затем раздались крики ярости и гнева, люди ринулись в обход ямы. Слева и справа они обтекали яму, и никто не попытался помочь свалившимся. Раздался сильный взрыв, взметнулось пламя. Это сработала моя ловушка, я по чеченскому образцу устроил сюрприз, сделав две самодельные бомбочки, привязал их к деревьям, между ними на небольшой высоте натянул проволоку, сделав растяжку, вот она и сработала. Группа пытавшихся обойти яму почти вся была уничтожена, в темноте были видны лишь небольшие движения и слышны стоны раненых. Мы не стали ждать, когда нападавшие прорвутся к дому, и из трех мушкетов, заряженных картечью, дружным залпом ударили в темную массу. Все заволочло пороховым дымом, из темноты раздавались крики боли и отчаянья, перезарядив мушкеты, схватили уже заряженные и снова нестройным залпом выстрелили в темноту. Пока мушкеты перезаряжали, мы вслушивались, не происходит ли чего подозрительного вокруг дома. Стояла тишина. Взяв в руки по пистолету, мы с Сидором вышли из дома. Везде валялись трупы убитых и слышалось хриплое дыхание раненых. По моему распоряжению из дома вышли холопы с факелами, стало

хоть видно, напали на дом поляки, все в синей униформе, все при саблях, у некоторых мушкеты. Хотели по-быстрому ограбить дом, да не получилось. Посчитали – убитых оказалось двадцать два человека в трех местах – на дне ямы с кольями, у растяжки с бомбами и на месте мушкетного залпа. Раненых было немного – семь человек. Холопы без всякой жалости их дорезали, побросав тела в яму с кольями – все равно потом землей засыпать. В углу участка слышались шорох и голос Ивана:

- Не стреляйте, это я, Иван.

Оказалось, он добрался до центра города, поговорил со стражниками, обежал прилегающие к нашему переулку улицы. Поляки с казаками прорвались до стен Белого города, штурмовали Арбатские ворота, но неудачно, понесли большие потери, разбежались по городу, грабя и убивая. Основная масса их ринулась на юг Москвы, видимо, старались добраться до рек – все-таки естественные преграды оборонять легче. Небо начало сереть. Я позвал плотников – надо было восстановить разбитую калитку. Остальные холопы засыпали землей яму с поляками, в которой до половины валялись трупы. Сам тем временем прошелся по участку, снял одну растяжку и выкопал одну из заложенных бомб. Не дай бог, кто из челяди нечаянно наступит – смерти своих работников я не хотел. Лучше ближе к вечеру закопать это снова. Сидор снова направил в разведку одного из охранников, нам надо было знать, что происходит в городе, к чему готовиться – к бегству, к обороне? Пока разведчик не вернулся, мы решили перекусить и вздремнуть, ночь-то прошла беспокойная, и неизвестно, как оно все будет далее, лучше быть отдохнувшими. Удалось поспать часа три, вернулся разведчик, и меня разбудили. Это был один из хлопцев Ивана – он обрадовал нас новостью:

- Супротивник разбит, наши гнали его аж до Пахры, многих поубивали, многих в полон взяли. У Арбатских ворот мертвыми все завалено, земли не видно. В городе много домов пограблено, кое-где дома сожгли. Жители на улицу нос не показывают, одни собаки бегают.

Так, известия обнадеживающие. Пока все спокойно, решили сварить обед, всех покормить горяченьким, на улицу пока не соваться, – как всегда, при всякой заварушке изо всех щелей всякая мерзость выползает – доморожденные разбойники и бандиты. Городской страже и стрельцам пока не до разбойников – вылавливали небольшие группы поляков и казаков, попрятавшихся в захваченных домах. То здесь, то там раздавались одиночные выстрелы – выражаясь современным языком, шла «зачистка». Попадать под горячую руку стрельцам не стоило, стрельнут с перепугу или обознавшись, и кому что докажешь? К вечеру я предупредил холопов и семью не ходить по участку, совместно с охранником поставил еще две растяжки с бомбами – одну у ворот, другую ближе к дому, снова закопали на дорожке мину. Оружие было заряжено, часть охранников легла отдыхать, другая бодрствовала. Сидор расставил людей на опасных направлениях с наказом – слушать! И при подозрительном шуме сразу сообщить, при этом пробираться к дому осторожно. Сгустилась темнота. Мы сидели в неосвещенных комнатах, пытаюсь что-либо разглядеть через окна. Однако ночь прошла спокойно. Поутру заявили городские стражники – узнать, нет ли пленных и велики ли наши потери – соседи сообщили, что вчерашней ночью на участке нашего дома были стрельба и взрывы. Мы рассказали, как все было, показали засыпанную яму с телами, стражники удовлетворились нашими объяснениями и со своей стороны сообщили, что в городе уже все спокойно, поляки и казаки убиты и рассеяны, банды разбойников частично схвачены, остальные разбежались. По городу можно передвигаться спокойно. Напряжение схлынуло, я снимал растяжки и вкопанную бомбу, холопы занялись ежедневной работой. Мы же с Сидором сели в возок, правда, предварительно вооружившись на всякий случай, и поехали проверить – как мои предприятия. Особенно меня беспокоил водочный заводик, все-таки спирт, вещество пожароопасное, да и для мужиков любой национальности привлекательное, хоть для поляков,

хоть для разбойников. К моему удивлению, водочный заводик был целехонек и охрана на месте. Не иначе – бог миловал. Направились на ткацкую фабрику – здесь дела были похуже – один из охранников позапрошлой ночью был нападавшими казаками Сагайдачного убит, второму удалось убежать. Ткацкие станки и помещения были в неприкосновенности, но склад был почти пуст. Что-то утащили казаки, чем-то, вероятно, поживились жители близлежащих домов. Но и то хорошо, что здание не сожгли да станки целые. Управляющий неприкаянно бродил по пустому цеху – работницы пока боялись выходить на работу. Ладно, что свершилось, то свершилось, убыток, конечно, есть, но я был готов и к худшему. По приезде домой Сидор распорядился направить на ткацкую фабрику двоих охранников. Мои помощники по медицинскому делу трудились не покладая рук, – после нападения было много раненых и покалеченных. По некоторым улицам захватчики прошли, как ураганом, сжигая дома и грабя жителей. Сопrotивляющихся убивали на месте, да и кто мог им оказать серьезное сопротивление – только в богатых усадьбах, где было много мужиков, да сам хозяин уделял время, внимание и деньги на охрану. Некоторые улицы вообще стояли нетронутые, особенно на северной половине города. Почти каждый день встречались похоронные процессии, хоронили защитников и горожан, трупы захватчиков же сваливали во рвы, закапывали где попало – на пустырях, в выгребных ямах. Город потихоньку приходил в себя, очищался. На месте пожарищ стучали топоры плотников, народ заново отстраивался – осень на дворе, впереди зима, и всем хотелось встретить ее под крышей.

Прошедшее нападение выявило недостатки не только в обороне города, но и в защите моего дома. Забор был неплох, но низок, хорошо, что поляки ринулись через ворота и попали в охотничью яму, а будь это казаки, могли бы лезть через забор в разных местах, и остановить их было бы сложнее. Поэтому я решил поставить железный, кованый забор высотой в четыре метра, сломать его или перелезть было бы затруднительно. Конечно, так в Москве в те времена было не принято, заборы стояли глухие – или бревенчатые, или каменные. Двор будет как на ладони, для обороны плохо, но и нападавших будет видно хорошо. Я заказал кузнецу по своим эскизам рисунок металлических кованых решеток, тем временем каменщики делали фундамент и ставили каменные столбы. Хотелось, чтобы это было и прочно, и красиво. Сразу за будущим забором решил посадить акацию, терновник – еще один колючий, но зеленый забор. Заднюю часть двора обнести высоким каменным забором взамен деревянного. На углах крыши дома по моему указанию каменщики надстроили четыре небольшие башенки с узкими бойницами, из которых можно было держать под прицелом большую часть двора. Конечно, все это можно было сделать и раньше, но кто мог подумать, что враг может прорваться сюда, в центр Москвы? Дом мой крепостью все-таки не стал, но малые перестройки пошли на пользу в плане защищенности. Теперь я знал, что нападения двух-трех десятков человек дом с охраной выдержит. На душе стало несколько спокойнее. В принципе не помешало бы парочку небольших пушечек, да где их здесь взять, разве что в Тулу съездить. Пока хлопотал с защитой дома, теплые дни закончились, началось ненастье, почти каждый день лил дождь, по утрам в низинах стлались туманы, на улице было зябко. Хорошо в это время сидеть в теплом доме, в кругу домочадцев. Но, видно, не судьба. В один из слякотных вечеров в кабинет вошел охранник и сказал, что у ворот стоит возок, весь в грязи, в нем купец, просит его принять. Можно ли впустить?

– Зови!

Через несколько минут в дом вошел, отряхиваясь от дождевых капель, дородный купец в шерстяном плаще с меховой поддевкой, в добротных сапогах, низко поклонился, осведомился – правильно он попал к лекарю Кожину? Я подтвердил, что он попал по адресу, слуги приняли шапку и плащ, и мы прошли в трапезную. По моему знаку принесли горячего чая, баранки, немудреную закуску и водки. На Руси серьезный разговор никогда не начинался сразу,

требовалось поговорить на темы здоровья родни, о погоде, о видах на урожай и только потом переходили к главному. Купец представился – Алтуфий Демидов, купец первой гильдии из Нижнего. Мы уселись в кресла вокруг стола, в камине уютно трещали дрова, распространяя тепло. Мы выпили водки за знакомство, я видел, что гость замерз и стопочка не повредит. Купец выпил, крикнул, закусил солеными огурцами и одобрил:

- Хорошо хлебное вино, это где же в Москве такое творят?

Я скромничать не стал, пояснил, что это водка с моего заводика.

- Хороша!

Разлили по второй, купец с видимым удовольствием выпил, закусил и начал пить чай. Лицо его после водки и горячего чая покраснело, он перестал зябко потирать руки. Видно, начал согреваться. Дав ему время попить чаю и обвыкнуться, я спросил, что привело уважаемого гостя ко мне в столь поздний час. Купец посерьезнел:

- Старший сын у меня серьезно занедужил, Никита, седмицы две тому шел на корабле с товаром, да разбойники напали, от супротивника обереглись, да из ружья в ногу пулей попали. Местные лекари лечили, да без толку, видно, опухла нога, жар его снедает, в беспамятство впадать стал, как бы богу душу не отдал. Жалко сына, толковый он у меня, не как младший – тому бы только с девками гулять. Сильно беспокоюсь я за него, молодой еще – двадцать две весны всего, женил недавно, да, вишь, какая незадача. Я как увидел, что с ногой, – кинулся по лекарям, все говорят – антонов огонь, помрет парень, да хорошо, купец знакомый из Москвы у меня в гостях случился – о тебе рассказал. Помоги, век бога за тебя все мое семейство молить будет, да и сам деньгами не обижу.

Купец выжидающе глянул на меня, в глазах его застыли тревога и боль за родного человека. Судя по описанию, случай и в самом деле серьезный.

- А как же мы добираться будем – на возке долго, сам по дорогам ехал – видел, что дождь натворил?

- Да так же, как и сюда, – повозка не моя, знакомый купец помог, мы на ней только до Клязьмы, там у меня большая лодка, на ней быстрее будет до Нижнего добраться, чем по Оке, чуть не вдвое короче. Только, если согласен, не медли, доставить тебя быстро – моя задача, вылечи только!

Ну что же, надо помочь, не всякий из Нижнего осенней распутицей поедет, даже из-за сына. Я поднялся наверх, объяснил Насте, что уезжаю в Нижний Новгород к больному, собрал сумку с инструментами, сунул туда две бутылки водки, оделся потеплее, за пояс воткнул, прикрыв плащом, два пистолета, поцеловал жену и Мишеньку и вышел. В трапезной уже стоял одетый по-дорожному Сидор:

- Мне с тобой ехать али здесь оставаться?

Я вопросительно поглядел на купца. Он отрицательно покачал головой:

- Места нет ни в повозке, ни в лодке, а дорога тяжелая. Люди у меня надежные, и туда, и назад доставят в целости, не беспокойся.

Я отдал Сидору последние указания, и мы вышли. Пока купец был у меня, лошади успели

отдохнуть, к тому же сметливый Иван распорядился их покормить. Мы уселись в тесный возок и тронулись. Возок хоть и был крытый, кое-где протекал и от холода не спасал вовсе. Часа через два я почувствовал, что замерзаю, достал из сумки водки, отхлебнул сам и дал глотнуть попутчику. Купец хорошо приложился к бутылке, довольно побряхтел:

- А хороша у тебя водка, ежели все с сыном наладится, то я дело с тобой начну. Мои корабли в Москву часто ходят, товар возят, обратно и водку будут брать.

Полбутылки он точно выпил, и без закуски, правда, и досталось ему больше, чем мне. Я из теплого дома вышел, сухой и сытый, а он не отдохнул и получаса, не обсох, когда выходил из дома, я обратил внимание, что за Алтуфием тянутся мокрые следы. После выпитого несколько потеплело, возок трясло и раскачивало, пара лошадей месили ногами грязь. Еще часа через два мы остановились. Купец выглянул наружу:

- Приехали, выходи, лекарь.

На берегу реки, у одинокой избушки, стояла лодка с небольшой мачтой, людей видно не было. Стоило нам выйти, как на голос купца из домишки высыпала дюжина здоровых мужиков, все дружно поклонились купцу, один подхватил мою сумку, и все устремились к лодке. Было темно, только луна, периодически выглядывая из-за туч, скудно освещала местность. Гребцы скоро расселись, разобрав весла, купец уселся на корме за рулевого, мне дали место на носу. Лодка отошла от берега, и гребцы мощными гребками погнали ее вниз по реке. Клязьма здесь была довольно широкой, лодка споро шла прямо посередине. Как купец в темноте угадывал повороты, ухитряясь задавать гребцам темп, для меня осталось загадкой. Должен сказать, что ни до, ни после я не видел, чтобы лодку гнали с такой скоростью. Спины гребцов мощно сгибались и разгибались, даже под одеждой можно было угадать бугры мышц, от разогретых спин поднимался легкий парок. Незаметно я задремал, очнувшись, лишь когда что-то в ходе лодки изменилось. Оказывается, подул попутный ветер и подняли парус, гребцы, сложив весла на борту, отдыхали, утирая пот. Рассвело. Один из гребцов, видимо старший, вытащил сумку и передал всем по куску хлеба с салом. Все подкрепились, а я еще и отхлебнул водки из бутылки. Мужикам было жарко от работы, а мне было зябко в неподвижности. Места, чтобы размять руки и ноги, просто не было. Я и так был удивлен, когда увидел, сколько гребцов на лодке, под веслами мы шли, как под парусами с хорошим попутным ветром. Передохнув, мужики снова взяли за весла, правда, пока шли под парусом, сильно не напрягались. Мы без остановок шли уже десять часов. По берегам слева и справа мелькали маленькие деревушки, купец иногда что-то говорил старшему гребцу и поглядывал на часы. Наконец остановились у маленького деревенского причала, где болтались еще пара лодок. Все дружно сошли на берег, купец подвел меня к костерку, где дымился котел с уже готовым кулешом, вкусно пахло горячим варевом. Нам налили по полной миске, и мы уселись на лежащее рядом бревно покушать. Гребцы ушли в деревню, откуда вскоре вышла другая группа. Когда мы доели, свежие гребцы уселись в лодку, и гонка продолжилась. Я мысленно подивился хватке и организованности купца. Так четко все организовал - горячий обед, гребцов, как будто имел сотовый телефон. Для средневековой Руси такая четкость и организованность были в диковину, мне у него было не грех и поучиться. После горячего обеда разморило. Я закутался потеплее и задремал. Оказалось, начало смеркаться, мы вышли на берег рядом с деревенькой. Снова ужин у костра, смена гребцов, и мы погнали. Купец все время сидел на руле, железный он, что ли? Я из дома вышел отдохнувший, в лодке уже вздремнул, а он все время бодрствует, да еще и работает. Таким образом, меняя гребцов и успевая только покушать и сбегать в кусты по нужде, мы за двое суток добрались до Нижнего. По-моему, для водного пути это был рекорд. На городской пристани нас уже ждал экипаж, не успели мы расположиться, как кучер погнал с места в карьер. Через полчаса мы уже были у дома купца. Территория усадьбы была невелика, так как находилась недалеко от центра, но сам дом был огромен - из камня, в два этажа, с колоннами у

парадного входа. Не мешкая, мы прошли в одну из комнат. В просторной, устеленной персидскими коврами комнате лежал на широкой кровати молодой человек. В комнате стоял густой запах гноя. Похоже, дела были не блестящие. Я поздоровался, в комнате были несколько домочадцев, и попросил всех, кроме Алтуфия, выйти. Откинув одеяло, увидел распухшую, фиолетово-багровую ногу. Из раны чуть выше голеностопного сустава левой ноги сочилась сукровица с гноем. Икра была распухшей, при надавливании на нее из раны потек желто-зеленый гной. В лучшем случае – флегмона, при абсцессе был бы ограниченный очаг, здесь же четких границ гнойника не определялось, а гной был. На ощупь парень был горячим, сознание спутанное. Я повернулся к Алтуфию:

- Надо резать, выпускать гной, смотреть, что натворила пуля – не задета ли кость, причем тянуть нельзя, все надо было сделать раньше, после ранения. Если во время операции увижу, что сделать ничего нельзя и начала гнить кость, попробую часть кости убрать, а если и это не поможет, не исключено, что придется ампутировать ногу, иначе сын твой может умереть. Мужик ты сильный, поэтому рассказал тебе, как есть. Согласен ли ты, если какой исход будет? Я не господь бог. Решай, но недолго, надо оперировать срочно!

Я замолчал. Купец походил по комнате, бросая на сына короткие взгляды, повернулся ко мне:

- А если я больше заплачу, сохранишь ли ему ногу?

- Мил-человек, да сейчас пока речь идет не о деньгах, я веду речь – будет он жив или нет, отрезать ногу или нет, будет видно во время операции, а может, придется делать и не одну операцию!

Купец сокрушенно покачал головой:

- Ладно, про тебя говорили – чудеса делать можешь, ты больше меня в своем ремесле понимаешь, полагаюсь на тебя и жизнь и здоровье сына вручаю твоим заботам.

- Хорошо, готовьте горячую воду, высокий стол – вроде того, на котором обедаешь, и помощника.

Купец окликнул домашних:

- Готовьте стол, поднимите его на стол, и чтобы была горячая вода.

В комнату холопы живо притащили тяжелый дубовый стол, застелили его простыней и перенесли на него постанывающего Никиту. Я дал ему выпить настойку опия, а сам стал раскладывать и готовить инструменты, мыть руки:

- А кто будет помогать?

- Да я и буду, – ответил купец.

- А плохо тебе не будет, сын ведь?

- Хуже видали, – коротко ответил он.

Серьезный, крепкий мужик.

Обработал ногу спиртом, протер спиртом руки, Никита уже лежал в отключке, да и много ли ему в его состоянии надо было? Сделал широкий разрез, длиною почти во всю икру, оттуда

хлынул желто-зеленый гной, подставили тазик, и сделал еще несколько параллельных глубоких разрезов. Крови почти не было, только обильно тек гной. Один диагноз подтвердился – флегмона. Промыв раны разведенным спиртом, добрался до пулевого ранения. Пулю еще до меня ухитрились вытащить местные лекари. Кость была задета, на нижней трети малоберцовой кости еле держался отколотый пулей фрагмент кости, из-под которого также вытекал гной. Костный обломок удалил, все активно промыл и все операционные раны засыпал сушеным мхом. За неимением антибиотиков и это средство хорошо. Раны зашивать не стал, гной должен находить выход наружу. Вымыли руки, парня холопы перенесли на кровать, убрали стол и тазик с гноем. Я вымыл инструменты, обтер спиртом. Купец с нетерпением смотрел на меня.

- Ну что скажешь?

- Пока ничего, будем смотреть, наблюдать. Поставь еще одну кровать в его комнате, я буду жить здесь, рядом с ним, хотя бы первые дни.

Алтуфий молча кивнул, отдал распоряжения холопам, а меня пригласил в трапезную.

- Ну что скажешь?

- Пока ничего, будем смотреть, наблюдать. Поставь еще одну кровать в его комнате, я буду жить здесь, рядом с ним, хотя бы первые дни.

Алтуфий молча кивнул, отдал распоряжения холопам, а меня пригласил в трапезную.

Дело было сделано, можно было и покушать. Стол уже был готов, горячие блюда уже дымились. Я вытащил свою последнюю бутылку водки, купец, как хозяин, разлил. Молча чокнулись и выпили. Ели почти в полной тишине, видно, купец переживал за здоровье сына, однако на его аппетите это никак не сказалось. Затем пошли в баню, после дороги и работы это было в самый раз. Конечно, хорошо бы сделать наоборот – сначала баню, потом поесть, потом работу, но дело не могло в данном случае ждать. После бани посидели, разморенные, в предбаннике, попили квасу. Когда вошли в дом, ко мне подошла жена купца, и я сразу обратил внимание, что она тоже нездорова, глаза навывкате, на шее – увеличенная щитовидная железа, худовата.

- Как мой Никитушка?

- Постараюсь сделать все, что могу, но пока ничего определенного не скажу.

Мне не хотелось обнадеживать, по-видимому, хороших и работающих людей. Я поднялся в комнату Никиты, он уже отошел от действия опия. Дыхание было шумным, лицо потное и бледное. Проверив пульс, я осмотрел рану. Эх, антибиотиков да антисептиков сюда бы!

Пока пациент не требовал моего вмешательства, решил лечь отдохнуть. Ночь будет беспокойная. К ночи и в самом деле температура поднялась, но отека на ноге не было, гнойное отделяемое было в небольшом объеме.

Я делал уксусные обтирания и менял повязки. В коридоре у дверей постоянно дежурил холоп, подносящий по моей просьбе то уксус, то горячую воду, то убиравший грязные перевязочные материалы. В трудах прошло три дня, рана стала очищаться, появились грануляции – первые признаки выздоровления, спала температура, парень впервые попросил поесть. Кормила его по моему разрешению молодая жена – красивая полнотелая девица – про таких на Руси говорят «кровь с молоком».

Мы немного поговорили, в основном я и Ефросинья – так звали жену Никиты, сам Никита был еще слаб.

Дня через два температура вдруг вечером подскочила, и мне пришлось делать один глубокий разрез, выпуская гной из мышечного кармана. После этого пациент уже твердо пошел на поправку, и я несколько успокоился. Никите становилось легче и легче, ел он уже сам, сидя в кровати, жена его не сводила с него глаз. Я подошел к Алтуфию:

- Раз уж я здесь, давай посмотрю твою жену, у нее болезнь, которую я постараюсь вылечить.

Купец покачал головой:

- Я уж ее к разным лекарям возил, никто помочь не мог. Как замуж брал – такая красавица была, все в руках горело – рукодельница, одним словом. А сейчас ослабла, сердце болит, бьется, как воробышек. Если поможешь – век не забуду. С сыном-то вроде налаживается?

- Да, с сыном все будет хорошо, я думаю, через неделю я буду не нужен.

- А с женой правда можешь помочь?

- Давай для начала я ее посмотрю.

Мы с купцом прошли в комнату Марии, жены купца. Она лежала на кровати, высоко подняв голову на куче подушек. Поздоровавшись, я присел на кровать.

- Вот, лекарь тебя осмотреть хочет, вроде берется вылечить, – сказал купец.

- Спасибо тебе, лекарь, за сына, в церкви за тебя молиться буду, а если еще и меня на ноги поставишь – вся семья до конца века в долгу у тебя будет.

Я начал осматривать Марию, расспрашивал ее о симптомах. Да, похоже на зоб, я даже прощупал узел в правой доле.

- Резать надо, матушка!

- А без этого никак нельзя, травки, может, какие попить?

Вмешался купец, до этого молча наблюдавший за осмотром.

- Мария, ты уже и травки пила, и порошки, что лекари давали. Юрий дело предлагает, ты видишь, что он сына спас, может, и тебе поможет, не отказывайся. Мы за помощью сколько уже ездили, да только толку нет. Человек сам твою болячку увидел, неужто счастливый случай упускать будем?

Мария лишь кивнула в ответ:

- Все правда, да боязно только.

Мы обговорили, что завтра и будем делать операцию. Использовали тот же стол, женщину уложили, но помогала одна из холопов, купец был занят. Я успешно нашел и удалил два узла – один большой, один поменьше и ушил рану. Пациентку переложили на кровать. Спал я теперь в отдельной комнате, питался с семьей вместе за одним столом. Времени на осмотр больных уходило теперь не так много. Никита поправлялся, каждый день были сдвиги в лучшую сторону. Он уже ходил по комнате, правда, нога была в повязке, но гной не сочился,

температуры не было. С Марией тоже все шло на поправку, послеоперационная рана затянулась первичным натяжением, рубец ровный, хоть и красный пока. Она стыдливо укрывала его шалью. Буквально на пятый день прекратились сердцебиения, начала исчезать слабость, щеки начали розоветь. К концу недели стало заметно, что больная чуть-чуть поправилась, а через две недели, как раз к моему отъезду, уже было заметно, что Мария набирает вес. После осмотра обоих пациентов я подошел к Алтуфию.

- Все, я сделал, что смог, - и сын, и жена твои здоровы, я свои обещания сдержал.

- Спасибо, лекарь! Завтра в честь выздоровления дорогих моему сердцу людей будет пир, а потом и в дорожку можно будет собираться.

На следующий день вся дворня бегала, как заведенная, в большом зале расставляли посуду, на заднем дворе холопы разделяли туши, из кухни доносились такие запахи, что только слюни успевай сглатывать. Около трех часов дня ко мне зашел холоп, пригласил в зал. Я огладил руками свое повседневное платье, парадного-то я не взял, и пошел за холопом. Войдя в распахнутые двери, чуть не остолбенел. В красивом зале, устеленном большим дорогим ковром, стояли два ряда длинных столов, обильно заставленных различными яствами - было все, о чем только можно мечтать, - начиная от красной рыбы и красной и черной икры в ведерках до апельсинов. В мое время, конечно, апельсины лежали на любом рынке, но здесь... Постарался купец! Вокруг столов стояло множество людей, человек двести, не меньше. Одеты были празднично и ярко, на женщинах золота, как в небольшом ювелирном магазине. Ко мне подошел Алтуфий, пожал руку и громогласно объявил:

- Юрий Кожин, лекарь, каких свет не видел, спаситель моего сына и жены. Сегодня пир, друзья, в его честь и во славу, а также за избавление жены и чада моего от хвори.

Ко мне стали подходить солидные купцы с женами, Алтуфий их лично мне представлял. Сначала я пытался запомнить, но потом в голове все имена перемешались. Когда представление закончилось, всех пригласили к столу. Посередине короткого стола, что стоял поперек зала, образуя перемышку двух длинных рядов столов, усадили меня, уселся Алтуфий с женой Марией и Никита с молодой супругой. Первую чарку выпили за выздоровление Никиты, вторую - за выздоровление Марии, третью - за меня, лекаря Юрия, пожелав долгих лет и всего, всего, всего. По знаку Алтуфия из дверей вышли два холопа с подносами, накрытыми платками. Алтуфий встал, разговоры за столом сразу смолкли:

- Гости дорогие, я не зря ездил в Москву, чуть гребцов не загнал, привез отменного лекаря, который поднял на ноги моих любимых людей - сына и жену.

Купец низко поклонился мне:

- Подарил ты дорогим мне людям здоровье и жизнь, а в мое сердце вселил радость, хочу крепко обнять и поцеловать. - Он крепко меня обнял и троекратно, по-русски расцеловал. - И в знак уважения прошу принять от меня маленькую благодарность.

Купец подозвал холопов, они встали рядом, и картинно сдернул с одного подноса платок - поднос был завален серебряными монетами.

- Это за сына, Юрий!

Подошел ко второму подносу и сдернул платок с него - там лежали золотые монеты.

- Это за любимую жену!

Гости в зале приглушенно ахнули. Купец победно оглядел зал – как, мол, впечатление? Да, это в русском стиле – размах, широта души. Я приблизительно прикинул, это получается больше, чем мне дал французский король за лечение своего наследника. Дальше пир продолжался своим чередом. Гости уже изрядно набрались, но пьяным никто не был, пить на Руси умели. Ко мне периодически подходили с заверениями дружбы и помощи купцы, одновременно предлагая посетить и их дома на предмет полечить домочадцев. В разгар пира мужики решили выйти во двор, освежиться. Как всегда во все времена, зашел разговор о лошадях, затем об оружии, кто стреляет лучше, кто более удачливый охотник. Разгорелся спор, позвали холопа, который принес пару пистолетов и у забора поставил мишень. Спорщики стреляли по очереди, но не попали, скорее всего выпито было много. Все дружно стали говорить, что мишень для пистолетов далековата. Черт меня дернул сказать, что попаду оба раза из двух пистолетов, но своих. Я сходил в свою комнату, принес оба пистолета, пока ходил – круг зрителей увеличился, из дома, привлеченные голосами спорщиков и зрителей, подошли еще люди. Ну, назвался груздем, полезай в кузов. Я прицелился, задержал дыхание, выстрелил, не медля вытащил из-за пояса второй пистолет и выстрелил снова. Холоп принес фанеру, и все дружно уставились на нее, потом с изумлением на меня, тогда уже я, слегка растолкав купцов, взглянул на мишень. Обе пробоины были почти в центре, на дюйм друг от друга. Неплохие результаты даже для трезвого, видно, сам бог пьяному помогает. Купцы попросили посмотреть оружие, крутили-вертели, но поскольку никто не заглянул в ствол, то ничего необычного не нашли и решили, что все дело в моем мастерстве стрельбы. Восхищенные, хлопали меня по плечам, предлагали пойти еще выпить, отметить отличную стрельбу. Все дружно отправились за стол продолжать застолье. Когда уже стемнело, появился оркестр – балалайки, гусли, рожки. Народ начал плясать, а поскольку я не большой любитель танцев под балалайку, то отправился спать. Утром выспался под завязку, умылся, есть не хотелось. Надо было думать об обратной дороге.

- Юрий, а ты что же не выполняешь обещание? - На дороге стоял Алтуфий.

Я изумился:

- Какое обещание?

- Да ты вчера обещал при знакомстве с гостями полечить кое-кого, вон у ворот уж часа два возок стоит, тебя дожидается!

Час от часу не легче. Раз обещал, придется выполнять. Собрался сам, собрал инструменты, поехал по купцам. Кучер сам знал, куда везти, вероятно, ему Алтуфий сказал. В каждом доме встречали с почетом, везде старались по русскому обычаю угостить вином, откажешься – обида дому, приходилось пить. К вечеру, уже сильно пьяный, я добрался до купеческого дома. Как прошел в свою комнату, помню смутно. Проснувшись утром, увидел в углу комнаты кучу вещей – шуба меховая, вроде как бобровая, несколько меховых шапок, несколько кошель с серебром. Я пошел к Алтуфию.

- Это что у меня в комнате, откуда взялось?

Алтуфий принялся громко хохотать, хлопая себя по ляжкам.

- Да ты и в самом деле ничего не помнишь? Слаб ты пить, лекарь хороший, а вот пить слаб. Это же тебе за работу дали товарищи мои, торговые люди, да благодарность передавали, спрашивали, когда в Москве будут, можно ли зайти к тебе полечиться али кого из родни привезти?

- Можно, конечно, работа у меня такая.

- Хотел сразу по водочке с тобой поговорить. У нас хлебное вино в Нижнем тоже творят, да с твоей водкой не сравнишь. Давай сразу большую партию куплю, скажи только, когда приказчика прислать да почем штоф стоит?

Мы обговорили все условия сделки и ударили по рукам. Теперь надо было решать вопрос с обратной дорогой. Можно было договориться с купцами, везущими товар на своих кораблях в Москву, но с кучей денег не хотелось рисковать. Я обратился к Алтуфию, тот удивился:

- Гости сколько хочешь, ты еще не всех объехал, кто хотел полечиться, а когда скажешь, что домой пора, тем же путем назад доставлю, я же обещал и слов назад своих не беру.

- Да надо уже назад, больные у меня там есть.

Алтуфий развел руками:

- Надо так надо. Когда обратно думаешь?

- Завтра с утра, сегодня еще кое-кого объеду, обещал.

Сев в возок, снова поехал по купцам, осматривал их самих, их жен, детей и ближнюю родню. К вечеру усталый и выпивший снова заявился домой. Я понимал, что каждый купец хочет быть хлебосольным хозяином, но так и спиться можно. С утра холопы быстро перетаскали в возок мое имущество, две сумки с монетами и сумку с инструментами я нес сам. У возка мы дружески попрощались с Алтуфием и его семейством, которое дружно вышло меня проводить. Когда я начал отъезжать, все дружно поклонились в пояс. Жалко мне в этот миг стало Россию, таких людей в войны да революции с перестройками потеряли, соль и цвет земли русской. Трудлюбивые, хваткие, жадные до дела, но не дураки отдохнуть и выпить. Все умели, но всему свое время. Обратно я добирался точно так же, менялись гребцы, оставалась лишь лодка да я со своим грузом. До Москвы добрались быстро, за два с половиной дня. Когда я зашел в дом, Настя, развернув мои сумки, ахнула.

- Да ты из Франции меньше привез, вот тебе и Нижний Новгород!

Я приказал истопить баньку, перекусил, помылся и завалился спать. Устаешь все-таки в дороге, да и погода была мерзкая, холодно и сыро, совсем не для путешествий. Дома отогревался и отсыпался два дня, затем объехал свои предприятия, на водочном заводике уже вовсю кипела работа над заказом Алтуфия, надо было сделать за неделю три тысячи бутылок, по срокам вроде успевали.

Через неделю прибыл приказчик от Алтуфия, водку к тому времени приготовили. Приказчик расплатился, рабочие начали грузить ящики на подводы. Со слов приказчика, Алтуфий будет в Москве через месяц, если водка хорошо будет продаваться, будет еще заказ. Ну что же, оптом сбывать лучше, меньше головной боли. А вообще-то стоит подумать о расширении водочного заводика, уже сейчас он работает почти на пределе возможностей, если большие заказы из Нижнего будут регулярными, нам придется ограничить в поставках Москву, а мне бы этого не хотелось. Я поговорил со своим управляющим – что надо для расширения производства, помещений хватало, нужно было оборудование и бутылки.

Глава 3

Взорвать Картахену

Вот и выпал первый снег, на улице стало светло и чисто, так что от света резало глаза. Из рта при дыхании вырывался пар, под ногами похрустывал ледок. Наступила зима. В это время стихали войны, снижались торговая и деловая активность. На телеге уже не проедешь, на санях еще рано, снега мало, а под снегом земля еще не промерзла. В такую пору только на теплой печи лежать. Вот в такую погоду к моим воротам подъехал, проваливаясь в снег и грязь, экипаж, запряженный четверкой лоснящихся коней в дорогих пополах. Из кареты, пытая и отдуваясь, вылез толстый вельможа. Камзол выдавал явно иноземное происхождение, на плечах была накинута соболья шуба – это уже точно московская погода заставила. Вельможа важно прошествовал к дому, холоп проводил его ко мне в комнату, помог снять шубу. Вельможа расшаркался, уселся в предложенное кресло. На ломаном русском языке начал разговор.

– Я имею честь представлять короля Англии, Шотландии и Ирландии Якова. По слухам, доносящимся до наших ушей от послов, а также от французского двора, вы, Юрий Кожин, очень искусный лекарь. Король Яков вот уже около полугода болен, его осматривали лучшие медики Англии, Испании и Франции, но назначенное лечение не помогает. Король специально прислал меня в Московию, дабы вы сообразовали поехать в Британию для лечения короля.

Да, была охота в такую погоду ехать в Англию, ближний свет! Вельможа терпеливо ожидал ответа, на его лице не отражалось никаких эмоций. Я решил отказаться – деньги после посещения Нижнего Новгорода у меня были, а поездка в Англию – это ведь не на один месяц.

– Вы знаете, я сейчас занят, у меня много больных, бросить которых я не могу, – сказал я.

– Да это же король! Это не простой смертный, он не может ждать!

– Его лечат лучшие английские врачи, – возразил я, а я тоже не господь бог!

Вельможа посмурил лицом:

– На Балтике нас ждет специально посланный военный корабль, я просто не могу вернуться один, без лекаря. Меня ждут крупные неприятности.

– Хорошо, сколько заплатит король за его лечение?

– Я думаю, что пятьдесят золотых, это серьезная сумма.

– Пятьдесят? Да ваш король скупердяй! Король французский Людовик за лечение сына заплатил вдвое больше. За лечение короля я прошу двести, и не меньше, причем половину сразу, авансом.

Вельможа задумался.

– Я должен посоветоваться с послом Британии, – сухо сказал он и с тем и отбыл.

Они что, думают, что если он король английский, я задаром должен тащиться за тридевять земель через беспокойное в это время года Балтийское море, отрываясь от семьи минимум на пару месяцев? Да нижегородский купец Алтуфий больше дал, а не король, однако. Жадноваты короли – сделал я вывод. Прошло два дня, на третий у ворот появился знакомый экипаж. Из него, сопровождаемый слугой, вышел английский вельможа и проследовал в дом.

Поздоровавшись и усевшись, вельможа важно кивнул слуге, тот сделал шаг от двери, вытащил кожаный мешочек и положил на стол. В мешочке зазвенели монеты.

- Попрошу пересчитать в моем присутствии и написать расписку.

Я пересчитал и написал расписку, вельможа ее перечитал и спрятал за обшлаг рукава.

- Когда вы будете готовы к выезду?

- Завтра с утра жду вас.

- Хорошо!

Собрал инструменты, дорожное платье, поговорил с Анастасией и дал распоряжение Сидору, который оставался за главного в мое отсутствие.

Честно говоря, ехать не очень хотелось, было какое-то неясное предчувствие тревоги. Ночь прошла беспокойно, с бурными ласками Анастасии, как всегда перед моими долгими отлучками.

Утром подъехал возок, уже не на колесах, а на полозьях. Я, провожаемый домочадцами, вышел, Сидор нес сумку с инструментами и баул с вещами. Попрощавшись, сел в крытый возок, поехали. Дорога на санях была более комфортабельной, чем на колесах, но вельможа всю дорогу ехал и стонал, ругаясь по-английски, видно, проклиная всю Россию с ее дорогами, морозами и снегом. До Ревеля добирались долго, дней десять, за это время вельможа со своим нытьем мне ужасно надоел – и дорога, и еда в придорожных трактирах его не устраивали, он мечтал быстрее добраться до цивилизованной Англии. Однако вот и Ревель, порт. У стенки стоял английский военный корабль, если я не путаю – бриг. Когда вельможа по трапу взошел на корабль, команда построилась, а капитан, вытащив шпагу, салютовал вельможе, из чего я сделал вывод, что вельможа чинов не маленьких. Нас развели по каютам, и судно тут же пустилось в путь. Море почти все время штормило, туманы были почти каждый день, и матросы до изнеможения скалывали образующийся на палубе и многочисленных веревках лед. Через неделю пути впереди показалась земля, команда забегала шустрее, приводя потрепанный переходом корабль в пристойное состояние. За время перехода я почти все время просидел в каюте, на палубе ветрено, холодно, на нижние палубы меня вежливо, но твердо не пустили, видимо, опасались, что я могу высмотреть какой-либо военный секрет.

Утром подъехал возок, уже не на колесах, а на полозьях. Я, провожаемый домочадцами, вышел, Сидор нес сумку с инструментами и баул с вещами. Попрощавшись, сел в крытый возок, поехали. Дорога на санях была более комфортабельной, чем на колесах, но вельможа всю дорогу ехал и стонал, ругаясь по-английски, видно, проклиная всю Россию с ее дорогами, морозами и снегом. До Ревеля добирались долго, дней десять, за это время вельможа со своим нытьем мне ужасно надоел – и дорога, и еда в придорожных трактирах его не устраивали, он мечтал быстрее добраться до цивилизованной Англии. Однако вот и Ревель, порт. У стенки стоял английский военный корабль, если я не путаю – бриг. Когда вельможа по трапу взошел на корабль, команда построилась, а капитан, вытащив шпагу, салютовал вельможе, из чего я сделал вывод, что вельможа чинов не маленьких. Нас развели по каютам, и судно тут же пустилось в путь. Море почти все время штормило, туманы были почти каждый день, и матросы до изнеможения скалывали образующийся на палубе и многочисленных веревках лед. Через неделю пути впереди показалась земля, команда забегала шустрее, приводя потрепанный переходом корабль в пристойное состояние. За время перехода я почти все время просидел в каюте, на палубе ветрено, холодно, на нижние палубы меня вежливо, но твердо не пустили, видимо, опасались, что я могу высмотреть какой-либо военный секрет.

Сбросив паруса, на одном лишь носовом парусе корабль медленно втягивался в устье Темзы. В

приветственном салюте громыхнули пушки корабля и береговых батарей с крепости. Мы пришвартовались почти в центре, подогнали карету, и мы с вельможей отправились в королевский замок. На улице был туман, но я во все глаза рассматривал окрестности. Вот и Биг-Бен, его я узнал сразу. Мы въехали во дворец и почти сразу же прошли в покои короля. Камердинер доложил о нас, и двери открылись. Вельможа церемонно поклонился, сделал несколько шагов и поклонился снова. Я повторил его действия, со своим уставом в чужой монастырь не ходят. В огромной спальне с высокими стрельчатыми окнами на кровати под балдахином возлежал мой будущий пациент – мужчина лет сорока пяти – пятидесяти, бледное лицо с усиками, синеватые мешки под глазами. Король о чем-то заговорил с сопровождавшим меня вельможей. Отдельные слова я мог понять, все-таки учил в школе и институте английский, но смысл всей речи от меня ускользал. Появился переводчик, сказал, что мне дозволяется говорить с королем, но это великая честь, и я должен быть краток. Расспросив короля Якова о жалобах, я попросил раздеться и осмотрел его. Диагноз был ясен – аденома простаты, надо оперировать. Вот почему английские врачи не смогли помочь – травы в данном случае не помогут, в лучшем случае – несколько облегчат состояние. Все это я попросил точнее и подробнее перевести королю. Тот со вниманием выслушал, задал кучу вопросов – сложно ли это, больно ли это, какие у меня гарантии и так далее. Я отвечал как можно правдивее – операция тяжелая, шанс на выздоровление есть, гарантий дать никаких не могу – я не Господь Бог. Монарх надолго задумался, как всякому человеку, ему не хотелось ложиться под нож, и он старался поторговаться:

– До меня донесли, что ты искусный лекарь, надо обойтись без операции, я еще не слишком стар.

Со всем возможным почтением я постарался объяснить, что без операции не обойтись, с каждым месяцем состояние будет ухудшаться и в дальнейшем даже операция может не помочь. Король взял время на раздумье, меня отвели в отведенную комнату и покормили. Обед, прямо скажем, был не королевский – жареный цыпленок, тушеные овощи и кислое красное вино. Ладно, пока король будет думать, лягу спать. Ночью ко мне прибежал взволнованный слуга, что-то говоря по-английски, и потянул меня за рукав. Я и так уж понял, что не ужинать зовут, взял инструменты и пошел за слугой. Король в ночной рубашке и колпаке стоял над горшком, тщетно пытаясь помочиться. Спальню оглашали стоны и крики. Слабый, однако, народец, эти английские короли. Я катетером вывел мочу, король сразу успокоился и улегся спать, потоптавшись, я пошел в свою комнату и последовал его примеру. Утром меня не тревожили, я всласть выспался на хорошей перине. Встав, умылся, сходил в туалет. Слуги, видя, что я уже встал, принесли овсяную кашу с изюмом и вино, от которого у меня еще вчера была изжога. Черт побери, кормежка у французов мне понравилась значительно больше, про вино я вообще промолчу. Интересно, а что пьют англичане? И вдруг в голове мелькнуло – эль! Вот что надо попросить у слуг, а не это вино. Но до эля дело не дошло, проснувшись, король потребовал лекаря. Дозрел, видно, за ночь. Переводчик монотонно бубнил:

– Его величество обдумал ваше предложение и изволяет высочайшее согласие, но обязательно присутствие английского хирурга.

Я не возражал, и операцию решили провести на следующий день. В этот же день я отлеживался в постели, к спиртному не притрагивался, мысленно проигрывая ход операции. С утра появился приятного вида старичок в мантии, переводчик представил его как королевского хирурга Патрика. Через переводчика я попытался выяснить уровень подготовки англичанина – делал ли он подобные операции, оказалось – нет, но рад будет посмотреть. Лучше бы помощь оказал, чем учиться, да еще на короле. Но выбирать не приходилось. Я вкратце пересказал ход операции, мы пришли в медицинскую комнату, оказывается, во дворце была такая с примитивным операционным столом, скудным набором инструментов. Под руки привели

короля, мы вдвоем с Патриком уложили его на стол, я напоил короля настойкой опия, вместе с англичанином вымыли руки. Все свои действия я пояснял подробно, пока возражений или вопросов не было. Обработав живот высокопоставленного пациента спиртом, приступили к операции. Патрик внимательно смотрел, причем даже оказывал маленькую помощь, промокая кровь салфетками или держа крючки для расширения раны. Послойно разрезав кожу, мышцы, стенки мочевого пузыря, добрался до простаты. Этот доступ к аденоме называется в медицине чреспузырным. Вылутил узел простаты, все аккуратно зашил. На операцию ушло около полутора часов, закончилось все благополучно. Король постанывал, но пульс и дыхание были удовлетворительными. Наложили повязку, и по знаку Патрика четверо дюжих гвардейцев, осторожно переложив короля на ковер, унесли в королевскую опочивальню. Мы с Патриком вымыли руки, затем он набил трубку табаком и предложил мне. Давненько я не курил, даже запаха табака давно не ощущал. На Руси табак еще не был распространен, церковь относилась к курению резко отрицательно, предавая анафеме.

Мы уселись на стулья, закурили по трубочке. Табак на удивление был хорош – легкий, ароматный, с привкусом то ли дуба, то ли еще какого-то дерева. Сделав затяжку, я удивился, затем одобрил:

- Very good!

Эти слова даже при моем скудном словарном запасе я знал. Лицо Патрика расплылось в самодовольной улыбке.

- Вест-Индия!

Он поднял указательный палец. Я очень давно не курил, с непривычки слегка закружилась голова. Патрик достал бутылку виски, разлил по рюмкам. Мы выпили – это оказалось отменное виски. Я одобрительно поднял большой палец. Патрик захохотал и хлопнул меня по плечу. Затем через переводчика я ответил на его многочисленные вопросы, начиная, чем протирал живот и кончая вылушиванием узлов. Разговор продолжался долго, часа два, под конец я попытался сказать, что теперь мне надо проведать пациента. Патрик удивился:

- А зачем? У его постели будут бесменно дежурить два английских врача, при ухудшении состояния вас немедленно известят, единственная просьба – не уходить из дворца, дабы вас можно было быстро найти. Такие руки, как у вас, – Патрик завистливо покосился на мои руки – надо беречь, они стоят значительно дороже золота.

Он не предполагал, что в далекой Московии могут быть хирурги такого уровня. Поскольку он является членом Британского общества хирургов, просит разрешения подробно описать ход операции на собрании. Я великодушно согласился. Поскольку за операцию я все-таки устал, причем больше сказывалось нервное напряжение, все же король, владыка половины мира, если считать колонии, ошибка могла бы мне дорого стоить, решил отдохнуть. Утром, не надеясь на английских коллег, пошел взглянуть на пациента. Состояние было неплохим. Король постанывал, капризничал – но на то он и монарх, повязка была почти сухой, рядом сидели два врача в зеленых камзолах, возле них лежали перевязочные материалы. Я пощупал лоб, небольшая температура была. Дав некоторые указания, взяв переводчика, я отправился побродить по дворцу, не каждый день приходится бывать в замке английских королей. Я помнил, что дворец французского короля Людовика мне так и не удалось осмотреть. Меня проводили в картинную галерею, где были портреты всех родственников короля, осмотрел доспехи и оружие, причем кое-что смог надеть на себя ради интереса. Затем отправился обедать. Меня обслуживали быстро, вежливо, но как-то уж безразлично. У всех слуг каменные, ничего не выражающие лица. То ли вышколены во дворце, то ли все англичане такие. Уныло

прошла неделя, король начал вставать, легко самостоятельно мочиться. По-моему, он обо мне и не вспоминал. Дня через три через переводчика, совместно с Патриком, я осмотрел короля Якова, признал его состояние удовлетворительным, в моих услугах он больше не нуждался. Патрик был со мной согласен. Я напомнил королю, что хорошо бы со мной рассчитаться, и попрощался. Часа через два в мою комнату вошел королевский казначей, скривясь, отсчитал золотые и попросил расписку, которую я незамедлительно написал. Да, порядок в Англии был, это не французский двор, уж я-то мог сравнить. Следом после ухода казначея вошел вельможа, что сопровождал меня по пути в Англию, объяснил, что во дворе стоит экипаж, который отвезет меня в порт, корабль ждет меня, капитан предупрежден, и меня доставят назад в любой порт на побережье Балтики. Мы раскланялись, я собрал свои небогатые пожитки и сумку с инструментами и вышел. Сопровожденный слугой, который нес сумки, сел в экипаж и направился в порт, по дороге снова разглядывал улицы, дома, мосты. Тумана в этот день не было, и можно было хоть что-то разглядеть. У пристани стоял прежний бриг, дежурный матрос позвал дежурного офицера, тот узнал меня, и я поднялся на борт. Меня поместили в ту же каюту, бриг поднял паруса и вышел в море. Ветер был небольшой, и ход был невелик. Но постепенно земля скрывалась из виду. Я стоял на палубе, глазел, как матросы четко и быстро выполняют команды.

Вдали показались паруса трех кораблей, они шли встречным курсом, быстро сближаясь. Капитан со старшим офицером долго смотрели в подзорные трубы, взволнованно переговариваясь. Засвистела боцманская дудка, матросы резво забегали, заскрипели люки оружейных портов. Похоже, корабли были неприятельские. Я подошел к старшему офицеру – указал рукой на корабли, он коротко бросил.

- Испания!

Вот дела, мне не хватало встрять в морской бой, тем более один корабль против трех неприятельских навевал нехорошие предчувствия. Сделать что-либо я не мог, просто стоял, опершись на борт, и глазел, как испанцы обходят нас слева и справа. Слева по ходу надвигались два судна, по размеру вроде нашего – кажется, каравеллы, а справа тяжеловесной тушей подходил здоровенный галеон. Порты всех орудий были открыты, было уже видно, как на палубе суетятся матросы. Если сейчас грохнут, нам будет полный капут. С галеона засемафорили флажками, на английском бриге спустили паруса, и мы остановились. Вокруг капитана собрались офицеры, матросы с боцманом стояли у мачт, все ждали дальнейшего развития событий. От галеона отвалила шлюпка, стала приближаться к нам. Сам галеон – здоровенное судно с тремя рядами оружейных портов по борту – стоял недалеко, не более чем в кабельтове. Было видно, как испанский капитан стоит на корме и наблюдает за нами в подзорную трубу. Шлюпка подошла, с брига сбросили веревочный трап, и испанцы полезли на корабль. Первым на палубу взобрался молодой испанский офицер в расшитом золотом синем мундире, за ним посыпались матросы, держа в руках короткие абордажные сабли, но сопротивляться никто и не думал. Офицер подошел к англичанам, протянул руку, и капитан отдал ему свою шпагу. Испанец повернулся к галеону и в высоко поднятой руке помахал шпагой в ножнах. Как я понял, мы попали в плен. Мои нехорошие предчувствия еще там, в Москве, меня не обманули. Похоже, и деньги плакали, и сам теперь в испанском плену окажусь. И дернуло же меня связаться с англичанами. От галеона отвалила еще одна шлюпка, на палубу взобралась новая партия испанцев. Офицеров разоружили, отвели в кормовую каюту, меня после разговоров капитана и испанского офицера поместили к ним же. Матросов заперли в трюме. И у трюма, и у кают с офицерами поставили вооруженных часовых. По судну чувствовалось, что оно делает поворот, испанцы подняли паруса, и в окружении трех испанских судов английский бриг направился на юг, в Испанию. Английские офицеры вели себя спокойно, достали из шкафчика виски или бренди, уселись на пол и занялись

поглощением алкоголя, неспешно переговариваясь. Было такое ощущение, что они не больно-то и переживали пленение и сдачу корабля. Для военной любой страны это позор, сдача вместе с судном без боя – позор вдвойне. Конечно, война в Европе идет давно, и воюющие страны от нее подустали, но не до такой же степени. Может быть, выдержка у англичан отменная? Скорее всего после окончания военных действий их обменяют на испанских пленных или выкупит английская казна. Я же сам по себе, обо мне английский король беспокоиться не станет, и как гражданскому лицу обмен на пленного испанца мне не грозит тоже. Может, по прибытии на место требовать интернирования? Россия сейчас ни с одной страной Европы не воюет, а с Испанией не воевала никогда, капитан судна должен подтвердить, что меня привезли из России и везли обратно, ни в каких военных действиях я участия не принимал. Другой вопрос – поверят ли пленному англичанину испанцы, а если и поверят, захотят ли отпустить? О жестокости испанцев разговоров было полно, слухи докатывались и до России. Могут посадить гребцом на галеры, век тогда не освободишься, тем более ростом и силой я не обижен. За размышлениями я не заметил, как наступили сумерки. Изредка небольшими группами нас выводили в туалет, дали питьевой воды. Офицеры улеглись в каюте на пол и дружно принялись храпеть. Ко мне же сон не шел, я крутился на жестких досках пола и строил планы своего освобождения. Ничего разумного в голову не приходило – ну не бросаться же с корабля в открытое море. С тем под утро и уснул. Нас в каюте никто не беспокоил, только в полдень принесли питьевой воды и сухарей. К вечеру по палубе раздался топот ног матросов, захлопали опускаемые паруса. Один из офицеров, стоя у кормового окна, сказал, что узнает эти берега – мы приближаемся к Картахене, одному из портов Испании. Мимо проплыли гранитные, обросшие мхом валуны портовой крепости, из амбразур торчали внушительные чугунные стволы крепостных пушек. Корабль мягко стукнулся о причал, пришвартовались. Часа через два открылась дверь, и нас поодиночке стали выводить из каюты. Стоящие у входа матросы накидывали веревочные петли на шею, связывали руки. Мы образовали цепочку связанных между собой людей. Спереди и сзади встали матросы из охранения, на плече у каждого висел мушкет, в руке обнаженная абордажная сабля. По трапу нас согнали на причал, где уже находились связанные матросы, и погнали в город. Среди матросов и офицеров раздавались возгласы «Картахена», видно, кто-то из них ранее посещал этот порт и город, но мало кто тогда знал, что придется вернуться в ином качестве. Дорога поднималась в гору, не доходя до города, мы свернули на боковую дорогу и через километр уткнулись в ворота крепости. Команда судна была слишком велика, чтобы поместить ее в городскую тюрьму, и нас решили заточить в крепости. Ворота со скрипом распахнулись, нас провели по территории. Пока мы медленно шли, я старался рассмотреть, где что находится: вон вдали крепостная стена с пушками, почти в центре трехэтажное каменное здание, вероятно, комендатура крепости и крепостные службы, у небольшого домика толкуются испанские солдаты, в руках у них миски с похлебкой – тоже понятно, что кухня. Крепость была окружена только тремя стенами, с четвертой стороны – гора с довольно крутыми склонами. У подножия горы – небольшая дверь и часовой. Надо запомнить на всякий случай, скорее это склад, вот только какой – артиллерийский или продовольственный? Больше толком ничего рассмотреть не удалось. Нас затолкали в подвал, предварительно сняв веревки, да и зачем они были нужны, в стенах у самого потолка маленькие оконца с толстыми решетками, единственная железная дверь с двумя часовыми. Причем наша импровизированная тюрьма внутри крепости, где полно солдат, шансов сбежать отсюда тоже нет, надо было ждать удобного случая. В подвале было прохладно и сыро, на полу валялась слежавшаяся солома, в углу пищали крысы, с потолка капало. С непривычки уснуть здесь было тяжело, но сморенный усталостью, я нашел себе местечко, лег и уснул. Утром увели капитана и принесли воды с сухарями. Во время дележки сухарей я заметил у некоторых матросов ножи. Нас не обыскали на судне, крепостные вояки понадеялись на моряков, не видно в руках сабель и шпаг, а на плечах мушкетов, да и ладно. Вернулся капитан, переговорил с офицерами и подошел ко мне. Насколько я смог понять – из всей команды заинтересовались мной. Как бы интерес этот не

вышел боком, испанцы большие любители жестоких пыток. Не успел я обдумать слова капитана, как пришли за мной, нашли безошибочно, ведь я единственный был в гражданской одежде, офицеры и матросы английского брига все были в форме. Как я и предполагал, меня повели в трехэтажное здание в центре крепости. Я как можно незаметнее попытался передвинуть оставшийся у меня пистолет подальше, чтобы он был хорошо прикрыт полой камзола. Меня провели в большую комнату на первом этаже, где за столом сидели два сеньора в испанской военной форме. Один был уже стар и сед, но строен и подвижен, в расшитом золотом камзоле и широкополой шляпе, второй значительно моложе и упитанней. Испанцы начали разговор по-английски, но я сразу сказал: «Ноу» и развел руками, продолжили на испанском, затем немецком, но я лишь разводил руками и повторял: «Русо, Московия». Испанец сделал знак, и меня снова увели в подвал. До вечера меня никто не беспокоил, но уже утром снова повели в комендатуру. Были те же лица, но прибавился еще один человек, сидящий в углу на стуле. Одет был скромно, если не сказать бедно, причем в гражданскую одежду. Переводчика отыскивали – догадался я. И точно, испанец спросил, кто я такой и как попал на английский военный корабль, переводчик складно перевел, говорил он со странным акцентом, но понять его было можно. Я объяснил, что я лекарь из Московии, звать меня Юрий Кожин, по приглашению английского короля был в Англии, чтобы лечить короля Якова. После того, как переводчик перевел, седой расхохотался.

- Неужели в Англии перевелись хорошие врачи, что из далекой Московии, где люди ходят в шкурах зверей, надо было приглашать лекаря? Чем ты можешь подтвердить свои слова?

Я подумал:

- На английском корабле в сумке мои медицинские инструменты и награда за лечение – сто золотых монет. Пусть ваши люди проверят.

При упоминании о золотых монетах глаза обоих испанцев жадно блеснули. Больше меня ни о чем не спрашивали и снова отправили в подвал. Я хоть немного подышал свежим воздухом, стараясь идти медленно, в подвале воздух был влажным, спертый, вонючим из-за скученности и отсутствия туалета. На следующий день меня снова повели к коменданту. На этот раз, кроме троих уже известных мне лиц, присутствовал еще один, судя по подобию поведению испанских офицеров, довольно важная шишка. На его лице застыла гримаса презрения к окружающему миру, глазки злобно посверкивали. На столе лежала моя сумка с медицинскими инструментами, было видно, что в ней копались.

- Неужели в Англии перевелись хорошие врачи, что из далекой Московии, где люди ходят в шкурах зверей, надо было приглашать лекаря? Чем ты можешь подтвердить свои слова?

Я подумал:

- На английском корабле в сумке мои медицинские инструменты и награда за лечение – сто золотых монет. Пусть ваши люди проверят.

При упоминании о золотых монетах глаза обоих испанцев жадно блеснули. Больше меня ни о чем не спрашивали и снова отправили в подвал. Я хоть немного подышал свежим воздухом, стараясь идти медленно, в подвале воздух был влажным, спертый, вонючим из-за скученности и отсутствия туалета. На следующий день меня снова повели к коменданту. На этот раз, кроме троих уже известных мне лиц, присутствовал еще один, судя по подобию поведению испанских офицеров, довольно важная шишка. На его лице застыла гримаса презрения к окружающему миру, глазки злобно посверкивали. На столе лежала моя сумка с медицинскими инструментами, было видно, что в ней копались.

инструментами, было видно, что в ней копались.

- Мы проверили твои слова, московит, в сумке действительно лекарские инструменты, но сумку ты мог взять с собой для того, чтобы укрыть тайные дела, признавайся!

- Мне не в чем признаваться, я только лечил короля!

- Мы подозреваем, что ты являешься тайным послом московитского царя Михаила, посещая Англию, чтобы сговориться о союзе Московии и Англии в совместной войне против Испании.

- Нет, я не тайный посол, все, что я умею, это лечить, причем очень хорошо, если вы можете проверить, то я лечил сына французского короля Людовика.

Испанцы переглянулись.

- Проверка займет слишком много времени, за лекарем не будут посылать военный корабль во время войны, здесь кроется какая-то тайна. Скажи, зачем ты был в Англии, какие грамоты передал королю Якову, или послание было только на словах. О чем сговариваются московитский царь Михаил и английский король?

Я лишь пожал плечами в ответ. Такого развития события я не предполагал, могли бы спросить о состоянии здоровья короля или еще какие-либо вопросы, но заподозрить во мне тайного лазутчика или посла?

Хотя и в самом деле, для испанцев некоторые основания для подозрений были. Почему за гражданским лицом послали военный корабль в далекую страну, когда корабли нужны на войне? Стало быть, лицо надо доставить в целости, пушки хранят секреты лучше, чем сундуки. Опять же, при мне в каюте было значительное количество золотых монет. Поди угадай, за что, за лекарскую ли работу, на подкуп нужных лиц и еще за что-либо? Определенно, испанцы имеют основание для подозрений.

Испанцы посовещались, незнакомый мне тип со злобещей улыбкой пообещал завтра разговорить меня с помощью палача, ведь «испанские сапоги» разговорят любого. Меня снова увели в подвал. Похоже, завтра за меня возьмутся всерьез, что им и в самом деле стоит пригласить для неразговорчивого московита палача? Сказать я все равно ничего не смогу, так как не знаю, о чем речь, испанцы это воспримут как упорство и стойкость и будут пытаться еще сильнее. В конце концов за несколько дней сделают из меня калеку. Видно, подходит момент для решительных действий. В узилище я подошел к одному из матросов, знаками показал, что хочу его нож, тот достал его из ножен, повертел его передо мной и потер большим пальцем об указательный, жест понятный всем. Я снял с пальца золотое кольцо и протянул его, взамен получил нож с ножнами и сунул его за пояс. Теперь у меня были пистолет с одним зарядом и нож. Лучше умереть, чем попасть в руки палача.

Ночь прошла беспокойно, я мысленно проигрывал различные варианты, но все они были утопическими. Уж воевать испанцы умели, и я не думаю, что в крепости солдаты были неумехи. Ладно, ввяжемся в бой, а там видно будет. Как говорится - «бог не выдаст, свинья не съест».

Утром я проснулся бодрым, несмотря на то, что спал мало, по жилам бежала кровь с адреналином, тело было готово к схватке. Как и оказалось, меня снова повели на допрос. Я старался идти медленно, исподтишка оглядывая крепость. До ворот далековато, но от горы в сторону стен и ворот был уклон, для того, что я задумал, это было то, что надо. Завели в комнату, где сидели испанцы. На этот раз рядом с переводчиком я увидел палача -

одноглазый, с повязкой на пустой глазнице, со шрамом через всю щеку, в кожаном переднике, он только своим видом наводил страх. Сопровождающий меня солдат вышел. Вся троица сидела за столом, развалилась в креслах. Я решил использовать фактор неожиданности – выхватил пистолет и выстрелил в главного, что сидел с надменным лицом и обещал вчера пытать. От неожиданности все оцепенели, я выхватил нож и метнул его в коменданта. Нож попал очень удачно, я боялся, поскольку давно не тренировался, что он попадет ручкой или плашмя. Но нож вошел хорошо, чуть выше левой ключицы, в шею, почти по самую рукоять. Не давая опомниться, я подскочил к оседающему в кресле коменданту, выхватил из ножен его шпагу и резанул по горлу второго офицера. Захрипев, он повалился лицом на стол. В это время приоткрылась дверь, и зашел солдат, с недоумением глядя на побоище. Не давая ему времени вытащить саблю или снять с плеча мушкет, я перепрыгнул через стол и всадил шпагу ему в живот. Резко побледнев, он упал на пол. Но я недооценил палача. Пока я занимался офицерами, он схватил какие-то железные щипцы и ударил меня. Краем глаза я успел заметить предмет, летящий мне в голову, и успел отклониться. Каким-то чудом железняка пролетела мимо головы и больно ударила по плечу. Второй раз ударить у него не получилось, я ударил шпагой его в шею, провернув для верности. Единственный его глаз, до того пылавший злобой, помутнел, подернулся пеленой, и палач упал, засучив ногами. В углу сидел бледный переводчик, не ожидавший такого поворота событий. Он трясся от страха, глаза от ужаса лезли из орбит. От греха подальше я связал его и заткнул кляпом рот. Затем раздел убитого солдата, кое-как натянул на себя его форму. Если камзол еще налез, то штаны трещали по швам, сапоги оставил свои. На голову водрузил испанскую шляпу, опоясался солдатским поясом, на котором висели подсумки с порохом и пулями, подвесил к поясу солдатскую саблю в ножнах, она для меня была привычнее шпаги, взял в руки мушкет и выглянул в окно. В крепости пока было все спокойно. Поскольку звук пистолетного выстрела приглушили толстенные стены, беспокойства в стане противника не было. Я колебался, попытаться освободить матросов с английского брига или выбираться самому. Были бы русские, я бы не сомневался, но ведь может получиться, что я прорвусь с боем ко входу в подвал, без шума эта затея не обойдется, поднимется тревога, а команда брига может и не поддержать меня, по моему, они уж очень легко сдались испанцам. Не получится ли так, что я останусь один на один с разъяренными испанцами, это как сесть голой задницей в развороченный улей диких пчел. Нет, рисковать попусту не стоит, я не настолько уверен в патриотизме англичан. Еще был вариант – сразу идти к воротам – но пропуска у меня нет, пароля не знаю, солдатам не знакомо мое лицо, а наверняка в крепости они знают в лицо друг друга. Тоже не пройдет вариант. Оставался еще один, к которому я склонялся, лежа ночью в подвале. Я еще раз выглянул в окно, вдали на плацу маршировали солдаты, у кухни толкались несколько испанцев, было спокойно. Мой расчет строился на входе в пещеру, где стоял часовой. Если это артиллерийские погреба, все должно быть хорошо, если же это вещевой или провиантский склад, то я пропал. Я вышел из комендантского здания и спокойным шагом направился к двери в пещеру. Пока на меня никто не обращал внимания – ну идет себе солдат по крепости, что здесь необычного. Сердце мое колотилось, казалось, на меня обращены все взгляды, хотелось припустить бегом, и приходилось сдерживать себя, раскрываться раньше времени не стоило. Я подходил к часовому ближе и ближе, наконец, когда нас разделяло метров двадцать, он забеспокоился, лица из-за низко надвинутой шляпы он разглядеть не мог, но что-то ему не понравилось – мундир ли сидел не так, или еще что-либо его встревожило, но он рывкнул что-то по-испански и снял с плеча мушкет. Я продолжал идти прежним шагом. Часовой приложил к плечу мушкет, но я был настороже, и когда грянул выстрел, упал на землю. Пуля просвистела высоко надо мной. Зато я не промахнулся, из положения лежа в стоящего человека с двадцати шагов попадет даже начинающий стрелок. Я несколькими прыжками подскочил к двери и прикладом мушкета стал сбивать замок. Выстрел и удары мушкета привлекли внимание. От марширующих на плацу солдат отделился сержант – или кто у них там в испанской армии – и быстрым шагом направился ко мне. Вероятно, издали он принял нашу

перестрелку за пьяную разборку двух солдат. Проклятый замок не поддавался, я засунул ствол мушкета за дужку и, действуя им, как рычагом, сломал наконец замок и распахнул дверь. В лицо дохнуло прохладой и, мне на радость, пушечной смазкой. Артиллерийский склад! Сержант что-то кричал, вынимая на бегу из ножен шпагу. Ага, дождались! Я бросил мушкет с погнутым от моего усердия стволом, заскочил в пещеру и закрыл за собой дверь на засов. Дверь была серьезной, толщиной сантиметров пять, дубовая и обита бронзовыми полосами. Какое-то время у меня оставалось, такую дверь сломать непросто. В пещеру сверху, через узкое отверстие, проникал скудный свет, царил полумрак, ну конечно, испанцы должны были позаботиться о естественном освещении, не со свечками же им ходить среди бочек с порохом. Я немного постоял, пока глаза не привыкли к полумраку, и когда стал различать окружающие меня предметы, двинулся по пещере. Она имела несколько ответвлений, правда, были они короткими, метров по пятьдесят. Я беспокоился, нет ли второго входа, иначе мне придется туго. Но галереи были плотно заставлены бочками с порохом, в пирамидах стояли мушкеты, в другой галерее хранилось холодное оружие – шпаги, сабли, боевые топоры, алебарды. За полчаса я успел по-быстрому обойти все помещения. Устроено все было солидно, в горе руками рабов была выдолблена пещера, самое лучшее укрытие для любого склада – ни стены не разобрать, ни подкоп не сделать, да и крыша никогда не протечет. Со стороны двери раздались крики и удары, затем грянуло несколько выстрелов. От двери полетели щепки, появилось несколько пробоин. Однако раздался сердитый голос сержанта – до него дошло, что стрелять в пороховой погреб чревато взрывом. Я не спеша зарядил несколько мушкетов со склада, выбрал со стеллажа хороший нож толедской стали отличной выделки в кожаных ножнах и сунул его за пояс. Снял с себя мундир испанского солдата, оставшись в гражданской одежде. Осторожно подкрался к двери и заглянул в одно из пулевых отверстий. У дверей стояло несколько испанских солдат. Сержант с десятком солдат стоял у здания коменданта и яростно спорил, размахивая руками. Ага, ну это понятно – нашли убитых и выясняют, кто да зачем, похоже, офицеров в крепости не осталось, и решения теперь придется принимать сержанту. Жалко, что на этом складе не было продовольствия, есть и пить хотелось сильно, пустой желудок бурчал. За дверью слышались шаги, я заглянул в дырку – перед дверью стояли сержант и переводчик. Этот уже рассказал страшилки про меня, теперь испанцы знают, кто их противник.

- Выходи добровольно, мы тебя не тронем, пусть судит королевский суд!
- И ваш суд меня отпустит?
- Это не наше дело, все равно долго не усидишь, там нечего кушать!
- А мне здесь нравится больше, чем в вашем вонючем подвале.

В ответ раздались ругательства, переводчик не переводил, но было понятно и так.

Часа через два у двери слышался шум, я приготовил несколько мушкетов, взвел курки и положил на ящик возле себя. Слышался стук топоров, испанцы пытались прорубить двери. Я схватил мушкет, выпалил в дверь, отбросил его и схватил второй, выстрелил, снова отбросил и, схватив третий, пальнул еще раз. За дверью слышались крики боли, видно, кого-то ранило. Стук топоров прекратился, к двери теперь боялись подходить близко. Я не спеша перезарядил мушкеты, положил их на ящик и пошел обследовать галереи пещеры более обстоятельно. Глаза уже привыкли к полумраку, и детали я различал более отчетливо. Нашел несколько небольших бочонков с порохом, килограммов по двадцать каждый, остальные были значительно больше – килограммов по пятьдесят-шестьдесят, и ворочать их было тяжело. Нашел и некое подобие бикфордова шнура – из ткани, набитый крупнозернистым плотным

порохом. Я отрезал кусок в десять сантиметров, отошел от пороха подальше и поджег. Пока огонь горел, я считал, успел досчитать до пяти, пока кусок не сгорел. Теперь приблизительно я знал, какой длины шнур мне нужен. В дне всех бочонков проковырял ножом дырки, отрезал огнепроводный шнур и закрепил его на дне бочек. У меня образовались шесть просто замечательных бомбочек. Пора браться за большую бочку. Я подкатил ее к остальным, провертел дырку и воткнул небольшой фитиль, рассчитанный секунд на пять – семь. Подобрал на полке пару пистолетов и прочистил, зарядил, сунул себе за пояс, перезаряжать их потом будет некогда, придется бросить. Взял с полки незаряженный пистолет, коих здесь еще лежало много, и пощелкал курком, попробовал еще несколько и выбрал тот, который давал хороший сноп искр. Будет у меня вместо зажигалки. Я тихонько подкрался к двери и осмотрелся. Метрах в десяти стояли трое вооруженных солдат, вся остальная масса толкалась у кухни. Правильно, зачем всей толпой охранять одного москвитя, который к тому же и заперся. Надоест сидеть впроголодь – сам выйдет. Я решил подождать, пока наступят ранние сумерки. Солдаты наверняка хорошо знают окрестности, а мне ночью будет проще спрятаться. Прошло часов пять-шесть, часов у меня с собой не было, они остались с вещами на бриге. Время не прошло зря, прощаться так прощаться, я удумал испанцам еще один подарок, на этот раз большой. Ишь, попытать меня решили, будете долго помнить русского пленника. Собрал в центре, на небольшой площадке, куда сходились все галереи, несколько больших бочек пороха, к каждой пристроил по длинному куску огнепроводного шнура и связал их в центре в единый пучок, чтобы можно было поджечь все одновременно. Начало смеркаться, тени сначала стали длинными, затем начали расплываться и исчезли. Пора! Я собрался с духом, заглянул еще раз в пулевые дырки в двери. У дверей недалеко стояли два солдата, остальные бродили по крепости, кто-то пил вино из бутылок, кто-то играл в кости, собравшись в кружок. Все расслаблены, не у всех даже при себе видно оружие. В самый раз. Я поджег большие бочки в центре, подбежал к маленьким у входа, поджег их, резко распахнул дверь и выстрелил из обоих пистолетов в обоих часовых. Одну за другой я выкатывал маленькие бочонки с горевшими фитилями и толкал их от пещеры. Поскольку уклон был от горы в сторону стен крепости, все шесть бочонков дружно раскатились по внутреннему двору. Сначала никто ничего не понял, но вот солдаты узрели дымящиеся фитили в знакомых пороховых бочонках и в панике бросились врассыпную. Солдаты сталкивались друг с другом, кричали и указывали на катящиеся бочонки. Прямо броуновское движение. Причем бочонки наталкивались на камешки, их траектория постоянно и непредсказуемо менялась. И вдруг, неожиданно даже для меня, грохнул первый взрыв, взметнулось пламя, полетели куски земли, камней, части человеческих тел, облако дыма затянуло место взрыва, не давая мне вдоволь полюбоваться на творение своих рук. Второй взрыв, третий! Паника наступила просто мировая! Один из бочонков ударился в стену комендантского дома и, пошипев шнуром, взорвался, снеся при этом половину дома. Еще один докатился до стены и взорвался там, изрядно повредив стену и сбросив вниз одно из орудий. Последний грохнул почти на плацу, разметав несколько солдат. Пора и нам, время поджигало, я буквально спиной чувствовал, как горят фитили в центре галереи. Подкатив большую бочку к выходу, я зажег фитиль и стал толкать бочку в сторону ворот. Катилась она сама легко, приходилось лишь подправлять направление. Завидев меня, бегущего за бочкой с горящим и дымящим фитилем, стража у ворот разбежалась. Я видел, что фитиля осталось немного, буквально на несколько секунд. Подправив в последний раз направление катящейся бочки, я упал на землю и прикрыл голову руками, зажимая уши. Грохнуло значительно сильнее, чем от первых бочонков, меня сильно подбросило и приложило о землю. В ушах звенело, я на какое-то время оглох. Зато ворот и стоящих рядом башен не было, лишь дымились обломки. Я вскочил и бросился в пролом, всем нутром ощущая, что сейчас рванет арсенал. Вдогонку за мной все-таки бросились несколько наиболее упертых солдат. Видно, гибель сослуживцев их сильно разозлила. Выскочив из крепости, помчался по дороге, но, не успев отбежать и ста метров, услышал за спиной чудовищной силы рев, обернувшись, увидел, как часть горы приподнялась, откуда, как из жерла вулкана, выплескивалось пламя, вылетали

огненные головешки. Воздушной волной меня сбило с ног, мои преследователи просто кувыркались по дороге. Головешки попадали на деревянные крыши зданий, и дерево принялось гореть. В крепости разразился рукотворный ад. Не теряя времени, снова вскочил и бросился бежать. Меня преследовали лишь пять или шесть солдат, хуже всего было то, что в руках они держали мушкеты, а у меня за поясом были лишь один заряженный пистолет и нож. Раздалось несколько выстрелов, но пули просвистели далеко, но если меня догонят, будет плохо, я не смогу с ножом обороняться от нескольких опытных солдат. Темнело, я начал спотыкаться о камни на дороге, сказывались усталость, нервное напряжение и голод. Бежать становилось все тяжелее, пот заливал глаза. Справа мелькнула гладь моря, дорога в этом месте делала изгиб, вплотную приблизившись к обрыву, подбежав, я посмотрел вниз, в темноте трудно было определить высоту, я не знал, глубоко ли у берега, но особого выхода не было, я разбежался и прыгнул вниз. После мгновений полета я шумно упал в воду, к счастью, не ударившись о камни, коих здесь было много. Вынырнув на поверхность, я поплыл к берегу, он оказался недалеко, буквально в десяти метрах. Под кручей оказался узенький участок каменистого берега, покрытый скользкими водорослями. Прижавшись вплотную к скале, я притих. Сверху раздавались возбужденные голоса преследователей. В темноте они меня не видели, скорее всего гадали – разбился я или нет. Преследователи некоторое время потоптались на месте, но удобных мест для спуска не было, а лезть в темноте по крутому склону охотников не нашлось, и испанцы вскоре ушли. Надо было уходить и мне, по возможности поскорее. Такой грохот слышали и пламя пожара наверняка видели в городе, и скоро придет помощь. Стоило испанцам послать несколько лодок или мелких суденышек, как меня можно будет брать чуть не голыми руками. Порох в пистолете намок, и толку теперь от него нет, потому что нет сухого пороха, но выкидывать его я пожалел. Спотыкаясь о камни в темноте, оскальзываясь на водорослях, я двинулся дальше от крепости и города. Надо было до рассвета уйти как можно дальше, если поймут, думаю, жестокой казни не избежать. Все-таки на моей совести разрушенная крепость и десятки, если не сотни убитых солдат короля Филиппа. Сейчас никто не поверит, что я лекарь. Я брел всю ночь, уже скрылись из виду огоньки города и пожарище в крепости. Небо становилось серым, задул легкий ветерок, я замерз в мокрой одежде. Хоть в Испании и зима, но температура градусов десять-пятнадцать тепла, если бы не мокрая одежда, было бы совсем неплохо. Я нашел расщелину, укрытую кустами, разделся, выжал одежду и прилег отдохнуть. Сил бежать или даже идти уже не было. Каменистая земля за ночь совсем остыла, было холодно. Пока я шел, было терпимо, но лежать в неподвижности – холодно, зуб на зуб не попадал. Смороенный усталостью, я уснул. Проснулся, когда уже было светло, тело немного отдохнуло, и я стал думать, что делать дальше. Нет сомнений, что испанцы разошлют гонцов во все города и поселки вокруг Картахены, и идти по дорогам было равно самоубийству. Пробираться по берегу – долго и тяжело. К тому же я решил пробираться на север, во Францию, а по суше передо мной встали бы горы Пиренеи, почти непроходимые зимой. Оставался только водный путь. По-моему, самое разумное – идти по берегу до первой рыбацкой деревушки, украсть там лодку и на веслах, а если повезет и под парусом, двигаться на север. Я поднялся и пошел по побережью. Сегодня идти было несколько легче – было светло и хотя бы видны камни, во-вторых, одежда подсохла и не липла к телу. Часа через полтора-два, когда солнце уже почти стояло в зените, показалась маленькая рыбацкая деревушка – на берегу сушились сети, лежали лодки. К сожалению, я не мог подобраться поближе, несколько рыбаков смолили дно лодки, рядом бегали дети. Наверняка сразу поднимется тревога. Залег в кустах недалеко от деревни и решил дожидаться удобного момента. В обеденное время рыбаки и дети ушли в деревню, сиеста. Согнувшись, я подбежал к лодкам. Вот незадача – лодки были, но не было весел, рыбаки уносили их с собой. Решил пробираться по берегу дальше. Отойдя несколько километров, увидел невдалеке от берега рыбацкую лодку. Была она невелика, но с небольшой мачтой – стало быть, был и парус. Видны были два рыбака, они стояли в лодке спиной к берегу и вытаскивали сети. Пожалуй, момент подходящий. Стараясь не шуметь, я вошел в холодную воду и поплыл. Сапоги мешали, но и

сбросить их я не решился, если бы я был босиком, недалеко мне удалось бы убежать по береговым камням. Тихонько я подплыл к лодке, рыбаки меня не замечали, взялся за борт и рывком влез в лодку. Лодка от моего веса качнулась, и рыбаки обернулись. Один рыбак был молодым парнишкой лет пятнадцати, второй – стар, сед и сух, однако лицом они были похожи, скорее всего внук и дед. Внук выхватил из-за пояса нож и двинулся ко мне, я вытащил из-за пояса пистолет и направил на него. Видя такой оборот дела, дед что-то приказал внуку, и тот остановился. Я жестом показал парню, чтобы он выбросил нож за борт, что он с видимой неохотой и сделал. Знали бы они, что порох сырой и выстрелить из пистолета невозможно, наверняка никто из них не общался с огнестрельным оружием. Человек, вылезший из воды, просто не может сохранить огнестрельное оружие действующим. Я показал пистолетом на сети – выбирайте, мол, и дальше. Пока сети не выбраны, хода у лодки нет. Испанцы выбирали сети, тихо переговариваясь. Я сидел на носу лодки и не спускал с них глаз. Старик казался более мирным, но кто знает, есть ли у него еще нож и не всадит ли он его мне в спину при удобном случае? Когда сети были выбраны, я показал стволом пистолета на север и сказал: «Франция, Марсель». Может быть, ближе были и другие французские города, но я их просто не помнил. Дед покачал головой и быстро заговорил по-испански. Ничего не поняв, я отрицательно замотал головой. Дед показал три пальца и руками сделал движение, что он гребет веслами. Ага, плыть до Марселя три дня. Далеквата эта чертова Картахена. Я показал рыбакам на весла, они переглянулись и показали рукой на мачту, я кивнул, подросток поднял за шкоты небольшой косой парус, дед сел на корму к рулевому веслу, лодка пошла на север, постепенно удаляясь от берега. По крайней мере солдат теперь можно было не бояться, но появлялась опасность нарваться на испанский корабль. В Средиземном море кто только не плавал – и французы, и испанцы, и османы, и итальянцы, и все не прочь были пограбить, обобрать более слабого. Я вертел головой, пытаюсь высмотреть, не видно ли где парусов. Пока было спокойно, море чистое, никаких судов видно не было. Часа через два дед показал на селение на берегу – издали оно казалось небольшим – и сказал: «Валенсия». Мы держались вдали от берега, но в пределах видимости земли. У порта вертелось несколько мелких суденышек, но они были далеко и опасности для меня не представляли. Так мы плыли до вечера, передо мной вставал вопрос – что делать с рыбаками ночью? Их двое, а спать надо. Решил их на ночь связать. Я выбрал пустынный берег и указал на него, мы пристали. Я жестами объяснил, что надо подкрепиться. Рыбаки собрали по берегу плавник, развели костер и пожарили на прутиках рыбу. Все с жадностью поели. Я связал поочередно обоих, для верности повернул их спинами друг к другу и еще раз связал, благо веревок на лодке было достаточно. Теперь можно было и самому отдохнуть. Ночь прошла спокойно, хотя сон был беспокойным. Я периодически просыпался и поглядывал за рыбаками. С утра еще раз поели жареной рыбы, днем вряд ли бы удалось покушать, напились воды из маленького ручья и снова отправились в путь. День протекал без происшествий, к концу дня старик показал на редкие огоньки на берегу – Барселона.

Насколько я помнил карту, это последний крупный город Испании на берегу, дальше – Пиренеи и побережье Франции. Мы снова пристали к берегу, развели костер, пожарили рыбы. Без соли есть было не очень приятно, но выбирать не приходилось, зато ее было много. На ночь связал обоих и ночь провел спокойно. Утром все повторилось – костер, жареная рыба, лодка. К вечеру старик завертел головой, показывая пальцем на берег. Что он говорит, я не понял, тогда дед руками показал – горы. Вглядевшись, я и сам увидел скалистые выступы, теряющиеся в дымке Пиренеи! Франция была близка, я не рассчитывал на теплый прием с оркестром, но и казнить меня, как собирались в Испании, не должны. Тем более Франция с Испанией в данный момент воевали, а я вроде как даже помог, разрушив береговую крепость Картахены. Я показал старому испанцу на берег, он кивнул, и мы направились к берегу. Пока пристать было нельзя, везде скалы, и мы медленно продвигались вдоль берега, я приглядывал место для

высадки. До Марселя или еще какого-либо города далеко, на море нас могут перехватить турки или итальянцы, я не хотел рисковать и дальше решил двигаться пешком. Наконец скалы закончились, местность стала ровнее, появились кусты, найдя песчаную отмель, старик уткнул нос лодки в берег, и я спрыгнул. Мне было жаль этих людей, но заплатить за три дня работы и потерянный улов мне было нечем и, помахав на прощание рукой, я двинулся в глубь берега, надеясь наткнуться на дорогу. Лодка же сразу отчалила и пустилась в обратный путь. Начинало темнеть, я нашел место поудобнее, в чаще кустов, и устроился на ночлег. Ночью выспался спокойно, утром нашел ручеек, умылся, напился свежей воды и отправился дальше от моря. Шел и размышлял – как мне добираться домой?

Документов нет, денег нет, вещей нет, оружия – кроме ножа – нет. После купания в морской воде и ночевки на земле одежда моя выглядела, как у французского клошара, что спят под мостами в Париже. Ба, Париж! Мне надо добраться до города, там есть по крайней мере двое знакомых – Амбруаз и Филипп. Один сейчас королевский врач, другой в посольстве. Только как их найти, я даже названий улиц не знаю, придется полагаться на свою хорошую зрительную память. Впереди показалась тропинка, я свернул направо, справедливо полагая, что мне на север. Через несколько километров тропа вывела меня к небольшой деревушке, стоящей между холмами. Страшно хотелось есть, стыдно и неудобно, но придется попрошайничать. Я взглядом церковь не нашел, слишком мала деревушка. Выбрал один из домов на окраине, постучал, на стук вышла пожилая женщина. Я знаками попросил кушать, она с жалостью посмотрела на меня и мою одежду, скрылась в доме и вынесла кусок хлеба и сыр. Не отходя от дома, я с жадностью набросился на еду, женщина смотрела на меня и вздыхала. Еда очень быстро закончилась, я поблагодарил женщину и спросил: «Париж?» Она указала дорогу. После еды с удвоенной энергией я принялся шагать по узкой дороге. Ничего, приободрял я себя, из плена освободился, и теперь Париж – лишь вопрос времени. Так я прошагал часов шесть, почти без остановок, изредка проходя нечастые в этих местах деревушки. Устав, прилег отдохнуть в тени деревьев. По моим прикидкам, прошел я сегодня километров двадцать, до вечера еще можно десяток. Не очень быстро получается, но это лучше, чем сидеть у испанцев в подвале. Отдохнув, вышел к небольшому городку. Издалека была видна церковная колокольня. Заходить в город я не стал, устроился на ночлег невдалеке, на опушке леса, решив с утра просить милостыню на паперти у церкви, хотелось кушать – что для здорового мужика кусочек хлеба и сыра на весь день. Как только рассвело, нашел ручеек и умылся, затем пошел в город, по колокольне нашел церковь и встал, бросив перед собой замызганную шляпу, больше похожую на помятый блин. В церковь потянулись прихожане, с некоторым удивлением смотрели на незнакомца – невелик городок, почти все знали друг друга в лицо, но милостыню в шляпу бросали – в основном медяки. Я дождался конца мессы, выходящие еще давали медяков, я сгрэб их в карман и пошел искать местный трактир. Заказал скромный завтрак – ткнув пальцем в блюда на прилавке. Дали тушеные овощи с чем-то вроде гуляша и небольшой кувшин красного вина. Подкрепившись, пошел искать дорогу на Париж. Встречный буркнул на мой вопрос: «Париж?», скептически осмотрел меня и показал пальцем направление, тогда я осмелел и, ткнув пальцем в землю, спросил, правда, по-английски: «Таун?» Как ни странно, он меня понял, сказал: «Перпиньян». Такого города я не знал, но что это меняло? Я выбрался из города и пошел по дороге, иногда меня обгоняли кареты, обдавая пылью из-под колес. В голове мелькнула мысль – а если прицепиться сзади к экипажу, пока он будет где-нибудь стоять? Ободренный этой мыслью, я шел и шел по дороге. После полудня показался перекресток дорог, около него несколько домиков, в одном из которых была придорожная харчевня. Звеня медяками в кармане, я зашел и на последние гроши поел – жареная рыба с тушеной капустой и стакан вина. Вышел из трактира, сел на лавочку и стал ждать попутного транспорта. Наконец у трактира остановилась карета, из которой вышли два господина. Видимо, проголодавшись, они направились в трактир. Я подошел к карете и остановился неподалеку, разглядывая, куда ловчее можно пристроиться. Где-то через час господина вышли, сели в карету, кучер щелкнул

кнутом, и экипаж тронулся. Не теряя времени, я вскочил на вещи, привязанные к задней полке кареты. Место не самое лучшее, из-под колес все время летела пыль, хотелось чихать, но это лучше, чем идти пешком, а главное – значительно результативнее. Меня никто не заметил, и к вечеру я благополучно доехал зайцем до городка Нарбонн. Городок хоть и был невелик, но больше Перпиньяна. Были хорошо видны верхушки нескольких церквей. Я решил с утра обойти их все, а сейчас отошел от дороги и улегся спать. Утром посмотрел на себя и ужаснулся – одежда вся была серой от пыли. Найдя ручеек, я снял одежду, тщательно выбил ее о ствол дерева, затем вымылся в ручейке сам и почувствовал себя как-то увереннее и бодрее, памятуя опыт попрошайничества, направился к ближайшей церкви, ориентируясь по колокольне. Люди здесь набожные, церковь посещают, и через некоторое время в шляпе появились деньги. В основном мелкие медяки – су, но я рад был и этому. Найдя трактир, я позавтракал, ведь после вчерашнего обеда я ничего не ел. Сразу решил пойти к другим церквям, но меня ждало разочарование – утренние службы кончились, и прихожан не было. Вечера я ждать не стал и, узнав дорогу, стал ждать на выезде у постоялого двора. Как назло, экипажей не было, и я жестами упросил взять меня проезжавшего крестьянина на повозке с лошадей. Медленно мы ехали по дороге, повозку трясло. Француз пытался сначала со мной поговорить, чтобы ехать было не так скучно, но я лишь разводил руками – плохо не знать языки. Мы доехали до какого-то перекрестка, там возница свернул в сторону, а я пошел дальше пешком. Постоялого двора или трактира здесь не было, и глупо было рассчитывать, что кто-то остановится. Шел долго, до самого вечера, и только когда начало темнеть, увидел смутные огоньки небольшого городка, как затем оказалось – Безье. Выспавшись в придорожных кустах, поторопился к единственной церквушке, боясь опоздать к утренней мессе. Я становился опытным попрошайкой, вот ведь причуды жизни – дома есть деньги, а я занимаюсь в чужой стране попрошайничеством. Простояв часа три, собрал скудные подаяния и отправился искать трактир – был он здесь единственный, стоял на выезде. Плотно покушал на все деньги и стал ждать попутного транспорта. На сей раз он не заставил себя ждать. У трактира остановился экипаж, откуда выскочили два молодых человека и довольно быстро вышли, неся в руках бутылки с вином. Не теряя времени, я вскочил на задок уже поехавшей кареты и без приключений добрался до Мийо. Переспав в лесу, с утра вышел к церкви за подаянием. Худо-бедно, но пока я был сыт и продвигался к Парижу. Собрав милостыню и покушав, отправился к выезду из города. У большого придорожного трактира стояли несколько экипажей. Вот из трактира вышла молодая девушка в дорожном платье, сопровождаемая пожилой женщиной – то ли матушкой, то ли родственницей. Чинно сели в карету, и я успел вскочить на сундучки на задке кареты. Запряженный парой лошадей экипаж ехал довольно быстро, дорога начала медленно подниматься в гору, стала петлять. Карета сбавила ход, трясти на каменистой почве стало сильнее, через пару часов сиденье мое запросило передышки, но я вцепился в веревки, перевязавшие багаж, и терпел. Вдруг карета резко остановилась, от неожиданности я чуть не упал. Впереди раздались крики, кучер щелкнул кнутом. Я спрыгнул с кареты и кинулся в придорожные кусты, там согнулся и пробрался вперед, пытаясь разглядеть происходящее. На дороге стояло трое молодых оборванцев лет двадцати с ножами в руках, дорогу перегораживало упавшее, а скорее всего, специально поваленное дерево. Разбойники пытались сбросить кучера с козел, один держал под уздцы лошадей. Кучер, как мог, отбивался кнутом от нападавших. Я решил сначала не вмешиваться, я не полицейский или жандарм, сам нахожусь во Франции незаконно, документов нет никаких. Ограбят господ и исчезнут, подожду. Но события развивались более трагически. Разбойник, державший под уздцы лошадей, сообразил, что они сами никуда не поедут, дорогу перегораживает дерево, обежал лошадей и воткнул в бок кучера нож. Убитый кучер медленно сполз с облучка. Разбойники кинулись к карете и, чуть не вырвав с корнем дверь, выволокли испуганных женщин из кареты. Пока один срывал с женщин кольца, серьги и цепочки, двое других обшарили карету и стали отвязывать багаж. Девушка вдруг закатила разбойнику пощечину и кинулась к одному из сундучков. Разбойник догнал ее и ударом повалил на землю, начав задирать платье. Спокойно на это не стала

смотреть пожилая женщина и кинулась на разбойника. Тут уже решил вмешаться и я. Одно дело грабеж, другое дело убийство и изнасилование. После кучера наверняка настанет очередь и женщин. Решив, что пока насильник борется с женщинами и не сразу поймет, что произошло, я выхватил нож, подобрался за кустами поближе и, внезапно появившись из кустов, без промедления всадил нож в живот одному из разбойников. Пока тот с удивлением глядел на кровавую дыру в животе, я успел полоснуть по бицепсу правой руки второго. К сожалению, стоял он далековато, я просто не успевал дотянуться, но цели все-таки достиг. По руке его обильно заструилась кровь, нож выпал из руки. Этим уже можно было не опасаться, и я кинулся на помощь женщинам. Бандит оказался молодым, но опытным. Заслышав крики товарищей, он бросил женщин и кинулся ко мне, сжимая в руке огромный нож. На ноже еще были следы крови несчастного кучера. Разбойник медленно надвигался на меня, плотоядно щерясь щербатым ртом. Взмах справа, я уклонился, одновременно пытаюсь достать его своим ножом. Мимо. Взмах ножом слева я отразил своим ножом. Мы несколько минут нападали друг на друга и отражали атаки. Мне повезло больше – разбойник споткнулся о тело убитого мной бандита, вскинул руки, пытаюсь удержать равновесие, и этот момент я не упустил, всадив ему нож в грудь по самую рукоятку. Разбойник рухнул, изо рта его бежала струйка крови. Женщины стояли, прижавшись друг к другу, в страхе наблюдая за нашей поножовщиной. Вероятно, они приняли меня за одного из бандитов, что-то не поделившего с бывшими друзьями. Иначе чем можно объяснить мое появление на пустынной дороге, да и одежда моя была не много лучше, чем у разбойников. К тому же благородные господа носят шпаги, а я сражался ножом, так же, как и бандиты. Им было отчего бояться, ведь я один расправился с тремя. Приблизившись, я поклонился, представился:

Документов нет, денег нет, вещей нет, оружия – кроме ножа – нет. После купания в морской воде и ночевки на земле одежда моя выглядела, как у французского клошара, что спят под мостами в Париже. Ба, Париж! Мне надо добраться до города, там есть по крайней мере двое знакомых – Амбруаз и Филипп. Один сейчас королевский врач, другой в посольстве. Только как их найти, я даже названий улиц не знаю, придется полагаться на свою хорошую зрительную память. Впереди показалась тропинка, я свернул направо, справедливо полагая, что мне на север. Через несколько километров тропа вывела меня к небольшой деревушке, стоящей между холмами. Страшно хотелось есть, стыдно и неудобно, но придется попрошайничать. Я взглядом церковь не нашел, слишком мала деревушка. Выбрал один из домов на окраине, постучал, на стук вышла пожилая женщина. Я знаками попросил кушать, она с жалостью посмотрела на меня и мою одежду, скрылась в доме и вынесла кусок хлеба и сыр. Не отходя от дома, я с жадностью набросился на еду, женщина смотрела на меня и вздыхала. Еда очень быстро закончилась, я поблагодарил женщину и спросил: «Париж?» Она указала дорогу. После еды с удвоенной энергией я принялся шагать по узкой дороге. Ничего, приободрял я себя, из плена освободился, и теперь Париж – лишь вопрос времени. Так я прошагал часов шесть, почти без остановок, изредка проходя нечастые в этих местах деревушки. Устав, прилег отдохнуть в тени деревьев. По моим прикидкам, прошел я сегодня километров двадцать, до вечера еще можно десяток. Не очень быстро получается, но это лучше, чем сидеть у испанцев в подвале. Отдохнув, вышел к небольшому городку. Издалека была видна церковная колокольня. Заходить в город я не стал, устроился на ночлег невдалеке, на опушке леса, решив с утра просить милостыню на паперти у церкви, хотелось кушать – что для здорового мужика кусочек хлеба и сыра на весь день. Как только рассвело, нашел ручеек и умылся, затем пошел в город, по колокольне нашел церковь и встал, бросив перед собой замызганную шляпу, больше похожую на помятый блин. В церковь потянулись прихожане, с некоторым удивлением смотрели на незнакомца – невелик городок, почти все знали друг друга в лицо, но милостыню в шляпу бросали – в основном медяки. Я дождался конца мессы, выходящие еще давали медяков, я сгреб их в карман и пошел искать местный трактир. Заказал скромный завтрак – ткнув

пальцем в блюда на прилавке. Дали тушеные овощи с чем-то вроде гуляша и небольшой кувшин красного вина. Подкрепившись, пошел искать дорогу на Париж. Встречный буркнул на мой вопрос: «Париж?», скептически осмотрел меня и показал пальцем направление, тогда я осмелел и, ткнув пальцем в землю, спросил, правда, по-английски: «Таун?» Как ни странно, он меня понял, сказал: «Перпиньян». Такого города я не знал, но что это меняло? Я выбрался из города и пошел по дороге, иногда меня обгоняли кареты, обдавая пылью из-под колес. В голове мелькнула мысль – а если прицепиться сзади к экипажу, пока он будет где-нибудь стоять? Ободренный этой мыслью, я шел и шел по дороге. После полудня показался перекресток дорог, около него несколько домиков, в одном из которых была придорожная харчевня. Звеня медяками в кармане, я зашел и на последние гроши поел – жареная рыба с тушеной капустой и стакан вина. Вышел из трактира, сел на лавочку и стал ждать попутного транспорта. Наконец у трактира остановилась карета, из которой вышли два господина. Видимо, проголодавшись, они направились в трактир. Я подошел к карете и остановился неподалеку, разглядывая, куда ловчее можно пристроиться. Где-то через час господа вышли, сели в карету, кучер щелкнул кнутом, и экипаж тронулся. Не теряя времени, я вскочил на вещи, привязанные к задней полке кареты. Место не самое лучшее, из-под колес все время летела пыль, хотелось чихать, но это лучше, чем идти пешком, а главное – значительно результативнее. Меня никто не заметил, и к вечеру я благополучно доехал зайцем до городка Нарбонн. Городок хоть и был невелик, но больше Перпиньяна. Были хорошо видны верхушки нескольких церквей. Я решил с утра обойти их все, а сейчас отошел от дороги и улегся спать. Утром посмотрел на себя и ужаснулся – одежда вся была серой от пыли. Найдя ручеек, я снял одежду, тщательно выбил ее о ствол дерева, затем вымылся в ручейке сам и почувствовал себя как-то увереннее и бодрее, памятуя опыт попрошайничества, направился к ближайшей церкви, ориентируясь по колокольне. Люди здесь набожные, церковь посещают, и через некоторое время в шляпе появились деньги. В основном мелкие медяки – су, но я рад был и этому. Найдя трактир, я позавтракал, ведь после вчерашнего обеда я ничего не ел. Сразу решил пойти к другим церквям, но меня ждало разочарование – утренние службы кончились, и прихожан не было. Вечера я ждать не стал и, узнав дорогу, стал ждать на выезде у постоялого двора. Как назло, экипажей не было, и я жестами упросил взять меня проезжавшего крестьянина на повозке с лошадей. Медленно мы ехали по дороге, повозку трясло. Француз пытался сначала со мной поговорить, чтобы ехать было не так скучно, но я лишь разводил руками – плохо не знать языки. Мы доехали до какого-то перекрестка, там возница свернул в сторону, а я пошел дальше пешком. Постоялого двора или трактира здесь не было, и глупо было рассчитывать, что кто-то остановится. Шел долго, до самого вечера, и только когда начало темнеть, увидел смутные огоньки небольшого городка, как затем оказалось – Безье. Выспавшись в придорожных кустах, поторопился к единственной церквушке, боясь опоздать к утренней мессе. Я становился опытным попрошайкой, вот ведь причуды жизни – дома есть деньги, а я занимаюсь в чужой стране попрошайничеством. Простояв часа три, собрал скудные подаяния и отправился искать трактир – был он здесь единственный, стоял на выезде. Плотно покушал на все деньги и стал ждать попутного транспорта. На сей раз он не заставил себя ждать. У трактира остановился экипаж, оттуда выскочили два молодых человека и довольно быстро вышли, неся в руках бутылки с вином. Не теряя времени, я вскочил на задок уже поехавшей кареты и без приключений добрался до Мийо. Переспав в лесу, с утра вышел к церкви за подаянием. Худо-бедно, но пока я был сыт и продвигался к Парижу. Собрав милостыню и покушав, отправился к выезду из города. У большого придорожного трактира стояли несколько экипажей. Вот из трактира вышла молодая девушка в дорожном платье, сопровождаемая пожилой женщиной – то ли матушкой, то ли родственницей. Чинно сели в карету, и я успел вскочить на сундучки на задке кареты. Запряженный парой лошадей экипаж ехал довольно быстро, дорога начала медленно подниматься в гору, стала петлять. Карета сбавила ход, трясти на каменистой почве стало сильнее, через пару часов сидище мое запросило передышки, но я вцепился в веревки, перевязавшие багаж, и терпел. Вдруг карета резко остановилась, от неожиданности я чуть не

упал. Впереди раздались крики, кучер щелкнул кнутом. Я спрыгнул с кареты и кинулся в придорожные кусты, там согнулся и пробрался вперед, пытаюсь разглядеть происходящее. На дороге стояло трое молодых оборванцев лет двадцати с ножами в руках, дорогу перегораживало упавшее, а скорее всего, специально поваленное дерево. Разбойники пытались сбросить кучера с козел, один держал под уздцы лошадей. Кучер, как мог, отбивался кнутом от нападавших. Я решил сначала не вмешиваться, я не полицейский или жандарм, сам нахожусь во Франции незаконно, документов нет никаких. Ограбят господ и исчезнут, подожду. Но события развивались более трагически. Разбойник, державший под уздцы лошадей, сообразил, что они сами никуда не поедут, дорогу перегораживает дерево, обежал лошадей и воткнул в бок кучера нож. Убитый кучер медленно сполз с облучка. Разбойники кинулись к карете и, чуть не вырвав с корнем дверь, выволокли испуганных женщин из кареты. Пока один срывал с женщин кольца, серьги и цепочки, двое других обшарили карету и стали отвязывать багаж. Девушка вдруг закатила разбойнику пощечину и кинулась к одному из сундучков. Разбойник догнал ее и ударом повалил на землю, начав задирать платье. Спокойно на это не стала смотреть пожилая женщина и кинулась на разбойника. Тут уже решил вмешаться и я. Одно дело грабеж, другое дело убийство и изнасилование. После кучера наверняка настанет очередь и женщин. Решив, что пока насильник борется с женщинами и не сразу поймет, что произошло, я выхватил нож, подобрался за кустами поближе и, внезапно появившись из кустов, без промедления всадил нож в живот одному из разбойников. Пока тот с удивлением глядел на кровавую дыру в животе, я успел полоснуть по бицепсу правой руки второго. К сожалению, стоял он далеко, я просто не успевал дотянуться, но цели все-таки достиг. По руке его обильно заструилась кровь, нож выпал из руки. Этих уже можно было не опасаться, и я кинулся на помощь женщинам. Бандит оказался молодым, но опытным. Заслышав крики товарищей, он бросил женщин и кинулся ко мне, сжимая в руке огромный нож. На ноже еще были следы крови несчастного кучера. Разбойник медленно надвигался на меня, плотоядно щерясь щербатым ртом. Взмах справа, я уклонился, одновременно пытаюсь достать его своим ножом. Мимо. Взмах ножом слева я отразил своим ножом. Мы несколько минут нападали друг на друга и отражали атаки. Мне повезло больше – разбойник споткнулся о тело убитого мной бандита, вскинул руки, пытаюсь удержать равновесие, и этот момент я не упустил, всадив ему нож в грудь по самую рукоятку. Разбойник рухнул, изо рта его бежала струйка крови. Женщины стояли, прижавшись друг к другу, в страхе наблюдая за нашей поножовщиной. Вероятно, они приняли меня за одного из бандитов, что-то не поделившего с бывшими друзьями. Иначе чем можно объяснить мое появление на пустынной дороге, да и одежда моя была не много лучше, чем у разбойников. К тому же благородные господа носят шпаги, а я сражался ножом, так же, как и бандиты. Им было отчего бояться, ведь я один расправился с тремя. Приблизившись, я поклонился, представился:

- Юрий! - и плюнул в сторону убитых бандитов.

Я направился к кучеру, но он не подавал признаков жизни. Женщины собирали вещи из раскрытых сундучков. Я видел в одном из сундучков небольшие кожаные мешочки – наверное, серебро. Пожилая женщина перехватила мой взгляд и испуганно захлопнула сундучок. Чтобы не смущать женщин, я пошел посмотреть, что за дерево лежит на дороге и можно ли его убрать. Пожалуй, мне одному не справиться. Я нашел под козлами веревку, привязал к дереву и дышлу. Заставив лошадей двигаться задом, удалось освободить достаточно места для проезда. Тело кучера совместными усилиями положили поверх вещей на задок кареты, накрыв его какой-то холстиной и привязав. Женщины сели в карету, а я на облучок, щелкнул кнутом, и мы поехали. Лошади и без моего вмешательства тащили карету по дороге, я не пытался их погонять, дороги я не знал. Ехали долго, дорога петляла по небольшим горам и холмам, и только к вечеру мы добрались до городка Омон-Обрак. Здесь я остановился у придорожного

двора, дальше предоставив действовать женщинам. Не заходя в трактир, они ушли, вернувшись с жандармом. Далее что-то объясняли ему, показывая то на тело убитого кучера, то на меня. Жандарм подошел ко мне, заговорил, но я только разводил руками и повторял: «Московия». Тот махнул рукой и отошел, вернулся с двумя крепкими мужиками, убитого кучера сняли с кареты и переложили на подъехавшую телегу. Вокруг стали собираться любопытные. Дамы, видимо, не желая повышенного внимания, уселись в карету, показав мне на облучок. Я уселся и тронул вожжи, мы поехали. Так я стал кучером при господах, надеюсь, временно. Ехали часа четыре, пока ближе к вечеру не въехали в маленький городишко. Подъехали к единственному постоялому двору. Лошадей распрягли и дали овса, дамы обедали в трапезной, меня покормили в комнатухе для слуг. Ну и ладно, зато наелся хорошо за чужой счет. Спать улегся в карете, на мягком сиденье, укрывшись дерюжкой, которую нашел под облучком. Утром слуги покормили и запрягли лошадей, я позавтракал и стал дожидаться дам. Они вышли, подошли ко мне, стали благодарить. Я, конечно, ничего не понял, но по тону было понятно и так. Девушка представилась:

- Роз-Мари, - сделала книксен, пожилая кивнула головой: - Аделаида.

Девушка показала на лошадей, затем на меня.

- Клермон-Ферран.

Городок был на пути в Париж, и я согласно кивнул головой. Дамы уселись в карету, я взобрался на облучок, и мы тронулись. Ехали до обеда, остановившись всего один раз пообедать в придорожной харчевне. Кстати, там мне удалось разжиться пригоршней пороха у пьяненького солдата, обменяв на стакан вина. Я перезарядил свой пистолет, который пожалел выбросить и таскал с собой, поскольку порох в нем подмок. Теперь я чувствовал себя увереннее. Ехали до глубокого вечера, остановились на постой в деревушке, не в лесу же ночевать. Так, без приключений доехали до Клермон-Феррана, причем с каждым днем доверие ко мне со стороны дам возрастало, я не делал ничего предосудительного и был доволен тем, что не попрошайничаю и продвигаюсь к своей цели. Правда, до Парижа было еще далековато, километров шестьсот-семьсот, точной карты у меня не было, а французы измеряли расстояние кто в милях, кто в лье. В Клермон-Ферране мы приехали в богатый дом с красивым садом. Здесь я отдохнул в человеческих условиях, на кровати, целую ночь, хорошо покушал и зашел к дамам попрощаться. Обе на прощанье чуть не всплакнули и дали несколько серебряных монет. По крайней мере несколько дней можно было не попрошайничать, мне это занятие просто опротивело. Найдя дорогу на Париж, я стал дожидаться попутного экипажа. Из трактира вышел солидный господин, и я уселся на задок. Проехали около часа, когда соскочило с оси заднее левое колесо, из кареты на помощь кучеру вышел господин. Я стоял недалеко, отряхивая пыль. Пока у них ничего не получалось, надо было поднять карету и насадить на ось. Сил двоих человек не хватало поднять задок кареты, господин жестом подозвал меня, мы попробовали приподнять карету снова. Получилось, но одеть колесо было уже некому. Немного подумав, я стал собирать камни возле дороги, затем сложил их под осью и пошел в лес, выбрал упавшее деревцо, ножом срубил ветки и подошел к карете. Положив деревце на камни и действуя им как рычагом, приподнял карету. Кучер ловко одел колесо на ось и вставил чеку. Господин сел в карету, я подбежал к нему и стал умолять взять меня с собой, показывая на облучок. Кажется, он меня правильно понял, кивнув головой. Я взобрался на сиденье рядом с кучером, и мы тронулись. Хорошо ехать на сиденье, а не скрючившись на багажной полке, глотая пыль. Таким путем с двумя ночевками я доехал до Буржа. Чувствовалось приближение столицы - движение по дорогам становилось более оживленным, появились богато украшенные кареты, более изысканно одетые люди, а моя одежда день ото дня становилась все хуже - кое-где появились дырки, пропылилась. Выглядел я непрезентабельно. Так, где-то подъехав на задке кареты, где пешком я добрался все-таки до Парижа. Теперь вставал вопрос - как и где

найти Филиппа или Амбруаза. Поскольку названия улицы, где жил Филипп, я не помнил, решил идти ко дворцу короля. Добрел туда лишь после обеда. Долго бродил и стоял у главных ворот, пока на меня не обратили внимание охранявшие дворец гвардейцы, ко мне подошел старший и знаками показал, чтобы я ушел. Я спросил:

- Амбруаз? Медикус?

Но гвардеец лишь глянул презрительно и отошел. Расстроенный, я побрел к другим воротам, чтобы не мозолить глаза. Здесь мне повезло больше - из ворот выходила молоденькая женщина, одетая в одежду горничной. Я умоляюще сложил руки:

- Медикус Амбруаз.

И указал на дворец. Женщина посмотрела на мой костюм, немного поколебалась, но все-таки развернулась назад и исчезла в боковой двери дворца. Прошло полчаса, наконец из дверей появились она и Амбруаз. Я его еле узнал - он растолстел, был богато одет и выглядел солидным господином, королевское жалование ему явно шло на пользу. Амбруаз вышел за ворота, горничная указала ему на меня и ушла. Амбруаз недоуменно уставился на меня - узнать, конечно, меня было мудрено - отросшие невымытые волосы и борода, поношенное и грязное платье. Но вот в лице его проступило удивление и узнавание:

- Юрий?

- Да, то есть си.

Я протянул руку для пожатия. Амбруаз радостно ее пожал, оглядел меня критически.

- Момент!

И исчез во дворце. После долгого ожидания ко мне подкатила карета, из окна выглядывал Амбруаз, рядом сидел уже знакомый по дворцу переводчик. Дверца распахнулась, и я вошел в карету. Экипаж мягко тронулся. Видно было, что Амбруазу не терпится поговорить со мной:

- Что с тобой случилось? Почему ты в таком виде?

- Это долгая и невеселая история, Амбруаз, - сказал я.

- Ничего, время у меня есть, мне хотелось бы послушать, я чувствую, что у тебя было много приключений, мне очень любопытно, рассказывай!

Я начал с начала, как ко мне домой приехал посланец английского короля и мы отправились в Лондон.

- О! - перебил меня Амбруаз. - До меня доходили слухи, что какой-то московит оперировал короля Якова, я так и решил, что это был ты, и не ошибся! Извини, Юрий, продолжай!

И я стал рассказывать об операции Якову. Амбруаз постоянно меня перебивал, уточняя детали операции. За разговором мне показалось, что мы приехали очень быстро. Вышли у богатого двухэтажного каменного дома.

- Амбруаз, - удивился я, - у тебя же было другое жилье?

- А теперь у меня вот это и еще слуги.

Перед нами распахнулись двери, и мы вошли. Прошли сразу в трапезную, где по распоряжению Амбруаза слуги стали накрывать на стол, внося закуски и вина. Амбруаз требовал продолжения рассказа, и мне пришлось, глотая слюни, рассказывать об обратном плавании на английском бриге, пленении, взрыве крепости и побеге. Глаза Амбруаза возбужденно блестели, он слушал, затаив дыхание. Когда я дошел до попрошайничества и езды на задке телеги, он хлопнул себя по коленям.

- Как это мне знакомо, я сам прошел через такие же испытания. Что же я тебя мучаю – садись к столу, ешь!

Я не заставил себя ждать и буквально набросился на еду. Амбруаз же еле успевал подливать вино себе, не забывая и мой бокал.

- Теперь мыться и подбирать одежду!

Слуги отвели меня в комнату, где стоял деревянный чан с горячей водой, я залез туда, и слуги стали тереть меня мочалками из морских водорослей. Вода быстро стала черной. Меня вытащили из чана, поставили в тазик и сверху обмыли чистой водой. Да, хреноватая у французов баня, никакого сравнения с русской, откуда выходишь чистым не только телом, но и душой. Меня закутали в простыню и отвели к Амбруазу. Долго он стоял перед своим гардеробом, давая мне на примерку свои вещи. Наконец я смог сносно одеться и обуться и почувствовал себя человеком. Чистый, сытый, одетый в чистую одежду – как немного человеку надо, чтобы на короткое время почувствовать себя счастливым. После примерок я присел на стул, и у меня начали слипаться глаза.

- Ничего, время у меня есть, мне хотелось бы послушать, я чувствую, что у тебя было много приключений, мне очень любопытно, рассказывай!

Я начал с начала, как ко мне домой приехал посланец английского короля и мы отправились в Лондон.

- О! – перебил меня Амбруаз. – До меня доходили слухи, что какой-то москвит оперировал короля Якова, я так и решил, что это был ты, и не ошибся! Извини, Юрий, продолжай!

И я стал рассказывать об операции Якову. Амбруаз постоянно меня перебивал, уточняя детали операции. За разговором мне показалось, что мы приехали очень быстро. Вышли у богатого двухэтажного каменного дома.

- Амбруаз, – удивился я, – у тебя же было другое жильё?

- А теперь у меня вот это и еще слуги.

Перед нами распахнулись двери, и мы вошли. Прошли сразу в трапезную, где по распоряжению Амбруаза слуги стали накрывать на стол, внося закуски и вина. Амбруаз требовал продолжения рассказа, и мне пришлось, глотая слюни, рассказывать об обратном плавании на английском бриге, пленении, взрыве крепости и побеге. Глаза Амбруаза возбужденно блестели, он слушал, затаив дыхание. Когда я дошел до попрошайничества и езды на задке телеги, он хлопнул себя по коленям.

- Как это мне знакомо, я сам прошел через такие же испытания. Что же я тебя мучаю – садись к столу, ешь!

Я не заставил себя ждать и буквально набросился на еду. Амбруаз же еле успевал подливать вино себе, не забывая и мой бокал.

- Теперь мыться и подбирать одежду!

Слуги отвели меня в комнату, где стоял деревянный чан с горячей водой, я залез туда, и слуги стали тереть меня мочалками из морских водорослей. Вода быстро стала черной. Меня вытащили из чана, поставили в тазик и сверху обмыли чистой водой. Да, хреноватая у французов баня, никакого сравнения с русской, откуда выходишь чистым не только телом, но и душой. Меня закутали в простыню и отвели к Амбруазу. Долго он стоял перед своим гардеробом, давая мне на примерку свои вещи. Наконец я смог сносно одеться и обуться и почувствовал себя человеком. Чистый, сытый, одетый в чистую одежду – как немного человеку надо, чтобы на короткое время почувствовать себя счастливым. После примерок я присел на стул, и у меня начали слипаться глаза.

- Э, да ты засыпаешь!

Амбруаз позвонил в колокольчик, вошедший слуга отвел меня в спальню. Еле раздевшись, я рухнул в кровать и уснул. Мне показалось, что спал я недолго, но уж очень захотелось в туалет. На шум вышел Амбруаз. Вместе с переводчиком они по-прежнему пьянствовали за столом. Увидев меня, оба захохотали. Я удивился:

- В чем дело?

- Да мы поспорили, сколько ты будешь спать!

Мне тоже стало интересно:

- Ну и сколько же я спал?

- Ночь, день и ночь!

Вот это да. После побега из испанского плена я впервые был сыт, вымыт, спал в безопасности, не беспокоясь, что нападут разбойники или даже звери. Зато теперь чувствовал себя прекрасно. Я обратился к Амбруазу:

- Не мог ли ты ссудить меня небольшим количеством денег, я хотел бы добраться до дома. При первой же оказии я передам долг обратно.

Амбруаз снова захохотал:

- А почему бы тебе не отдохнуть здесь несколько дней или недель. С твоими руками ты бы мог сам заработать на обратную дорогу, и не только.

- У меня нет с собой инструментов, нет пациентов, меня никто не знает, нет помещения. Это нереально!

- Положись на меня, коллега! Инструменты, помещение, пациенты мои, руки и голова твои. Заодно я поассистирую и поучусь, а ты заработаешь.

Я немного поразмышлял – ну что же, предложение не лишено здравого смысла.

- Я согласен!

- Хорошо, сегодня отдыхай, завтра возьмемся за работу, я не сомневался в твоем согласии, поэтому уже подготовил пациентов из королевского двора и просто богатых. А теперь надо привести себя в порядок, одевайся, мы едем к цирюльнику.

Мы в карете съездили к цирюльнику, где меня подстригли, оправили бороду и усы.

На следующий день я проснулся рано, умылся, вместе с Амбруазом мы позавтракали и отправились в дом, который француз снимал под лечебницу. Одна за одной подъезжали кареты с господами и дамами, Амбруаз вкратце рассказывал о заболевании, я осматривал и назначал лечение или предлагал прооперировать. Оперировать совместно решили завтра, таких пациентов набралось шесть человек. На следующий день мы оба стояли за столом, накрытым простыней и превращенным в операционный. Француз многое почерпнул у меня – набор инструментов был неплох, в качестве обезболивающего применялась настойка опия, для стерилизации использовались спирт и огонь. Операции были не очень сложные, но к последней я уже подустал. Сказывались мои приключения. Дома мы обсудили дальнейший план ведения прооперированных пациентов. Так мы работали десять дней – операции, вечером дома обсуждение больных. Амбруаз внимательно все слушал, записывая на листке бумаги.

- Тебя сам бог послал мне в учителя, Юрий!

Через две недели я почувствовал себя достаточно окрепшим и отдохнувшим, заговорил с Амбруазом об отъезде. Француз слегка огорчился, но поскольку нрава был веселого и легкого, согласился со мной, притащил из комнаты увесистый мешок с деньгами, позвенел ими:

- Здесь пятьдесят золотых луидоров, твой гонорар. Тебе его с лихвой хватит на дорогу и на подарки семье.

Сказал про подарки он кстати.

- Амбруаз, покажи мне лавки, где торгуют подарками, я из Франции еще ничего не привозил.

- С удовольствием!

Слуги запрягли карету, и мы поехали. Город и все торговые заведения Амбруаз знал хорошо. Анастасии я купил платье по французской моде и благовония – так здесь называлось нечто похожее на духи, Мише – хороший плащ с серебряной застежкой на плече, себе взял пару пистолетов, запас пороха и пуль, без оружия я чувствовал себя неудобно, а также некоторую одежду на смену. Для вещей у кожевенника купил отличный баул из мягкой, хорошо выделанной кожи. Вечером Амбруаз устроил пир в мою честь, пили и гуляли до позднего вечера, в общем, время провели весело. Испанские приключения казались уже чем-то далеким, смутным.

Глава 4

Путь домой

Утром по распоряжению Амбруаза слуги подогнали к дому нанятый экипаж, мы позавтракали, попутно решая вопрос – ехать ли мне через Руан в Гавр или через Амьен в Кале. Амбруаз рекомендовал Кале.

- Сейчас идет война. Гавр намного южнее, не исключено, что там могут плавать испанцы, мне

кажется, что ты не хотел бы снова попасть в их лапы. Кале значительно севернее, шансов наткнуться на испанцев меньше.

Я тоже склонился к такому доводу. Слуги вынесли мою единственную вещь – баул с подарками, где было и мое платье. Пистолеты я зарядил и сунул за пояс – в дороге всякое может случиться. Амбруаз вышел меня проводить, мы обнялись. Судьба уже второй раз сводит нас вместе, может быть, и не последний. Карета запрыгала по булыжным мостовым, заскрипела колесами по мостам. Положа руку на сердце, Франция мне понравилась больше, чем Англия или тем более Испания. Второй раз я покидал эту страну с добрыми воспоминаниями. Покорные англичане или агрессивные испанцы мне не понравились. Я поглядывал по сторонам из окон кареты, любуясь пейзажами. Конечно, зимний ландшафт не столь хорош, как летом, но и зима во Франции – как в России осень, снега нет и в помине. Правда, памятью о российской зиме, я купил себе теплый кафтан, ничего более теплого вроде тулупчика или шубы здесь просто не продавалось. Мы остановились на обед в придорожном трактире и тут же пустились снова в путь. Я торопился домой, все-таки меня не было три месяца, считай, пока вернусь – в России весна будет. Через пять дней мы добрались до Кале, порта на побережье Ла-Манша. Я расплатился с кучером, взял свой баул и отправился искать корабль. Сухопутным путем ехать было еще рискованнее – германские княжества воевали с соседями, да и, как во время всякой войны, подняли голову разбойники всех мастей, на дорогах было неспокойно. Я обошел почти все суда, в нужную мне сторону не было никого. Начало темнеть, и мне пришлось искать постоялый двор. Нашел недалеко от порта недорогое заведение, переночевал и с утрачка снова продолжил поиски. Удача улыбнулась на третий день – судно шло почти по пути – в шведский город Выборг. Владелец, он же капитан, был голландец – высокий детина с огненно-рыжей шкиперской бородкой, в высоких сапогах с отворотами. За место на судне с питанием заплатил два гульдена. Меня отвели в крохотную одноместную каюту на второй палубе. Судно было большим, пузатым, с многочисленной командой, о двух мачтах. Отплывали мы в обед, но поскольку идти мне было некуда, я остался на судне. После полудня по палубе забегали матросы, зазвучали команды. Судно на веслах медленно отошло от причала и, распустив носовой парус, лавируя меж стоящих судов, стало выходить в открытое море. Была небольшая волна, судно качало. Я стоял на палубе, ветер шевелил волосы, норovia забраться под одежду, хоть и теплая в Европе зима, все-таки прохладно. Я спустился в каюту, одно название – каюта, а так – хороший шкаф по размерам больше. Разделся и лег на койку, едва не упираясь в переборки ногами и головой. К вечеру пробила рында, пригласили на ужин. Небольшая столовая была под верхней палубой, сюда собрались немногочисленные пассажиры, судно в основном возило грузы. Поужинав в разноязычной компании, отправился спать, больше на корабле было делать нечего. Следующие два дня я слонялся по верхней палубе, попутно разглядывая судно. Довольно большое, крепкое, с большими парусами, оно производило впечатление надежности, добротности. Команда, как я успел заметить, была вышколена, распоряжения капитана бросалась исполнять тотчас же. Я предполагал, что плавание не доставит мне хлопот. Мы огибали побережье Дании, прошли пролив Скагеррак, вошли в пролив Каттегат. Море здесь сужалось, слева были видны берега Швеции – не к ночи будь помянуты, слева Дании. Начало смеркаться, поднимался ветер. Паруса были подняты, и мы полным ходом шли по проливу. А вот далее можно было идти несколькими путями, это я еще в мой первый поход во Францию изучил – налево через пролив Эресунн или направо через Малый или Большой Бельт. Я стоял на палубе и наблюдал – корабль повернул к Большому Бельту. Вероятно, этот пролив капитану нравился больше. Когда настали сумерки, выглянула луна, мы подошли ближе к берегу, в удобную бухту и бросили якорь. Я понимал капитана, идти по проливу ночью – полное сумасшествие. Поскольку ничего интересного не было, отправился отдыхать в свою каюту. Утро началось с железного грохота – выбирали якорную цепь. Солнца видно не было, тучи висели низко, обещая дождь, дул несильный, но холодный ветер. Судно разворачивалось в бухте, ударили в рынду, созывая пассажиров завтракать. Не спеша

позавтракали яичницей с ветчиной и стаканом белого вина. После завтрака я вышел на палубу. Пролив был неширок, слева и справа виднелись датские берега, кое-где из воды выглядывали камни. Ветер постепенно усиливался, срывая с вершушек волн крупные брызги воды, которые долетали до палубы, попадая на лицо. Стоять на палубе становилось холодно и неприятно, я спустился в каюту. Корабль качало сильнее и сильнее, вместе с бортовой качкой появилась и носовая. Корабль иногда зарывался носом в воду, тяжело выныривая и сбрасывая с себя тонны воды. Неожиданно раздался сильный удар в район носа, затем крики матросов. Я вышел из каюты и пошел узнать, что случилось. Оказывается, ветром нас отжало к правому берегу пролива и ударило о камень. Паруса с обеих мачт уже были спущены, остался лишь косой носовой, чтобы корабль не потерял управляемость. На море было страшно смотреть – свинцовые волны вздымались высоко, норовя перехлестнуть палубы, ветер порывами валил с ног, шум стоял ужасный. До берега было около километра, но подойти было невозможно – каменные гряды тут и там выступали из воды. Корабль медленно продвигался вперед, сильно кренясь на правый борт. Я решил подготовиться к худшему – пошел в каюту, оделся потеплее, из оружия сунул за пояс только нож, памятуя о замочшем порохе в пистолете – да и вес лишний, если придется плыть. Постоял, раздумывая, и привязал к поясу кошель с деньгами. Груз, конечно, дело нежелательное, окажись в воде, будет тянуть ко дну, но и оставаться без денег мне очень не хотелось. Слишком уж свежи в памяти воспоминания о безденежном путешествии во Франции, когда, чтобы не умереть с голоду, приходилось просить подавание, идти пешком или зайцем ехать на задке кареты. Черт с ними, остальными вещами, это дело наживное. Я вышел на палубу. Ветер только усиливался, переходя в сильный шторм. Судно почти незаметно оседало на нос, видно, пробоина была невелика или матросы успели частично ее заделать, уменьшив поступление забортной воды. Пока ситуация была управляемой, капитан стоял на мостике. Я пошел в носовую часть, спустился на нижнюю палубу. Никто из команды не обратил на меня внимания, все были заняты делом. Несколько матросов работали на водяном насосе, откачивая воду, несколько человек суетились у пробоины в правой скуле, наложив на нее деревянный щит и подпирая деревянными распорками, пока угрожающего ничего не было. Воды в трюме было по колено, но когда я по второй палубе шел к себе в каюту, по коридору бежали крысы. Как тут не вспомнить пословицу, о том, что крысы бегут с тонущего корабля, тревожный симптом. Я решил не сидеть в каюте, а находиться на палубе, пусть там сыро, холодно и ветрено, зато в курсе ситуации и корабль в случае чего покинуть можно быстрее. Решив так, я направился к трапу, желая подняться наверх, и в это время сильный удар свалил меня с ног. Было слышно, как внизу, в трюме с шумом льется вода. Из кают выбежали встревоженные пассажиры. Вскочив, бросился на палубу. Корабль правой стороной сидел на камнях, раскачиваясь под ветром в стороны. Капитан отдавал распоряжение собравшимся возле него матросам. До берега было еще ближе, видно, ветром и течением нас сносило. По-моему, самое время подумать о себе. Я стал оглядываться по сторонам, пытаюсь найти какую-либо деревянную штурковину, за которую можно было бы уцепиться, если корабль начнет тонуть. Тучи низко висели над бушующим морем, и было темно, как ранним вечером, хотя по времени не более полудня. Нос медленно погружался в воду, а ветром било о камни, увеличивая пробоину и ухудшая нашу и так довольно серьезную ситуацию. Видя, что конец судна неминуем, капитан распорядился спустить на воду единственную большую шлюпку, посадив туда пассажиров. За кормой на буксире была еще одна небольшая шлюпка, но штормом ее оторвало. Пассажиры спускались по веревочному трапу в раскачивающуюся шлюпку, рискуя или быть раздавленными между корпусом корабля и шлюпкой, или сорваться с трапа. Часть команды уселась на весла, и шлюпка отвалила от корабля. Направлялись к берегу. Я не стал бороться за место в переполненной шлюпке, решив дожидаться ее возвращения. Но вернуться шлюпке было не суждено, отойдя на половину расстояния до берега, она была захлестнута волной и опрокинулась. Рядом со шлюпкой некоторое время виднелись головы, потом они исчезли. Ножом я срезал несколько веревок, обмотав их у пояса. Матросы рубили мачты, корабль все больше кренился, и они могли сломаться сами, покалечив

и убив находившихся на палубе. Дождавшись, когда мачты упадут, я взял из рук одного из матросов топор и стал рубить какую то надстройку, пытаюсь выдрать одну из стен, соорудив нечто вроде плота. Увидев гибель шлюпки, команда стала искать себе средства спасения. Я не стал дожидаться, когда корабль уйдет под воду, столкнул в море дощатый щит и прыгнул в воду сам. От холода сразу перехватило дыхание, я вцепился в щит и до половины взобрался на него, пытаюсь грести ногами и удалиться от судна. Правда, ветер помогал мне, волны гнали щит к берегу, и через час-полтора, мокрый и продрогший, но живой я вылез на пологий берег. Встав, начал крутить головой, чтобы оглядеться. Судна не было видно, лишь ветер и волны гнали к берегу какие-то обломки. Кое-где мелькали головы моряков, пытавшихся спастись, но вот исчезли и они. Я оглядел берег, людей нигде видно не было, похоже, что спасся я один. Сев на землю, вылил из сапог воду, как мог отжал верхнюю одежду. Теперь надо было решать – куда идти. В принципе было все равно – влево или вправо, но мне казалось, что с борта гибнувшего судна мне виделись домики какой-то деревни. Я направился в их сторону, ощупывая – цел ли мешочек с деньгами. Он был на месте, как и нож за поясом. Я побежал по берегу, ветер дул с прежней силой, но порывы иногда чуть не сбивали с ног. Шел долго, спотыкаясь и падая на неровной почве. Наконец вдаль показались домики небольшой деревеньки. Поскольку постоянного двора в таком маленьком населенном месте не будет, решил постучать и попроситься на ночлег в один из домов. Выбрал дом покрепче и поновее, постучал в ворота. На стук вышел опрятно одетый мужчина. Как мог, я объяснил жестами, вставляя иногда английские слова, какие знал, что корабль, на котором я плыл, утонул, наткнувшись на камни, мне нужны еда и ночлег. Как ни странно, он меня понял, может быть, кораблекрушения бывают в этих местах не очень редко? Меня завели в дом, раздели до последней вещи, повесили их сушиться перед круглой печью, накинули мне на плечи одеяло. Надо сказать, я замерз, пока шел в мокрой одежде. На стол передо мной поставили кувшин красного, крепкого вина и горячую кашу. Мяса не было, но я был рад и этому. Покушал, меня уложили на топчан в углу, недалеко от печки, было тепло, и меня быстро сморило. Несмотря на жесткий топчан, выспался хорошо и проснулся бодрым. Надел высохшую одежду, зашедший в комнату хозяин дал мне позавтракать, я нашел в кошельке мелкую серебряную монету и расплатился. Куда теперь идти? Я не представлял, где я нахожусь и какой город находится поблизости, лучше бы, конечно, это был порт, где можно было найти судно, мне еще предстояло переплыть всю Балтику. А в это время года она неспокойна. Ветер на улице стих, но темные тучи висели низко, грозя вылиться дождем. Хозяин вышел меня проводить за ворота и показал рукой, куда мне надо идти. Ну что же, пойдём по дороге. Сапоги еще были влажноваты и неприятно холодили ноги. Часа через полтора я вышел к небольшому городку, остановив первого же попавшегося мужчину, поинтересовался, что за город. Тот повторил несколько раз – Свеннборг. Я попытался вспомнить, где такой расположен, и не смог. Мужчина прутиком на земле нарисовал окружность и ткнул в нижнюю ее часть – Свеннборг. Так это что, остров? Я изобразил прутиком вокруг окружности волны, мужчина закивал: «Я, я». Я поставил знак вопроса и получил ответ – Фюн. Час от часу не легче. Да где этот остров расположен? Ниже острова я пририсовал побережье Германии и ткнул прутиком – Киль. Мужчина кивнул, я ткнул восточнее – Любек? Мужчина снова кивнул. Вот теперь была какая-то ясность. Я показал руками, как-будто гребу веслами, и мне показали рукой – вероятно, в сторону порта, куда я и направился. Порт – это было громко сказано. Был небольшой деревянный причал, стояло несколько лодок разных размеров, несколько из них с мачтами. У лодок возились рыбаки, несли в лодки сети. Я подошел, показал на себя, на лодку и сказал: «Киль». Почти никто не согласился, лишь один показал на небольшую лодку. Подойдя к ней, я увидел пожилого мужчину с натруженными руками.

- Киль? – спросил я.

Он посмотрел на меня и показал на пальцах две монеты. Я кивнул. Мужчина указал на лодку. Когда я сел, он показал – а где вещи? Я лишь махнул рукой. Отчалили. На небольшой мачте он поставил парус, и мы направились дальше от острова, практически в открытое море. Я заволновался, хотя и не показывал вида. Уж больно мала лодочка для походов в открытом море. Но с нами ничего не случилось, и часов через шесть-семь показалась земля. Проплыв немного вдоль берега, рыбак указал на показавшиеся дома – Киль. Слава богу, хоть сюда добрался без приключений. Расплатился, рыбак высадил меня на окраине порта и тут же повернул назад, вероятно, хотел вернуться домой до темноты. Я обошел все стоящие у причалов суда, русских среди них не было, а суда других стран плыли не по пути. Мне посоветовали добираться до Любека, крупного торгового порта. Поскольку подходящего морского транспорта не было, решил нанять карету. У въезда в порт было несколько экипажей, запряженных одной или двумя лошадьми. Я договорился с кучером небольшой кареты – много ли мне одному места надо? Отправился в Любек. Добрался туда без приключений за три дня. Город был относительно велик, по узким улицам сновали прохожие, тянулись телеги с товарами. В порту было полно судов разного размера и принадлежности. Я начал обходить причалы, присматривая русские суда, со своими плыть лучше – язык один, привычки знакомые и понятные. Наконец удача улыбнулась мне – я увидел знакомые очертания русской ладьи. С владельцем судна договорился быстро, купец уже заканчивал погрузку, готовясь выйти в обратный путь завтра с утра. Мне отвели место в крохотной каюте в носовой надстройке. Я отдал купцу аванс и отправился посмотреть город и сделать необходимые покупки, ведь все мои подарки и оружие утонули при кораблекрушении. Снова купил Анастасии платье, теперь уже немецкое, более строгого покроя, Мише – нарядный кафтан и отличный нож золингенской стали, себе – пару пистолетов, порох, пули и часы. Я уже привык к часам, и без них мне было неудобно. Также обновил себе гардероб – после морских купаний и сушки на печке одежда выглядела непрезентабельно. Случайно забрел в аптеку, где, к своему удивлению, увидел и приобрел два ртутных термометра, правда, со шкалой Реомюра, и несколько различных инструментов взамен утраченных в Испании. День прошел с пользой. К вечеру вернулся на судно и улегся спать. Утром проснулся от качки. Как оказалось, мы уже несколько часов как покинули Любек и находились в открытом море. Купец лишь посмеялся:

– Здоров же ты спать, барин, завтрак проспал, теперь жди до обеда.

Я прошелся по судну – было оно чистым и ухоженным, купец любил аккуратность. От нечего делать разговорился с купцом, похвалил его судно, в разговоре случайно упомянул, что ранее уже плавал по Балтике и даже попадал в плен к шведам вместе с купеческим судном.

– А не Григорий ли купец – владелец той шхуны?

– Да, Григорием его звали.

– Так наверняка это о тебе он во всех трактирах рассказывает, угнали свою шхуну, попутно взорвав шведский фрегат, да воевали у острова недалече от Борнхольма? Ловок ты, парень! О тебе уже в купеческих кругах, что кораблями торговлю ведут, легенды ходят! Я думал, врет все Гришка, выпить больно любит, да и команда подобралась – ни одной бочки не пропустят!

– Да, если бы он не напоил команду, когда из плена вырвались, то у острова нам драться бы не пришлось, уйти успели бы, да бог помог.

Я перекрестился, купец тоже.

– Лекарь, Россия ни с кем вроде не воюет, плаваем свободно, без опаски, больше свои разбойники досаждают, как с грузом идем – а по осадке судна сразу видно, так спать вполуха и

вполглаза приходится, уже сколько раз отбивались. Повезло, команду хорошую подобрал, из своих, из псковских, все мужики серьезные, вином не балуются, плачу хорошо.

Долго мы еще разговаривали о производстве, торговых делах, пока не настало обеденное время. Так, несуетно и спокойно, проходил день за днем. Через неделю мы уже входили в устье Невы. Поведение команды изменилось, они часто оглядывали проплывающие суда, осматривали берег. У купца за поясом появилась пара пистолетов, я тоже последовал его примеру. Однако и на речном отрезке пути никто нас не побеспокоил, и до Пскова мы добрались благополучно. Корабль встал под разгрузку, я расплатился с купцом и сошел на берег. Поразмышляв некоторое время, снова решил искать подходящее судно до Москвы, в Россию пришла весна, снег почти весь растаял, если в городе дороги грязные, то между городами и вовсе не проехать. В порту подходящих судов не было, пришлось идти на постоянный двор. Каждый день три дня подряд ходил я на причал, когда наконец удача улыбнулась. Небольшая ладья к вечеру должна была отплывать в Москву. Реки уже очистились ото льда, кое-где широко разлившись. Купец на ладье, видно, сильно торопился, едва разгрузившись, команда споро отшвартовалась, и мы отправились в путь. На носу сидел впередсмотрящий, предупреждая о плывущих бревнах и прочих опасностях. Мы шли под парусом, когда ветер слабел, матросы садились за весла. К берегу пристали, когда уже совсем стемнело и на воде ничего разглядеть было нельзя. Плыть по весенней реке было ночью опасно, стоило наткнуться на бревно или корягу, и суденышко могло пойти ко дну вместе с товаром. При погрузке я видел, как легко грузчики таскали тюки с грузом, трюм был полон, а осадка ладьи почти не изменилась. Скорее всего в тюках были ткани. Груз сколь легкий, столь и опасный – в смысле привлекательный для разбойников, это не воск в бочках или железные изделия. Такой груз можно на любой лодке на берег быстро свезти и спрятать. Хотя купец ни словечком не обмолвился о грузе, я проверил пистолеты и нож. Первая ночевка прошла спокойно, на берегу развели костер, сварили кашу гречневую с мясом и салом. Все дружно поели из одного котла, улеглись спать. Остался лишь один дежурный на берегу у костерка. На следующий день, едва успев позавтракать, команда погнала ладью дальше. Мне приходилось лишь радоваться, что не тянемся потихоньку, скоро конец моего затянувшегося путешествия. Купец хорошо знал фарватер, вовремя поворачивал суденышко. В некоторых местах река разлилась метров на сто – сто пятьдесят, затопив прибрежные кусты и деревья, лишь кое-где из грязной воды торчали голые ветки. Гнали без обеда, перекусывая на ходу хлебом с салом да сушеной рыбой. Лишь в сумерках выбрали холмистый берег, где было посуше, и пристали. На костерке сварили кулеш с салом, быстро поужинали и улеглись спать на ладье, на берегу все-таки было влажновато. Лишь у костра, подстелив дерюжку, сидел вахтенный. Ближе к утру, когда сон был особенно крепок, я проснулся от какого-то всплеска. Рыба играет, что ли? Да какая сейчас, в такой разлив, рыба? Я насторожился, посмотрел на вахтенного. В скудном свете костерка он дремал сидя, уронив голову на грудь. Снова небольшой всплеск, чуть выше нас по течению. Я подполз к купцу, тихонько толкнул его, и лишь он стал просыпаться, зажал ему рот.

- Тихо, плещется что-то на берегу, чуть выше нас, как бы не тати.

Он кивнул и ползком, чтобы не было видно за низким бортом, начал будить команду – всего на ладье было восемь человек, я девятый. Вот на берегу мелькнула тень, к вахтенному подскочил человек и с ходу всадил нож в сердце, я и крикнуть, предупредить не успел. Кто же на вахте спит? Поделом. Тень кинулась к ладье, тянуть я не стал и выстрелил почти в упор, уверенный в попадании. Рядом с ладьей взвыли голоса, о борт стукнулась лодка, и на палубу посыпались разбойники. Слава богу, команда уже не спала и была наготове. Завязалась схватка. Разбойников было меньше – человек пять, но вооружены они были лучше – если у моряков ножи, то у татей сабли, кистени и дубины. В темноте все сразу перемешались. Я зажал в левой руке нож, в правой пистолет, пытаюсь различить – кто где. Вдруг из общей свалки тел на меня

бросился здоровенный бугай с дубиной в руке, грязный армяк был надет на голое тело. Повоевать я ему не дал, с ходу всадил в грудь пулю из пистолета. Здоровяк шлепнулся на палубу у моих ног. Схватка к тому времени стихла, нападение было отбито. Купец зажег факел. По палубе валялись убитые разбойники и двое из команды. Еще один матрос зажимал здоровой рукой раненую левую руку. При свете факела я сделал перевязку, оторвав подол его же рубахи. Обыскав разбойников и забрав оружие, тела столкнули в воду, палубу из ведер окатили водой, смыв кровь. Ко мне подошел купец, пожал руку:

- От всего сердца спасибо, выручил, разбудил вовремя, иначе все бы уже в воде убитыми плавали, да стрелял ловко, двоих живота лишил! Выследили, видно, в Пскове, я ведь не первый раз товар возжу, приметили. Заказ уж больно выгодный попался, купец османский в Москве большую партию берет, гонял в Псков, докупить надо было. Бог помог, не иначе, тебя на судно вовремя послал.

Купец перекрестился. Мы привели судно в порядок, убитых матросов завернули в дерюгу и положили в трюм. Без аппетита поели сваренную кашу и продолжили путь. К вечеру пристали к деревянной пристани Великого Новгорода, с трудом найдя место для швартовки. Все переночевали на судне, в каюте было довольно прохладно, но уходить с ладьи на постоянный двор было рискованно, купец мог уйти спозаранку. Рано утром, когда еще толком не рассеялся туман, мы уже отплыли. Через Ильмень по Мсте добрались до Вышнего Волочка. Огромны и величавы все-таки русские озера - полноводны и глубоки, в непогоду волны не уступают морским. Горе кораблю, попавшему на озерах в шторм. Уж сколько жертв забрали Ладожское и Онежское озера, один только бог знает. Зато в спокойную погоду тихая гладь расстилается, сколько глазу видно. Через день миновали Торжок, затем Тверь. Долго петляли по малым рекам и озерам, пару раз ладью, даром что небольшая, перетаскивали волоком. Вот наконец и Москва, издали виднелись колокольни церквей, блестели под солнцем островерхие шатры храмов. Хоть я и не москвич, но в душе росло приятное чувство возвращения домой. Долгим оказался мой путь и временами очень опасным, одни испанские приключения чего стоили, я голодал и мерз во Франции, но добрался, чуть-чуть осталось. Купец тоже старался добраться до вечера, ветер дул слабый, и купец усадил команду на весла. Поскольку у нас один был ранен, двое было убито, оставались свободные весла, я сел грести, все быстрее дома буду, да и ожидание в безделье очень утомляет. Показались знакомые берега, стрелка Яузы и Москвы-реки.

- Киль? - спросил я.

Он посмотрел на меня и показал на пальцах две монеты. Я кивнул. Мужчина указал на лодку. Когда я сел, он показал - а где вещи? Я лишь махнул рукой. Отчалили. На небольшой мачте он поставил парус, и мы направились дальше от острова, практически в открытое море. Я заволновался, хотя и не показывал вида. Уж больно мала лодочка для походов в открытом море. Но с нами ничего не случилось, и часов через шесть-семь показалась земля. Проплыв немного вдоль берега, рыбак указал на показавшиеся дома - Киль. Слава богу, хоть сюда добрался без приключений. Расплатился, рыбак высадил меня на окраине порта и тут же повернул назад, вероятно, хотел вернуться домой до темноты. Я обошел все стоящие у причалов суда, русских среди них не было, а суда других стран плыли не по пути. Мне посоветовали добираться до Любека, крупного торгового порта. Поскольку подходящего морского транспорта не было, решил нанять карету. У въезда в порт было несколько экипажей, запряженных одной или двумя лошадьми. Я договорился с кучером небольшой кареты - много ли мне одному места надо? Отправился в Любек. Добрался туда без приключений за три дня. Город был относительно велик, по узким улицам сновали прохожие, тянулись телеги с товарами. В порту было полно судов разного размера и принадлежности. Я начал обходить

причалы, присматривая русские суда, со своими плыть лучше – язык один, привычки знакомые и понятные. Наконец удача улыбнулась мне – я увидел знакомые очертания русской ладьи. С владельцем судна договорился быстро, купец уже заканчивал погрузку, готовясь выйти в обратный путь завтра с утра. Мне отвели место в крохотной каюте в носовой надстройке. Я отдал купцу аванс и отправился посмотреть город и сделать необходимые покупки, ведь все мои подарки и оружие утонули при кораблекрушении. Снова купил Анастасии платье, теперь уже немецкое, более строгого покроя, Мише – нарядный кафтан и отличный нож золингенской стали, себе – пару пистолетов, порох, пули и часы. Я уже привык к часам, и без них мне было неудобно. Также обновил себе гардероб – после морских купаний и сушки на печке одежда выглядела непрезентабельно. Случайно забрел в аптеку, где, к своему удивлению, увидел и приобрел два ртутных термометра, правда, со шкалой Реомюра, и несколько различных инструментов взамен утраченных в Испании. День прошел с пользой. К вечеру вернулся на судно и улегся спать. Утром проснулся от качки. Как оказалось, мы уже несколько часов как покинули Любек и находились в открытом море. Купец лишь посмеялся:

- Здоров же ты спать, барин, завтрак проспал, теперь жди до обеда.

Я прошелся по судну – было оно чистым и ухоженным, купец любил аккуратность. От нечего делать разговорился с купцом, похвалил его судно, в разговоре случайно упомянул, что ранее уже плавал по Балтике и даже попадал в плен к шведам вместе с купеческим судном.

- А не Григорий ли купец – владелец той шхуны?

- Да, Григорием его звали.

- Так наверняка это о тебе он во всех трактирах рассказывает, угнали свою шхуну, попутно взорвав шведский фрегат, да воевали у острова недалеко от Борнхольма? Ловок ты, парень! О тебе уже в купеческих кругах, что кораблями торговлю ведут, легенды ходят! Я думал, врет все Гришка, выпить больно любит, да и команда подобралась – ни одной бочки не пропустят!

- Да, если бы он не напоил команду, когда из плена вырвались, то у острова нам драться бы не пришлось, уйти успели бы, да бог помог.

Я перекрестился, купец тоже.

- Лекарь, Россия ни с кем вроде не воюет, плаваем свободно, без опаски, больше свои разбойники досаждают, как с грузом идем – а по осадке судна сразу видно, так спать вполуха и вполглаза приходится, уже сколько раз отбивались. Повезло, команду хорошую подобрал, из своих, из псковских, все мужики серьезные, вином не балуются, плачу хорошо.

Долго мы еще разговаривали о производстве, торговых делах, пока не настало обеденное время. Так, несуетно и спокойно, проходил день за днем. Через неделю мы уже входили в устье Невы. Поведение команды изменилось, они часто оглядывали проплывающие суда, осматривали берег. У купца за поясом появилась пара пистолетов, я тоже последовал его примеру. Однако и на речном отрезке пути никто нас не побеспокоил, и до Пскова мы добрались благополучно. Корабль встал под разгрузку, я расплатился с купцом и сошел на берег. Поразмышляв некоторое время, снова решил искать подходящее судно до Москвы, в Россию пришла весна, снег почти весь растаял, если в городе дороги грязные, то между городами и вовсе не проехать. В порту подходящих судов не было, пришлось идти на постоянный двор. Каждый день три дня подряд ходил я на причал, когда наконец удача улыбнулась. Небольшая ладья к вечеру должна была отплывать в Москву. Реки уже очистились ото льда, кое-где широко разлившись. Купец на ладье, видно, сильно торопился, едва разгрузившись,

команда споро отшвартовалась, и мы отправились в путь. На носу сидел впередсмотрящий, предупреждая о плывущих бревнах и прочих опасностях. Мы шли под парусом, когда ветер слабел, матросы садились за весла. К берегу пристали, когда уже совсем стемнело и на воде ничего разглядеть было нельзя. Плыть по весенней реке было ночью опасно, стоило наткнуться на бревно или корягу, и суденышко могло пойти ко дну вместе с товаром. При погрузке я видел, как легко грузчики таскали тюки с грузом, трюм был полон, а осадка ладьи почти не изменилась. Скорее всего в тюках были ткани. Груз сколь легкий, столь и опасный – в смысле привлекательный для разбойников, это не воск в бочках или железные изделия. Такой груз можно на любой лодке на берег быстро свезти и спрятать. Хотя купец ни словечком не обмолвился о грузе, я проверил пистолеты и нож. Первая ночевка прошла спокойно, на берегу развели костер, сварили кашу гречневую с мясом и салом. Все дружно поели из одного котла, улеглись спать. Остался лишь один дежурный на берегу у костерка. На следующий день, едва успев позавтракать, команда погнала ладью дальше. Мне приходилось лишь радоваться, что не тянемся потихоньку, скоро конец моего затянувшегося путешествия. Купец хорошо знал фарватер, вовремя поворачивал суденышко. В некоторых местах река разлилась метров на сто – сто пятьдесят, затопив прибрежные кусты и деревья, лишь кое-где из грязной воды торчали голые ветки. Гнали без обеда, перекусывая на ходу хлебом с салом да сушеной рыбой. Лишь в сумерках выбрали холмистый берег, где было посуше, и пристали. На костерке сварили кулеш с салом, быстро поужинали и улеглись спать на ладье, на берегу все-таки было влажновато. Лишь у костра, подстелив дерюжку, сидел вахтенный. Ближе к утру, когда сон был особенно крепок, я проснулся от какого-то всплеска. Рыба играет, что ли? Да какая сейчас, в такой разлив, рыба? Я насторожился, посмотрел на вахтенного. В скудном свете костерка он дремал сидя, уронив голову на грудь. Снова небольшой всплеск, чуть выше нас по течению. Я подполз к купцу, тихонько толкнул его, и лишь он стал просыпаться, зажал ему рот.

- Тихо, плещется что-то на берегу, чуть выше нас, как бы не тати.

Он кивнул и ползком, чтобы не было видно за низким бортом, начал будить команду – всего на ладье было восемь человек, я девятый. Вот на берегу мелькнула тень, к вахтенному подскочил человек и с ходу всадил нож в сердце, я и крикнуть, предупредить не успел. Кто же на вахте спит? Поделом. Тень кинулась к ладье, тянуть я не стал и выстрелил почти в упор, уверенный в попадании. Рядом с ладьей взвыли голоса, о борт стукнулась лодка, и на палубу посыпались разбойники. Слава богу, команда уже не спала и была наготове. Завязалась схватка. Разбойников было меньше – человек пять, но вооружены они были лучше – если у моряков ножи, то у татей сабли, кистени и дубины. В темноте все сразу перемешались. Я зажал в левой руке нож, в правой пистолет, пытаюсь различить – кто где. Вдруг из общей свалки тел на меня бросился здоровенный бугай с дубиной в руке, грязный армяк был надет на голое тело. Повоевать я ему не дал, с ходу всадил в грудь пулю из пистолета. Здоровяк шлепнулся на палубу у моих ног. Схватка к тому времени стихла, нападение было отбито. Купец зажег факел. По палубе валялись убитые разбойники и двое из команды. Еще один матрос зажимал здоровой рукой раненую левую руку. При свете факела я сделал перевязку, оторвав подол его же рубахи. Обыскав разбойников и забрав оружие, тела столкнули в воду, палубу из ведер окатили водой, смыв кровь. Ко мне подошел купец, пожал руку:

- От всего сердца спасибо, выручил, разбудил вовремя, иначе все бы уже в воде убитыми плавали, да стрелял ловко, двоих живота лишил! Выследили, видно, в Пскове, я ведь не первый раз товар вожу, приметили. Заказ уж больно выгодный попался, купец османский в Москве большую партию берет, гонял в Псков, докупить надо было. Бог помог, не иначе, тебя на судно вовремя послал.

Купец перекрестился. Мы привели судно в порядок, убитых матросов завернули в дерюгу и положили в трюм. Без аппетита поели сваренную кашу и продолжили путь. К вечеру пристали

к деревянной пристани Великого Новгорода, с трудом найдя место для швартовки. Все переночевали на судне, в каюте было довольно прохладно, но уходить с ладьи на постоянный двор было рискованно, купец мог уйти спозаранку. Рано утром, когда еще толком не рассеялся туман, мы уже отплыли. Через Ильмень по Мсте добрались до Вышнего Волочка. Огромны и величавы все-таки русские озера – полноводны и глубоки, в непогоду волны не уступают морским. Горе кораблю, попавшему на озерах в шторм. Уж сколько жертв забрали Ладожское и Онежское озера, один только бог знает. Зато в спокойную погоду тихая гладь расстилается, сколько глазу видно. Через день миновали Торжок, затем Тверь. Долго петляли по малым рекам и озерам, пару раз ладью, даром что небольшая, перетаскивали волоком. Вот наконец и Москва, издали виднелись колокольни церквей, блестели под солнцем островерхие шатры храмов. Хотя я и не москвич, но в душе росло приятное чувство возвращения домой. Долгим оказался мой путь и временами очень опасным, одни испанские приключения чего стоили, я голодал и мерз во Франции, но добрался, чуть-чуть осталось. Купец тоже старался добраться до вечера, ветер дул слабый, и купец усадил команду на весла. Поскольку у нас один был ранен, двое было убито, оставались свободные весла, я сел грести, все быстрее дома буду, да и ожидание в безделье очень утомляет. Показались знакомые берега, стрелка Яузы и Москвы-реки.

- От всего сердца спасибо, выручил, разбудил вовремя, иначе все бы уже в воде убитыми плавали, да стрелял ловко, двоих живота лишил! Выследили, видно, в Пскове, я ведь не первый раз товар вожу, приметили. Заказ уж больно выгодный попался, купец османский в Москве большую партию берет, гонял в Псков, докупить надо было. Бог помог, не иначе, тебя на судно вовремя послал.

Купец перекрестился. Мы привели судно в порядок, убитых матросов завернули в дерюгу и положили в трюм. Без аппетита поели сваренную кашу и продолжили путь. К вечеру пристали к деревянной пристани Великого Новгорода, с трудом найдя место для швартовки. Все переночевали на судне, в каюте было довольно прохладно, но уходить с ладьи на постоянный двор было рискованно, купец мог уйти спозаранку. Рано утром, когда еще толком не рассеялся туман, мы уже отплыли. Через Ильмень по Мсте добрались до Вышнего Волочка. Огромны и величавы все-таки русские озера – полноводны и глубоки, в непогоду волны не уступают морским. Горе кораблю, попавшему на озерах в шторм. Уж сколько жертв забрали Ладожское и Онежское озера, один только бог знает. Зато в спокойную погоду тихая гладь расстилается, сколько глазу видно. Через день миновали Торжок, затем Тверь. Долго петляли по малым рекам и озерам, пару раз ладью, даром что небольшая, перетаскивали волоком. Вот наконец и Москва, издали виднелись колокольни церквей, блестели под солнцем островерхие шатры храмов. Хотя я и не москвич, но в душе росло приятное чувство возвращения домой. Долгим оказался мой путь и временами очень опасным, одни испанские приключения чего стоили, я голодал и мерз во Франции, но добрался, чуть-чуть осталось. Купец тоже старался добраться до вечера, ветер дул слабый, и купец усадил команду на весла. Поскольку у нас один был ранен, двое было убито, оставались свободные весла, я сел грести, все быстрее дома буду, да и ожидание в безделье очень утомляет. Показались знакомые берега, стрелка Яузы и Москвы-реки.

- Хозяин, будь человеком, высади, мне до дома рукой подать! – не выдержал я.

Купец посмотрел внимательно:

- Ребята, суши весла, парус опустить!

Мы пристали к левому берегу, к деревянной набережной. Я стал рассчитываться с купцом по

договору, но тот денег не взял:

- Спасибо, что с разбойниками помог, в пояс тебе мы все должны кланяться, а ты – деньги. Спасибо и здрав будь, барин, может, свидимся еще.

- И вам удачи!

Я схватил свой небольшой багаж, сиганул через борт на берег. Ноги сами несли меня домой – Солянка, Большой Спасоглинский, Маросейка, а вот и мой Петроверигский переулок, узкий и кривой, но такой узнаваемый и дорогой сердцу. Последние метры я не выдержал и побежал. Редкие прохожие удивленно оборачивались. Знакомые ворота. Я заколотил кулаками, за забором немедля откликнулись:

- Ну, чего надоть? Днем ходить по делу надо, хозяина нет дома.

У меня от волнения перехватило горло, я продолжал барабанить, пока за забором не раздалось:

- Вот я уж палкой сейчас тебя огрею, глухой, что ли.

Калитка приоткрылась, и выглянул один из охранников Ивана. Хоть и темно уже было, меня он признал сразу. Ни слова не говоря, я распахнул калитку шире и пробежал мимо удивленного охранника по дорожке к дому. Дверь была заперта, но я стал колотить кулаком, не боясь потревожить всех обитателей. На стук дверь открыла повариха, видимо, была к двери ближе всех. Я ураганом ворвался внутрь, бросил в прихожей баул с вещами и помчался по ступенькам вверх. Из комнаты, потревоженная стуком, уже выходила Настя, в простом домашнем платье и с вязанием в руках. Увидев меня, уронила рукоделие и бросилась на шею. Куда она меня только не целовала – в губы, нос, глаза, повторяя: «Вернулся живой, радость ты моя». На шум и радостные возгласы из своей комнаты выбежал подросток Мишенька и бросился мне на шею. Короче, через несколько минут от вечернего покоя не осталось и следа. Кухарки гремели на кухне сковородками и стучали горшками, в горницу заглядывала челядь, радостно улыбаясь и поздравляя с возвращением. Я еле успевал отвечать. Прибежал Сидор и стиснул меня в своих объятиях. Я видел искреннюю радость на их лицах. Наконец Анастасия спохватилась:

- Ты же кушать хочешь, где кухарки?

Те дружно ответили:

- Все уже готово, стол накрыт.

Мы с Настей, Мишей и Сидором уселись за стол. Столько съесть было просто невозможно, а выпить и подавно. Когда я утолил первый голод, пошли расспросы. Как всегда, отвечал я коротко, обходя острые углы. В конце концов глаза стали слипаться, я приказал завтра с утра топить баню, а теперь всем отправляться спать. Усталость была столь велика, что, едва коснувшись кровати, я мгновенно уснул, даже не дотронувшись до Настеньки. Утром проснулся бодрым, солнце стояло уже чуть не в зените. Позавтракал с домашними, вручил Насте и Мишеньке подарки, во вчерашней суете было не до того. Банька уже истопилась и была готова, и мы вдвоем с Сидором направились в баню. Челядь принесла в предбанник свежее пиво, сушеную рыбу, соленых баранок. Сидор поддал жару, плеснув на камни квасом. Воздух стал ощутимо густым, терпко пахнущим хлебом, облегчающим тело. Ополоснувшись горячей водой, я улегся на лавку, и Сидор неспешно стал охаживать меня веником – то дубовым, то березовым. Ополоснулись, вышли в предбанник, усевшись на лавку, чинно отпили пива и стали грызть рыбу. Через некоторое время Сидор бросил:

- Ну рассказывай, барин, что приключилось, чую я, не все просто, уехал с багажом, а сейчас даже сумки с инструментами не вижу.

Я не спеша, с подробностями стал рассказывать об Англии, путешествии на бриге. Когда я дошел до пленения испанцами, Сидор даже удивился:

- И ни одного выстрела не сделали?

Непонятно было это для старого воина. Далее я в подробностях рассказал, как удалось освободиться от испанцев, почти развалив береговую крепость Картахены. Глаза старого воина горели, видно, вспоминая опыт своих боев, он сопереживал мне. Не забыл я упомянуть и свое попрошайничество, как ни стыдно было, и поездки на задках карет, и ночевки в лесу.

- Да, досталось тебе, барин! Но я горжусь, что ты один столько испанцев в их католический ад отправил. Клянусь, даже мне в молодости, когда я был силен и проворен, не удалось бы такого. Я думаю, что воин из тебя получился бы не хуже лекаря!

Далее мы говорили о делах - все мои производства работали, корабли после зимы пошли в Рязань в первый рейс за пилеными досками, остатков на складе нет совсем. Деньги и отчеты за все дела у Анастасии. Я внимательно выслушал, поблагодарил Сидора за присмотр за домом и производствами, дал десять рублей, сумма по тем временам неплохая - на подарок и за усердие. Похвала Сидору пришлась по сердцу, аж щеки зарделись, как у девицы.

- Сегодня буду отдыхать, устал очень, завтра с утра готовь возок, поедем на промыслы, заодно к Федору в Разбойный приказ заедем, водочки привезем, московские новости узнаем. А как дороги подсохнут, надо и в Рязань съездить, посмотреть, как дела идут.

Выйдя из бани, прошли в трапезную, не спеша плотно пообедали. После обеда поспал пару часов и проснулся готовым к подвигам, в основном половым. Очень кстати в спальню заглянула Настенька. Вчера я позорно уснул после долгой и утомительной дороги, но сегодня был готов реабилитироваться. Я усадил Настю на кровать, покрывая поцелуями. Медленно раздел, нежно поглаживая груди, и началась безудержная скачка, сопровождаемая лишь сладострастными стонами. Оба мы изголодались друг по другу и сейчас наверстывали пропущенное. Простынь сбилась в сторону, а мне хоть снова в баню.

Глава 5

Урал

Прошел год. Дальше Рязани я никуда из Москвы не уезжал, пациентов хватало и дома. С каждым месяцем число пациентов постепенно росло, из Нижнего Новгорода через Алтуфия Демидова многие купцы и знатные люди с домочадцами у меня перебивали. Кроме амбулаторного приема, пришлось для серьезных больных, которым требовалась операция, строить небольшую больницу, где можно было бы выходить после оперативных вмешательств, не на постоянных дворах же их лечить. Сама жизнь заставляла делать определенные шаги. Для каждого пациента была отдельная палата, мною были набраны и обучены сиделки, что грамотно могли ухаживать за пациентами. Это ведь целая наука, выходить больного, попробуйте-ка самое простое - сменить простыню у лежащего больного, не поднимая его с постели. Периодически ко мне поступали предложения от высокопоставленных господ из других стран, которые я вежливо, но твердо отклонял. Печальный опыт с пленением испанцами кое-чему научил, не помогла защита английского бригаа. А поскольку в Европе

почти все страны периодически воевали друг с другом, то война почти не прекращалась. К сожалению, и Россия тоже воевала частенько, то шведы, чаще поляки пытались урвать кусок русской земли, татары почти постоянно делали набеги, угоняя в плен людей, скот, не претендуя, однако, на землю. Вот и в нынешний год крымские татары, поощряемые османской Портой, постоянно делали набеги, доходя с юга до Белгорода и Воронежа. Боярское ополчение в большей части было на южных рубежах, на границах Дикого поля, но сил было явно недостаточно, слишком уж татары были мобильны. Все всадники татарские вели за собой в поводу двух заводных коней, постоянно пересаживаясь на свежих, делали за день до ста верст, вытаптывая и убивая все живое вокруг. Обозов у них не было. Стоило русским ратям перекрыть татарам путь, как они рассыпались веером мелкими отрядами по степи, осыпая противника кучей стрел, чтобы затем собраться вновь и ударить уже в другом месте. Такая тактика изматывала противника, татары легко обходили крепости, а лошади их были неприхотливы, обходясь даже зимой подножным кормом. В случае преследования татар, если те имели пленных и скот, пленные безжалостно вырезались, и татары, бросив захваченное добро, уходили налегке и враспынную. Вот такие «добрые» соседи были у Руси. Малоподвижное, в основном пешее русское войско делало ставку на крепости, это был тактически неверный шаг. Наконец в чью-то светлую голову пришла мысль привлечь казаков – запорожских, астраханских, оседлых татар, присягнувших на сабле и Коране русскому царю. В один из июньских дней меня посетил монах, передавший приглашение к патриарху Филарету. Явно зачем-то понадобился, несколько лет мы не встречались, и я особой нужды во встречах не испытывал. Помня обиду за изгнание из Аптекарской школы, создав которую, вложил душу свою и деньги. Поехал в Кремль, к Филарету меня не пустили, проводив к одному из его помощников. Меня встретил сурового вида монах с седой окладистой бородой. Поздоровавшись и перекрестившись на образа, сел на предложенный стул. Начал монах издали:

- Слышал ли ты, лекарь, что на южных рубежах татары крымские войну постоянную набегами ведут?

Я кивнул, кто ж не слышал, когда моя протезная мастерская переполнена заказами. Монах продолжал:

- На помощь нашим ребятам мы послали лекарей из Аптекарской школы, однако опыта и знаний у них маловато, очень уж много раненых и увечных, убитых тоже много. Самое обидное - от ран много умирает. Надо бы поехать, помочь воинству русскому.

Я напомнил, что из Аптекарской школы, в которую я вложил много и своих денег, меня Филарет же и выгнал, а хорошо учить учеников без меня не получилось. Монах поджал губы:

- Господь прощать обиды велит, а гордыня страшный грех!

- Не о гордыне речь, если ехать на южные рубежи, надо с собой помощников брать, инструменты, материал для повязок, лекарства, продовольствие. Кто оплатит мне это, у меня семья и дом, который я содержать должен. Уезжать придется на все лето, раньше осени татары к своим не вернуться, в Москве пациенты тоже есть, как мне больных бросить?

Такая постановка вопроса монаху не понравилась. А мне что, бросать налаженное дело, больных людей, которым тоже нужна моя помощь, и за здорово живешь ехать на юг? Поездка предвещала отлучку из дома месяца на три, ведь известно, что в осеннюю слякоть и зимой татары не воют, в грязи много на лошади не поскачешь. В итоге я отказался, но монах настойчиво рекомендовал несколько дней подумать. Дома я поделился с Настенькой сделанным мне предложением. Она поддержала меня в решении не ездить – дома дел полно. Я

решил посоветоваться с дьяком Федором из Разбойного приказа. Выслушав меня, предварительно скушавший пол-литра водки Федор изрек:

- Ехать надо!

Я оторопел:

- Это почему же?

- По возвращении получишь выгодный государев заказ на мануфактуру, да и о себе тебе пора бы напомнить. После твоей отставки из Аптекарской школы в Кремле тебя подзабыли, проси жалованье за участие и езжай.

Приехав домой и всесторонне обдумав, я решил согласиться. Через несколько дней снова пришел посыльный с вызовом к митрополиту. Опять меня принял тот же монах:

- Ну что, надумал ехать?

- Поскольку я должен буду нести ущерб, согласен ехать, если казна заплатит.

- И сколько же ты хочешь?

- Так же, как и приписным боярам, - за службу в походе им казна деньги платит.

Монах походил по комнате, согласно кивнул и что-то написал на листке бумаги, присыпав толченым песком.

- Когда выехать сможешь?

- Через два дня.

- Хорошо, поспешай, вот письмо, передашь в Воронеже боярину Костину, он командует там обороной.

Ну что же, назвался груздем - полезай в кузов. Приехав домой, дал указания Сидору собираться в поход - подготовить лошадей, госпитальную повозку, оружие с запасом пороха и пуль. Брал я с собой одного из своих помощников, Петра, приехавшего со мной из Рязани. За прошлый год после возвращения из Англии я обзавелся новым инструментом, сделанным московскими умельцами. Был он хоть и хуже моего, но работать им можно было. Наконец все уложено, в повозку сели Петр и один из охранников команды Ивана, мы с Сидором поехали в возке. Долго мы тряслись по пыльным российским дорогам, пока через две недели не прибыли в Воронеж. Я представился боярину, передал письмо. Мне отвели место на окраине, где мы и расположились. Места, надо сказать, здесь красивые - сосны, песок, крепость стоит у слияния Дона и Воронежа, воздух чистый. Только любоваться этими красотами нам не пришлось. Не успели мы расположиться и обустроиться, к нам повезли раненых, коих здесь было много с прошлых стычек. Пришлось чистить раны, ампутировать руки и ноги, делать перевязки, трудились неделю, разгребли завалы и в дальнейшем уже работали только со свежими ранениями. Все-таки на Руси сроду не заботилось государство о служивых людях. Пока ты цел и в строю, тебя кормят, поят, ночлег найдут, а как ранило - выкарабкивайся сам. Медиками в ополчении и регулярном войске и не пахло. Были травники и костоправы. Приходилось выкручиваться - ведь раненым надо было не только оказать помощь, но и кормить, дать крышу над головой. Эти три месяца пережил, как кошмарный сон, работа, кровь, бинты, накапливающаяся усталость. Иногда, когда раненых не было, брал с собой Сидора, нарезные

штуцера и забирался на крепостные стены, выцеливая неосторожно приблизившихся к крепости конных татар. Была у них такая мода – проскакать вдоль стен, пуская зажженные стрелы в крепость. Но после нескольких удачных моих выстрелов, когда на виду обеих сторон убитый всадник летел на землю, попытки покрасоваться перед крепостью прекратились. Ближе к осени татары стали на приличном расстоянии от крепости сколачивать из бревен непонятное сооружение. Воины из крепости стали гадать, что бы это могло быть? Любопытство довольно скоро было удовлетворено, десяток лошадей, понукаемых татарами, подтащили сооружение ближе и стали метать камни по крепостным стенам, воротам, да и просто за крепостные стены. Стало быть, у татар появился человек с инженерными познаниями. Несколько попыток крепостных пушкарей кончились ничем – то ли расстояние было далековато, то ли пушкари были такие. Когда мне через несколько дней надоели татарские поползновения, я пошел к кузнецу и попросил сделать несколько пар ядер, сковав их между собой металлической цепью длиной около метра. Я просто удачно и вовремя вспомнил, что такие скованные цепью ядра, их называли кнйппелями, довольно удачно применялись артиллеристами на кораблях, они позволяли удачно разрушать парусную оснастку судов. Сходил на крепостную стену и договорился с пушкарями, выпросив разрешение пострелять самому. Выслушав меня, те лишь рукой махнули:

- Без толку это, далековато.

Спорить я не стал, сам ранее не применял подобного и не знал, что получится в результате. На повозке перевезли кнйппели, я сначала зарядил пушку обычным ядром, хотелось хотя бы пристрелять. Оглушительно бабахнула пушка, ядро легло в стороне и с недолетом, взметнув облако земли. Поднять ствол выше не позволял лафет, наводка по вертикали была ограничена, в основном пушку на лафете поворачивали по горизонтали. Я не поленился, сходил к плотникам, и мне вытесали два деревянных клина. По моей просьбе пушкари приподняли передний конец лафета и я подложил клин. Вокруг меня уже начал собираться ратный народ – как же, бесплатное развлечение. Пушку зарядили еще раз, выстрелили. На этот раз ядро немного отклонилась влево, но дальность была в самый раз. Татары встревожились, раньше ядра не ложились так близко. Теперь я зарядил пушку кнйппелями, затолкав поперех пороха сначала одно ядро, затем уложил кольцом цепь и сверху еще ядро.

- А не разорвет ствол? – забеспокоились пушкари.

Как мог, я их успокоил, но они благоразумно отошли подальше. Я поднес фитиль к затравочному отверстию и сам немного успел отбежать. Ба-бах! На этот раз кнйппель попал в цель, от баллисты полетели щепки, татары бросились врассыпную. Подбежали пушкари, помогли зарядить еще один кнйппель, внимательно наблюдая, что и как я делаю. Еще один выстрел. От баллисты снова летят щепки, и остатки заваливаются набок. Гордый собой, я пожимал протянутые руки и принимал поздравления. После этого случая авторитет мой у пушкарей значительно вырос, одно дело – лечить, даже очень хорошо, другое дело на войне показать, на что ты способен. Мужик ты или нет. Время тянулось медленно – сон, лечение раненых, изредка охота с крепостных стен на татар. Ближе к осени набеги татарские становились реже и реже, и наконец передовые дозоры доложили, что татары уходят на юг. Посланные из крепости конные разъезды противника не обнаружили. Начал собираться в обратный путь и я. Сидор с Петром собирали вещи в повозку, когда ко мне подскочил гонец:

- К воеводе, срочно!

Я сел в свой возок и направился к воеводе, интересно, что это за срочность такая, ведь боевых действий уже неделю не было. В комнате кроме воеводы сидел пропыленный, уставший человек. Воевода зачитал письмо, показал на гонца:

- За тобой приехали, патриарх Филарет сильно заболел, немедля просит в Москву вернуться, я воинов в охрану дам.

Я вернулся к своим, забрал необходимые инструменты - неизвестно еще, что может понадобиться в Москве, распорядился собрать вещи и отправляться домой. Сидор на возке довез меня до дома воеводы, где на конях уже ждали три ратника, в поводу они держали двух оседланных лошадей. Не успел я доложить о готовности, как в комнату быстрым шагом вошел гонец, без лишних слов взял меня за руку, и мы вышли на улицу. Неприятно засосало под ложечкой - ездить верхом я не любил, а теперь мне предстояло скакать до Москвы. Не успел я усесться, как всадники махнули плетками, и лошади с места рванули в карьер. Мимо пролетали испуганные прохожие, дома мелькали, как в калейдоскопе. Вылетели без задержек из города и направились по пыльной дороге на север, в Москву, периодически сбавляя ход, чтобы лошади отдохнули, мы гнали до вечера. Добравшись до ямской станции, гонец показал бумагу с сургучной печатью и потребовал к утру пять свежих лошадей. Мы поужинали и легли спать. С утра снова началась бешеная скачка. В обед поменяли лошадей на ямской станции и гнали уже до вечера. Не знаю, кто больше уставал от скачки - лошади или я. На станции я просто упал на кровать, отказавшись от ужина. Задница болела, набитая деревянным седлом, ноги натерло, внутренности отбиты. Утешало, что почти половина пути пройдена. Бешеная скачка продолжалась еще три дня. К ночи, на исходе пятых суток, мы подъехали к Москве, гонец сразу направился к Кремлю. По предъявлении бумаги с сургучной печатью нас везде пропускали беспрепятственно. Остановились лишь перед дверью патриарха. Слуги смели с меня дорожную пыль, она покрывала всю мою одежду, волосы, лицо. Даже цвет одежды угадывался с трудом. Но времени на баню и смену одежды не было. Меня провели в комнату, где лежал патриарх. В углу светилась лампадка у образов, я перекрестился и подошел к ложу. Патриарх был без сознания, хрипло дышал. Лицо было перекошено, левая щека при дыхании парусила. Диагноз был ясен - старца разбил паралич, вероятно, плен и повышенное давление плюс постоянные нервные нагрузки во благо Отечества дали о себе знать. Я вышел в коридор, вместе со мной вышли находившиеся у постели служители церкви. Кто они - сан и место в иерархии, я не знал, но четко ответил, что помочь не могу, жить ему осталось день-два, не более. Старцы горестно покачали головами и начали креститься. Один обернулся, служка передал ему небольшой кожаный мешочек, который он вручил мне:

- А не разорвет ствол? - забеспокоились пушкар.

Как мог, я их успокоил, но они благоразумно отошли подальше. Я поднес фитиль к затравочному отверстию и сам немного успел отбежать. Ба-бах! На этот раз книппель попал в цель, от баллисты полетели щепки, татары бросились врассыпную. Подбежали пушкар, помогли зарядить еще один книппель, внимательно наблюдая, что и как я делаю. Еще один выстрел. От баллисты снова летят щепки, и остатки заваливаются набок. Гордый собой, я пожимал протянутые руки и принимал поздравления. После этого случая авторитет мой у пушкарей значительно вырос, одно дело - лечить, даже очень хорошо, другое дело на войне показать, на что ты способен. Мужик ты или нет. Время тянулось медленно - сон, лечение раненых, изредка охота с крепостных стен на татар. Ближе к осени набеги татарские становились реже и реже, и наконец передовые дозоры доложили, что татары уходят на юг. Посланные из крепости конные разъезды противника не обнаружили. Начал собираться в обратный путь и я. Сидор с Петром собирали вещи в повозку, когда ко мне подскочил гонец:

- К воеводе, срочно!

Я сел в свой возок и направился к воеводе, интересно, что это за срочность такая, ведь боевых действий уже неделю не было. В комнате кроме воеводы сидел пропыленный, уставший

человек. Воевода зачитал письмо, показал на гонца:

- За тобой приехали, патриарх Филарет сильно заболел, немедля просит в Москву вернуться, я воинов в охрану дам.

Я вернулся к своим, забрал необходимые инструменты - неизвестно еще, что может понадобиться в Москве, распорядился собрать вещи и отправляться домой. Сидор на возке довез меня до дома воеводы, где на конях уже ждали три ратника, в поводу они держали двух оседланных лошадей. Не успел я доложить о готовности, как в комнату быстрым шагом вошел гонец, без лишних слов взял меня за руку, и мы вышли на улицу. Неприятно засосало под ложечкой - ездить верхом я не любил, а теперь мне предстояло скакать до Москвы. Не успел я усесться, как всадники махнули плетками, и лошади с места рванули в карьер. Мимо пролетали испуганные прохожие, дома мелькали, как в калейдоскопе. Вылетели без задержек из города и направились по пыльной дороге на север, в Москву, периодически сбавляя ход, чтобы лошади отдохнули, мы гнали до вечера. Добравшись до ямской станции, гонец показал бумагу с сургучной печатью и потребовал к утру пять свежих лошадей. Мы поужинали и легли спать. С утра снова началась бешеная скачка. В обед поменяли лошадей на ямской станции и гнали уже до вечера. Не знаю, кто больше уставал от скачки - лошади или я. На станции я просто упал на кровать, отказавшись от ужина. Задница болела, набитая деревянным седлом, ноги натерло, внутренности отбиты. Утешало, что почти половина пути пройдена. Бешеная скачка продолжалась еще три дня. К ночи, на исходе пятых суток, мы подъехали к Москве, гонец сразу направился к Кремлю. По предъявлении бумаги с сургучной печатью нас везде пропускали беспрепятственно. Остановились лишь перед дверью патриарха. Слуги смели с меня дорожную пыль, она покрывала всю мою одежду, волосы, лицо. Даже цвет одежды угадывался с трудом. Но времени на баню и смену одежды не было. Меня провели в комнату, где лежал патриарх. В углу светилась лампадка у образов, я перекрестился и подошел к ложу. Патриарх был без сознания, хрипло дышал. Лицо было перекошено, левая щека при дыхании парусила. Диагноз был ясен - старца разбил паралич, вероятно, плен и повышенное давление плюс постоянные нервные нагрузки во благо Отечества дали о себе знать. Я вышел в коридор, вместе со мной вышли находившиеся у постели служители церкви. Кто они - сан и место в иерархии, я не знал, но четко ответил, что помочь не могу, жить ему осталось день-два, не более. Старцы горестно покачали головами и начали креститься. Один обернулся, служба передал ему небольшой кожаный мешочек, который он вручил мне:

- Помолись о душе патриарха Филарета, держи язык за зубами, если не хочешь потерять голову.

Я перекрестился и, поклонившись, вышел из дворца. Как врач, я понимал, что дни или даже часы его сочтены. Да, он не поддержал меня в моих начинаниях в Аптекарской школе, но я осознавал, что этот человек много сделал для Руси и с его смертью еще неизвестно, куда повернет страну его сын - Михаил Федорович, небогатый умом, нерешительный, не имеющий большой поддержки среди дворянства. Из истории я помнил, что править нынешнему царю еще четырнадцать лет, и страну будут сотрясать разные катаклизмы вроде соляных бунтов, и род Романовых не прервется, после смерти Михаила Федоровича на трон будет помазан сын его Алексей. Никем не остановленный, я шел по ночному городу, уставший, голодный, пропыленный, с горечью в душе от увиденного мной умирающего патриарха. Вот и мой переулок, мой дом. Я не стал стучать, окликнул сторожа, мне открыли калитку и дверь в доме. Разделся в коридоре, чтобы не выпачкать своей одеждой постель, умылся из тазика, повелел с утра топить баню. Анастасия испуганно вскинулась, когда я вошел в спальню. Как мог, я успокоил ее, объяснив, что вызывали в Кремль, одежда сильно пропылилась, и я оставил ее в коридоре, а возок и госпитальная повозка приедут позже. Лег спать, обняв Анастасию, но уснуть не мог, перед глазами стоял образ умирающего Филарета, ведь я помнил его

энергичным, бодрым, решительным, да и не стар он был, где-то около шестидесяти лет. Под утро уснул, казалось, что и спал недолго, – и проснулся от заунывного колокольного звона. Настя перекрестилась:

- Не случилось ли чего худого?

Я не мог сказать ей о вчерашнем, пошел мыться в баню. Вдоволь попарился, смыл дорожную грязь. Только вышел, бежит ко мне один из охранников:

- Горе, барин, патриарх преставился, утром в церкви батюшка сказал, за Филарета молились.

Вот и смерть за патриархом пришла, я не ошибся в предсказании, и было это первого октября одна тысяча шестьсот тридцать третьего года.

На третий день по православной традиции состоялись похороны. Я на них не пошел, не настолько я был близок или уважал патриарха. Может быть, митрополиты на Синоде изберут более просвещенного патриарха? Хотя это сомнительно. Решив узнать московские новости, взял с собой водки, сел в одну из повозок, так как Сидор еще не вернулся, и направился к Федору в Разбойный приказ. Тот оказался на месте. Лицо его выражало скорбь:

- Горе-то какое, патриарх преставился. – Он перекрестился, глянул с ожиданием на мою сумку – не звякнет ли стекло?

Томить его я не стал, поставил на стол бутылку водки, Федор достал из шкафчика хлеб, сало, порезал. Мы выпили за упокой души Филарета, разговорились. Сначала о московских новостях, но ничего существенного, кроме похорон патриарха, не было, затем разговор перекинулся на вяло текущую войну с Польшей, которая длилась без малого уже год, вдруг выскочила интересная фраза – Федор упомянул голландца Виниуса, которому царь в конце прошлого года разрешил построить под Тулой железоделательный и пушечный завод. Война требовала людей и пушек, на заводе собирались лить чугунные пушки и ядра. Новость интересная. Недалеко от Тулы Курск с его залежами железной руды. Очень перспективное место застолбил этот Виниус. Правда, надо признать, что я по своим возможностям такой завод не потянул бы, денег маловато. Почему-то вспомнилось о Демидове из Нижнего Новгорода. Надо на досуге обдумать эту мысль. Мы еще поговорили, Федор пересказал все сплетни о именитых людях. Когда речь зашла о погоде, я понял, что пора уходить. Оставив на прощанье еще бутылку водки, распрощался.

Дома меня ждал приятный сюрприз – вернулись из Воронежа Сидор на возке и Петр на госпитальной повозке. Дорога была спокойной, я распорядился натопить баньку – самое первое дело – помыться с дороги, совсем по-другому себя чувствуешь, как будто состарившуюся кожу сбросил. Пока банька топилась, Сидора с Петром покормили, вещи перенесли в дом. Я же отправился в кабинет, домашние меня не тревожили, знали – если заперся в кабинете – то обдумываю серьезное дело. В мое время все знали, что на Урале есть железо, другие руды, в том числе медь, серебро, драгоценные камни. Надо бы уговорить Демидова построить на Урале заводик, те же пушки лить, из бронзы – колокола, да многое можно придумать, встает только вопрос – как объяснить Демидову, где залегают руды и откуда я узнал, уверенность должна на чем-то основываться. Не поверит Демидов одним словам, предприятие потребует серьезных вложений. Мой интерес – войти в долю. Сибирь за Уралом уже России принадлежит, однако ехать за Урал придется через татарские земли, рискованно. Хотя можно попробовать через башкирские земли, они давно на верность царю присягнули и ведут себя мирно. А если южнее, там казаки, по Оренбуржью обогнуть Урал с юга. Дорога, конечно, длиннее, зато безопаснее. В общем, при размышлении определялись варианты. Надо было ехать в Нижний, разговаривать с

Алтуфием Демидовым. На следующий день я поговорил с Сидором, как себя чувствует после дороги, то да се. Сидор сразу понял, что намечается новое путешествие. Сказал, что готов.

- Старому воину дома сидеть непотребно, когда я на коне, чувствую себя молодым.

Через пару дней я назначил отъезд, а пока собирал вещи. Путешествовать решил верхом, по воде - так у меня не было таких людей, как у Демидова, чтобы, как на ямских станциях, гребцов менять, если на возке ехать - так уже октябрь, случись дожди - увязнешь в грязи, остаются только верховые лошади. Сидор подобрал в сопровождение двух опытных охранников, прикупил верховых лошадей. В середине октября мы тронулись в путь. Пока дорога была сухой, ехать было хорошо, двигались не спеша, не так, как гнали из Воронежа в Москву с гонцом к Филарету. Заночевали в Шатуре на постоялом дворе. Так, не спеша, проехали Муром и Павлово. Места здесь красивые - леса, речки, воздух свежий, птицы поют. Вот и Нижний Новгород. Я вспоминал дорогу к дому Демидова - все-таки меня везли ночью, к тому же единственный раз, а Нижний - город большой, но не зря говорят - язык до Киева доведет, нашли. Алтуфий был дома, моему приезду удивился и обрадовался. Лошадей отвели под навес, задали им овса. Мы уселись в трапезной, как водится, начали разговор издали - погода, урожай. Дошли до деловых вопросов, все-таки у нас общее дело - купец закупал оптом водку и возил в Нижний. Вернее, не он, а его приказчики. Я решил не тянуть кота за хвост - человек Демидов деловой, время ценить умел.

- Знаешь ли ты, Алтуфий, что голландец Виниус по разрешению царя строит под Тулой железоделательный и пушечный завод?

- Да, слышал, - говорит купец.

- Под Курском богатые запасы железных руд, сырьем он обеспечен надолго, возить недалеко, царева казна всю продукцию на корню скупать будет - очень уж пушки нужны, - забросил я крючок.

- Жирный кусок отхватил голландец, и главное - задарма, только на строительство завода потратился, - Алтуфий задумался на минутку, затем его осенило: - А что ты мне все это рассказываешь? Или предложить чего хочешь?

- Есть на Урале богатые залежи меди и железа, камни драгоценные - малахит, изумруды. Хочу предложить тебе объединить несколько купцов, а может, и сам один потянешь, и построить на Урале заводики. Пока ведь никто не знает, что там земля богата, надо опередить других.

- А ты, Кожин, откуда знаешь? Ежели ты знаешь, то и другие знать могут.

- Не обижайся, Алтуфий, сказать не могу, но точно знаю, что другие не в курсе.

Купец надолго задумался, лишь барабанил пальцами по столу, затем хлопнул ладонью по столешнице:

- Вопрос серьезный, большие деньги нужны, да и риск немалый - не только деньгами рискуем, через татар пробираться придется, как бы людишек не погубить.

- Татар обойти можно или через Уфу башкирскую, или через казаков, южнее Урала.

- Да ты никак там бывал? - удивился Демидов.

Я усмехнулся.

- Ладно, давайте кушать, предложение интересное, но все обмозговать надо, такие дела в одночасье не решают, пока никому ни слова.

Холопы накрыли стол, все не спеша поели, Алтуфий был задумчив, на вопросы отвечал невпопад, было видно, что голова его была всецело занята моим предложением. После обеда он поинтересовался, могу ли я задержаться на пару дней, надо поговорить с другими купцами. Я согласился. На следующий день вместе с Сидором мы ходили по городу, хоть я и был здесь, когда лечил сына и жену Демидова, но город не осматривал. Побывали на пристани - здесь было полно разных судов, торговые люди спешили завезти товары в преддверии зимы, пока лед не накрыл реку. Кое-какие небольшие суденышки уже были на берегу, вокруг них суетились люди - смолили бока, очищали от водорослей днище. Побывали на торгу, я купил в подарок своим домашним несколько подарков.

С утра следующего дня Алтуфий после завтрака предупредил, чтобы я не отлучался, соберутся серьезные купцы, говорить будет он, мое дело - пока слушать, если о чем будут спрашивать - отвечать, что знаю, но конкретного места не называть, вдруг откажутся, секрет тогда сохранить не удастся. К полудню стали подъезжать купцы, все в добротных возках, одеты по здешней моде - в шубах, шапках, хотя на улице было пока не холодно. Каждый хотел показать достаток. Приехало шесть человек, все собрались в трапезной, чинно уселись за столом. Я скромно уселся у краешка стола, на другом конце от Алтуфия. После незначительных разговоров о ценах, товарах Демидов перешел к главному, спросил - все ли знают о Вিনিусе и его заводе под Тулой, все закивали. А не хотят ли уважаемые гости сами поучаствовать финансами в таком же деле, есть земля, где есть медная и железная руда, можно поставить меднолитейный и железоделательный заводы, самим торговать с казной, а не давать наживаться прочим голландцам. Купцы молчали, переваривая услышанное. Затем начали задавать вопросы - а богаты ли руды, откуда сведения, далеко ли от Нижнего и еще куча других, но дельных вопросов. Чувствовалось, что люди собрались бывалые, зря рисковать не хотят, но и выгодное дело упустить боятся, все взвешивают тщательно, не спеша. Интересовались - во сколько обойдется строительство, будут ли государевы заказы, ведь казна берет помногу, есть ли смысл делать заводы. Демидов отвечал коротко и четко, многие вопросы он уже предвидел и давал взвешенные ответы. Купцы попросили пару дней на раздумья, Демидов в свою очередь попросил пока весь разговор держать в тайне. После делового разговора слуги вынесли закуски, вино, все слегка выпили и закусили, купцы явно обдумывали предложение, ели без аппетита. Ну, как дело прогорит - большими деньгами рискуют, откажешься - вдруг дело процветать будет, локти от досады кусать придется. В молчании разъехались. Пара дней пролетела в заботах, я осмотрел жену и сына Алтуфия, нашел их здоровье вполне хорошим. Спустя два дня купцы собрались снова. Демидову задали кучу вопросов, все сугубо практические. Чаша весов склонялась то в одну, то в другую сторону. После долгого разговора пришли к решению - послать на разведку ватажку, во главе поставить меня, поскольку предложение исходило от меня, расходы на экспедицию разделить поровну, выезжать зимой, по санному пути, как встанут реки. С тем и разъехались.

- Ну что, Юрий, заварил кашу - сам и поедешь. Подбери людей, лошадей, прикупи припасов, в начале зимы жду тебя к себе, от меня тоже несколько человек будет, надежных дам, не беспокойся. Денег дадим, дабы нужды не было.

Условились, что я возьму не более десятка слуг, столько же и Демидов даст. Поужинали, Алтуфий, приняв решение, повеселел, за столом балагурил.

Поутру, позавтракав, откланялись и отправились домой, в Москву. Осень стояла сухая, но по

утрам на траве уже лежал иней, изо рта поднимался парок. До Москвы добрались без происшествий. Отлежавшись денек после езды, пригласил к себе Сидора.

- Мне придется ехать на Урал этой зимой, надо приготовить трое-четверо саней, запас продуктов, оружие. Кроме меня, отправляются еще девять человек - для охраны, может быть, небольшой работы, кого можешь предложить из надежных ребят?

Сидор думал недолго:

- Я сам с тобой поеду, Павла возьмем, он в лошадях хорошо понимает, подковать, сбрую починить. Еще Григория, вояка хороший и плотник неплохой.

Мы долго обсуждали все кандидатуры, остановились на группе из девяти человек, включая меня. Десятым я хотел взять человека, разбирающегося в руде, - чтобы с толком можно было искать медь и железо, короче - рудознатца. Неделью мы с Сидором опрашивали всех знакомых, купцов, мастеровых, пока не повезло - оружейник Григорий присоветовал пожилого уже мужичка, разбирающегося в разных там пиритах, колчеданах. Мне удалось с ним встретиться и уговорить поехать со мной, куда - я не сказал, но предупредил - что не менее, чем на три - четыре месяца. Дорога и питание за мой счет, безопасность тоже гарантирую, авансом вручил десять серебряных рублей. Правда, я оговорил условия, находит руду - получает премиальные, не находит - только жалованье. Пафнутий - так звали рудознатца, был вынужден согласиться, это было справедливо. Зима не торопилась, осень стояла сухая, даже дождей было мало. Я уже начал подумывать - а не тронуться ли нам на телегах, сменив их на сани в Нижнем. Но Господь услышал наши молитвы, стало быстро холодать, и в одно утро я увидел на улице снег. Он лег толстым пушистым ковром, слепил глаза, покрывал дороги, дома, деревья. Мы с Сидором решили подождать несколько дней, вдруг будет оттепель, и снег стает, это было бы хуже всего, выехать и застрять в дороге из-за отсутствия снега. Но каждый день добавлял и добавлял толщину снежного покрова. Посоветавшись, решили выезжать. Предупредили Пафнутия, чтобы был готов завтра утром к поездке. С вечера уложили в сани вещи, продукты. Стоял легкий морозец, градусов пять-семь, почти полное безветрие, дым из труб поднимался вверх. Утром проснулся рано, как со мной бывало перед дальней дорогой, меж тем Сидор уже ходил по двору, одетый в теплый овчинный тулуп, опоясанный широким поясом, в валенках и лисьем малахае. Да и остальные путешественники, что выходили из домика прислуги, выглядели почти так же. Я быстро позавтракал, попрощался с Настенькой и Мишей, вышел во двор. Все были готовы, ждали лишь моей команды. Сидор на санях поехал за Пафнутием, я еще раз осмотрел своих людей - у всех ли есть теплые рукавицы, валенки, поинтересовался - все ли захватили оружие. Затем уселись в сани и медленно выехали со двора. Мы петляли по московским улицам, выезжая на Муромский тракт, где и уговорились встретиться с Сидором, выехали из города и, отъехав версты две-три, остановились на пригорке, с которого было видно дорогу. Вот и Сидор подъехал, в санях с узлом личных вещей сидел Пафнутий, облокотившись на мешки с овсом для лошадей. Вместе с подъехавшими санями получился целый обоз с пятью санями. В четыре мы с грузом не помещались, на каждых санях было по два человека и груз - оружие, продовольствие для себя и лошадок. Овес пока решили не трогать, кормить сеном на постоянных дворах. Неизвестно, удастся ли нам добыть сено или овес в Приуралье. Татары и башкиры сено не запасают, стогов не ставят, их лошади сами зимой и летом прокорм добывают, выдалбливая копытами из-под снега. Лошади легко тянули сани по уже накатанной колее. В первых санях ехал Григорий, дорогу до Нижнего он знал хорошо, оружие лежало у нас под рукой, да и напасть на десяток человек целая толпа нужна, вот когда подъедем ближе к татарам или башкирам, то ухо надо держать востро. За десять дней доехали до Нижнего, завели лошадей во двор, поставили под навес. Холопы Алтуфия дело знали - сами стали распрягать, а хозяин вышел на крыльцо встречать гостей. Мы поздоровались, обнялись, прошли в дом.

- О людях твоих позаботятся, садись, откушаем, чем бог послал, да о делах поговорим.

После обеда, сдобренного кубком вина, мы прошли в кабинет, расположились в мягких креслах. Первым разговор начал хозяин.

- Мои люди тоже готовы, весь десяток очень надежен, есть хорошие охотники, рыбак, кузнец - лошадей перековать, да и руду посмотреть, коли повезет найти. У десятника именем Дмитрий - деньги на экспедицию, как мы и договаривались. Над моими людьми старший он, но подчиняется тебе - он знает, что выполнять все твои распоряжения он должен, как мои. Лошади, сани, теплая одежда, провизия, оружие - все готово, теперь дело за тобой, коли удачлив и Бог на твоей стороне, хорошее дело выгореть может. Теперь давай сразу обсудим - какой твой интерес, что ты хочешь?

- О прибылях можно будет говорить, когда найдем железо и медь, тогда и деньги вкладывать придется. А хочу иметь доход согласно вложенной доле плюс пять процентов за идею и разведку.

Демидов тут же ответил:

- Два процента, если дело пойдет, и это большие деньги будут.

Мы ударили по рукам. С выездом тянуть не стали, утречком и выехали. Демидовские люди также сидели по двое на санях, все остальное место занимала поклажа.

Поскольку дороги в Нижнем и его окрестностях они знали лучше, то и ехали впереди. Перед выездом Демидов лично познакомил меня со своими людьми, наказав им слушать и подчиняться мне беспрекословно, а также беречь и охранять. Напоследок всех перекрестил, прочитал короткую молитву. Ехалось хорошо - стоял легкий морозец, снегу выпало уже много, но санный след накатан. Лошади сами, без понуканий резво бежали одна за одной. По бокам дороги тянулись густые, темные леса - ели, осины, сосны, дубы. Санный путь свернул на лед Волги, зимой лучше ехать по реке - дорога выходила ровная и заплутать нельзя, опять же лихие люди из кустов внезапно не выскочат. Правда, первым саням в обозе ехать рискованно - можно и в полыню угодить, приходилось быть настороже. Ночевали на берегу, разведя костры. Пару раз удавалось переночевать на постоянных дворах - поспали в постелях, лошади отдохнули в конюшнях. Проехали Васильсурск, Алатырь. Далее я начал совещаться с Дмитрием. В Москве мне удалось заранее купить карты, но были они неточны, изобиловали ошибками, но давали хоть какое-то представление о местности, особенно незнакомой. Нам не хотелось заезжать на территорию Казанского ханства, татары хоть уже были под рукой русского царя, но пограбить и пожить бы были всегда не прочь. Наш обоз просто бесследно мог исчезнуть. Решили обходить земли татарские южнее, предстояло решить - идти через земли башкир, эти были хоть и воинственным народом, но присягнули русскому царю раньше татар и договор соблюдали, или через земли яицких казаков - безопасно, однако почти в два раза длиннее, пришлось бы огибать Уральский хребет с юга. Посовещавшись, решили все-таки рискнуть и двигаться через земли башкир, если повезет, месяц пути сэкономим. Наметили ехать через Симбирск на Уфу, а далее - через Урал. Леса постепенно исчезли, вокруг простиралась степь, занесенная снегом. В каждом крупном селении по пути мы выспрашивали дорогу, где свернуть, замерзли ли реки, шалют ли разбойники, спокойны ли башкиры. Через месяц после выезда из Нижнего, сокращая, где можно, путь, добрались до Уфы. Зимой двигаться было сподручнее - по льду замерзших рек, минуя многие селения и летние плохие дороги. Пока путь наш проходил без неприятных происшествий. Мои и демидовские люди за время похода перезнакомились, а кое-кто и подружился, цель была одна, и трудности похода делились пополам. В Уфе на постоялом дворе отдыхали сутки, отогревались в тепле, покупали

продукты на дальнейший путь, расспрашивали подробную дорогу, я на бумаге делал для себя заметки. Дальше Уральского хребта карт не было, приходилось полагаться на расспросы бывалых людей. Правда, за Уралом земля тоже была российской, даже стояли небольшие городки, вроде Тобольска, поставленные казаками Ермака и других первопроходцев. Отдохнув и отъевшись, тронулись в путь. Погода благоприятствовала, пурги не было, вот только мороз день ото дня крепчал, по ощущениям было слегка за двадцать градусов, но одежда была теплой, на лошадей накинули попоны. Дорога постепенно начала подниматься, вокруг появились холмы, и на четвертый день отъезда из Уфы увидели Уральские горы. Санний путь закончился у небольшой деревни, дальше были только следы верховых лошадей. По рассказам башкир, можно было проехать и на санях, но было это труднее и надо было знать дорогу. Пришлось нанимать проводника, чтобы провел через горы, хоть и невысоки Уральские горы, не чета Кавказским, но все-таки препятствие серьезное. Нанятый башкир в лисьем малахае, запахнутый в зимний халат, на маленькой мохнатой лошаденке трусил впереди, мы за ним. Лошадям пришлось труднее, шедшей в голове пришлось прокладывать санний путь, и мы каждые полчаса меняли головные сани с лошастью, переставляя их в конец, чтобы лошади чуть отдохнули. Дорога все время поднималась, петляя между огромными валунами, мы шли по распадку. На склонах росли вековые, в два-три обхвата деревья. Обоз подтянулся, все ехали плотно. Место для разбойников удобное, но вряд ли они будут нас ждать зимой, когда никто в этих местах не ездит. Периодически приходилось соскакивать с саней, лошадям и так приходилось нелегко, с них валил пар. Иногда удавалось подстрелить оленя или тетерева, тогда ели свежее мясо, поджаренное на костре. Тушу разделявали на морозе, мясо застывало быстро, его везли с собой, зима и в этом давала преимущество – продукты долго не портились. На ночь выставляли вооруженных охранников, обычно двух, опасаясь не столько лихих людей, сколько зверья. По ночам выли недалеко волки, а в одну из ночей россомаха погрызла на санях мороженое мясо. Через несколько дней, когда мы уже были в сердце Уральских гор, задул сильный ветер, из-за низких черных туч падал густой снег, началась пурга. И хотя мы с утра прошли всего несколько верст, пришлось останавливаться, разбивать лагерь. У нас было два небольших шатра, быстро их поставили на относительно ровной площадке, укрывая от сильного ветра за утесом. Лошади сбились в кучу, прижимаясь к шатрам. Мы развели костер, сварили, как могли, кулеш, и в шатры. На улице остался лишь один охранник, которого я, впрочем, скоро снял. Лошади привязаны, пурга такая, что все равно ничего не видно, хоть и день на улице, наткнуться на нас можно лишь случайно. Пурга бушевала двое суток, буквально не давая высунуть нос за мягкую войлочную дверь. Мы выходили лишь проведать да покормить лошадей, сами ели всухомятку, на улице костер не разведешь, в небольшом шатре тоже. Шатры брали на всякий случай, по размеру они были невелики, с трудом вмещались десять лежащих людей, костер развести решительно не было возможности. В татарских юртах вверху был дымоход, для удаления дыма, в шатре же его не было, разведи мы внутри костер, и дым выгнал бы нас наружу. Наконец утром проснулись от тишины, ветер стих, было солнечно. На улице от свежевывающего снега слепило глаза. Проводник тут же снял кору с дерева, прорезал в ней две узкие щелочки для глаз и надел на голову:

- Батьки, делай такой же, ослепнешь!

Все пошли срезать и делать себе такие же солнцезащитные очки. Развели костер, сварили горяченького – кашу гречневую с мясом, сытно, да натопили в котелке снега – лошадям попить. Вокруг стоянки намело сугробов выше пояса. Лошади проваливались в снег по брюхо, еле таща сани, мы шли пешком. Лишь проводник на своей мохнатой лошадке медленно пробивался по снегу, распевая башкирские песни. Мороз немного отпустил, после бури было градусов десять. За день мы с трудом прошли верст десять, вечером все падали от усталости. Шатры ставить не стали, накормили лошадей, поели сами и улеглись в санях, укрывшись овчинами. Второй день после бури как две капли воды походил на предыдущий. Лишь на

третий день путь явно пошел под уклон, да снега в этих местах намело поменьше. Наст стал жесткий, идти и людям, и лошадям легче. Проводник повеселел – еще два дня, и Урал позади. Дальше ехали в санях, пока не спустились к маленькой деревушке, где и решили заночевать. Конечно, никакого постоянного двора в ней не было, уговорили крестьян пустить на ночлег в дома, не мешало и отогреться, поспать без тулупов и валенок. С проводником Дмитрий расплатился, и тот не стал ночевать, повернув свою лошадку назад. По моим прикидкам, мы были на Среднем Урале, на следующий день надо было подняться севернее и разбивать базовый лагерь. Поговорили с местными, крестьян здесь оказалось немного, большинство жило богатой охотой, собиранием орехов, ягод, грибов, рыбной ловлей. Меха охотники продавали заезжим купцам летней порой или выменивали на муку, крупы, соль, тем и жили. Дома ставили просторные, пятистенки, леса вокруг – любого. Никаких бояр, князей – осваивай земельку, не ленись. И переселялись сюда из России люди в основном предприимчивые, работающие, другие не выживут.

- Батки, делай такой же, ослепнешь!

Все пошли срезать и делать себе такие же солнцезащитные очки. Развели костер, сварили горяченького – кашу гречневую с мясом, сытно, да натопили в котелке снега – лошадям попить. Вокруг стоянки намело сугробов выше пояса. Лошади проваливались в снег по брюхо, еле таща сани, мы шли пешком. Лишь проводник на своей мохнатой лошадке медленно пробивался по снегу, распевая башкирские песни. Мороз немного отпустил, после бури было градусов десять. За день мы с трудом прошли верст десять, вечером все падали от усталости. Шатры ставить не стали, накормили лошадей, поели сами и улеглись в санях, укрывшись овчинами. Второй день после бури как две капли воды походил на предыдущий. Лишь на третий день путь явно пошел под уклон, да снега в этих местах намело поменьше. Наст стал жесткий, идти и людям, и лошадям легче. Проводник повеселел – еще два дня, и Урал позади. Дальше ехали в санях, пока не спустились к маленькой деревушке, где и решили заночевать. Конечно, никакого постоянного двора в ней не было, уговорили крестьян пустить на ночлег в дома, не мешало и отогреться, поспать без тулупов и валенок. С проводником Дмитрий расплатился, и тот не стал ночевать, повернув свою лошадку назад. По моим прикидкам, мы были на Среднем Урале, на следующий день надо было подняться севернее и разбивать базовый лагерь. Поговорили с местными, крестьян здесь оказалось немного, большинство жило богатой охотой, собиранием орехов, ягод, грибов, рыбной ловлей. Меха охотники продавали заезжим купцам летней порой или выменивали на муку, крупы, соль, тем и жили. Дома ставили просторные, пятистенки, леса вокруг – любого. Никаких бояр, князей – осваивай земельку, не ленись. И переселялись сюда из России люди в основном предприимчивые, работающие, другие не выживут.

Мы с Дмитрием порасспрашивали – где какие селения, какие реки, как проехать, не шалят ли в окрестностях разбойники и есть ли какой местный народец. На все вопросы получили обстоятельные ответы. Утром, позавтракав, снова двинулись в путь, прокладывая санный путь по льду небольшой речушки, тянувшейся на север. За день прошли верст тридцать, не останавливаясь на обед. К вечеру выбрали удобную площадку в небольшом распадке по левому берегу и решили разбивать лагерь здесь. Для начала поставили шатры, быстро срубили для лошадей коновязь, вокруг шатров поставили в круг сани. Завтрашний день решили посвятить обустройству – сделать легкий навес из веток и жердей для лошадей – в первую очередь забота о них, новых купить здесь просто невозможно.

С утра все занялись обустройством лагеря, сделали навес для лошадей, навес для кухни, где можно было бы развести костер, уберечь его от ветра и снега. Плотники сделали стол и пару лавок, хотя бы кушать не на земле. Лишь разбивая лагерь, мы осознали, что упустили из вида,

забыли взять лыжи. Снега намело много, когда мы ехали по льду реки, лошади с санями шли легко, но на берегах ходить пешком было затруднительно, снег доходил чуть не до пояса. Решили отправить одного человека в селение, где ночевали предыдущую ночь, – может быть, удастся купить несколько пар охотничьих лыж. Поехал один из охотников, назад вернулся на следующий день к вечеру, привезя три пары лыж и пару оленьих шкур на подбивку лыж камусом. Теперь можно было обследовать окрестности лагеря. Всех свободных людей посадил плести из прутьев снегоступы – нечто вроде плоской сетки, надев ее на ноги, можно было идти по глубокому снегу. Скорость, конечно, не такая, как на лыжах, но хотя бы недалеко от лагеря отойти можно. Забравшись после обеда в шатер, я на листе бумаги обозначил Уральский хребет, реку, наш лагерь. По мере обследования местности надо будет наносить обследованные участки, реки, ручьи, болота. Если мы найдем что-нибудь стоящее, по нашим следам пойдут уже строители и мастеровые люди, им будет легче сориентироваться. На следующий день оба рудознатца в сопровождении охотников направились в горы, взяв с собой молотки, зубила, мешки для образцов. Вернулись уже в темноте, следующий день ушел на изучение образцов, их разбили молотками, несколько кусочков пытались расплавить на костре, но из этого ничего путного не получилось. По требованию обоих рудознатцев надо было делать из камней горн или его подобие. Камней натаскали быстро, накопили на берегу глины, долго отогревали ее на костре, сложили небольшой очаг, из шкуры оленя сшили некое подобие кузнечного меха, чтобы можно было поддувать воздух. Теперь надо было искать каменный уголь или самим из бревен пережигать древесный уголь. Да разве найдешь под снегом каменный уголь, даже если он здесь есть? Решили пока пережигать бревна, чем и занялись три человека. Наконец и горн, и уголь сделаны, начали плавить образцы – пусто! Первый блин вышел комом. Мы продолжали поиски, рудознатцы каждый день уходили все дальше и дальше по разным направлениям, и удача улыбнулась. В одной из плавок в маленьком тигельке выплавилась медь. В месте находки минерала делали еще сколы породы, и везде, во всех плавках – медь. Похоже, месторождение богатое. Отметил его на своей самодельной карте, на участке выложили из камней маленькую пирамидку и на всякий случай на скале выбили зубилом приметный знак – треугольник. Теперь место можно было найти даже без проводника, ориентируясь по карте. Поскольку район от базового лагеря верст на тридцать был уже изучен, решили сниматься и перебазироваться севернее. Жалко было бросать с такими усилиями сделанный горн, навесы, но не повезешь же это с собой. Перекрестившись, отправились в путь по льду реки. Ехали три дня, не встретив никаких селений. Выбрали к вечеру удобную площадку, где скала нависала в виде уступа, снега там намело поменьше, поставили шатры. Уже имея опыт обживания предыдущего лагеря, дело пошло быстрее – часть людей занималась обустройством быта – коновязь, навес для лошадей, навес для кухни, стол, другая часть – изготовлением древесного угля и кладкой горна. Только затем рудознатцы отправились на поиск руды. Охотники пошли в тайгу, было нужно свежее мясо, у нас из продуктов оставались крупы и соль, мука. Вернулись почти одновременно – охотники на жердине принесли убитую косулю, рудознатцы загадочно улыбались и весь следующий день плавил в тигле образцы. После плавок зашли ко мне в шатер, выложили два блестящих кусочка.

– Что это?

– Железо, барин, много железа, богатая залежь да с полезными примесями, от которых железо только лучше становится – ржа не берет, куется лучше, не то что железо из болотных криц.

Я на карте нанес обозначение. На следующий день пошли, выбили на скале памятный знак и сложили пирамидку из камней. Больше за десять дней поисков не нашли ничего, передвинулись лагерем еще севернее, где наткнулись на охотничью заимку. Проживал здесь с семьей охотник, нам удалось подробно расспросить его о местности, реках, охоте. Давно не общавшийся с новыми людьми, он охотно делился знаниями. Лагерь расположили рядом с его

избушкой, для приготовления пищи пользовались его печью. Охотник продал нам еще пару лыж, подбитые камусом, широкие и короткие, они легко бежали по любому снегу – свежему или старому, слежавшемуся. С опытом, набравшимся постепенно, мы обследовали местность вокруг лагеря быстрее, сил уходило меньше. На четвертой нашей стоянке была сделана очень ценная находка – изумруды. Когда Пафнутий дрожащими руками протянул мне здоровенный камень, я ничего не понял. Лишь когда он заскорюзлым пальцем ткнул в нечто серое, которое поскреб ножом, и серое превратилось в зеленое, до меня стало доходить:

- Неужели изумруд?

- Да, барин, да, почти во всех скалах – изумруды – маленькие, большие, но хорошего качества. Людей сюда надо. Пещеры бить, очень богатое месторождение!

Пафнутий аж подпрыгивал от возбуждения.

- Так, тихо, веди себя спокойно, никому не рассказывай, завтра пойдем вдвоем, покажешь.

Я положил образец в мешок, куда складывал и остальные находки – железа, меди – Демидову надо было предъявить вещественные доказательства. Место, где были найдены изумруды, на карте я обозначил звездочкой, ничего не писал – вдруг карта потеряется, никто не должен понять. Для того, чтобы получить большие объемы железа или меди, надо строить заводы, вложить кучу денег, а для добычи изумрудов нужны люди с кайлом и зубилом. Вложения минимальные, отдача максимальная. Поразмыслив, утром взял с собой Дмитрия и втроем с Пафнутием отправились к изумрудам. Рудознатец вывел точно и быстро, стоило ему молотком сколоть несколько непримечательных камней, как мы увидели драгоценные камни. Были пока они невзрачны, но стоит их огранить и отшлифовать, цены будут большой. Посоветовавшись, решили никого не посвящать в находку – слаб человек, по пьяному делу может и проболтаться. Памятный знак тоже решили сделать хитро, отмерили шагами около версты и выбили на скале треугольник. В этом месте ничего не было, но если недобрый человек украдет карту, ничего у него не выйдет. Пирамидку решили не складывать. Мало ли как дальше сложится обратная дорога. Две последующих стоянки не дали ничего. Днем морозец уже ослабевал, снег просел, и хотя еще не было явных предвестников, чувствовалось, что зима идет к концу. Надо было думать выбираться назад. Если не успеем – застрянем надолго. Стоит вскрыться рекам – на санях не выберемся, по берегу не пройти даже верхом – скалы, болота, которые и сейчас не везде замерзли. Да и люди уже устали – работа, однообразное питание – каша и мясо, холод – выматывали. Хотелось помыться, никто не мылся с момента отъезда, возможностей не было, максимум – протереть снегом лицо, хотелось съесть соленый огурчик или похрустеть квашеной капустой, моченым яблоком. Да и дело мы сделали неплохо, не стыдно за вложенные деньги. Может быть, летом найти можно было и поболее, да передвигаться сложнее и гнус донимал бы. В один из дней охотники пришли с добычей и привели с собой человека, местного охотника, который промышлял в лесу белок. С его слов выходило, что обратно можно было вернуться другой дорогой – по реке Чусовой, по озерам до Перми, а дальше по Каме до Волги. Он сам не раз ходил этим путем, даже прутиком на снегу подробно нарисовал маршрут, который я незамедлительно перенес на бумагу. А мы думали поперва возвращаться назад тем же путем. Прощаясь, гость попросил продать соли, мы ему соль подарили за ценные для нас сведения. Утром следующего дня собрали вещи, сложили шатры, поклажа значительно уменьшилась – продукты подходили к концу, лишь прибавился небольшой, но тяжелый мешок с образцами породы. Застоявшиеся лошадки бодро потянули сани по льду. За день прошли верст тридцать, остановились на ночевку рядом с небольшой деревушкой Ревда. Поспали в тепле, похлебали щей, каши уже надоели за три месяца, расспросив местных, утром ступили на лед Чусовой. Посредине, почти по фарватеру, тянулся санный след, совсем славно, даже дорогу торить не надо. В полдень санный путь почти исчез, с наезженного пути то влево, то вправо тянулись

следы одиноких саней к охотничьим заимкам, хуторам. Хоть весна была близка и днем ярко светило солнце, по ночам мороз опускался градусов до тридцати, оседая сосульками на усах и бороде, бровях, щипал нос. Мы смазывали лицо жиром, которым поделились с нами в Ревде. Прошла неделя почти непрерывного движения, останавливались только на ночевку, ели утром и вечером. В один из дней за поворотом показались дома, стоявшие на высоком берегу. Городок был окружен бревенчатым забором, у ворот маячила стража. С трудом лошади взобрались по склону, стража с удивлением глядела на нас:

- Вы откуда будете?

- Из-за Урала домой, в Нижний.

- На продажу везете чего?

- Нет, торговать ничем не будем, нет товаров.

Стражники бегло осмотрели сани, удостоверились и пропустили в город. Это был Чусовой, небольшой деревянный городишко. С трудом нашли постоялый двор, был он почти пуст, хозяин обрадовался большому числу постояльцев, холопы забежали, во дворе зарезали поросенка, из подвалов тащили капусту, огурцы, моченые яблоки, репу – все то, чего нам так не хватало в походе. Впервые за три месяца люди попробовали хмельного – кто пива, кто вина. Мы чувствовали, как возвращаемся к цивилизации.

- Хозяин, а не истопишь ли баньку?

- Можно, только обождать придется часика три.

Нас это устраивало, после обеда все разбрелись по комнатам, сбросили надоевшие тулупы и валенки. В комнатах было натоплено, после долгих дней на природе казалось, что даже жарко. Я успел даже вздремнуть, когда прибежал хозяйский мальчишка.

- Баня готова, можно мыться.

Все дружно засобирались, но банька оказалась маловата, пришлось разделить на две части. Оставшиеся с завистью глядели на ушедших. Очередь дошла и до нас. Все с яростью терлись мочалками, смывая многомесячную грязь, охаживали друг друга вениками. Вроде и незамысловатое дело помыться, но сколько удовольствия. Из бани вышли покрасневшие, распаренные, чистые, хозяин уже приготовил холодненького пива, выпили небольшую бочку. Я распорядился – завтра всем отдыхать, приводить в порядок одежду, сбрую на лошадях, выезжаем послезавтра. Вся команда дружно завалилась спать. День не принес особых затей – все отъедались, с ленцой, не спеша чинили упряжь, подшивали кожей валенки. Рано утром, позавтракав, отправились в путь. От Чусового до Перми уже вел накатанный санный путь, периодически встречались встречные на санях, это не за Уралом, где мы сутками и неделями не видели людей. Через неделю были в Перми. Городок был невелик, значительно меньше, чем я ожидал. Деревянные дома теснились по берегу Камы, улицы узкие, огорожен высоким бревенчатым забором. Стражники у ворот не удосужили своим вниманием, и мы въехали в город. Искать постоялый двор не пришлось, сразу за воротами, на площади, виднелись три вывески. Мы выбрали тот, в котором дом был побольше, все-таки команда большая, всех разместить надо. Разместили лошадей, поели и легли отдыхать. Наутро в трапезной я разговорился с местными купцами о кратчайшем и безопасном пути на Нижний. Через татарские земли ехать никто не советовал. Было два варианта – через Ижевск, Кильмезь, Йошкар-Олу, Санчурск или севернее – через Верещагино, Глазов, Яр, Хлынов, Котельнич,

Шахунью. Второй путь был длиннее, но безопасней. Я схематично набросал на листке бумаги оба варианта. Пошел посоветоваться с Дмитрием и Сидором. Северным путем получалось дальше на пятьсот верст, это чуть не три недели пути. Решили идти через Ижевск - Йошкар-Олу. Поджимали время и погода, все-таки март на дворе, на солнечных местах снег уже начал таять, а мы в тулупах, валенках и на санях. Как бы не застрять надолго, пока не схлынет ледоход и не просохнут лесные дороги. Торопиться приходилось вынужденно. Не стали ждать завтрашнего дня, выехали в полдень. Ехали по реке, на льду уже кое-где поблескивали лужи, но лед пока был прочным.

Глава 6

Татары

Лошадки мерно бежали по Каме, от Перми было уже три дня пути. По расспросам на постоянных дворах на дорогах было спокойно, лед держал хорошо, но кое-где появились у берегов полыньи. Мы максимально разгрузили передние сани, в них ехал только один седок на случай, если попадетя присыпанная снегом полынья. Эти сани шли впереди основной группы, метров за сто, чтобы не погубить весь обоз. Они-то, эти сани, в авангарде нас и выручили. Сначала навстречу нам проскакал верховой, что-то неразборчиво крича на ходу, затем передние сани стали торопливо разворачиваться и помчались к нам. Сидевший в них один из людей Алтуфия кричал издалека, да разве услышишь что? Я, Сидор и Дмитрий, сидевшие на одних санях, встревожились, дали команду остановиться, приготовить на всякий случай оружие. Из саней с лошадьми составили полукруг, в руках у всех были заряженные мушкеты, кое у кого - луки со стрелами. Из-за поворота выскочило несколько конных татар, различить их можно было издалека по небольшого роста лошадкам, копьям с бунчуками и лисьим малахаям. Я успел сказать Сидору:

- Стрелять из мушкетов, только когда приблизятся, сразу залпом. У кого луки - начинайте!

Мужики защелкали тетивами, я прицелился из штуцера, выстрелил и удачно свалил одного из татар, вырвавшегося вперед, не мешкая, стал перезаряжаться. Сани, что были передовыми, приближались к нам, ездок нахлестывал лошадь, но татары приближались быстрее. Засвистели стрелы, одна из них попала ездовому в спину, и он опрокинулся назад, в сани. Неуправляемая больше лошадь пронеслась мимо нас, едва не зацепив крайнего. Зато открылся хороший обзор, лучники защелкали луками быстрее. У татар росли потери, но и у нас они появились, татары не оставались в долгу, засыпая стрелами. Из доспехов на нас были лишь тулупы, серьезной брони с собой не брали, кое у кого были легкие кольчуги, да лежали в санях, а из тулупа - какая защита, лишь движения сковывает. Я успел перезарядиться, выстрелить еще раз. Лошадь с татаринном упали оба, то ли лошадь ранило, то ли обоих убил. Когда татары подскакали метров на семьдесят, Сидор закричал:

- Пали, ребята!

Раздался нестройный залп, слышались крики людей, конское ржание. Большая часть татар была убита или ранена, оставшиеся повернули назад, лучники пытались их достать стрелами. Сидор закричал:

- Быстрее перезаряжайте, это, может быть, только передовой отряд.

Точно, из-за поворота выезжала новая группа татар, значительно больше прежней, человек около семидесяти. Туговато нам придется. Лучники бросились собирать татарские стрелы,

чтобы пополнить запас. Сани поставили в круг, чтобы не ударили в спину. Потери были невелики – убежавшая лошадь с убитым возничим, убитая лошадь у нас и двое легкораненых. Пока не было нападения – татары совещались у нас на виду, – я успел перевязать раненых. Видя численное превосходство татар, Сидор скомандовал:

- Когда татары подберутся ближе, сначала стреляют люди Дмитрия и сразу перезаряжают, затем по моей команде стреляют мои товарищи, иначе, выстрелив все разом, останемся безоружными.

Татары завизжали, кинулись в атаку. Конная лава быстро накатывалась. Мужики быстро стреляли, татары отвечали тем же. Я успел выцелить татарина, одетого побогаче, вероятно, сотника, и влепил ему пулю в грудь. Отбросил на сани штуцер, перезарядить явно не успевал и схватил в руки мушкет. Вот уже различимы лица, оскаленные морды лошадей. Раздается жиденький залп людей Дмитрия, все заволакивает дымом, когда дым слегка рассеивается, татары уже совсем близко, метрах в двадцати. Сидор кричит:

- Пали!

Опять залп, проложивший в татарах просеку из убитых. Однако задние ряды напирали, и татары попали на наши сани, лошади стали падать, упавших татар тут же рубили короткими саблями, ножами. Да так они нас одной массой задавят, я вовремя вспомнил, что знаю татарский, дико закричал:

- Отходим, урусы сзади!

Среди татар поднялась паника, передние стали разворачивать коней, задние ряды еще не успели сообразить, образовалась давка, Сидор со своим старым дружкой, тоже бывшим воином, не упустили момент, запрыгнули на крупы лошадей и стали ножами резать шеи, бить в спину. Наконец татары разобрались, отхлынули и остановились у поворота реки. Вожака их я снял еще при атаке выстрелом из штуцера, сейчас своим криком поднял панику. Пока было время отдышаться, все без команды бросились перезаряжать оружие. Зарядив мушкет и штуцер, я повернулся к своим – надо было разобраться с потерями. Убитых двое, трое лежат на санях, прижимая к ранам окровавленные руки. Я взял перевязочные материалы, с Сидором вместе взялся оказывать помощь. Он снимал с раненого одежду или, не церемонясь, резал ножом, я наскоро перевязывал, пытаюсь остановить кровотечение. Люди Дмитрия оттаскивали в сторону и добивали раненых татар. Всего с татарской стороны было убито и ранено, а затем добито нами шестнадцать человек. Неплохо, славно, что у татар нет огнестрельного оружия, иначе наши потери были бы больше. Татары толпились у поворота реки, изредка кидая стрелы в нашу сторону. Эх, сейчас бы щиты, да кто их в дорогу-то брал, уж больно тяжелы и места много занимают. Опасаться, что они обойдут по берегу, не стоило, снега еще много, но нападать еще будут. Я поудобнее пристроил за поясом пару пистолетов, Сидор тоже, мы за схватку в пылу боя так ими не воспользовались. Вдруг Сидор повернулся ко мне:

- А что ты им по-татарски кричал, ты татарский знаешь?

Я рассмеялся:

- Изучил, когда в плену у татар был. А кричал, что отступить надо, русские в тылу, вот они и повернули.

- Быстрее перезаряжайте, это, может быть, только передовой отряд.

Точно, из-за поворота выезжала новая группа татар, значительно больше прежней, человек около семидесяти. Туговато нам придется. Лучники бросились собирать татарские стрелы, чтобы пополнить запас. Сани поставили в круг, чтобы не ударили в спину. Потери были невелики – убежавшая лошадь с убитым возничим, убитая лошадь у нас и двое легкораненых. Пока не было нападения – татары совещались у нас на виду, – я успел перевязать раненых. Видя численное превосходство татар, Сидор скомандовал:

- Когда татары подберутся ближе, сначала стреляют люди Дмитрия и сразу перезаряжают, затем по моей команде стреляют мои товарищи, иначе, выстрелив все разом, останемся безоружными.

Татары завизжали, кинулись в атаку. Конная лава быстро накатывалась. Мужики быстро стреляли, татары отвечали тем же. Я успел выцелить татарина, одетого побогаче, вероятно, сотника, и влепил ему пулю в грудь. Отбросил на сани штуцер, перезарядить явно не успевал и схватил в руки мушкет. Вот уже различимы лица, оскаленные морды лошадей. Раздается жиденький залп людей Дмитрия, все заволакивает дымом, когда дым слегка рассеивается, татары уже совсем близко, метрах в двадцати. Сидор кричит:

- Пали!

Опять залп, проложивший в татарах просеку из убитых. Однако задние ряды напирали, и татары попали на наши сани, лошади стали падать, упавших татар тут же рубили короткими саблями, ножами. Да так они нас одной массой задавят, я вовремя вспомнил, что знаю татарский, дико закричал:

- Отходим, урусы сзади!

Среди татар поднялась паника, передние стали разворачивать коней, задние ряды еще не успели сообразить, образовалась давка, Сидор со своим старым дружкой, тоже бывшим воином, не упустили момент, запрыгнули на крупы лошадей и стали ножами резать шеи, бить в спину. Наконец татары разобрались, отхлынули и остановились у поворота реки. Вожака их я снял еще при атаке выстрелом из штуцера, сейчас своим криком поднял панику. Пока было время отдышаться, все без команды бросились перезаряжать оружие. Зарядив мушкет и штуцер, я повернулся к своим – надо было разобраться с потерями. Убитых двое, трое лежат на санях, прижимая к ранам окровавленные руки. Я взял перевязочные материалы, с Сидором вместе взялся оказывать помощь. Он снимал с раненого одежду или, не церемонясь, резал ножом, я наскоро перевязывал, пытаюсь остановить кровотечение. Люди Дмитрия оттащивали в сторону и добивали раненых татар. Всего с татарской стороны было убито и ранено, а затем добито нами шестнадцать человек. Неплохо, славно, что у татар нет огнестрельного оружия, иначе наши потери были бы больше. Татары толпились у поворота реки, изредка кидая стрелы в нашу сторону. Эх, сейчас бы щиты, да кто их в дорогу-то брал, уж больно тяжелы и места много занимают. Опасаться, что они обойдут по берегу, не стоило, снега еще много, но нападать еще будут. Я поудобнее пристроил за поясом пару пистолетов, Сидор тоже, мы за схватку в пылу боя так ими не воспользовались. Вдруг Сидор повернулся ко мне:

- А что ты им по-татарски кричал, ты татарский знаешь?

Я рассмеялся:

- Изучил, когда в плену у татар был. А кричал, что отступить надо, русские в тылу, вот они и повернули.

- Молодец, здорово придумал! Как раз момент нехороший был, сильно навалились, думал – не

отобьемся.

Все засмеялись, но одобрили мою хитрость. У убитых татар мы собирали сабли, лучники из тулов забрали стрелы – нехристи явно собирались повторить атаку. Обрубив постромки, мы поставили несколько саней боком на лед, все какое-никакое укрытие, хоть от стрел спасет. Строй конных татар снова начал разгоняться в нашу сторону, посыпались стрелы. Мы присели, укрываясь за санями, лучники одну за одной выпускали стрелы по толпе, я успел выстрелить один раз, но как и в прошлый раз – удачно, татарин вылетел из седла и попал под копыта лошадей. Я взял в руки мушкет с картечью и стал выжидать. Мы повторили тот же трюк – сначала залп одной половины, через некоторое время – другой половины нашей команды. Это не остановило татар, хотя убитые и раненые у них были, я сам видел падающих. Когда сшибка стала неизбежной, между нами было уже метров десять, я выкинул обе руки с пистолетом и разрядил сразу оба в нападавших, бросил разряженные пистолеты на лед и схватил татарскую трофейную саблю. В этот миг надо мной мелькнули копыта и брюхо татарской лошади, которая перепрыгивала сани, и я всадил ей в брюхо саблю, располозовав все брюхо, оттуда выпали кишки, и лошадь по инерции пролетела несколько метров, упав набок и придавив всадника. Я кинулся назад, кончиком сабли дотянулся и чиркнул всадника по горлу. Рядом, слева и справа, бились мои товарищи, к сожалению, уже не все. На меня налетел конный татарин, перепрыгивать сани он не стал, рубился, повернув лошадь боком, он был в выгодном положении, сидя на лошади, был выше меня и удар наносил сверху. Пока я только отбивал удары, но улучил момент и рубанул его по ноге, почти перерубив ниже колена. Татарин стал заваливаться на меня, и я нанизал его на саблю. Пока я вытаскивал саблю из упавшего тела, на меня налетел еще один, я чувствовал, что не успеваю, но выручил Сидор, выхватив пистолет из-за пояса, выстрелил почти в упор в голову. Нападавший упал, и татары отхлынули, отступали, уже значительно поредевшие, остановились у поворота, спешили, начали говорить, размахивая руками, мы остановились, еще четверо наших было убито и двое ранено. Как мог, я перевязал раненых, мои товарищи добились раненых татар и снимали с них оружие, забрав стрелы. Татарские сабли нас выручили, мушкеты и пистолеты уже были разряжены, не с ножом же на сабли кидаться. Укрываясь за санями и лошадьми, перезарядили оружие, положив рядом с собой по паре трофейных сабель. Татары выбрали новую тактику – от основной массы, а осталось их около тридцати пяти – сорока человек, отделились два отряда, человек по пять, и стали обходить с двух сторон, почти непрерывно обстреливая из луков. Двое наших охотников, хорошо владевших луками, отвечали. Не остался в стороне и я – раз за разом стрелял из штуцера, целя в грудь или живот. По убитым я видел, что брони на татарах не было, стало быть, можно стрелять не только в голову. Оба лучника и я вначале уничтожили правую группу, затем развернулись влево, но и татары, видя, что произошло с другими, тут же вернулись к своим, назад.

Опять стоят, не иначе другую пакость учинить думают. Наше положение тоже было шатким, укрыться можно только за санями, да от хорошей стрелы защита это хлипкая, брони на нас нет, начнет темнеть – татары могут под покровом темноты подобраться и кинуться. Из ружья или лука в темноте прицельно не выстрелишь, а для рукопашной их слишком много, нам не устоять. Но татары ждать не стали, стали стрелять по саням стрелами с горячей паклей. Одни сани занялись гореть сразу, дерево сухое, да и сено помогло, что на санях лежало. Выкурить нас захотели, да и то верно, если лишить нас даже этой хлипкой защиты, можно расстрелять затем стрелами, не сближаясь до рукопашного боя. Наши лучники и я из штуцера отвечали огнем, не давая приближаться. Остальные по мере возможности выдергивали из саней горящие стрелы и отбрасывали на лед. Несколько человек наши лучники и я уже свалили, мы были в напряжении, ожидая новой атаки. К нашему удивлению и радости, татары вдруг развернулись и исчезли за поворотом. Мы переглянулись – новая уловка или ушли? Хотелось бы второго. Сидор с товарищем вызвались сходить в разведку. Осторожно, вдоль берега,

держась подальше от высокого берега, подобрались к повороту, развели в недоумении руки, татар не было. Мы поставили сани, связали построжки, запрягли лошадей и уложили выпавший груз. Раненых уложили в сани, шедшие последними. Обоз наш уменьшился на двое саней, убитых сложили в отдельные сани, надо при первой же возможности похоронить их по-человечески. Когда подъехали к повороту, стала понятна причина бегства татар – на месте их стоянки лед стал покрываться трещинами. Испугавшись, что лед может провалиться, татары ушли. У них, собственно, другого пути и не было, как вниз по Каме. Впереди преграждали дорогу мы, на берегу рыхлый снег, по которому верховому не разогнаться. Не получилось у них набега, добычи не взяли, а пол-отряда потеряли. Смеркалось. Выбрали место на берегу, развели костры, отогрели землю, выкопали могилы и похоронили своих павших товарищей. Поужинали всухомятку – салом с черствым хлебом и легли спать, выставив двух часовых, теперь придется ехать осторожно – недалеко земли татар, вотяков, мордвы. Больших набегов зимой татары не устраивали, но малые отряды шастали по приграничным землям, выискивая легкую добычу. Перевязав как следует наших раненых, подштопал раны, тяжелораненых не было, однако на какое-то время помощи от них ждать не придется. Семь раненых на восемь здоровых – расклад не очень радостный, утешало, что через десять-пятнадцать дней все они будут в строю, уж до Нижнего оклемаются. Переночевали спокойно, нападений не было, караульные после стычки были настороже, но измотаны и устали. Сидор менял их каждые два часа, людям надо было отдохнуть, еще неизвестно, что ждет завтра. Утречком на костре сварили супчика, обильно сдобрив его салом, раненым нужно было усиленное питание, да и здоровым не повредит. Быстрая ревизия повязок, и мы тронулись. Памятуя вчерашний день, вперед выслали сани с двумя ездоками. Один из которых хороший лучник. Сани двигались метров за двести впереди нас, но в пределах видимости. Если бы вчера на татар не наткнулся один из наших, что ехал в авангарде, вряд ли бы нам удалось отбиться. Когда бы мы на изгибе реки нос к носу столкнулись с татарами – никакое умение не помогло, здесь решило бы количество. Для себя я решил впредь действовать осторожнее. Проехали часа два-три, и постепенно в душу заползала тревога – почему нет встречных? Еще вчера попадались купцы, крестьяне, ремесленники, едущие в город по делам, а сегодня – никого. Я поделился тревогой с Сидором. Тот мрачно усмехнулся:

– Да я и сам заметил, тебя беспокоить не хотел, как бы не получилось, что татары впереди засаду устроили, людей перехватывают в плен, нас готовятся встретить. – Разумно будет разведку вперед пустить.

– Конечно, разумно, только кого? У нас осталось восемь здоровых мужиков, из них двое на передних санях в авангарде. Если еще пару послать вперед, раненых защитить некому будет.

– Хорошо, – решил я. – Останавливаемся на берегу, разведем костерок, раненых покормить можно, бери любого из твоих, сходи сам, посмотри, что впереди.

Мы выбрали на берегу площадку, на которой лежал здоровенный валун, составили сани в полукруг. Валун не закрывал нас со стороны реки, но от стрел сзади вполне мог укрыть. Сидор с напарником ушел вперед. Сани, шедшие в авангарде, так и оставили впереди, если Сидору придется убежать, то помогут. Томительно потянулось время, успели сварить кашу с сушеным мясом, покушали и оставили ушедшим. Часа через четыре все вернулись, Сидор был слегка возбужден:

– Ниже по течению, верст семь отсюда, татары стоят, на берегу лагерь поставили, похоже, наши вчерашние. Нам не пройти, думать что-то надо.

Сели втроем – Дмитрий, Сидор и я – думать. Напасть на татар, чтобы освободить дорогу, –

невозможно, людей нет, возвращаться в Пермь – времени много потеряем, как бы на всю весну не застрял, после споров решили уходить с реки, двигаясь на запад, пробиваться по снегу, конечно, тяжело, но ведь попадет же на пути небольшая река или проторенный санный след. Так и стали углубляться в редкий лесок. Валун и тут пригодился, укрыл санный след от любопытных взоров со стороны реки, чтобы след обнаружить, надо было обойти валун. Нам приходилось считаться с возможностью, что татары, безрезультатно прождав нас в засаде, отправят дозор узнать, где мы.

Наверняка нас приняли за торговцев, едущих из Перми, если из города – должны быть деньги за проданный товар, на санях ведь не было груза, да и злые они за нанесенные им потери, наверняка поквитаться хотят. По моим прикидкам, отошли мы от Перми верст за сто, выйдем ли теперь на Глазов или придется по тайге плутать. Продвигались медленно, по очереди впереди на лыжах шел один из охотников, выбирая для саней удобный путь. Раненых трясло на невидимых под снегом корнях деревьев, замерзших кочках и камнях. Выдохлись и остановились на ночевку. Одно хорошо – никто нас не увидит, да дров для костра вокруг полно. Шли по лесу три дня, здорово вымотались, к вечеру падали от усталости, но все-таки удалось выйти к небольшой реке, как затем узнали – Чепце. Шла она почти ровно на запад, куда было нужно и нам. Путь облегчился, лед был ровный и пока прочный. Еще три дня пути, и увидели на левом берегу небольшой город. Перехватили на льду сани с крестьянином.

- Что за город?

- Глазов.

- А как до Хлынова добраться?

- Да вот по Чепце и ежайте, она вас к Хлынову и приведет. Далее по Вятке до Котельнича, ежели на Казань надо, то по реке и спускайтесь, коли в Нижний, от Котельнича по дороге направо, на Шахунью.

Мы поблагодарили и заехали в город. Надо было обиходить больных, перевязать в тепле, меня беспокоил один раненый – как бы не пришлось делать операцию, похоже, рана гноиться начала. Заняли постоялый двор, до нашего приезда он был почти пуст – не сезон. Это летом, когда торговым людям удобнее и безопаснее на ладьях и ушкуях плавать, обозами ходить, постоялый двор полон. А нынче – зайдет заезжий торговец перекусить после торга, хорошо, если заночует. Хозяин был рад, затопил баньку, холопы бегали со двора на кухню, резали кур, варили суп, жарили мясо. После бани и еды все дружно улеглись спать, постоянные караулы и тяжелая дорога вымотали. С утра, после горячей пищи, не спеша осмотрел раненых, перевязал, одного – охотника Петра – все-таки пришлось оперировать: рана загноилась, отекала, хорошо, гангрены не приключилось. Решили остаться на пару дней – сами отдохнем, раненые в себя придут, постепенно они становились в строй, пока бледные и слабые после ранений, отъедались и отсыпались в тепле. Требовал помощи и ухода только прооперированный, да и то, если не будет осложнений, дней через десять встанет на ноги. Отдых пролетел быстро, снова вовсю капала капель, снег стал рыхлым и просел. Как-то лед себя поведет, выдержит ли лошадь с санями? Успеть бы до ледохода Котельнич миновать, до него дорога по реке идет. Успели, не останавливались на постоялых дворах, ехали днем и в сумерках, ели всухомятку и, лишь когда лошади уставали настолько, что отказывались идти, вставали на ночевку. Добрались до Котельнича, Вятка здесь поворачивала к югу, нам надо было на запад, больших рек впереди не было, теперь будем ехать по земле, я дал день отдыха. Измучились все – и люди, и лошади. Даже наш балагур и песенник Василий примолк. В заштатном городишке еле разместились на постоялом дворе, но все равно в тепле. Утешало то, что большая и трудная часть пути пройдена, впереди прямой путь до Нижнего, и от ледохода мы не зависим. Правда,

путь еще долог, но за три недели должны одолеть по снегу, не меняя сани на телеги. А от Нижнего можно и на каком-либо судне, если река ото льда очистится. Отоспавшись и отъевшись, двинулись в дорогу, санный путь был хорошо укатан, видно, пользовались им часто. Навстречу часто попадались сани и розвальни местных крестьян и торговцев. Вокруг дороги стоял вековой лес – в основном еловый – темный и хмурый, отойди от дороги двадцать метров – и заблудишься. Без приключений добрались до Нижнего, отошдали, правда, да лица от постоянного пребывания на морозе потемнели, местами шелушились, губы обветрились. Лошади с трудом тянули сани последние версты – на санном пути грязи уже было больше, чем снега, мы шли по обочине, где снег еще лежал тонким настом. Но дошли, к вечеру ввалились на демидовский двор, всполошив холопов. Демидов выбежал встречать, оглядел вернувшихся:

- Что, не все вернулись?

Я коротко бросил:

- Татары.

Алтуфий аж зубами скрипнул.

- Ладно, проходите в трапезную, сейчас всех покормят и спать, вижу – вымотаны, устали. О лошадях и поклаже есть кому позаботиться, завтра с утра – баня и поговорим, а сейчас отдыхать, вижу – с ног валитесь.

В молчании поели, сил даже говорить не было, разошлись по выделенным комнатам, едва раздевшись, упал на кровать и забылся глубоким сном. Утром меня еле растолкал холоп на завтрак. Поели, вдвоем с Дмитрием прошли за Алтуфием в кабинет. Холоп тащил за нами тяжеленный мешок с образцами породы. Говорил в основном я, изредка Дима что-то уточнял. По карте я показал путь за Урал, пояснил каждый знак – где нашли железо, где медь, а где изумруды. Дима по ходу рассказа доставал образцы, к концу рассказа завалив довольно большой стол камнями. Я пояснил, что знаки рудных мест обозначены на карте, на скалах выбиты зубилами треугольники и сложены каменные пирамидки. Лишь залежи изумрудов не соответствуют – нанесены южнее для сохранения тайны. Демидов молчал, лишь одобрительно кивая головой. По карте я показал обратный путь, посоветовав в дальнейшем использовать северный, водный, путь. По сути добраться до Котельнича или Хлынова, а затем на небольших судах почти до самого места. Демидов слушал внимательно, когда я дошел до схватки с татарами, стал ругаться:

- Ну обнаглели, русскому человеку нигде спокойно житья от нехристей нет.

Я показал, где похоронены пятеро наших погибших товарищей, на карте я тоже отметил это место.

- Хорошо, отдыхайте, лед на реке уже пошел, водой пока вернуться в Москву не получится, по земле – на санях уже не выйдет, на телегах – дороги не просохли, теперь две седмицы будете моими гостями, а я пока разберусь с образцами руды да карту перерисую – есть у меня такой человек.

За разговорами время прошло незаметно, когда вышли из демидовского кабинета, был уже полдень. Все люди из нашей команды уже помылись, пошли с Дмитрием в баню и мы, пока не остыла. После бани и обеда завалились спать и проспали до утра. С души упал груз ответственности за порученное дело, за людей, за безопасность, и спалось безмятежно. Дня через три-четыре Алтуфий пригласил меня к себе, вернул карту, с которой уже сделал копию, а также высыпал на стол несколько зеленых камешков. В свете солнечных лучей они заиграли,

бросая на стены зеленые отблески.

- Узнаешь?

Я пожал плечами:

- Неужели это изумруды из породы? И когда только обработать успели?

Демидов довольно улыбнулся:

- Есть у меня ювелир хороший, к нему камни отвез, их обработали, ювелир оценил камни как очень хорошие, не хуже, чем возят из Хорезма или Самарканда, стоят дорого, все затраты окупят.

Демидов разделил камни поровну и одну кучку придвинул ко мне.

- Еще ювелир сказал, что такой богатой породы ему еще не встречалось, в каждом куске руды по одному, а то и два самоцвета, по моему мнению, надо разрабатывать. С медной и железной рудой тоже неплохо, но чтобы эти руды в оборот пустить, еще одну экспедицию надо посылать, летом. Если железоделательный завод или медно-литейный ставить, уголь нужен, отсюда возить далеко, а зимой найти невозможно, так что летом Дмитрия пошлю - пусть уголь ищет, если найдет - завод ставить будем, не все голландцам отдавать. По изумрудам, думаю, к лету людей посылать - жилье построить, обстроиться, да уже и породу добывать, а обрабатывать камни здесь будем. Весь товар внутри России выбрасывать не будем - цены упадут, посему думаю - в другие страны понемногу отправлять надобно. Согласен ли?

За разговорами время прошло незаметно, когда вышли из демидовского кабинета, был уже полдень. Все люди из нашей команды уже помылись, пошли с Дмитрием в баню и мы, пока не остыла. После бани и обеда завалились спать и проспали до утра. С души упал груз ответственности за порученное дело, за людей, за безопасность, и спалось безмятежно. Дня через три-четыре Алтуфий пригласил меня к себе, вернул карту, с которой уже сделал копию, а также высыпал на стол несколько зеленых камешков. В свете солнечных лучей они заиграли, бросая на стены зеленые отблески.

- Узнаешь?

Я пожал плечами:

- Неужели это изумруды из породы? И когда только обработать успели?

Демидов довольно улыбнулся:

- Есть у меня ювелир хороший, к нему камни отвез, их обработали, ювелир оценил камни как очень хорошие, не хуже, чем возят из Хорезма или Самарканда, стоят дорого, все затраты окупят.

Демидов разделил камни поровну и одну кучку придвинул ко мне.

- Еще ювелир сказал, что такой богатой породы ему еще не встречалось, в каждом куске руды по одному, а то и два самоцвета, по моему мнению, надо разрабатывать. С медной и железной рудой тоже неплохо, но чтобы эти руды в оборот пустить, еще одну экспедицию надо посылать, летом. Если железоделательный завод или медно-литейный ставить, уголь нужен, отсюда

возить далеко, а зимой найти невозможно, так что летом Дмитрия пошлю – пусть уголь ищет, если найдет – завод ставить будем, не все голландцам отдавать. По изумрудам, думаю, к лету людей посылать – жилье построить, обстроиться, да уже и породу добывать, а обрабатывать камни здесь будем. Весь товар внутри России выбрасывать не будем – цены упадут, посему думаю – в другие страны понемногу отправлять надобно. Согласен ли?

Как я мог не согласиться, план довольно продуманный, Алтуфий времени здесь тоже даром не терял, узнал цены, объемы рынка. Демидов продолжил:

- Какую долю внесешь за изумрудный прииск?

- А во сколько обойдется строительство прииска, добыча, людей нанимать надо, туда продукты, инструменты завозить, обратно необработанные камни, охрану нанимать надо как на прииске, так и в дороге.

Алтуфий задумался:

- Думаю, тысячи по две серебряных рублей для начала надо, учитывая, что идея твоя и разведка твоя – отминусуем пять процентов, итого с тебя сорок пять процентов или тысячу восемьсот рублей, тогда мы с тобой будем в равных долях. А вот железоделательный или медно-литейный заводы не потянем своим капиталом, надо будет деньги привлекать – купцы вложиться в серьезное дело могут, если увидят, что не пустышка. Им своими глазами посмотреть надо будет.

В итоге договорились, что в начале лета привожу деньги на долю. Займется всем Дмитрий – и поиском угля, и работой на прииске, сейчас будут подбирать людей, организовывать транспорт, закупать материалы. В итоге ударили по рукам, закрепив договор. Поскольку свободного времени было много, походил по ювелирным лавкам, здесь они назывались златокузницами, оценил необработанные изумруды. Цены впечатляли, прииск должен давать просто баснословные прибыли. По просьбе Алтуфия начал медицинский прием знатных людей – купечества, дворян с их домочадцами. Обо мне в Нижнем были наслышаны по прежнему моему приезду, поэтому в пациентах недостатка не было, загружился работой с утра и до ночи, изрядно пополнив свой денежный мешок. Сидору дал задание присмотреть судно, что шло в Москву, ледоход скоро кончится, трястись на телеге не хотелось, по воде спокойнее и комфортабельней. Неделя в работе пролетела незаметно, успел сделать несколько несложных операций, восстановив навыки. В конце недели ко мне подошел Сидор с известием, что судно готово, купец возьмет на борт, сегодня надо грузить вещи, завтра утром отплытие. Я наказал известить людей и перевезти вещи. Зашел к Алтуфию, сказал, что завтра отплываем, попрощались, выпив водочки. Утро выдалось прохладное, подмораживало, лужи подернулись тонким ледком. Нас на телегах демидовские холопы довели до причала, вещи уже были на судне, и погрузка прошла организованно и быстро. Я и Сидор были размещены в маленькой каюте, остальные шесть человек в общей каюте для экипажа. Судно – большая ладья – было грузовым, помещений для пассажиров практически не было. Разобрав свои вещи, я проверил пистолеты, заткнул их за пояс, то же сделал и Сидор. Ружья были заряжены, но лежали в чехлах. Вот раздалась команда, судно слегка качнулось, отходя от причала, и на веслах стало выходить на фарватер. Распустили паруса, и Нижний стал удаляться. Мы стояли на палубе, делать было нечего, деревья без листвы с редкими островками снега между ними навевали скуку. Изредка навстречу проплывали небольшие льдины, но попадались и плывущие бревна, деревья, смытые половодьем. Тогда впередсмотрящий громко кричал:

- Берегись слева!

Кормчий отворачивал неуклюжую посудину.

Двигались против течения, ветер был попутный, но не сильный. Местами река сильно разлилась, затопив низины, так, что только верхушки деревьев торчали. Приходилось удивляться, как кормчий находит верный путь. За день продвинулись неплохо, ночевали, причалив к высокому берегу. Земля на берегу была влажной, вязкой, ступив на нее, чуть не увяз в грязи. Правильно мы сделали, что поплыли на судне, а не поехали на телегах по дорогам. Мы отдыхали, часто я беседовал с Пафнутием, нашим рудознатцем, обсуждали наши находки, говорили о перспективах. В один из дней он заявил, что каменный уголь в тех местах есть, но находится чуть севернее будущего прииска. Я дивился:

- Как ты можешь знать, мы только проезжали там на санях, земля под снегом, ты даже в земле не ковырялся.

Пафнутий чуть улыбнулся:

- Приметы есть.

В уме я сразу прикинул - точно железодельный завод ставить надо, а уголь по реке на судах возить, недалеко это место, по карте смотрел. Выпили по кружке вина, поговорили о разном, вдруг Пафнутий выдал:

- Там и золото должно быть.

Я чуть не поперхнулся:

- С чего ты взял, на Урале ведь ничего не говорил, да и в скалах руды золота не нашли, хоть специально и не искали.

- Глаз у меня наметан, есть там золото, не сказать, чтобы много, но разработка хорошей будет.

- Покажи на карте, - попросил я.

- Не понимаю я по бумагам, а скажу так. На север от медной руды версты три будет, там еще дерево приметное растет - сосна, ствол у нее раздваивается, как рогатка у мальчишек.

Я отметил на карте значок в виде рогатки.

- Богатые места, - Пафнутий вздохнул. - Жаль, силы уже не те, да зрение ослабло, кабы летом пошарить, много что найти можно.

- Бог даст, пошарим еще по Уралу, Пафнутий, только прошу - никому ни слова.

- Нешто мы не понимаем.

Я отсчитал Пафнутию денег сверх оговариваемой суммы за каждое месторождение, как мы и договаривались.

- Понадобись летом, снова к тебе приду, судами поплывем, дорога разведана, да и безопасней будет.

- Да уж, как татары напали - думал, конец пришел, молодых-то в плен взяли бы, продать можно, а меня, старика, на месте бы и зарубили, да бог смертушку отвел, видно, не срок еще.

Мы вышли на палубу. Грязная, мутная вода несла мусор, клочки прошлогодней травы, кусты, даже деревья, смытые половодьем. Навстречу попадались редкие пока кораблики торговых людей, отважившихся выйти в весеннее половодье.

Хоть плавание было и беспокойным для команды, доплыли до Москвы благополучно. Пафнутий пошел к себе, а мы, наняв двух извозчиков, отправились к себе домой. Нас встретили радостные домочадцы. Всех я одарил небольшими подарочками, купленными в Нижнем, а Анастасии наедине показал небольшую кучку необработанных изумрудов. Камни не впечатляли, серовато-зеленые, какие-то тусклые и пыльные, они не играли светом, встретится такой на дорожке – никто и не поднимет, отшвырнет ногой.

Отдохнув, отмывшись, отоспавшись пару дней, начал искать ювелира. Памятуя из моих дней, что в основном ювелиры – евреи, пошел в синагогу. Ребе встретил меня настороженно. Обличьем типичный русак, ермолки и пейсов нет. Синагога была небольшой, далековато от центра и не выглядела богатой. Подозрительность ребе растаяла после того, как я сунул ему несколько серебряных монет. Я поинтересовался – не знает ли уважаемый ребе искусного ювелира для серьезной работы. Ребе насторожился – я понял, что для себя он решает вопрос, стоит ли говорить? Может, цели у меня нечистые, ограбить хочу.

- Ребе, если вы волнуетесь за ювелира, пусть он придет ко мне домой, – и я назвал адрес.

На том мы и расстались. Через день в ворота постучали, и один из охранников доложил, что меня спрашивает типичный семит.

- Проводи, – бросил я и приготовил камни.

В комнату вошел типичный еврей, каким я себе его и представлял – маленького роста, толстенький, с пейсами и ермолкой. На кончике красного носа висела капля, и он постоянно шмыгал носом. Я предложил присесть, гость поставил рядом с собой небольшой сундучок и, кряхтя, уселся.

- Ребе передал мне вашу просьбу зайти для работы, это так?

Гость при разговоре сильно картавил, и интонации были, как на одесском Привозе. Я чуть не расхохотался.

- Меня звать Юрий Кожин, я лекарь и промышленник, а кто вы?

Гость привстал со стула:

- Абрам, можно просто Абрам, мою фамилию постоянно забывают или путают, я думаю, для дела надо иметь мозги и руки, а не звучную фамилию. Так что вы мне можете сказать о серьезной работе?

Я выложил на сукно стола несколько камешков. Еврей не спеша поставил на стол сундучок, достал оттуда лупу и долго осматривал камни, пытался их скрести ножом, царапать. Затем уселся на стул:

- Вы хотите их обработать? Или огранить и сделать им достойную оправу?

- Пока я решил их огранить и один из камней, самый крупный, вставить в золотой кулон.

Я набросал эскиз кулона и указал приблизительный размер. Ювелир назвал цену за работу. Немало, но я согласился. Мне надо было посмотреть качество работы и завязать деловые отношения, впереди была масса работы – камни с будущего прииска.

- Аванс попрошу вперед – десять рублей, через месяц работа будет готова, я сам доставлю изделия. Если вы согласны, один нескромный вопрос – откуда эти камни?

- А что вас настораживает, Абрам?

Вероятно, он понял вопрос превратно.

- Нет, нет, я нисколько не сомневаюсь в вашей честности и платежеспособности, я уже успел узнать, что вы хороший лекар и лечили королевских особ во Франции и Англии, владеете водочным и лесопильным заводиками и некоторыми другими доходными местами. Просто камни высокого качества, я давно работаю ювелиром, знаю все рудники, по камню всегда можно узнать, откуда он – по отменной твердости и другим причинам. Это месторождение новое, и смею уверить – лучшее из того, что я встречал. Может быть, мне будет позволено встретиться с человеком, который их вам продал?

- Абрам, пока я не могу полностью удовлетворить ваше любопытство, но скажу – вы угадали, рудник новый, камни там отличные, и я рад услышать вашу оценку. В дальнейшем, если сотрудничество будет успешным, вы узнаете больше, и работы у вас будет очень много.

Я отсчитал аванс, ювелир сложил камни в маленькую коробочку и положил в свой сундучок, вежливо откланялся и ушел. Вот жук, подумал я, сразу понял, что камни с нового месторождения – наверняка теперь будет пытаться выяснить, с какого? Для ювелира вопрос существенный – если камней много, цена на изумруды может упасть. Если камни с нового рудника высокого качества, то ему надо быстро избавиться от других изумрудов. А ведь камни – товар не для всех и не на каждый день – очень уж специфический, и купец, и покупатель еще должны найти друг друга. Отдал я ювелиру не все камни – несколько штук оставил.

В хлопотах месяц пролетел почти незаметно, теплым майским днем ювелир пришел снова. С чувством достоинства уселся на стул, достал из сундучка маленькую коробочку и извлек камни. Самый крупный был искусно огранен, оправлен в золотой кулон изящной работы. Когда я вертел его перед собой, от камня отражались солнечные лучики и разбегались по стенам. Смотрелся кулон очень необычно, ярко. Довольный произведенным впечатлением от работы, ювелир вкрадчиво предложил: к такому кулону и цепочка нужна соответствующая.

- У меня есть несколько, и я их взял. – Абрам достал из сундучка несколько золотых цепочек, по очереди стал прикладывать к кулону. С одной из цепочек, двойного плетения, тонкой работы, кулон просто заиграл.

- Беру, – решил я.

- Это подарок – неожиданно заявил Абрам.

Я оторопел, но Абрам продолжил:

- Поразмыслив, я понял, что эти камни не единственные, будут еще. Может быть, много, почему бы нам не договориться – вы мне камни, моя огранка, если хотите, я могу и продать за процент, у меня есть солидные партнеры в Амстердаме, Брюгге, Париже, Лондоне, они по достоинству оценят камни.

Не ожидал я, что ювелир сделает мне такое предложение – умен еврей, очень умен, все успел просчитать, не исключено, собрал сведения среди челяди, что хозяин куда-то уезжал. Я взял в руки ограненные изумруды, лупу и внимательно осмотрел. Камни были просто изумительны, еврей знал свое дело. Достав мешочек с деньгами, я рассчитался за работу. Ювелир с поклоном взял деньги, но уходить не спешил, ожидая ответа. Разбойников и грабителей среди евреев отродясь не было, поэтому я решил немного приоткрыться.

- Есть новое месторождение, ты не ошибся, Абрам, камни ты сам видел, хорошие, добыча камней будет осенью, сначала обустроить рудник надо, в него деньги вложить, так что дело это небыстрое. Я не против предложить тебе свою долю камней, о цене и количестве поговорим позже, когда камни будут у меня, негоже делить шкуру неубитого медведя.

Ювелир встал, но я задержал его:

- Только уговор – никто не должен пока знать, что появился новый рудник, где он – я и сам тебе пока не скажу, со временем узнаешь.

Еврей даже руками замахал:

- Что ты, я и сам хотел о сохранении тайны просить – у меня же нет такой охраны, как у тебя, но к осени придется об этом думать.

Ювелир откланялся и ушел. Я же направился искать Настеньку, нашел ее в нашей спальне за рукоделием. Подошел, поцеловал, одел на шею кулон и подвел к зеркалу. Настя ахнула.

- Красота какая, это мне?

- Тебе, тебе, это один из камней, которые тебе не приглянулись, а теперь посмотри на другие.

Я вынул из кармана другие изумруды, раскрыл ладонь. Камни переливались, бросая отблески на окружающие вещи и наши лица. Настя зачарованно глядела на изумруды, не в силах отвести взгляд.

- Чудо какое, диво дивное, все время бы любовалась, можно мне?

Она взяла с ладони изумруд, посмотрела его на свет, полюбовалась, протянула назад и, крепко обняв, поцеловала.

- Спасибо за подарок.

Она весь вечер вертелась перед зеркалом, меняя наряды, подбирая в тон камню. Должен сказать, что смотрелся кулон с изумрудом по-королевски. Я думаю, что если бы он висел на шее царственной особы, не затерялся бы в окружении других драгоценностей. Настя была очень довольна подарком, несколько дней не отходила от зеркала, любуясь кулоном. Я и сам был доволен сделанным подарком – хороший подарок дарить всегда приятно. Настя заговорила о посещении знакомых – ясно, похвастать захотела, что с нее взять – женщина. Но в этом был и смысл – прощупать, как отнесутся к камню купцы и другие именитые люди. Придется устроить пир, повод придумать недолго. Не откладывая дело в долгий ящик, объехал лично хороших знакомых, не забыв и Федора из Разбойного приказа. В субботу, в назначенный час стали собираться гости, пролетками и возками был заставлен весь просторный двор. Слуги метались от кухни к трапезной, в подвал за припасами, на задний двор, где рубили кур и разделявали поросенка. Каждый пир у меня был чем-то памятен. То водкой, то салатом, то шашлыками, и гости ехали с удовольствием. Я не разочаровал гостей в их ожиданиях – было несколько сортов

новой водки. Стол был заставлен яствами, ломился от горячих и холодных закусок. К этому пиру я приготовил три новых блюда – «селедку под шубой», мясной рулет с грибами и торт. Должен сказать, что еда в это время по Руси была сытной, но незатейливой – мясо вареное, жареное, копченое, но без изысков, овощи в лучшем случае резали, иногда смешивали в виде незатейливого салата. Каждое новое блюдо вызывало острую реакцию – старое ведь уже приелось. Так и на этот раз – налили водочки, я порекомендовал мясной рулет и селедку под шубой. Делал эти кушанья, конечно, не я, но кухарки под моим руководством. Настя тоже ела все это впервые. Блюда пошли на ура. Под водочку горячий мясной рулет и охлажденная селедка под шубой были съедены моментально, но слуги несли другой мясной рулет – с орехами, это вызвало бурю восторга. Все думали, что новые кушанья – придумка хозяйки или кухарки, отпускали Насте похвалы, заодно стреляя глазами на ее кулон с изумрудом. Я специально поставил столы так, чтобы лучи майского солнышка падали на Анастасию, заставляя играть изумруд. Гости были в восторге от водки и новых блюд, а женщины от украшения Анастасии. Я видел, как они украдкой что-то шептали на ухо своим мужьям. После небольшого отдыха и променада дошла очередь и до торта. Я вспомнил бабушкину стряпню и рассказал кухарке, как сделать «наполеон», правда, пришлось побегать по торгу, разыскивая ваниль, заодно купил и специи к мясным блюдам. Торт удался на славу – не зря перед пиром кухарка потренировалась, сделав два маленьких торта. Каждому налили чай, новомодное тогда питье, и положили по куску торта. Некоторое время за столом молчали, шумно отхлебывая горячий чай и поедая торт, но потом компания шумно заговорила, особенно женщины – им всегда нравилось сладкое. Большой гурман – купец Пантелей тут же стал мне предлагать немалые деньги, чтобы забрать чудо-кухарку.

- Ей-богу, – пьяненько твердил он, – у меня повар хуже, а мой дом всегда славился вкусной едой и обильным столом.

- Ей-богу, – пьяненько твердил он, – у меня повар хуже, а мой дом всегда славился вкусной едой и обильным столом.

Расстались к вечеру, довольные друг другом. Напоследок гости расспрашивали Настю о рецептах новых блюд, бросая взгляды на кулон. Я был уверен, что у каждой купчихи были украшения недешевые, может быть, и лучше в чем-то, но обычно украшались они жемчугом, эмалью. Как я и предполагал, буквально на следующий день каждая пара по отдельности стала приезжать на пролетке, приглашая в ответ посетить их дома, попутно невзначай интересуясь, где был куплен, у какого златокузнеца столь дивный камень и сделан кулон. Нескольким серьезным купцам, к неописуемой радости их жен, я продал несколько изумрудов, теперь я знал им цену. Абрам ввел меня в курс, также я порекомендовал его для изготовления украшений. Право слово, я становился известен в купеческих кругах и среди чиновного люда. Свои траты на экспедицию за Урал я окупил десятикратно. Надо было браться за разработку месторождения всерьез. Самое слабое и уязвимое место добычи – транспортировка изумрудов в Нижний и Москву. Если на самом прииске людей будет много – и рабочих, и охраны, то на небольшой корабль армию не посадишь, а крупный по тамошним рекам не дойдет. Поразмыслив, решил, пока есть время, купить или сделать небольшое судно, приспособить его для обороны. С Сидором и кормчим Истомой стали объезжать верфи – сначала в Москве, затем добрались до Твери и Новгорода. Заказы брали с условием изготовления через полгода, а то и более. Меня это не устраивало, придется покупать готовое судно и переделывать. Случай подвернулся вскоре – один из моих знакомых купцов решил продать одно из своих судов. Взяв Истому, отправились осматривать посудину. Кораблик-ушкой был невелик, трюм небольшой – собственно, из-за этого купец его и продавал, собираясь приобрести судно побольше. Меня размеры устраивали, груз изумрудов небольшой, громадный трюм не нужен, зато на веслах можно идти быстро, коли ветра не будет, да и управлять им на небольших реках сподручней.

Истома облазил и тщательно осмотрел судно снаружи и изнутри - весь набор были крепкими, гнилого дерева не нашел. Купец клялся, что судну всего три года, за судном смотрели, изъянов нет. Мы договорились о цене и ударили по рукам. После составления купчей я рассчитался, и судно стало моим. Я попросил Истому набрать команду, по возможности среди знакомых, чтобы на судне не было вороватых или пьяниц, а также кормчего, который бы знал реки и мог держать команду в узде, а пока со своей старой командой с моего ушкуя перевести судно к верфям. Там я договорился очистить и обшить днище листами меди. Корабельщики охнули:

- Дорого, барин, сделать можем, конечно, да уж листовую медь и гвозди медные сам ищи.

И медь, и гвозди я за пару дней нашел и привез. Пока корабели занимались днищем, мы с Сидором осмотрели судно с целью изменить кое-что в конструкции - надо было усилить, а вернее, создать вновь вооружение - разбойники и татары не дремлют, вероятность встречи высока, причем мне хотелось, чтобы вооружение не бросалось в глаза, было почти незаметно, поэтому сразу на верфи решили закрыть верхнюю часть бортов железными листами. Причем сначала, когда выбирали железо, попробовали стрелять в него из лука, затем я выстрелил из пистолета. Стрела и свинцовая пуля оставляли легкие вмятины, но лист не пробивали. То, что нужно, перетяжелить кораблик тоже не хотелось. Установили листы, распорядились покрасить их в коричневый цвет, маскируя под дерево. Теперь надо было купить пушки и поставить на корабль, вырезав в бортах порты. Затея оказалась непростой - я специально ездил в Пушечный приказ, но там развели руками - все пушки, которые куплены казной или сделаны на заводах, только для войска, и посоветовали искать трофейные, негодные к службе или заказывать самому. Пришлось ехать в Тулу, решили плыть на корабле, опробуем на ходу приобретение, заодно посмотрим, как управляется с ним новая команда, набранная Истомой. Отплывать решили завтра. Подъехали с утра к верфи, на кораблике сновали люди, Истома был здесь же, решив сходить на судне, посмотреть, на что сгодится новый кормчий. Хоть он был старым знакомым Истомы, но поглядеть в деле не помешает. Грузить товар или брать пассажиров не надо, отплыли сразу же, как только мы взойшли на борт. Плыть решили по Оке, затем поднявшись по Упе до Тулы. Плыли два дня, кораблик был резв, хорошо слушался руля, и кормчий был на высоте, знал все отмели, узости. Молодец Истома, не подвел. Слаженности в команде пока не было, ну это дело наживное, с практикой придет. Заводики, где делали пушки, были небольшие, насквозь прокопченные, заказы исполнить брались, но сроки были уж очень велики, выбирать не приходилось, и я сделал заказ на шесть небольших пушек. На всякий случай решил пообщаться с заводскими мастерами, подпоив их взятой с собой водкой. Оказалось, на складах есть несколько трофейных пушек, отбитых у поляков, Пушечный приказ их забраковал - калибр маловат, отправили на переплавку. Водка открывает любые замки, и меня провели на склад. В углу лежало несколько небольших бронзовых пушечек, ствол, конечно, коротковат, да и калибр подкачал, скорее, не пушечки, а кулеврины. Договорился их купить по цене бронзы. По крайней мере на первое время сгодятся, пока будут лить новые пушки по моему заказу, можно обслугу подобрать, обучить стрельбе. Пушки со станками переправили на ушкуй, и мы отбыли. Обратный путь длился несколько дольше, плыть пришлось против течения, ветер был слаб, и пришлось команде сесть на весла. Ход и на веслах был хорош. Судно радовало. Причалили к вечеру на знакомой верфи, поставили пушки на станки, указав мастерам, где делать порты, какие должны быть крышки для портов. Пока ехали домой, договорились с Сидором, чтобы он подобрал обслугу из расчета три человека на пушку, тогда перезаряжать можно было быстро. Я же занялся на следующий день покупкой пороха, свинцовых ядер и картечи. Сидору это поручать было нельзя, из всех моих людей только я понимал толк в пушках и стрельбе. Через несколько дней, когда обслуга была подобрана, начал обучать людей. Кораблик вывели за город, на берегу поставили мишени, используя для этих целей чурбачки из бревен. По крайней мере при попадании они падали, и было видно - удачен выстрел или нет. Пороха для учебы я не жалел, сначала стреляли со

стоящего судна, затем с хода под парусами. Через месяц ежедневных упражнений до седьмого пота канониры научились сносно стрелять, с ними можно уже было плавать. К этому времени были готовы пушки по заказу в Туле, мы установили их на корабль, а снятые положили на хранение у меня дома. Хлеба не просят, как бы на прииск отправлять не пришлось. Изумруды – заманчивая добыча для лихих людей. К осени пришло известие от Демидова, от него явился ко мне домой приказчик, что продавал товары в Москве. Алтуфий сообщал, что найден каменный уголь неподалеку от залежей медной руды, набираются люди для работы, а на организацию изумрудного прииска уже отправлена ватажка – рабочие, строители. Демидов просил быть готовым осенью отправиться на изумрудный рудник, заехав по дороге к нему в Нижний. Я поблагодарил и обещал быть. Половина августа и сентябрь пролетели быстро – я лечил людей, дабы не утратить навыки, занимался своими производствами. Конечно, везде были надежные, проверенные люди, но при них производство работало, не развиваясь, а надо было осваивать новую продукцию, захватывать новые рынки сбыта. Перед отъездом я посетил Абрама, ювелир был дома, с задней части двора доносился перестук топоров, лежал пиленный камень.

- Вот, мастерскую расширяю, – Абрам развел руками, – готовлюсь к наплыву работы.

- За этим и пришел, отбываю на днях, через месяца два вернусь с товаром, деньги готовы.

Мы обо всем договорились, и я уехал домой.

Настя приняла мой отъезд как должное, стала собирать вещи, на всякий случай на всю команду приготовили тулупы, сложив их в пустом трюме. Чтобы ушкой не шел пустым, в трюм загрузили мешки с мукой, крупами, взяли топоры, пилы и гвозди. Дерево в тайге везде, а поди найди гвоздь. В отдельном отсеке трюма, самом сухом, сложили порох, ядра, картечь, туда же уложил пару трофейных пушек, снятых с ушкуя. Все это пригодится на прииске. В последних числах сентября отплыли. Теперь нам было легче, на корабле – это не пешком или на лошадях, запас еды и оружие есть, есть пункт назначения, конечная цель. В Нижнем остановились, вдвоем с Сидором поехали к Алтуфию. Еще весной за Урал он послал экспедицию, нашли богатое месторождение каменного угля, и теперь Демидов организовал новое производство: железоделательный и медно-литейный заводы, в первую очередь – медный. Изумрудный рудник уже работал, в начале лета ушли под началом Дмитрия люди, построили несколько домов, добывают камень. Алтуфий просил осмотреть, что да как, подсобрать советом али делом, продуктов по возможности подбросить, на обратном пути забрать необработанные камни.

- Охрана есть ли? Судно надежное?

Я успокоил Алтуфию, судно и команду все лето готовили, даже пушки приобрел. Разговором Демидов остался доволен, пожелал доброго пути и до судна проводил на своей пролетке. Походил разочарованно вокруг судна:

- Мало уж больно, да пушек не видать.

Мы поднялись на ушкуй, я показал пушки, стволы которых были скрыты портами, как на военных морских судах, объяснил, что днище обито медью, люди обучены.

Алтуфий повеселел:

- Вижу, не зря время провел.

Перекрестил на прощание, мы обнялись и отплыли. Не стоило в путь задерживаться. Решили плыть по Волге до Камы, подниматься вверх до Чусовой. Разбойников и татар мы теперь не

боялись, да и заблудиться на реке нельзя, это не на лошадях по зимнему лесу шастать. Вниз по течению, да под парусом, двигались быстро, по Каме скорость упала, все против течения, и ветер не очень способствовал – то слабый, то встречный. Однако и Пермь миновали, не останавливаясь. На Чусовой скорость упала – кормчий реки не знал, можно было на мель сесть или дно пропороть камнями. Хорошую службу сослужило то, что корабль невелик, осадка неглубокая, всего метр с небольшим, до прииска доплыли, лишь пару раз чиркнув дном по отмелям, удачно дошли, можно сказать. Место у прииска было не узнать – стояло несколько жилых домов и два длинных производственных здания. Рабочие долбили скалу, на тачках возили руду, здесь несколько дюжих молотобойцев молотами разбивали на мелкие куски. Пара подготовленных рудознатцем мужиков отбирали из породы самоцветы и отдавали на хранение Диме. Поскольку Дима и рудозналец молчали, а внешне камни не производили никакого впечатления, то рабочие и не знали, что они добывают. Я в сопровождении Димы прошел по домам, сходил на сам прииск. В скальном теле горы уже была выдолблена приличных размеров пещера. Увиденным остался доволен, по местным меркам все устроено неплохо. Мои матросы и канониры выгрузили провизию – муку, крупы, соль. Мясо они и сами добудут – тайга рядом.

– Дима, не балует ли кто, спокойно ли?

– Пока все тихо, несколько раз охотники приходили, меняли шкуры и мясо на соль и перец. Разбойников не видели, ружья у нас есть.

Я предложил оставить пару пушек, но Дима отказался:

– Никто огненного боя не знает, как бы самих не поубивало. Пороха возьму, теперь только по весне, как лед сойдет, корабль присылайте, камень забрать. А сейчас вот вся моя добыча – Дима указал на мешок в углу избы.

Добыча прииска и впрямь пока была невелика – я взвесил рукой мешок – килограмма три, может, чуть больше. Но я уже знал цену каждого камня. Рано утром мы отплыли, на улице уже было прохладно, не приведи господи, морозы ударят, реки покроются льдом, нам на корабле не пройти. И так по утрам трава была белой от утренних морозцев. Чусовую прошли быстро, шли по течению вниз, ветерок крепкий в спину дул, оба паруса были туго натянуты. Команда расслабилась, глядела по сторонам. Лишь кормчий да впередсмотрящий работали. Спустились до Перми, здесь решили заночевать да прикупить маленько продуктов, свои-то трюмы мы на прииске очистили, мешки с провизией почитай все отдали, до весны на прииск ничего не завезешь, нам проще, почти в любом городишке есть торг, и продукты купить можно. Переночевав, сходили на торг, купили мешок муки, мешок гречки да сразу после торга отчалили. Кораблик весело бежал по течению. Приближалось место, где нам встретились татары, я узнавал холмы слева, приближался знакомый поворот реки. Нахлынули воспоминания и нехорошие предчувствия, засосало под ложечкой. Я позвал Сидора:

– Узнаешь место?

Сидор молча кивнул.

– Готовьтесь к бою, пушки осмотреть, зарядить, порты пока не открывать, свободным от вахты по палубе не болтаться.

Сидор ушел исполнять. Вокруг пушек засуетилась команда канониров – хоть какое-то развлечение, устали люди от безделья. Только закончили с пушками, я распорядился осмотреть и подготовить мушкеты. Сам тоже воткнул за пояс пару пистолетов, приготовил штуцер и мушкет. Береженого бог бережет, а небереженого караул стережет. Только прошли

поворот, как вот они, голубчики, нарисовались. Татары на лошадях, человек восемь-десять, гарцевали на берегу. Завидев нас, заулюлюкали, бросились ближе к воде, начали осыпать судно стрелами. Ладно, побаловались, и хватит. Я скомандовал:

- Открыть порты! - И почти следом: - Огонь!

Пушки почти разом грохнули, все затянуло дымом, когда он рассеялся, сражение было закончено. На берегу бились в агонии кони, раздавались крики, ржание. Опустив паруса, подошли к берегу, часть вооруженной команды добила раненых татар, собрала оружие, и, не мешкая, мы двинулись дальше. Канониры перезарядили пушки левого борта, пушки правого еще не стреляли. Хорош кораблик, прямо линкор самодельный.

«Двенадцать апостолов», «Король Ваза», «Тирпиц» в одном лице. Куча убитых татар, а с моей стороны нет даже раненых. Здорово защитили железные борта. Однако надо было поторопиться. Обычно татары высылают впереди основного войска небольшой дозор, его мы и побиили. Ежели основная шайка слышала грохот пушек, то успеют подготовиться или удерут. Мне бы не хотелось ни того ни другого. Чем больше нехристей здесь и сейчас положим, тем спокойнее будет плавать потом. Каждый татарин уходил из юрты в набег на русскую землю грабить, убивать, насиловать, брать в плен. А когда вернутся с пустыми руками далеко не все, горячие головы поостынут. Не ходи, татарин, на Русь, здесь живет твоя смерть! Через несколько верст, когда потянулись незнакомые места, мы увидели татар. Стояли они лагерем на берегу, разбили несколько юрт, чувствовали себя спокойно, на кострах жарилась баранина. Да и чего опасаться - вперед ушел дозор, ниже по течению земля татарская, оттуда нападение не последует. Зато наша позиция была очень хороша, берег пологий, далеко от берега татарам не отойти - холмы с крутыми склонами. Завидев нас, нехристи радостно завизжали, вскочили на лошадей, бросились к воде, осыпая нас стрелами, которые со зловещим шелестом вонзались в деревянные части корабля. Выждав немного, когда их соберется побольше, мы мигом опустили паруса, залпом левого борта накрыли татар, на веслах развернули судно и грохнули пушками правого борта. Этот разворот со стрельбой поочередно обоими бортами мы многократно отрабатывали. Пока развеивался пороховой дым, канониры в поте лица перезаряжали пушки. Еще с начала я приказал развесить порох и картечь и уложить навески в мешочки, перезарядка значительно ускорилось. Если другие пушкарки черпали порох из бочки специальным совком - шуфлой, затем забивался пыж, и поверх него насыпалась картечь, причем на глаз, поэтому точность от выстрела к выстрелу была разной. При моих же усовершенствованиях скорость зарядки три-пять минут, а не двадцать, как у других. Дым поднялся над водой и кораблем. На берегу лежала куча всадников и лошадей, кое-кто шевелился, но в основном все убиты, картечь из пушки на семьдесят метров - это ужасно. Несколько оставшихся в живых из задних рядов улепетывали к лагерю, нахлестывая коней. На коне от пушки не ускачешь, я махнул рукой: «Залп!»

Пушки дружно грохнули, и матросы веслами снова развернули кораблик, еще раз залп!

Я успел прокричать: «Ядрами заряжайте!» Лагерь от воды был метрах в двухстах, картечью же не достать, далековато, для ядер в самый раз. Мы крутились на месте, изрыгая ядра, стреляли то левый, то правый борта. В лагере все перемешалось, юрты завалились, поднимался дымок, видно, загорелось что-то. Татары, пешие и конные, носились по лагерю, пока не организовались и снова ринулись на нас, на этот раз не плотной толпой, а развернутой цепью. Стрелы сыпались на кораблик, как град, не причиняя вреда. Залп картечью левым бортом, разворот, залп правым. Я не терял времени, пока пушкарки перезаряжались, я из штуцера выбивал начальников - у каждого сотника или десятника в стремени стояло копьё с бунчуком, у простых воинов его не было. Три выстрела - трех командиров не было, упали под копыта с простреленными головами. Для мушкетов было далеко, а для штуцера в самый раз. Весь берег

был усеян трупами татар и лошадей. Сколько их там было – полсотни, сотня? Татары отхлынули, собравшись у лагеря, у берега вертелись на конях лишь два татарина – то ли разведка, то ли сторожа. Из пушки по ним стрелять не будешь – мелковата цель. Но одного, тщательно прицелившись, я убил, вогнав пулю в грудь. Второй, видя бесславную смерть товарища, умчался в лагерь. Я не дал татарам отдыха – удумают какую-либо пакость, пушки стреляли почти непрерывно. Нервы у татар не выдержали – потери несли постоянно, бросив пожитки, рванули вниз по течению. Надо не дать им уйти, холмы дальше могут быть от воды дальше, стоит им удалиться от реки метров на двести, из пушек не достать, а на земле нам не устоять – коней нет, людей мало. Мы распустили паруса, команда села на весла, еще и течение помогало. Корабль шел почти вровень с лошадьми, лишь немного отставая. Но и лошади уставали, ветер же дул в паруса с прежней силой. Я подгадал удобный момент, когда холм заставил татар прижаться ближе к реке, залпом ударили орудия борта, в темпе стали перезаряжать. Картечь и так снесла коней и людей в хвосте отряда. Эх, скорости бы нам еще прибавить, да невозможно. Будем преследовать, когда-нибудь лошади выдохнутся. Через полчаса гонки гребцы стали уставать, ход несколько замедлился, но и лошади выдохлись, заводных из лагеря не все татары успели взять. Как только отставшие равнялись с кораблем, следовал залп картечью. Татарский отряд потихоньку редел. В сердце моем, так же как и у моих товарищей, горел огонь ненависти к татарам – сколько людей русских было убито и угнано в плен, где сгинули бесследно. Вот и сейчас – русская это земля, что на ней вооруженному отряду делать? Ясно, грабить пошли. Добывать их надо, чтобы до ханства своего не добрались, если успеют своих предупредить, может быть худо, у татар тоже корабли есть. Правда, с нашим доморощенным линкором им по боевой мощи не сравниться, но придется прорываться. Холмы внезапно отошли от берега метров на пятьсот, татары не замедлили этим воспользоваться и отвернули от реки. Черт, неудача. Но при осмотре в подзорную трубу все оказалось не так плохо, выхода с этой подковы не было, только вернуться назад, а здесь мы. Встали на якорь, носом к берегу, пушки каждого борта держали под прицелом берег. Вверх по течению они пойти вряд ли рискнут, скорее всего будут ждать вечера, чтобы под покровом темноты прорываться на свои земли. Надо было думать, как помешать. Я подозревал Сидора. Судили, рядили, но ничего толкового в голову не приходило. Меж тем дело шло к вечеру, еще часа три-четыре, и будет темно, под покровом темноты татары точно прорвутся по берегу вниз, что толку стрелять в темноте, только зря переводить порох и картечь, татары это тоже понимали и сидели в котловине тихо, сил набирались для броска. В сердцах я взобрался на мачту, захватив штуцер, и стал отстреливать татар. Расстояние было слишком велико, но по толпе стрелять можно было. Правда, сделав несколько выстрелов, занятие это бросил, никто не упал, видно, пули не долетали. Но с мачты я увидел другое – ниже по течению холмы подходили к берегу совсем близко, от силы метров сто, стоило спуститься на версту, как мы плотно закрывали бы огнем этот проход. Я спустился с мачты, велел сняться с якоря и спуститься по течению. Встали у намеченного мною места на якорь. Все орудия с правого борта перетащили на левый. Посоветовался с Сидором и отправил к холмам одного из воинов с заданием – когда пойдут татары, дать сигнал зажженной свечой. По светлomu воин должен дойти до холма. Найти укрытие, чтобы и татары не узрели, и мы картечью не зацепили. Воин ушел, мы поужинали всухомятку и улеглись спать, выставив часовых. Около полуночи я проснулся, разбудил Сидора. Он отмахнулся.

– Вряд ли татары сейчас пойдут, сначала пошлют разведчика, посмотреть, где мы, а только потом пойдут сами, полагаю, что уже под утро, когда стража устанет да спать сильнее всего хочется.

В его словах был резон. Людей я будить не стал, лишь проверил часовых. Часа в три ночи часовых поменяли на свежих, причем я предупредил – слушать внимательно, при

подозрительных звуках – сразу докладывать. Сам уселся рядом с железным бортом, тоже вслушивался, но, кроме журчания воды у корпуса ушкуя, не слышал ничего. Часов около четырех-пяти ко мне подполз один из часовых: – Слышу шум.

Я приподнялся – далеко слышался небольшой шум, вероятно, татары обмотали копыта лошадей тряпками и ехали тихо, не пуская лошадей галопом. Видно, разведчик узрел, где стояло наше судно, теперь тати потихоньку хотели проскочить место стоянки. Все, как Сидор сказал. Я распорядился разбудить всех, причем по-тихому, не поднимая шума, и смотреть на склон. Должен зажечься огонек свечи. Канонирам быть у пушек с фитилями наготове. Неясный шум перемещался, вот он почти напротив нас. Я забеспокоился – не уснул ли наш воин, а может, его татарский разведчик обнаружил да и прирезал? Нет, жив курилка, на склоне вспыхнул маленький огонек, моргнул трижды и погас.

– Огонь! – закричал я.

Пушки залпом грохнули, и корабль ощутимо качнуло. Все-таки огонь залпом из шести пушек с одного борта – рискованно, отдача очень сильная. Канониры бросились перезаряжать пушки, а с берега неслись крики и стоны раненых, визг и ржание лошадей. Только перезарядили, я снова крикнул:

– Огонь!

Еще залп, все заволокло дымом. Я прокричал:

– А теперь из мушкетов, ребята!

Команда схватила мушкеты и стала палить в темноту, ориентируясь по звукам. После того как все выстрелили, стали перезаряжать пушки, матросы занялись мушкетами. В темноте заряжали долго, но факелы зажечь опасались, будем видны как на ладони. С берега доносились хрипы и стоны. Решили ждать рассвета, тем более небо за холмами уже начало светлеть. Через час стало достаточно светло, чтобы увидеть картину. Берег вдаль, ближе к холмам, был завален людскими и конскими трупами. Людей на конях и без видно не было. Большая часть команды высадилась на берег, только у пушек остались несколько канониров. Подошли ближе к побоищу, завидя нас, из-за большого камня на холме спустился наш товарищ. Убитых и раненых было много, наверное, около полусотни. Раненых тут же добились саблями и ножами, действуя по принципу труп врага хорошо пахнет. Жаль только, что не было известно – успел кто-нибудь прорваться или нет. Вернулись на ушкуй и решили сплавляться вниз, держа берег под контролем. Пока матросы поднимали паруса, канониры вернули три пушки на правый борт. Судно заскользило вниз. Часа через два навстречу нам попала купеческая ладья, шедшая в Пермь. Мои люди успели, пока суда расходились, спросить – не попадались ли татары на лошадях по левому берегу.

– Нет, никого не видели, а в чем дело?

– Да татар мы маленько пощипали, интересуемся – не ушел ли кто?

– Бог вам в помощь! – раздалось с проходящей ладьи.

Кабы не мы, вряд ли ладья ушла невредимой мимо татарского лагеря. На душе стало спокойней, команда расслабилась. Теперь можно к берегу приставать, костер развести, люди два дня горячего не ели. Сварили кулеш с вяленным мясом, поели да тронулись в путь. Встречных опрашивали, не видели ли татар? Все открещивались – не видели и вам того же желаем. Спустились до слияния Камы и Вятки. Решили встать у излучины, переночевать. Если

кто из татар и ушел, этого места не минует. Выставили часовых, поужинали и улеглись спать. Никого из конных татар не видели, а дальше уже начиналась земля Казанского ханства. Хорошо бы Казань проскочить без приключений, а идти придется против течения, ход будет невелик. А вообще в дальнейшем придется прокладывать путь – от Камы до Вятки устраивать волок, в верховьях обе реки тянутся параллельно друг другу, или держать суда отдельно на Вятке и Каме, а остальной путь проделывать на лошадях. Конечно, это более хлопотно, чем одним судном плыть от прииска по Чусовой, Каме и по Волге до Нижнего, да больно уж проблем с татарами много, беспокойный народец – все сабелькой помахать хочет. От слияния Вятки с Камой до слияния Камы с Волгой дошли за сутки, реки здесь были полноводные, на середине реки течение быстрое, отмелей нет, шли ходко, делая в час по пять-шесть морских узлов. Повернули направо, пошли по Волге вверх, через время показалась Казань. Пока шли по татарской земле, к берегу не приставали, опасались нападения. То я, то Сидор подменяли кормчего, держа кораблик посреди фарватера. По Волге у Казани болтались два небольших татарских суденышка, завидев нас, одно из них приблизилось, на плохом русском один из татар закричал:

- Эй, урус, что твоя здесь делает, если товар продажа везешь, пошлина давай, таньга давай.

Я достал из кармана перстень, что получил в свое время в Казани от визиря, и когда татарская посудина стукнулась бортом о наш ушкуй, показал его татарину, на чистом татарском сказав:

- Узнаешь ли ты перстень великого визиря?

Пожалуй, от хорошего татарского, на коем я заговорил, эффекта было не меньше, чем от перстня. Татары замахали руками.

- Свободен, плыви куда хочешь, мы не держим, да продлятся годы великого визиря, пусть стада его будут тучны и женщины плодовиты.

Я ответил:

- Воистину так.

И мы, оттолкнувшись веслами от татарского судна, медленно стали подниматься под парусами вверх. Стены и пригороды Казани проплывали мимо. Команда утирала вспотевшие от напряжения лбы, но молодцы, не растерялись, канониры были у пушек, держа в руках тлеющие фитили. Если бы что-то пошло не так, татары получили бы залп из трех пушек, на дистанции удара кинжалом ни одно судно не выдержало бы, сразу пошло на дно, только тогда пришлось бы прорываться с боем. Сидор подошел:

- Здорово ты на татарском с ними объяснялся, а то бы в трюм полезли – товары досматривать, выкрутились, слава богу.

Я снял с пальца перстень, показал его Сидору, тот, повертя в руках, разглядывая арабскую вязь букв, вздохнул и отдал назад.

Дальнейший путь до Нижнего прошел спокойно. Демидов встретил радостно, команду распорядился накормить да спать уложить, а мы направились в его кабинет. Сначала я рассказал, что видел на прииске, похвалил за усердие Дмитрия. Все же демидовский человек был, рассказал о бое с татарами. Наконец дошло дело и до камней. Я высыпал изумруды на стол, и мы стали их делить, раскладывая попарно, по размерам – маленький с маленьким, большой с большим. Когда все они были разделены на две кучки, Алтуфий пересчитал свою половину, отсчитал несколько штук и подвинул мне:

- Твои пять процентов, как и договаривались.

Я тоже пересчитал свои камни – их оказалось двести шестнадцать штук. Неплохо! До этого момента я не открывал мешок. Уложив камни в кожаный мешок, я с Алтуфием спустился в трапезную, где вместе с его семьей поужинал. Всех я знал – жену, сыновей, невесток – поэтому ужин прошел в непринужденной атмосфере. Утром я распрощался с компаньоном и хлебосольным хозяином, условившись, что по весне, когда сойдет лед, я снова поплыву на прииск. Со своей стороны Алтуфий заверил, что тоже подготовит судно с запасами провизии для рабочих. Зима уже была не за горами, по утрам подмораживало, иногда срывался снежок, мы торопились, как бы лед на реке не встал, но добрались благополучно. На второй же день я на возке под охраной Сидора и двух его воинов поехал к ювелиру. Абрам, увидев меня, весь расплылся в приторной улыбке:

- Заждался, заждался, барин. – Радостно потирая руки и шмыгая носом, провел в комнату.

Что меня удивило – там горела керосиновая лампа – грубовато сделанная, но лампа, а не свечи. Сразу же, с порога, я показал рукой:

- Где взял?

Абрам захихикал.

- Удивительная вещица, мои соплеменники от голландцев привезли, горит долго и ярко, одно только – земляное масло заливать надо, да на торгу его продают.

- Привези мне десяток таких, из оплаты вычти.

Мы сели за стол, я вывалил на стол необработанные камни.

- Я хочу, как договаривались, – половину ты покупаешь. Куда денешь – хоть в Голландию, хоть в Швецию – твое дело, остальную половину ограничишь и вернешь мне, все равно потом тебе же их и в оправу ставить, мои знакомые купцы просили.

- Да, да, любезный, приходили люди. Делал я прекрасные броши, кулоны, подвески.

Ювелир говорил, а сам не отводил глаз от камней. Мы пересчитали камни, договорились о сроках и оплате, ювелир должен был мне кучу денег за камни, и мы расстались, довольные друг другом. Настеньке подарков из похода не привез, пообещав чуть попозже. Памятуя о кулоне с изумрудом, Настя не докучала. Я с головой окунулся в дела – везде требовался хозяйский пригляд. Незаметно в делах и заботах пролетел месяц. Настала настоящая зима со снегом, морозами, снежными городками и кулачными боями. Получив от Абрама половину всей партии ограненных изумрудов, а также чуть не мешочек золотых монет, правда, самых разных стран – испанские дублоны, французские луидоры, голландские гульдены. Абрам развел руками.

- Здорово ты на татарском с ними объяснялся, а то бы в трюм полезли – товары досматривать, выкрутились, слава богу.

Я снял с пальца перстень, показал его Сидору, тот, повертя в руках, разглядывая арабскую вязь букв, вздохнул и отдал назад.

Дальнейший путь до Нижнего прошел спокойно. Демидов встретил радостно, команду

распорядился накормить да спать уложить, а мы направились в его кабинет. Сначала я рассказал, что видел на прииске, похвалил за усердие Дмитрия. Все же демидовский человек был, рассказал о бое с татарами. Наконец дошло дело и до каменьев. Я высыпал изумруды на стол, и мы стали их делить, раскладывая попарно, по размерам – маленький с маленьким, большой с большим. Когда все они были разделены на две кучки, Алтуфий пересчитал свою половину, отсчитал несколько штук и подвинул мне:

- Твои пять процентов, как и договаривались.

Я тоже пересчитал свои камни – их оказалось двести шестнадцать штук. Неплохо! До этого момента я не открывал мешок. Уложив камни в кожаный мешок, я с Алтуфием спустился в трапезную, где вместе с его семьей поужинал. Всех я знал – жену, сыновей, невесток – поэтому ужин прошел в непринужденной атмосфере. Утром я распрощался с компаньоном и хлебосольным хозяином, условившись, что по весне, когда сойдет лед, я снова поплыву на прииск. Со своей стороны Алтуфий заверил, что тоже подготовит судно с запасами провизии для рабочих. Зима уже была не за горами, по утрам подмораживало, иногда срывался снежок, мы торопились, как бы лед на реке не встал, но добрались благополучно. На второй же день я на возке под охраной Сидора и двух его воинов поехал к ювелиру. Абрам, увидев меня, весь расплылся в приторной улыбке:

- Заждался, заждался, барин. – Радостно потирая руки и шмыгая носом, провел в комнату.

Что меня удивило – там горела керосиновая лампа – грубовато сделанная, но лампа, а не свечи. Сразу же, с порога, я показал рукой:

- Где взял?

Абрам захихикал.

- Удивительная вещица, мои соплеменники от голландцев привезли, горит долго и ярко, одно только – земляное масло заливать надо, да на торгу его продают.

- Привези мне десяток таких, из оплаты вычти.

Мы сели за стол, я вывалил на стол необработанные камни.

- Я хочу, как договаривались, – половину ты покупаешь. Куда денешь – хоть в Голландию, хоть в Швецию – твое дело, остальную половину ограничишь и вернешь мне, все равно потом тебе же их и в оправу ставить, мои знакомые купцы просили.

- Да, да, любезный, приходили люди. Делал я прекрасные броши, кулоны, подвески.

Ювелир говорил, а сам не отводил глаз от камней. Мы пересчитали камни, договорились о сроках и оплате, ювелир должен был мне кучу денег за камни, и мы расстались, довольные друг другом. Настеньке подарков из похода не привез, пообещав чуть попозже. Памятуя о кулоне с изумрудом, Настя не докучала. Я с головой окунулся в дела – везде требовался хозяйский пригляд. Незаметно в делах и заботах пролетел месяц. Настала настоящая зима со снегом, морозами, снежными городками и кулачными боями. Получив от Абрама половину всей партии ограненных изумрудов, а также чуть не мешочек золотых монет, правда, самых разных стран – испанские дублоны, французские луидоры, голландские гульдены. Абрам развел руками.

- Так со мной рассчитались за изумруды.

Привередничать я не стал – золото и есть золото, как его ни назови. Заодно заказал из крупных изумрудов серьги, оправу из золота тонкой работы. Абрам закивал:

– Сделаю, сделаю, все будет в лучшем виде. А когда теперь будут камни?

– Только весной, но много, готовь потихоньку деньги.

Через несколько недель я получил уже готовые серьги. Абрам открыл деревянную коробочку, и оттуда засияло, запереливалось зеленым солнышком чудо рукотворное – таких серег я еще не видел. Я ахнул. Абрам остался доволен произведенным впечатлением, потирая руки, хлюпал носом и приговаривал, картавя:

– Какая красота, дивная работа, себе бы оставил, но откуда у бедного еврея деньги?

Я захохотал:

– Не прибедняйся, Абрам, только золота сколько отдал!

– Не мое, компаньоны за камни отдали.

– Вот прохиндей!

Абрам попросил задержаться и, сходя в соседнюю комнату, вынес четыре лампы.

– Бедный еврей помнит о вашей просьбе, барин. Вот, сколько смогли привезти мои приказчики, если понравятся – еще привезут.

Я поблагодарил, расплатился и уехал. По пути заехал на торговую площадь и прикупил земляного масла. Сунул палец, понюхал – да это же сырая нефть, правда, здесь ее использовали в лечебных целях – натирали больные суставы, наносили на кожу при чесотке или проказе. В голове мелькнуло – вот бы наладить переработку нефти. Чеченцы же делают «самовары», гонят бензин, почему бы и мне не попробовать? Но не сейчас, я отложил обдумывание на потом. Темнеет зимой рано, приехав домой, залил в лампу нефть, зажег и поставил стекло. Лампа чадила и пахла бензином, но свет давала более яркий, чем свечи. Я повесил лампу в трапезной. Научил домашних, как пользоваться, а затем вручил Настеньке серьги с изумрудами. Она сразу побежала к зеркалу, надела серьги и долго стояла, потрясенная их красотой. Подошедшие полюбопытствовать дворовые женщины ахали от удовольствия. Вместе с кулоном серьги смотрелись одним гарнитуром, камни были одного оттенка, одинаковой огранки. За их стоимость можно было бы купить весь наш дом. Визгу и поцелуев было много. Ночь прошла бурно, Настя благодарила по-своему, по-женски.

Утро началось со стука в нашу спальню. На пороге стоял один из охранников:

– Хозяин, у ворот царские воины, тебя видеть хотят.

– Передай – сейчас буду.

Я быстро оделся и, ополоснув лицо, направился к воротам. Там гарцевали на лошадях три царских воина из личной охраны. В голове мелькнуло: «Ежели бы арестовать пришли, ворвались, да и люди были бы из Разбойного приказа».

Один из воинов спрыгнул с седла, поздоровался.

– Лекарь Кожин ты будешь?

- Да, он самый.
- Царь к себе призывает, немедля.
- Сейчас возок запрягут, подождите.
- Поспешай, мы подождем.

Я распорядился запрягать свой возок, сам стал быстро переодеваться. Все-таки к царю иду. Накинув на плечи шубу, уселся в возок, и мы поехали. Воины ждали у ворот и поскакали передо мной. В голове металась мысль - зачем понадобился? Вроде ничего такого не натворил, за что бы царь вызвать мог, налоги плачу исправно, может, занедужил? Подъехали к Кремлю, воины, не задерживаясь, проехали ворота и спешили. Дальше все пошли пешком - ездить по Кремлю на лошадях было нельзя, это была царская привилегия. Во дворце меня вели по переходам, поворот за поворотом, мы проходили залы, спускались и поднимались. С непривычки можно было и заплутать. Подвели к резным дверям в широком коридоре, сбоку стояли два воина с саблями у пояса и бердышами в руке. Велели обождать, и я разглядывал расписанный коридор. Дверь открылась, и меня пригласили. В небольшой комнате было несколько человек в богатых, шитых золотом одеждах, царя я угадал только потому, что он единственный сидел на кресле. Я согнулся в поклоне, поприветствовал.

- Это ты Кожин, лекарь?

- Я, государь.

- Наслышан, наслышан. Годков несколько тому князь рязанский о тебе сказывал, в обороне от татар зело хитростью басурман изводил. Да вот английский и французский короли через послов меня благодарили за умение твое. А испанский король Филипп почему-то недоволен, пишет, крепость в Картахене порушил, людишек многих побил. Ну да мы за то на тебя не в обиде, большой приязни у меня с Филиппом нет, - царь захихикал, и придворные заулыбались. - Посол шведский вчерась прибыл с нижайшей просьбой. Король шведский Карл занедужил, просят приехать тебя, лекарь. Слухи о твоём умении лекарском уже по всем дворам королевским ходят. Поедешь ли?

Я поклонился:

- Государь, не гневайся, у меня и здесь работы полно, да еще и шведы, боюсь, не забыли, как я корабль ихний повредил, из плена сбегая.

Царь и приближенные громко засмеялись.

- Наш пострел везде поспел - а когда ж ты лечить-то успеваешь? То шведам пакость учинишь, то в Гишпанском государстве разорение, то вот татары жалуются на тебя. Инда ладно, не в обиде за то, честь и жизнь свою защищал, прощаю, но нынче Швеция нам союзник супротив Польши и османов, помочь надобно и лестно, вестимо, умом и рукоделием своим почитай все государи гордятся, а как занедужили, русского лекаря им давай! Цени сие! Ладно, ступай с богом, шведы разор учинять не будут, в том посол поклялся. Но ехать надо. С Богом!

Царь, приближенные и я перекрестились, я поклонился и вышел. За дверями меня догнал один из вельмож, взял под руку и повел по коридорам. Вошел в одну из дверей, я следом. На лавке сидели два мужа в иноземной одежде. Да и хоть в русские рубахи их обряды, все равно будет видно - иноземцы.

Бороды эспаньолкой, а не лопатой, волосы на голове стрижены в кружок, даже выражение на лице высокомерное, но не нашенское. Я поклонился, шведы вскочили, оба высокие, худощавые. Отвесили поклоны, подметя шляпами пол. Вельможа представил меня:

- Лекарь Кожин, по царскому велению и просьбе короля шведского Карла Густава доставлен.

Шведы еще раз поклонились, теперь уже мне, я склонил голову. Шведы говорили по-русски, правда, с акцентом, иногда коверкая слова, но понять их можно было. По их словам, монарх заболел уже полгода назад, ему становится хуже, местные лекари помочь не могут, иноземные - арабы, фрязы, бритты - не берутся. Приехали челом бить, просить помощи. Сказать, что за болезнь, они не могли, а может, и не хотели, вдруг откажусь.

Ладно, решил я, съездить посмотреть можно, надо решить два вопроса - как добираться - зима, санями долго, но этот вопрос уже был решен - санями до Лиепаи, а там судно ждет. Второй вопрос - оплата. Здесь тоже проблем не возникло - посол и его сопровождающий заверили, что оплата будет по результату, но не хуже, чем в других королевских дворах. Уговорились выезжать завтра с утра, послы с охраной будут меня сопровождать, дороги беспокойные - объяснил посол, а ему дорога собственная голова, если по какой-либо причине меня не довезут. С тем мы и раскланялись.

Дома меня ждала встревоженная Настя:

- Случилось чего? Спозаранку в Кремль, к царю вызвали, я уж испугалась, не случилось ли чего?

Я, как мог, ее успокоил, объяснил, что по велению царскому надо ехать в Швецию, короля ихнего лечить.

- Не ездил бы ты, Юра. Вон, еле ноги из плена ихнего унес, ну как припомнят.

Ага, знала бы она еще и про шведские корабли, которые я слегка попортил. Ладно, собираться надо. Утром к шведскому посольству меня отвез Сидор на возке, перегрузили вещи в шведскую карету, поставленную на полозья. Я обнял Сидора, сел, и мы поехали. Посольский поезд был велик - три кареты на полозьях, дюжина простых саней, шведские кавалеристы - человек десять. Обоз растянулся на квартал. Было морозно, снег поскрипывал под полозьями, на деревьях лежал толстый слой снега - декабрь вступил в свои права. Оба посла ехали в своей карете, я ехал в карете один, смотрел на заснеженные русские просторы, спал да скучал. Относились ко мне с подчеркнутым уважением, за стол посадили с послами, на постоянных дворах каждый посол, как и я, спали в отдельных комнатах. Вот и Лиепая, порт. У берега был лед, но само море еще не замерзло, а может, оно в этих местах льдом и не покрывается, я не знал, в конце концов, не моряк. Подъехали всем обозом к судну, начали грузиться. Что-то в облике посуды мне показалось знакомым - ба, да это же наш преследователь, что пытался нас догнать и утопить у островка, когда мы с купцом Григорием утекли из шведского плена. Сердце екнуло, не дай бог, узнают, кто им на хвост соли насыпал. А вообще-то скорее всего знают, документы путевые у шведов остались, другой вопрос - капитан был Григорий, судно его, при чем здесь лекарь? Я успокоился, вещи мои были перенесены в каюту, как только погрузились послы, корабль отчалил. Быстро темнело, но штурман хорошо знал дело, и мы шли под всеми парусами. Свинцовые волны били в обшивку с левого борта, брызги летели над палубой, осаждаясь и замерзая на вантах, поручнях, мачтах. Вечером за мной пришел посыльный, пригласил на ужин. Меня проводили в капитанскую каюту на корме, за столом уже сидел капитан - в шведской военной форме черного цвета, с бородой, лет сорока, лицо

властное, умное. Я вошел, кивнул головой, пожелал всем доброго здоровья. Все с любопытством уставились на меня. Обстановку разрядил посол, указал стул напротив капитана. Обслуживающие нас вестовые принесли еду – жареное мясо, вареную рыбу, соленые огурцы, квашеную капусту, вино. В тишине покушали, послы откланялись и ушли. Я тоже не собирался задерживаться и только встал, чтобы уйти, как капитан попросил задержаться. Ну вот, подумал я, началось. И точно – капитан спросил:

- Не ты ли Юрий Кожин, лекарь?

Я кивнул.

- Вы попадали в плен на купеческой ладье и удачно сбежали?

Я кивнул, к чему слова – он и так много знает.

- Вы достойный противник, Кожин, не только лекарь. Я собирал все сведения – сначала о купце, когда выяснилось, что всем в побеге руководили вы, то и о вас. От меня никто не уходил, судно быстроходное, команда обучена, вооружение мощное. Как тебе это удалось? Все офицеры корабля с интересом выслушают твой рассказ, зла мы не держим – ты оказался хитрее, знать, не всегда был лекарем, есть и воинская сноровка, в бою не всегда побеждает сильнейший – ты тому пример.

Ну что же, хотят знать – можно и рассказать. Дело прошлое, с корабля меня вряд ли выкинут. Я начал с начала – о том, как мы с ладьи взяли бочки с порохом, вплавь привязали их у пера руля на шведском фрегате и взорвали. Офицеры, которые внимательно слушали, тут же задали вопрос: а как в воде удалось поджечь фитиль? Я достал из-за пояса пистолет.

- Мы брали с собой разряженные пистолеты, поджигали фитиль искрами от замка.

Офицеры шумно заговорили друг с другом на шведском. Далее в разговор вступил капитан – а как удалось отмерить длину фитиля?

- Я сделал фитили из бумаги, набил их плотно порохом, один фитиль зажег и засек время.

Далее мы долго разговаривали, офицеров в основном интересовали технические подробности, в ходе самого боя они участвовали, пересказывать эту сторону не пришлось. Их интересовало, почему мое оружие так далеко и точно стреляет, по моему разрешению вестовой принес из моей каюты штуцер. Когда я расчехлил его, офицеры внимательно стали его рассматривать, отмечая новинки – прицел, нарезной ствол.

- И как далека и точна стрельба из него?

- Можно попасть в голову на тысячу шагов.

- О! Гут, зер гут!

Офицеры попросили подержать оружие, долго его рассматривали, наконец капитан усадил офицеров, я зачехлил штуцер.

- А как удалось так ловко нас подловить?

Я рассказал, что во время боя надо думать, мысленно ставя себя в положение противника, стараясь предугадать его шаги и действия с тем, чтобы опередить их. Капитан достал из

шкафчика бутылку, разлил по кубкам, провозгласил тост за достойного уважения противника, у которого он лично многому научился. Офицеры встали, каждый старался чокнуться лично, выпили, я тоже не отказался.

- Кожин, - обратился ко мне капитан, - я с удовольствием зачислю вас офицером на свой корабль, не хотите ли подумать?

Я отказался, сославшись на то, что я лекарь, а не воин и мне больше нравится лечить, а не убивать.

- Судя по тому, что тебя сопровождают послы и ты будешь лечить нашего короля, это неплохо получается. Я, как капитан и офицер моего корабля, с удовольствием сделаю все, чтобы вояж доставил удовольствие.

Мы раскланялись, и я отправился в свою каюту, время уже было позднее. Выпитое вино приятно согрело тело, и я быстро уснул. Поутру оставили по левому борту остров Готланд, в это время мы с офицерами пили вино. Послы, позавтракав, быстро покинули капитанскую каюту. Насколько я понял, военные моряки и послы не очень любили друг друга. Ближе к полудню в каюту постучал капитан, пригласил на верхнюю палубу, попросив потеплее одеться. Я вышел и подошел к капитану, он стоял по правому борту с подозрной трубой в руке.

- Узнаете? - Он протянул руку.

Вдали, справа от нас, проплывал небольшой остров, сначала я даже не понял, почему я его должен узнать, но, взглядевшись в протянутую мне подозрную трубу, узнал остров, где мы воевали со шведом. Да, вот и мыс, проливчик. Выглядел он зимой немного не так, поэтому мне не удалось его узнать с первого взгляда. В душу нахлынули воспоминания - о побеге, купце Григории, славных ребятах Федоре Карасеве и Онуфрии Оглобле. Правда, капитан скучать не дал, мы прошли в его каюту, где выпили на брудершафт, потом каждый сказал по тосту, в общем, все переросло в хорошую выпивку, но на ногах все стояли твердо, на службе все-таки. В полдень следующего дня подходили к Стокгольму, медленно тянулись по шхерам, пока впереди не вырос город. Я попрощался с капитаном и офицерами, расстались мы добрыми знакомыми, а ведь не так давно обменивались ядрами и могли убить друг друга. Мы опустили на берег, моряки снесли наши вещи. На причале уже ждали кареты. Мы проехали по городу и выехали из него. В пригороде располагался старинный замок с башенками и узкими окнами-бойницами. Меня отвели в комнату, где я оставил сумки с инструментами и вещами, и один из послов повел меня по замку. Я вертел головой - было интересно, замок производил более суровое впечатление, чем у французского или английского королей. Толстые дубовые двери, закопченные от факелов стены и потолок, почти во всех комнатах - развешанное по стенам оружие - и не сабельки, шпаги или рапиры, как у Людовика, а огромные секиры, мечи, копья. Ну ясно - наследники викингов. Мы вошли в огромный зал, на полу громадный ковер, на стеллажах - гобелены. В зале стоят длинный стол и лавки вдоль него. Все из мореного дуба, тяжеловесное, отполировано сотнями и тысячами рук и задниц в кожаных штанах, что за ними и на них сидели. Зал был пуст, мы прождали около получаса, когда открылась боковая дверь, и мы вошли в комнату - вероятно, кабинет короля. Две стены занимали стеллажи с книгами, по этим временам - редкость и богатство, на двух других висело оружие, как простое, побывавшее в битвах, судя по зазубренным лезвиям, так и богато украшенное, изящное - наверное, дары или трофеи. Почти в центре комнаты, в кресле за столом сидел король, довольно просто одетый. Суконный камзол без особых украшений, кожаные сапоги, на голове - шапочка. Высок, как все шведы, русоволос, с серыми глазами и взглядом исподлобья. Мы склонились в поклоне, когда я выпрямился, король внимательно меня разглядывал. Посол что-то долго говорил по-шведски. Король его прервал.

- Сможешь ли ты помочь мне?

Посол послушно переводил.

- Извините, ваше величество, сначала я должен вас осмотреть.

- Да что тут смотреть, - король снял с головы шапочку.

Еперный театр! На голове красовалась здоровенная опухоль размером со здоровенный мужской кулак - багрового цвета, изъеденная язвами, сукровицей и дурно пахнущая. Я спросил согласия, приблизился, начал осматривать и ощупывать. Рак кожи, без сомнения. Дал ли он уже метастазы - неясно, да и выяснить не представлялось возможным. Конечно, я прощупал все доступные лимфоузлы - заушные, надключичные - вроде бы нет, но кто поручится, что метастазов нет в легких или других органах. И как оперировать - опухоль убрать можно, но, учитывая, что придется вместе с опухолью убрать и соседние участки кожи - получится большой кожный дефект, чем его и как закрыть. А я не онколог и не пластический хирург. Я стоял и смотрел на опухоль, проигрывая в голове десятки вариантов. Мое молчание расценили как сомнение. Посол стал говорить, что, по мнению самых известных врачей, которые осматривали Карла Густава, опухоль неизлечима, никто не взялся, но по письмам Людовика и Якова, сей лекарь творит чудеса и делает невозможное. Я прервал словоблудие посла, уселся напротив короля на стул и уставился на опухоль на голове, прикидывая и так и сяк. Постепенно начал вырисовываться один вариант, правда, надо было обмозговать его более тщательно и обговорить его с королем. Я посмотрел королю в глаза - во время моего осмотра он не проронил ни слова - и увидел в его глазах надежду - надежду на меня, надежду жить. Если я вначале колебался, то теперь решился.

- У меня, так же, как и у вас, государь, есть один только вариант, не самый быстрый, но хочу надеяться, что правильный. От вас потребуется согласие, терпение и вера в меня. Кое-что в лечении покажется странным, в течение двух недель после операции вас никто не должен видеть, кроме меня. Устраивают ли вас, государь, такие условия? Если да, я попробую сделать все, что могу.

Посол перевел мои слова и тут же обратился ко мне:

- Как смеешь ты ставить условия государю, как у тебя...

Король поднял руку, и посол заткнулся на полуслове. Король ответил коротко:

- Я согласен на все, что ты сказал, только поясни - почему меня никто не должен видеть?

- Я все продумаю до конца, до мелочей, потом объясню, сейчас я не готов.

- Хорошо, к тебе будет приставлен слуга. В твоём распоряжении - любая еда и одежда, захочешь женщину - только скажи, но думай быстрее, я устал болеть и ждать.

Я поклонился и, сопровождаемый послом, вышел. В комнате я улегся на кровать, мне всегда лучше думалось лежа, в тишине. В институте нам показывали в травматологии, как закрывают дефекты кожи лоскутом на ножке. Это когда к дефекту подводят - ну, скажем, руку, от нее не до конца вырезают кусок кожи, желательнее с сосудистыми и нервным пучком и подсаживают на дефект. Когда новый лоскут приживется, питающую его кожу отсекают. Проблема в том, что королю придется дней десять после операции ходить, есть, спать с прибинтованной к голове в поднятом и неподвижном состоянии рукой. Еще и не вопрос - как приживется на новом, не очень здоровом месте кожный лоскут. Я никогда не занимался подобными

операциями, не знаю всех тонкостей, так – общее представление, специалисты же в мое время учились этим тонкостям годами. Как я иногда жалел, что не подался в пластические хирурги – подтягивать лицо, делать упругие грудки и попки, никаких срочных операций по размозжению почки после аварий или раздробленного таза с разрывом мочевого пузыря. Опять же – уважение и почет, да и денежки немалые. Ладно, размечтался – будут и кофе, и какао с чаем в постель. Ежели обойдется все. Я видел близко четырех монархов, правивших большими государствами, повелевавших судьбами миллионов подданных, но впервые увидел человеческие глаза, в которых боль и надежда. Это меня задело. Я позвонил в колокольчик, слуга возник сразу, как будто стоял за дверью.

- Чего изволит господин? – на чистом русском.

- Перо и бумагу, бумаги много.

Слуга поклонился и исчез. Через несколько минут появился с пером, чернильницей и стопкой отличной, явно китайской работы бумаги. Я начал прорисовывать ход операции, отводил свою руку вверх и на себе в зеркало смотрел, откуда лучше взять кожный лоскут и какие сосуды надо сохранить. Голову придется наклонять, лоскут взять с левой руки – вдруг правой надо будет что-то подписать или еще какая надобность возникнет. С каждым исчерканным листом бумаги уверенность моя крепла – может, должно получиться. Выглядит, конечно, со стороны диковато, как-то еще король к этому отнесется, если бы я в животе у него ковырялся – другое дело, здесь же ему придется ходить с поднятой и прибинтованной к голове рукой, объяснять придется, не дай бог, сочтут колдуном или еще кем. Вроде шведы протестанты, но от разгула инквизиции времени прошло немного. После почти суток размышлений я решился на разговор с королем. Позвав слугу, я велел отвести меня к королю. Слуга довел меня до покоев, где меня остановил какой-то вельможа. Я объяснил, что хочу говорить с королем, от удивления глаза у вельможи выпучились, что у вареного рака.

- Тебе назначена аудиенция?

- Нет, но я прошу доложить обо мне.

Тот нехотя направился за дверь и почти тут же выскочил назад, угодливо улыбаясь, пригласил в комнату. Король сидел на кресле, почти в той же одежде, только шапочка была другая. Я медленно объяснил, что хочу сделать, почему надо брать лоскут живой кожи с руки, показал нарисованные рисунки. Карл внимательно слушал, задал несколько вопросов, затем хлопнул по столу ладонью:

- Я согласен, не слышал ранее о таком, но ты первый, кто предложил реальную помощь. Отдаю тело свое тебе, и да поможет нам Бог. Когда?

Я сказал, что мне надо подготовиться, приготовить комнату, думаю, через день.

- Даю тебе вельможу, он честен, проверен, моим именем может брать любую комнату, изменить ее по твоему вкусу, он поможет.

Король позвонил в колокольчик, что-то сказал слуге, и мы, откланявшись, вышли. Через несколько минут ко мне зашел придворный, вероятно, бывший вояка – выправка, твердый взгляд, на лице – старый шрам. Мы с ним пошли по комнатам дворца, выбирая нужную. Мне хотелось две или три смежных комнаты с двумя входами. В одной из них сделать операционную, одна будет палатой для короля. Нашли, по моему мнению, будущую операционную, очистили от мебели и ковров, оставили лишь длинный стол, был обеденный – станет операционный. Устраивало еще окно – выходило на восток, все светлее будет, да еще я

озадачил вельможу – надо хотя бы пару керосиновых ламп, освещение нужно было хорошее, список написал – хлебное вино, перевязочные материалы и много чего еще. Слуги во дворце бегали, как заведенные. День прошел в хлопотах. Вечером я лег спать пораньше, надо было отдохнуть и собраться с мыслями. На рисунке-то все получалось, а на деле может быть не все так гладко, человек не машина, один из сосудистых пучков может лежать в стороне, не там, где у всех, и по ходу во время операции придется менять весь план. Сон был беспокойный, я часто просыпался, проснулся не очень отдохнувшим. Позвал слугу, умылся, немного поел, прошел в операционную. Для меня и Карла эти стены на пару недель станут временной тюрьмой. Осмотрел, приготовил инструменты – бросил в медный таз, налил местного самогона, поджег. Лучше всего стерилизует огонь. В двери вошел Карл, бледноватый, но держится хорошо, тоже ночь прошла, наверное, не в сладких снах. Я дал ему настойку опия, уложил на стол. Был он по пояс обнажен, тело худощавое, жилистый, на таких обычно раны заживают хорошо. Через полчаса колот иглой – чувствительность еще сохранялась, дал выпить настойки еще и стал обрабатывать голову – сбрил волосы, обработал самогоном. Карл лежал спокойно, сильно заторможен. На всякий случай привязал его к столу простынями. Помолился, вздохнул и взялся за скальпель. Все, отступить уже поздно. Сделал первый разрез, обойдя вкруговую опухоль, она вместе с кожей легко отделилась от кости, по весу – граммов семьсот будет, бросил ее в тазик. Рана кровила, начал перевязывать сосуды. На голове довольно обильное кровоснабжение, и раны кровят сильно, но есть и положительная сторона – заживают быстро. Так, с головой на время покончено, на темени – огромная скальпированная рана, такой дефект не ликвидируешь, стянув края раны. Отвел руку в сторону, вытер обильно самогоном – дрянь на вкус, наверное, – и сделал почти круговой разрез, осторожно подсек кожу с подкожной клетчаткой, сохраняя артерию и вены, рану на руке ушил, поднял руку, подтянул ее к голове и сшил лоскут на руке с кожей головы. Теперь у меня получилась странная, в природе не встречавшаяся конструкция – рука пришта к голове. Вот почему я просил, чтобы короля никто не видел. Обработав швы самогоном, перевязал. Король чувствовал себя неплохо, вел себя спокойно. Я осторожно поднял его со стола и дотащил до кровати, он пытался помочь мне, перебирал ногами. Слава богу, уложил, и Карл отрубился. Мне кажется, он даже не сообразил, что одна операция уже позади. Теперь будем ждать, когда сосуды кожи головы и руки срастутся. Я убрал операционную – ведь нам здесь жить, выкинул узел с окровавленными простынями и опухолью за дверь, попросил принести покушать. Карл в отключке, ему сейчас сон – благо, но мне, как всегда после операции, хотелось есть. Глянул на часы – всего-то три часа прошло, а по ощущениям чуть не вечер. Слуги принесли поднос с едой и вином, я отобрал поднос на пороге, не впуская их в комнату, мне с Карлом не хватало инфекции. Сел за бывший операционный стол, который стал снова обеденным, и с аппетитом поел. Теперь и отдохнуть можно. С чувством выполненного долга я завалился на соседнюю кровать. Хорошо! Спать вот пока нельзя, надо поглядывать за пациентом – очнувшись, может начать двигать левой рукой, а ему этого никак нельзя. Шовчик свежий, тонкие шелковые нитки могут прорезать кожу, и шов разойдется. Я лежал и поглядывал на короля. Теперь только ждать, мне и Карлу следовало запастись терпением. Оставшийся день и ночь прошли на удивление спокойно. Утром мы поели, Карл орудовал за столом правой рукой, отсутствием аппетита он не страдал, я осмотрел рану, перевязал, Карл пытался со мной поговорить, но я не знал европейских языков, и он раздосадованно замолчал. Потом он тихонько начал петь шведские песни, когда он замолчал – стал петь я русские. Так, за пением, и день прошел. Наверное, его следует чем-то занять. Когда завтра придут слуги с едой, надо заказать им книги – пусть читает. Я так и поступил – Карл читал, а я скучал. Раны затягивались быстро, первичным натяжением. После пятого дня я стал тренировать сосуды с лоскута. Зажимом пережимал на несколько минут ножку с сосудами, идущими от руки. Испытывая кислородное голодание, в кожу головы из окружающих тканей будут быстро расти свои капилляры, за ними – артерии и вены. Быстро – это, конечно, относительно. За две недели я достаточно потренировал лоскут, несколько раз в день пережимая ножку. Осмотрев, решил, что завтра перережу ножку, отделив руку от головы. Так

и получилось – я уложил короля на стол, напоив опием, обработал кожу самогоном, пересек питающую ножку, ушил раны, перевязал руку и голову. Теперь король мог свободно двигать обеими руками. Прошла еще неделя, я снял повязки. Швы на голове и руке зажили. Правда, на голове получилась лысина, ведь на голову я пересадил кожу с руки, а лысину можно и париком прикрыть – почти все монархи и дворяне носят в Европе – мода, видишь ли, или шапочку надеть, да и так ходить можно – ну лысый мужик, что с того. Подвел Карла к зеркалу – он недоверчиво щупал голову, осматривая ее с разных сторон. Затем громко крикнул по-шведски, и в комнату влетел испуганный слуга. Все дни, что мы провели вместе, король в основном молчал, впрочем, как и я. Иногда мы пели. Слуга с удивлением уставился на голову короля, но Карл что-то ему сказал, и тот исчез. Через какое-то время привели вельможу, который раньше переводил. Тот тоже с удивлением уставился на лысину короля. Опухоли не было, но лысина была. Король спросил:

– Я здоров?

– Да, ваше величество! – Я поклонился.

Король подошел, крепко меня обнял и пожал руку.

– Завтра будет пир, меня давно не видел двор, надо показаться, пир в честь моего выздоровления, я приглашаю тебя, Кожин! Сколько месяцев я мучился, прятал под шапочкой эту гниль, доверялся каким-то проходимцам. Когда мне порекомендовали тебя – усомнился. Теперь знаю – если придется занедужить, – на тебя вся надежда. А не хочешь ли, Кожин, королевским лекарем стать – деньгами не обижу, дом дам, судно дам – семью перевезти, а хочешь – новую женщину найдем.

Я поклонился:

– Прости, король, Родина милее, там дом родной. Случится чего – присылай гонца, что в моих силах – сделаю, но не держи зла, не могу!

Король кивнул:

– Да, другого ответа я не ожидал, даже поврежденные корабли прощаю!

Король вышел. Ну что же, еще одно хорошее дело сделано, может, и прибавится союзник у России, хотя из истории я знал, что впереди битва под Полтавой и не все гладко будет меж нашими странами.

Глава 7

Нежелательное возвращение

После полудня ко мне пришел слуга, пригласил пройти с ним. В одной из комнат на длинных стеллажах лежали и висели камзолы, рубашки, стояла всевозможная обувь. Ага, меня решили приодеть перед балом. Вещей парадных, для пира или на выход, я не брал, чай, на работу ехал. После долгой возни одели по европейской моде – зеленый камзол, кружевная рубашка, башмаки. Я посмотрел в зеркало – выгляжу неплохо, не хуже местных дворян, хотя украшений на мне нет. Здесь каждый уважающий себя вельможа носил толстенные золотые цепи, массивные перстни. Это как у новых русских «Мерседес» или «БМВ» – символ достатка и

успеха в жизни. Не хватало в костюме лишь перевязи через плечо со шпагой, да на пирах являться с оружием запрещено – известно, пьяному со шпагой или мечом в руке любое слово может показаться обидным, а коли кровь прольется – кровная обида, смывается кровью родичей. Ближе к вечеру в большой зал начали собираться гости – подъезжали на колясках, выходили сверкающие драгоценностями дамы в шубах, их сопровождали кавалеры, одетые не менее ярко, я бы даже сказал – крикливо. Народу набилось в зал много, в отличие от французов здесь же, в зале, стояли длинные столы с кушаньями, вином. Стол был скромнее, попроще – то ли казна скуднее, то ли французы больше гурманы, то ли какие-то местные традиции. Полно было рыбы, разной и в разном виде – копченая, вяленая, соленая, жареная, вареная. Конечно, Швеция морская держава. Лосось и семга, форель и белуга – на любой вкус. Все были знакомы друг с другом, постоянно организовывались и распадались группы беседующих, раздавался женский смех. Я не знал языка, у меня не было знакомых, чувствовал себя чужим на этом празднике. Распахнулись двери, вошел король – если бы я его не знал близко, можно было ошибиться, на голове – корона чистого золота, старинной работы, с самоцветами, алый плащ и темно-синий камзол, башмаки с серебряными пряжками, выглядит прекрасно. По-моему, после операции он слегка поправился, а щеки уж точно порозовели, исчез землисто-серый цвет лица. Король громогласно поздоровался, приветствующие склонились в поклоне. Король сделал жест, приглашающий к столу, и все стали чинно рассаживаться, похоже, каждый знал свое место. Я замешкался, ко мне подошел слуга и повел к столу в торце, через весь стол напротив уселся на кресле король. Поднялись вельможи, долго говорили здравицы за государя, стоя выпили, я присоединился. Все набросились на закуски, я не отставал. Далее тосты следовали один за одним, я только пригубливал кубок, а то можно быстро набраться и пропустить что-нибудь интересное. Далее начались танцы, музыка была еще та – оркестр играл что-то заунывное, затем повеселее, но мелодия не ухватывалась. Нет, не по мне шведская музыка. Не «Абба». Я поклонился по замку, разглядывая портреты. Родственники короля или короли предыдущие, читать, как и говорить по-шведски, я не умел. Задержался у развешанного по стенам оружия. Одна из секир была настолько велика, что я просто представить себе не мог, как ею можно махать в бою, на парадную не похожа – лезвие зазубрено, ручка отполирована, причем руками в местах естественного хвата. Сзади неслышно подошел слуга:

– Это секира Гуннара, он жил три поколения назад, никто в бою не мог его победить, его драккар избородил все моря.

– Хм, неплохо, были воины раньше.

Поскольку я был сыт и слегка пьян, решил на пиру не задерживаться, пошел в свою комнату отдыхать. Не любитель я шумных долгих застолий и танцев, тем более не в кругу близких друзей.

Выспался хорошо, хотя временами доносились громкая музыка и шум танцующих. После завтрака и утреннего туалета вошел слуга, пригласил к королю. Нехорошо заставлять ждать его величество – или высочество, я всегда путался в этих титулах. Меня завели в уже знакомую комнату. Король сидел в кресле, рядом несколько придворных вельмож. Слуга стоял за мной и переводил. Король сначала поблагодарил за избавление от опухоли, пожелал мне самому долгих лет и здоровья, затем спросил – сколько мне заплатить за мое искусство. Я пожал плечами – мы заранее не уговаривались, сколько король сочтет нужным заплатить, столько и будет. Король позвонил в колокольчик, вошли два здоровенных бугая в кожаной одежде, внесли красивейшую здоровенную чашу – не меньше ведра вместимости, чаша из серебра, на ней вырезаны охотничьи сюжеты из червонного золота и глаза у зверей из самоцветов. Причем чаша была не пустой, до верха – серебряные монеты. Нехило, одному мне, может, и не поднять. Я поклонился Карлу, сказал прочувствованную речь, пожелал здоровья и удачи на долгие

годы. Король внимательно выслушал, кивнул. На прощание сказал:

- Эти два воина, что держат чашу, очень умелые в воинском деле, они будут сопровождать тебя до Москвы, охранять тебя и мой подарок, корабль уже ждет в порту.

А с другой стороны - таких операций, как сделал я, никто не делал и еще лет триста делать не будет. Жалко, что никто из коллег не видел, - хотя бы тот же Амбруаз, был бы фурор в медицинском мире. Сам же без позволения короля я рассказывать никому не могу, и не только из-за врачебной тайны, это уже тайна государственная, за такие сведения можно и башки лишиться, а мне она пока дорога.

Карета быстро доставила нас в порт, я нес свои вещи, шведы - сундук с подарком. На причале я попробовал приподнять один край и ахнул - да тут килограммов сорок, ну, отбросить вес сундука - все равно солидно. Бугаи лишь усмехнулись на мою попытку. Погрузились на судно, послов на этот раз со мной не было, их каюту заняли бугаи с деньгами и чашей. Выходили они в пути только по одному, один не покидал каюты, вышколены, однако, хорошо, ни с кем из экипажа не общались, да и экипаж их, по-моему, побаивался, вероятно, были наслышаны. Я с удовольствием проводил время с капитаном, пил вино, разговаривал на разные темы. Три дня в море пролетели, как один день, если бы еще и погода была хорошей. Пристали в Ревеле, я тепло попрощался с капитаном и офицерами. Мы сошли на берег. Пока бугаи с сундуком стояли на пирсе, я нашел кибитку - вроде крытых саней, возчик согласился доставить нас в Псков. До города добрались без приключений, вид у бугаев был такой, что окружающие с ними боялись даже заговаривать. В Пскове я начал искать сани или возок до Москвы. На корабле было невозможно, лед на реках. А вот, поди ж ты, город по местным меркам большой, но никто не соглашался, дороги занесены снегом, разбойники пошаливают. Удалось уговорить одного деда с санями-розвальнями, посулив два серебряных рубля - большие деньги. На моем коште также была кормежка лошади и деда. Выехали уже в полдень, утра ждать не стали, надоело жить на постоялом дворе. Дед приготовил медвежьи шкуры, мы укрылись, было тепло. Снег хрустел под копытами, повизгивал под полозьями. Верст пятнадцать дорога была наезженной, потом постепенно становилась уже, и мы выехали на лед. Лошадка неспешно бежала, отмеряя версту за верстой, начало смеркаться, придется часа через два съезжать с реки, искать постоянный двор. Из-за долгого сидения ноги затекали, и мы по очереди соскакивали с саней и бежали следом. Оба бугаи могли бежать долго, часами, ничуть не запыхавшись, только лица краснели. В один из дней, когда один бугай бежал сзади, приотстав метров на десять, впереди нас выросла маленькая ватажка - человек десять, с дубинами, несколько человек поигрывали сабелями. Лошадь сразу схватили за уздцы. Пограбить вышли на лед. Бегущий сзади среагировал быстрее того, что сидел на санях, в руках его появились ножи, и он стал кидать их с такой скоростью, что я не видел летящих лезвий. Нападавших не спасли даже старенькие тулупы, ножи пробивали их, как фанеру. Второй бугай вскочил слева по ходу движения, жестом приказав мне лежать. Дедок на передке сидел ни жив ни мертв, замерев от страха. Бугай вытащил из-за спины короткий меч и, прыгнув к разбойникам, тут же перерезал глотки двоим, которые держали сабли. Не успели те упасть, захлебываясь кровью, он выхватил из их рук их же оружие и бешено завращал. Сабли в обеих руках вертелись, как пропеллеры, сливаясь в два прозрачных диска, - вжик, вжик, и двое упали без голов. Причем все это происходило настолько стремительно, что никто из татей не успел ничего сообразить. Вот только что стояло десять ухмыляющихся рож, моргнули глазом - и только двое живых осталось, один кинулся бежать и упал с ножом в спине, второй застыл столбом, но ненадолго - бугай срубил ему голову. Оба деловито подошли к убитым, выдернули из тел свои ножи, вытерли кровь об одежду убитых и вернулись в сани. Даже не запыхались. Если бы сам не видел - не поверил, секунды, и десять разбойников мертвы. Понятно, что они воины, но такую скорость смертоубийства я видел впервые. Дед от страха икал и сидел соляным столбом. Бугай

легко тронул деда за плечо, показав – поехали. Дед дернул вожжи, мы снова тронулись в путь. Бугаи молчали, лица их не выражали никаких эмоций – страха, удовольствия от победы – ничего, просто сделали маленькую работенку. Я, собственно, тоже испугаться не успел, но не успел и штуцер вытащить, а пистолеты были за поясом под тулупом. Чтобы их вытащить, надо было встать с саней, развязать кушак, только тогда достать. Специально засунул, чтобы порох не отсырел да замки не замерзли. Времени вот только у меня в запасе не оказалось. И что интересно – с виду у бугаев и оружия видно не было, где они его прячут – в рукавах, что ли? Я понял, что король не хвастал, когда сказал, что воины умелые. Не хотел бы я быть их врагом. Больше происшествий не было, на постоялом дворе дед помалкивал об увиденном, но ехать ему явно стало спокойнее. Правда, к бугаям он близко не подходил, в глазах плескался страх, передо мной гнулся в три погибели, считая их моими слугами. Но вот вдаль показались дымы, начали попадаться попутные и встречные сани, дорога была усеяна конским навозом. Москва! В городе я показывал дорогу, вот и мой Петроверигский переулок, дом. Бугаи легко сняли с саней сундук, следом за мной внесли его в дом, поклонились и вышли. Я бросился за ними:

- Эти два воина, что держат чашу, очень умелые в воинском деле, они будут сопровождать тебя до Москвы, охранять тебя и мой подарок, корабль уже ждет в порту.

А с другой стороны – таких операций, как сделал я, никто не делал и еще лет триста делать не будет. Жалко, что никто из коллег не видел, – хотя бы тот же Амбруаз, был бы фурор в медицинском мире. Сам же без позволения короля я рассказывать никому не могу, и не только из-за врачебной тайны, это уже тайна государственная, за такие сведения можно и башки лишиться, а мне она пока дорога.

Карета быстро доставила нас в порт, я нес свои вещи, шведы – сундук с подарком. На причале я попробовал приподнять один край и ахнул – да тут килограммов сорок, ну, отбросить вес сундука – все равно солидно. Бугаи лишь усмехнулись на мою попытку. Погрузились на судно, послов на этот раз со мной не было, их каюту заняли бугаи с деньгами и чашей. Выходили они в пути только по одному, один не покидал каюты, вышколены, однако, хорошо, ни с кем из экипажа не общались, да и экипаж их, по-моему, побаивался, вероятно, были наслышаны. Я с удовольствием проводил время с капитаном, пил вино, разговаривал на разные темы. Три дня в море пролетели, как один день, если бы еще и погода была хорошей. Пристали в Ревеле, я тепло попрощался с капитаном и офицерами. Мы сошли на берег. Пока бугаи с сундуком стояли на пирсе, я нашел кибитку – вроде крытых саней, возчик согласился доставить нас в Псков. До города добрались без приключений, вид у бугаев был такой, что окружающие с ними боялись даже заговаривать. В Пскове я начал искать сани или возок до Москвы. На корабле было невозможно, лед на реках. А вот, поди ж ты, город по местным меркам большой, но никто не соглашался, дороги занесены снегом, разбойники пошаливают. Удалось уговорить одного деда с санями-розвальнями, посулив два серебряных рубля – большие деньги. На моем коште также была кормежка лошади и деда. Выехали уже в полдень, утра ждать не стали, надоело жить на постоялом дворе. Дед приготовил медвежьи шкуры, мы укрылись, было тепло. Снег хрустел под копытами, повизгивал под полозьями. Верст пятнадцать дорога была наезженной, потом постепенно становилась уже, и мы выехали на лед. Лошадка неспешно бежала, отмеряя версту за верстой, начало смеркаться, придется часа через два съезжать с реки, искать постоянный двор. Из-за долгого сидения ноги затекали, и мы по очереди соскакивали с саней и бежали следом. Оба бугая могли бежать долго, часами, ничуть не запыхавшись, только лица краснели. В один из дней, когда один бугай бежал сзади, приотстав метров на десять, впереди нас выросла маленькая ватажка – человек десять, с дубинами, несколько человек поигрывали сабельками. Лошадь сразу схватили за уздцы. Пограбить вышли на лед. Бегущий сзади среагировал быстрее того, что сидел на санях, в руках его появились ножи, и он стал кидать их с такой скоростью, что я не видел летящих лезвий. Нападавших не спасли даже старенькие

тулупы, ножи пробивали их, как фанеру. Второй бугай вскочил слева по ходу движения, жестом приказав мне лежать. Дедок на передке сидел ни жив ни мертв, замерев от страха. Бугай вытащил из-за спины короткий меч и, прыгнув к разбойникам, тут же перерезал глотки двоим, которые держали сабли. Не успели те упасть, захлебываясь кровью, он выхватил из их рук их же оружие и бешено завращал. Сабли в обеих руках вертелись, как пропеллеры, сливаясь в два прозрачных диска, – вжик, вжик, и двое упали без голов. Причем все это происходило настолько стремительно, что никто из татей не успел ничего сообразить. Вот только что стояло десять ухмыляющихся рож, моргнули глазом – и только двое живых осталось, один кинулся бежать и упал с ножом в спине, второй застыл столбом, но ненадолго – бугай срубил ему голову. Оба деловито подошли к убитым, выдернули из тел свои ножи, вытерли кровь об одежду убитых и вернулись в сани. Даже не запыхались. Если бы сам не видел – не поверил, секунды, и десять разбойников мертвы. Понятно, что они воины, но такую скорость смертоубийства я видел впервые. Дед от страха икал и сидел соляным столбом. Бугай легко тронул деда за плечо, показав – поехали. Дед дернул вожжи, мы снова тронулись в путь. Бугаи молчали, лица их не выражали никаких эмоций – страха, удовольствия от победы – ничего, просто сделали маленькую работенку. Я, собственно, тоже испугаться не успел, но не успел и штуцер вытащить, а пистолеты были за поясом под тулупом. Чтобы их вытащить, надо было встать с саней, развязать кушак, только тогда достать. Специально засунул, чтобы порох не отсырел да замки не замерзли. Времени вот только у меня в запасе не оказалось. И что интересно – с виду у бугаев и оружия видно не было, где они его прячут – в рукавах, что ли? Я понял, что король не хвастал, когда сказал, что воины умелые. Не хотел бы я быть их врагом. Больше происшествий не было, на постоялом дворе дед помалкивал об увиденном, но ехать ему явно стало спокойнее. Правда, к бугаям он близко не подходил, в глазах плескался страх, передо мной гнулся в три погибели, считая их моими слугами. Но вот вдаль показались дымы, начали попадаться попутные и встречные сани, дорога была усеяна конским навозом. Москва! В городе я показывал дорогу, вот и мой Петроверигский переулок, дом. Бугаи легко сняли с саней сундук, следом за мной внесли его в дом, поклонились и вышли. Я бросился за ними:

- Покушайте, отдохните хоть ночь, завтра назад.

Но бугаи отмахнулись, уселись в сани. Я заплатил деду обещанные деньги и еще столько же – за обратную дорогу. Бугаи довольно улыбнулись, кивнули на прощание, и сани тронулись. Интересные мужики, я стоял на дороге и вспоминал – а слышал ли я их голоса? Или они немые? Да нет, вроде между собой иногда переговаривались. Вернувшись в дом, застал растерянных домочадцев – хозяин и муж вернулся, тут же убежал и стоит на дороге. Я обнял Настю, Мишу – большой уж стал, пора к делу пристраивать, поздоровался с Сидором. Вдвоем, пытаясь, притащили сундук из коридора в ближайшую комнату – это оказалась трапезная. Челядь с интересом уставилась на сундук, но я их спровадил, не тот случай. Остались Настя, Миша и Сидор. Открыл сундук, и все ахнули. В чаше тускло светилось серебро, как рыба чешуя. Я запустил руку и устроил водопад из монет. Знаком показал Сидору, мы взяли за чашу и поставили на стол. Настя заохала, стала ходить вокруг стола, разглядывая чашу со всех сторон. Работа была изящной, по серебру вчеканено золото, причем с большим вкусом. Картины очень реально изображали сцены охоты, было их всего четыре. Охотники, как можно было догадаться, были викинги – бородатые, с прямыми мечами и рогатинами. Вокруг чаши, по ободку, тянулась непонятная надпись, похоже на древние руны. Чем больше мы рассматривали чашу, тем больше открывалось деталей. Только более-менее рассмотрев чашу, я понял, насколько велика ее цена. Думаю, что она стоила дороже серебра, что было в ней. Монеты ссыпали в кожаные мешочки и унесли в мой кабинет, поразмыслив, – чашу тоже. Накрыли стол, мы в том же составе уселись, не спеша кушали, мы с Сидором выпили водочки. Я рассказывал, как добирался, какой дворец у шведского короля, Настя интересовалась – чем и как кормили, Сидор – какое оружие видел, когда я рассказал о стычке с разбойниками, Сидор

лишь уважительно покрутил головой, познакомиться да поучиться бы у таких воинов. В общем, рассказы растянулись на весь вечер, единственное, о чем я умолчал, – о самом заболевании короля, но к этому в доме привыкли. Когда мы с Настей удалились в свою спальню, она спросила:

– Юра, а что мы будем делать с такой кучей денег? Не дай бог – проведает кто, беды не оберешься.

– Да кто проведает – шведы уехали, возникни и не знал, что в сундуке, Сидор, ты и я молчать будем, думаю, и Мишу особо предупреждать не надо, он парень умный.

– Боязно мне как-то, любимый. Придумай, дело какое заведи али еще что.

Я пообещал подумать. И в самом деле – я стал реально богат, не так, как, скажем, граф Строганов, но многих купцов обошел, а может, и дворян. Крепко надо подумать, с этой мыслью я и уснул. От души выпался, проснулся около полудня, уже истопили баньку, сходил с Сидором, хорошо попарился, позавтракали, а вернее, пообедали, и я удалился в кабинет. Стоял один вопрос – куда вложить этукую прорву денег, прииск изумрудный и так уже работает, прибыль приносит, водочное производство расширять не потребует капитальных вложений, заняться нефтью – буровое оборудование нужно, да и кому в эти времена нужен бензин или керосин? Сбыта не будет. Ешкин кот, в голову не приходило ничего путного. Стал перебирать в голове – а что ценилось современниками? Картины старых художников. Только где их взять в Москве сейчас? Пожалуй, в Голландии, Испании, Италии, Франции – например, фламандская живопись. Так, уже неплохо. Что еще? Иконы! Вот куда еще можно вложить деньги попробовать, тем более собирать иконы здесь и сейчас будет выглядеть богоугодным делом. Попробую. Наметив эти варианты, поехал к ювелиру Абраму, может, что и посоветует. Абрам встретил, как всегда, – широкой улыбкой, он потирал руки, шмыгал носом и всем своим видом выражал желание услужить. Проводил меня в ювелирную комнату, усадил в кресло, сам присел на стул, придвинулся к столу.

– Неужели еще одну партию камешков привезли, так вроде еще не весна?

– Нет, Абрам, посоветоваться приехал. Ты смышлен, у тебя много родичей и единоверцев по всему свету, подскажи, можно ли купить картины художников из Франции, Италии, Испании?

Абрам изумленно глядел на меня:

– А что, таки они имеют хорошую цену?

– Не думаю, просто хочу купить, все равно твои приказчики будут в Амстердаме, Париже, может, и еще где, пусть узнают.

Абрам долго думал:

– А фамилии у них есть?

– Записывай.

Абрам приготовил перо, чернильницу и бумагу, я стал диктовать.

Конечно, я не помнил, кто из них когда жил, я не искусствовед, просто перечислял фамилии, которые были на слуху, те, что помнил после посещения Эрмитажа, – Рафаэль, Ван Гог,

Леонардо да Винчи, Дюрер. Я назвал десятка полтора-два фамилий. Абрам усердно скрипел пером.

- И что, на этом можно сделать деньги?

- Абрам, а я похож на сумасшедшего?

Он посмотрел на меня:

- Пожалуй, нет.

Посидел, повздыхал, поглядел на меня:

- А может, и мне купить?

- Решай сам, картины в цене будут расти, это хорошее вложение капитала, но не быстрое.

Алчный блеск в глазах Абрама померк.

- Ладно, я попробую узнать, но раньше я не слышал, чтобы кто-то на Руси картинки покупал.

Мы раскланялись. Да, я утвердился в решении собирать картины, иконы, книги. Это вложения на века, и оценить смогут только потомки, даже не Миша или его дети. Смогут ли только сохранить? Третьяков родится значительно позже. После некоторых размышлений направился в ближайший храм. Поставил свечи, помолился у иконы святого Пантелеймона - покровителя врачей и болящих, щедро одарил священника серебром.

- Батюшка, хочу приобрести несколько хороших икон домой, как это можно сделать?

- Сын мой, сходи в иконописную мастерскую, закажи иконописцам.

- А может, есть небольшие иконы, которые для церкви маловаты, а для дома будут в самый раз, я сделаю для храма хорошее пожертвование.

- Подожди, сын мой.

Священник ушел в боковую дверь, долго не было его - около получаса, затем он вышел, неся в руках небольшую, размером с книгу, икону.

- Вот, Святой Георгий.

Я перекрестился, поцеловал икону и приложился к руке батюшки:

- Спасибо!

Достал кожаный кошель с серебром и отдал батюшке, он пробормотал слова молитвы и перекрестил меня. На прощание я спросил:

- А где хорошая иконописная мастерская?

- Езжай в Сергиев Посад, там хорошие мастера.

Ну что же, и на том спасибо.

Дома я разглядел икону - на доске, без оклада, но работа явно старая, краски хоть и яркие, но

уже в мелких трещинках. Я взял лупу, осмотрел – подписи иконописца нигде не было. Ладно, начало положено, повесил икону в своем кабинете.

Пасмурным зимним днем, когда начало смеркаться, в кабинет постучал Сидор, доложил, что у ворот толпятся татары – все конные, одеты богато, хотят меня видеть.

- Проводи главного в мой кабинет, сам из кабинета не уходи, будь при оружии – но чтобы его видно не было – нож, кистень. Неизвестно, зачем они приехали, татар-то мы с тобой обижали иногда, когда они нападали.

Сидор ушел, я сунул заряженный пистолет в стол – басурмане, с них станется. В коридоре послышались шаги, Сидор постучал и проводил в комнату невысокого молодого татарина. Был он в лисьей шапке, расшитом зимнем халате, поверх которого была накинута на плечи бобровая шуба, на ногах красные сафьяновые сапоги. Из-за края шубы выглядывала рукоять сабли, усыпанная самоцветами. Богатенький татарин, небось мурза. Я встал, предложил гостю сесть, Сидор принял шубу. Татарин начал разговор на неважном русском, но я сразу перешел на татарский, тот не показал вида, но по глазам я видел – удивлен. После расспросов – живы ли мои родственники, здоровы ли дети и жена – соблюдая восточный этикет, татарин перешел к главному. Сам он сын мурзы из ногайских татар, отец его – мурза большого кочевья, заболел, местные шаманы вылечить не могут, будучи в Казани по делам, услышал обо мне. Пришел просить – надо отца лечить, у них давно, уже во втором колене – замирение с русским царем, саблю ему на верность целовали. Если отец умрет, волнения могут быть, есть люди, что склоняют пойти под османов. Вся надежда на меня.

- А где отец?

- Здесь, в Москве, на татарском подворье.

- Везите его сюда, надо посмотреть больного.

Татарин сорвался с места, едва накинув шубу, сел на лошадь и пустил ее в галоп. Сопровождающие бросились следом. Через час-полтора к дому подкатили сани, где на коврах лежал больной. Татары на ковре перенесли его в дом, занесли в трапезную, уложили на широкую скамью. Все, кроме сына, вышли. Я порасспросил мурзу о жалобах, прощупал живот. Мурза был худ, через живот можно было прощупать даже позвоночник. Похоже, язва желудка, надо оперировать, но мурза слаб. Подлечить бы его, подкормить – получится ли? Как только мурза кушал, его рвало, причем даже с кровью, вероятно, язва была старой, уже было стенозирование привратника, говоря по-русски – рубцы стягивали выход из желудка. Операция сложная, тяжелая как для больного, так и для врача. Не хотелось мне браться за это дело, ох, не хотелось. Я сел и задумался. Молодой татарин, видя мои сомнения, стал обещать хороший бакшиш – золото, серебро, хороших коней, только лечи. Я объяснил татарину, что надо разрезать живот, это сложно и больно, отец его слаб, может не выдержать операции. Мои слова охладили его пыл, он тоже задумался. Старик в разговоре не участвовал, лишь стонал.

- Если отца не лечить, он умрет?

- Да!

- Значит, лечить надо, вдруг получится.

- Хорошо, привозите его завтра с утра – я назвал адрес госпиталя, где работали мои помощники.

Все-таки ребята значительно поднаторели в искусстве врачевания, помощь будет при операции, да и выхаживать после операции легче, не на одного нагрузка будет. Татары подхватили мурзу, так же на ковре унесли его и уложили в сани. Сидор повернулся ко мне:

- Не брался бы ты, Юрий. Я не знаю медицины, не лекарь, но вижу - тяжелый больной, не дай бог - умрет, не выдержит, видишь, он уже ходить не может. Татары тогда мстить будут - злопамятный народец.

Я и сам не горел желанием ввязываться в эту авантюру, да еще и Сидор подливал масла в огонь. Нет, уж решил, так решил. Мурзе, кроме меня, точно никто не поможет, да и данное слово я привык держать. С утречка отправился в госпиталь. Мои помощники были уже там, скоро привезли и мурзу. Татары перетащили его в комнату, один остался - то ли для охраны, то ли прислуживать, то ли за нами наблюдать. Я ему строго сказал:

- Сиди, помогать мурзе можешь - воды подать, горшок вынести, только нам не мешай.

Татарин уселся в углу на пол, на скрещенные ноги и замер. Мы обсудили с помощниками состояние мурзы, решили сначала его подкормить - бульоны, отвары трав, жидкие каши, протертые супы. Пусть хотя бы с неделю окрепнет, потом будем думать об операции. Здесь таких я еще не делал, надо инструмент приготовить, восстановить в памяти ход операции. Всю неделю мы выхаживали мурзу, он немного окреп, стал сам сидеть в постели. После осмотра я решил оперировать, ассистировать будет Петр, мой давний, еще из Рязани, помощник, он уже набрался опыта, сам делал небольшие операции.

С небольшой дозой опия старик впал в прострацию, мы начали операцию. Когда добрались до желудка, нашли застарелую язву, выходной отдел желудка был деформирован, стянут рубцами, на ощупь не пропускал даже мизинец - вот откуда рвота, похудение. Пришлось менять план операции - не язву ушивать, а делать резекцию двух третей желудка. Далее операция прошла гладко. Выходил старик из-под действия опия медленно, организм был очень слаб. Один из нас постоянно дежурил возле него, не считая сиделки и молчаливого татарина в углу. Сын мурзы посещал отца каждый день, но пока мы его в палату не пускали. На удивление, мурза стал поправляться быстро, через неделю вставал, через две уже ходил, прижимая руки к животу. Мурза стал набирать вес, лицо его стало разглаживаться, и я увидел, что он и не старик еще - лет сорок пять, просто болезнь довела. Через месяц мурза уже был бодр, весел, жалоб не предъявлял, запросился домой. Во всех прогулках его по двору сопровождал татарин, что сидел в углу палаты. Беспокойства мурза не доставлял, рана затянулась, швы давно сняли, пора прощаться. Когда сын его пришел ко мне, я сказал, что отца можно забирать, он выздоровел, но придется себя ограничивать, соблюдать диету - не есть жареного мяса, острых приправ. Через год показаться снова. Татарин встал, низко мне поклонился, поблагодарил, очень витиевато выразился, что он теперь мне как брат, и если меня кто-нибудь обидит - он всегда придет на помощь. В конце зашел разговор об оплате. Я назвал сумму и еще попросил найти мне иконы.

- Это деревянные картинки с распятым богом? - удивился татарин. - Наверное, вы человек набожный, хоп якши, я постараюсь.

Заплатив деньги, забрал отца, усадив его на лошадь и отбыл. Не было его долго, уже и весна прошла. В первых числах июня в доме моем снова появился сын мурзы, за ним татарин с мешком за плечами. Сидор проводил их ко мне в кабинет. Зайдя, молодой татарин поклонился, пожелал мне и моей семье долгих лет и прочее. Когда запас красноречия иссяк, он обернулся, слуга скинул с плеч мешок, развязал, стал доставать доски. Я ахнул - весь мешок был забит старинными иконами - даже византийской работы. Правда, обращались татары с иконами

довольно небрежно – свалили, как дрова, в кучу, даже не удосужились поберечь от царапин, хоть бы каждую тряпицей обернули. Наверное, грабили народ, церкви, а когда и монастыри – столь старые и ценные иконы явно оттуда. Среди татар все мусульмане, иконы им ни к чему, скорее всего на всякий случай собирали да с целью ободрать серебряный или золотой оклад. Я поблагодарил татарина, и мы расстались, слово он свое сдержал. Я достал лупу и стал разглядывать иконы. Были они в довольно плачевном состоянии – поцарапаны, краска кое-где стертая, видно, татары их не берегли, валялись где-нибудь в сарае, зачем им картинки чуждого им бога. Было видно, что с некоторых икон сняты оклады – доски здесь были другого цвета. Две иконы вызвали у меня интерес – краски хоть и потрескались от времени, но были яркие, манера письма своеобразная. Надо бы съездить к иконописцам, может, скажут, чья это работа, по почерку письма часто можно узнать автора. В один из дней, когда не было особых дел, я на возке, вместе с Сидором поехал в иконописную мастерскую при монастыре в Сергиевом Посаде, захватив с собой несколько икон, – реставрацию провести, узнать, кто мастер.

– Это деревянные картинки с распятым богом? – удивился татарин. – Наверное, вы человек набожный, хоп якши, я постараюсь.

Заплатив деньги, забрал отца, усадив его на лошадь и отбыл. Не было его долго, уже и весна прошла. В первых числах июня в доме моем снова появился сын мурзы, за ним татарин с мешком за плечами. Сидор проводил их ко мне в кабинет. Зайдя, молодой татарин поклонился, пожелал мне и моей семье долгих лет и прочее. Когда запас красноречия иссяк, он обернулся, слуга скинул с плеч мешок, развязал, стал доставать доски. Я ахнул – весь мешок был забит старинными иконами – даже византийской работы. Правда, обращались татары с иконами довольно небрежно – свалили, как дрова, в кучу, даже не удосужились поберечь от царапин, хоть бы каждую тряпицей обернули. Наверное, грабили народ, церкви, а когда и монастыри – столь старые и ценные иконы явно оттуда. Среди татар все мусульмане, иконы им ни к чему, скорее всего на всякий случай собирали да с целью ободрать серебряный или золотой оклад. Я поблагодарил татарина, и мы расстались, слово он свое сдержал. Я достал лупу и стал разглядывать иконы. Были они в довольно плачевном состоянии – поцарапаны, краска кое-где стертая, видно, татары их не берегли, валялись где-нибудь в сарае, зачем им картинки чуждого им бога. Было видно, что с некоторых икон сняты оклады – доски здесь были другого цвета. Две иконы вызвали у меня интерес – краски хоть и потрескались от времени, но были яркие, манера письма своеобразная. Надо бы съездить к иконописцам, может, скажут, чья это работа, по почерку письма часто можно узнать автора. В один из дней, когда не было особых дел, я на возке, вместе с Сидором поехал в иконописную мастерскую при монастыре в Сергиевом Посаде, захватив с собой несколько икон, – реставрацию провести, узнать, кто мастер.

В мастерской собралось несколько монахов в измазанных красками передниках, с интересом разглядывали иконы. Насчет нескольких, потертых и поцарапанных, я сразу договорился о реставрации и заплатил за работу. А вот две иконы, что вызвали у меня интерес, монахи долго крутили, переговаривались, затем старший сказал:

– Вот эта икона работы Дионисия. – Я мысленно ахнул. – А другая похожа на иконопись Андрея Рублева или его учеников.

Он начал перечислять признаки – краски, поворот головы и тому подобное. Состояние икон было хорошим, и я их забрал, бережно закутав в тряпицы каждую. Монахи уважительно со мной попрощались, перекрестились, старший напоследок сказал:

– Мало кто понимает толк в хороших иконах. Наверное, ты набожный человек, и Господь одарил тебя такими сокровищами.

Я перекрестился, поблагодарил монаха, сунул ему в руку несколько серебряных рублей.

- На краски для иконописцев, святой труд, богоугодный.

Приехав домой, повесил иконы в углу. На видном месте, такими иконами только в музеях любоваться. Хороший подарок сделал мурза, значительно дороже, чем деньги. В середине июня на возке приехал Абрам, сопровождаемый слугой. Как всегда, долго хлюпал отвислым носом, уселся в кресло, дал знак слуге. Тот вытащил из мешка и положил на стол несколько картин в рамках. Я подошел и стал разглядывать - да это же целое сокровище - Ян Ван Эйк, Рафаэль, Альбрехт Дюрер, Рубенс Питер Пауэл, Диего Веласкес. Всего пять картин, но какие. Любой музей в мое время зубами бы ухватился. Я с лупой стал осматривать подписи. Слава богу, писать подделки здесь еще не научились, художники подписывали свои произведения. Несмотря на легкий шок, я старался казаться безучастным, не выражать бурной радости.

Абрам забеспокоился:

- Что-то не так?

- Нет, нет, все так. И сколько стоит?

- Дорого, барин. Вот эта картина, - он указал на Дюрера, - десять талеров, Рафаэль - двадцать талеров, Веласкес - пять, Эйк - пять, Пауэл - пять, разумеется, золотых талеров.

Я молча смотрел на картины - сорок пять талеров, пусть даже и золотых, за бесценные сокровища?

Абрам воспринял мое молчание неправильно:

- Конечно, дороговато, но перевозка и поиски картин тоже стоят денег.

- Хорошо, хорошо, я беру, только у меня нет золотых талеров, могу дать золотые дукаты, цехины или луидоры.

Абрам заулыбался:

- Это не проблема, пересчитаем.

Мы быстро договорились, я отсчитал луидоры, и довольный сделкой Абрам уехал. На прощание мы договорились, что в следующую поездку его приказчиков он снова привезет картины.

- Тяжело было искать в первый раз, теперь мой приказчик - это мой племянник Мойша - уже знает, где и как найти, знает цены.

Для того, чтобы простимулировать Мойшу, я дал серебришка. Вдоволь полюбовавшись картинами, я повесил их на стене кабинета. То, что в мое время будет стоить десятки и сотни тысяч долларов, я купил за пригоршню золота. Я сидел и любовался картинами выдающихся мастеров. Правда, у меня было преимущество перед аборигенами - я знал, чье имя сохранится через века, а они нет.

Для сбережения состояния, которое теперь было значительным, я заказал кузнецам металлический ящик с двойными стенами, пространство между которыми засыпал песком. В подвале вдвоем с Сидором выкопали яму, ящик снаружи облили кипящей смолой для защиты от сырости и с трудом поместили в яму. Еле отдышались, работу делали вдвоем. Сидор своей

беспорочной службой в течение многих лет доказал свою преданность и умение хранить тайны. Вдвоем так же сносили в подвал мешочки с золотом, серебро осталось в кабинете для каждодневных расходов. Настеньке я показал место зарытого ящика с наказом – беречь, тратить только в лихую годину, объяснил, сколь велика ценность картин, что их нельзя протирать мокрой тряпкой. Настя поглядела на картины:

- Красивые парсуны.

М-да, чувствуется отсутствие музеев и культурного воспитания. С большим интересом она смотрела на иконы – это было ей ближе и понятней. В середине августа приехал за очередной партией водки приказчик от Алтуфия, передал просьбу демидовскую – готовить корабль и людей, вывозить камни с изумрудного прииска. Долго готовить не пришлось. Только прикупить запасы продовольствия – мешки с крупами, солью, приправами. Мясо местные охотники поставляли на прииск исправно. Отплытие я назначил на конец августа, как раз успею обернуться до ледостава. В хлопотах настал день вояжа. Как всегда, попрощался с домашними, Сидор был готов к путешествию, он сопровождал меня. Погода способствовала, были теплые летние деньки. Кораблик, подгоняемый течением и ветром, быстро скользил по реке. Усевшись на палубе, я наблюдал за берегами. Крестьяне готовились к уборке урожая, кое-где поля уже были убраны. Быстро сплавились до Нижнего, Алтуфий встретил, как родного, мы обнялись, уселись за стол. Разговорились про дела. Алтуфий слышал, что я ездил в Швецию, лечить короля, стал расспрашивать о местных порядках. К сожалению, ничем помочь я ему не мог – цен на местные товары не знал. Случайно он обмолвился – а куда я вложил деньги?

- Иконы старинные да картины иноземных художников покупаю, – сказал я.

- Парсуны? – изумился Алтуфий. – А зачем?

- Со временем ценность большую приобретут, хорошее вложение денег.

Демидов задумался:

- Пока картины вдвое в цене вырастут, я пять раз товар перепродам, деньги сам-десять верну.

В этот вечер к вопросу о картинах не возвращались, говорили о делах прииска – что еще сделать надо, да и медный прииск пора разворачивать. Купец готовил свой корабль, подыскивал людей, по весне всерьез собирался заняться промышленным производством. Предложил на паях вложить деньги, прибыль – пополам. Я обещал подумать. На следующий день, когда уже прощались, купец неожиданно спросил, а каких художников я покупаю, знаю ли их имена? Я назвал из числа мне известных. Сложив губы трубочкой, Алтуфий старательно записал на бумаге. Видно, все-таки зацепилась у него где-то мысль о картинах. Отплыли часов в девять, дул хороший ветер, и кораблик час за часом быстро спускался вниз по Волге. На ночевку остановились у пологого правого берега, развели костер, сварили ушицы, знатно поужинали и улеглись спать кто где. Часть на корабле, часть команды на берегу некоторое время травили байки, спели несколько песен и наконец утомнились. Я лег на палубе кораблика, долго слушал песни команды, смотрел в ночное звездное небо. Вон Большая Медведица, Полярная звезда, еще угадал несколько известных созвездий. Потихоньку сморил сон. В середине ночи проснулся от шума драки, лязга железа. Пистолеты были за поясом, как всегда, в походах, я вскочил. В свете догорающего костра увидел чужих людей, дерущихся с матросами команды. Я вскричал:

- Тревога, нападение! Сидор, за мной!

И бросился по сходням на берег. Недалеко от берега наткнулся на чужого мужика,

пытавшегося пырнуть ножом рулевого. С ходу всадил ему пулю в брюхо и рванул вперед. За мной уже бежал Сидор с саблей в руке. Вот двое чужаков с дубинами теснят одного из канониров, кажется, Артемия. Я выстрелил из второго пистолета в грудь разбойника, а Сидор ловко полоснул другого разбойника саблей поперек живота. В это время сзади раздалось какое-то кхеканье, и от сильного удара по голове я лишился чувств. Пришел в себя с сильной головной болью, чуть приоткрыл глаза и тут же зажмурил от рези. Солнце уже стояло высоко. В висках сильно стучало, тошнило. Все симптомы сотрясения мозга, правда, я хорошо помнил события текущей ночи. Интересно, чем окончилась схватка, где Сидор, что с кораблем? Я медленно разлепил веки. Надо мной был ровный, белый потолок.

- Тревога, нападение! Сидор, за мной!

И бросился по сходням на берег. Недалеко от берега наткнулся на чужого мужика, пытавшегося пырнуть ножом рулевого. С ходу всадил ему пулю в брюхо и рванул вперед. За мной уже бежал Сидор с саблей в руке. Вот двое чужаков с дубинами теснят одного из канониров, кажется, Артемия. Я выстрелил из второго пистолета в грудь разбойника, а Сидор ловко полоснул другого разбойника саблей поперек живота. В это время сзади раздалось какое-то кхеканье, и от сильного удара по голове я лишился чувств. Пришел в себя с сильной головной болью, чуть приоткрыл глаза и тут же зажмурил от рези. Солнце уже стояло высоко. В висках сильно стучало, тошнило. Все симптомы сотрясения мозга, правда, я хорошо помнил события текущей ночи. Интересно, чем окончилась схватка, где Сидор, что с кораблем? Я медленно разлепил веки. Надо мной был ровный, белый потолок.

Я скосил глаза – тумбочка, на ней телевизор. Какой телевизор, на дворе семнадцатый век?! Сплю, что ли? Или от удара галлюцинации. Я медленно, борясь с тошнотой, сел. Окружающее было более чем реально – это моя квартира в будущем, нет, в настоящем. Тьфу, сейчас разберемся. На будильнике почти полдень, на улице слышны голоса людей, шум проезжающих машин. Та-а-а-к! Это что же, опять домой вернулся? Сколько лет меня не было? Я включил телевизор – шли новости. Диктор сказал:

- Завтра, семнадцатого марта две тысячи шестого года, тысячи горожан пойдут на выборы городского мэра.

Дальше я слушать не стал. Что же получается – там я пробыл почти пятнадцать лет, а здесь – третий день отпуска? Ничего себе, еперный театр. Я оглядел себя в зеркало – да нет, выгляжу хорошо, на свои тридцать с хвостиком, даже седых волос нет. А какие тридцать, мне сейчас должно быть изрядно больше сорока, и где моя борода? Крестик вот на цепи висит, я оглядел себя – трусов не было, стоял, в чем мать родила. Может, приснилось мне все это? Так уж больно все реально. Я потрогал голову – на затылке была изрядная шишка, кто-то же меня ударил на ночевке? Я быстро посмотрел на ногу – вот и шрам от татарской стрелы, когда летал при обороне Рязани. Голова просто раскалывалась, сердце резко бухало в груди. Не сошел ли я часом с ума? В мыслях еще там, на берегу у корабля, а сам здесь – в квартире. Я прошлепал на кухню, открыл холодильник, вытащил бутылку запотевшего пива, хорошо отхлебнул. Пиво настоящее, холодильник тоже. Да что же это делается? Кто мне все объяснит? Раздался звонок телефона. Я снял трубку – мой коллега и приятель, тоже врач Женька Тинаев.

- Как дела, старик?

- Нормально, – не рассказывать же ему о татарах, корабле, лечении шведского короля.

- Как отпуск протекает или еще не успел в полной мере насладиться? Что делаешь?

- Пиво пью.

- Самое дело для отпуска. Не хочешь на природу выехать, на шашлычок, дамы будут.

- Нет, не сегодня, голова болит.

- Ха-ха-ха, вчера пить надо меньше было.

Мы попрощались, я положил трубку. Вот расскажи я ему, что меня разбойник по голове дубиной ударил. Что же делать-то? Это со мной на самом деле было или бред?

Я решил прогуляться, зайти в магазин - в холодильнике пусто. Пока спускался по лестнице, встретил соседей, они вежливо поздоровались и прошли мимо. Неужели я не изменился? Вышел на улицу, и меня оглушил звук проезжающих машин, громкий смех проходящих мимо молоденьких девушек. Я стоял и таращился на улицу - узнавая и не узнавая. Дотащился до магазина, купил колбасы, батон ржаного хлеба и пива, побрел домой. Да что же это со мной? Воспоминания были так реальны, а Настенька стояла перед глазами, как живая. Дома я перекусил и стал думать. В конце концов отпуск только начался, поеду-ка я в Москву, найду Петроверигский переулок, конечно, многое там изменилось, но излучина реки, может быть, какие-то каменные дома остались? Решено. Я полазил по карманам и запискам, взял паспорт, бросил в небольшую сумку белье и бритву и помчался на вокзал. Аэропорта в нашем городишке не было, пришлось ехать поездом. С трудом купил билет на проходящий поезд - лето, отпуска, сезон - и уже через час трясся на верхней полке. Чем ближе поезд подъезжал к столице, тем больше меня охватывало нетерпение. Я пытался себя урезонить - что ты там хочешь увидеть, встретить Настеньку? Так уже три века прошло. А может, меня гнало желание увидеть бывший дом? Убедиться, что все, что со мной произошло, было в реальности? Не успел поезд остановиться, как я спрыгнул на перрон Курского вокзала, нанял такси и назвал цель - Петроверигский переулок. Пока ехали, смотрел в окно и ничего не узнавал - новые и не очень дома, огни реклам, по тротуарам идут модно одетые люди, по дорогам - половина иномарок. Да полно, Юра, что ты хочешь найти? Таксист миновал поворот - и вот он, Петроверигский переулок. Я попросил остановить машину, расплатился, пошел пешком. Сердце сильно билось, сумка казалась тяжелой. Переулок изгибался, я зашел за поворот - вот он, мой старый дом. Я сразу его узнал - башенки снесли, заменили забор, но дом был тот. Подошел поближе - стекла выбиты, кое-где и рам нет, двери забиты крест-накрест досками. Наверное, дом на слом или капитальный ремонт, жильцов выселили - как же, центр Москвы, лакомый кусок земли. Я медленно подошел к зданию, видно, здесь уже никто давно не жил, везде мусор, вокруг дома все заросло травой. Откуда-то издали доносится шум большого города, а здесь тихо. Отодрал доски, вошел внутрь. Дом уже несколько раз внутри перестраивали, учинив коммунальную квартиру. Длинный коридор, небольшие комнаты, в конце коридора - туалет и умывальник. Я бесцельно бродил по комнатам, вот здесь была наша спальня, там мой кабинет. И ничего, ни одной даже самой маленькой вещи из того времени. А что ты ожидал? Музей здесь будет имени Юрия Кожина? Значит, все-таки я здесь жил, я узнал дом, конечно, он обветшал, состарился, но это был мой дом, я его покупал, я узнавал даже трещины на некоторых камнях кладки. Было, было это со мной. Воспоминания нахлынули с новой силой, без чувств я опустился на пустой винный ящик и просидел долгое время в прострации. Наконец очнулся от воспоминаний и пошел к выходу. Меня остановила неожиданная мысль - я зарывал ящик с золотыми монетами. Воспользовалась ли им Настя? Или, может быть, нашли новые жильцы? Я спустился в подвал, было здесь темно и душно, пахло мышами и кошачьей мочой. Нашел в углу металлический прут и стал тыкать им в землю. Земля была слежавшейся, плотной, но я не оставлял попыток. Где-то здесь был этот чертов металлический ящик, мы с Сидором не зарывали его глубоко - где-то с полметра. Вдруг железяка во что-то уперлась, я ткнул рядом - опять не идет, мне показалось, что металл звякнул о металл. Я вышел из подвала и отправился

искать хозяйственный магазин, но вскоре наткнулся на охотничий магазин. Тоже сойдет. Купил лопату типа саперной, мощный фонарь на светодиодах, раскладной нож и рюкзак. Уложил свои покупки в рюкзак и вернулся. Зажег фонарь и стал копать. Лопатка была маленькой и убогой – такой только окапывать палатку или костер, но вот штык лопаты ударился во что-то железное. Я расширил раскоп, да, это мой металлический ящик, изрядно подгнивший от сырости и времени, следов смолы уже видно не было, разложилась за три века. Трясущимися руками я откинул крышку. Все лежало, как я и укладывал – только кожаные мешочки заплесневели и расплзались под руками. Но золото не изменилось – так же тускло блестели в свете фонаря луидоры, цехины, квадрупли. Я сел на кучу земли и заплакал. Мне не осталось ничего – Настя, Миши, Сидора, только эта куча золота. Почему Настя его не забрала, как она жила без меня, что случилось и как мой клад на черный день остался цел? Теперь я вряд ли узнаю ответ. Посидел, успокоился. Руками я все не унесу. Я набил в карманы золото, закрыл ящик и засыпал землей. Чтобы свежий раскоп не выделялся, присыпал его мусором. Если нанять такси, будут вопросы, друзей в Москве у меня нет. А клад забрать надо, в конце концов, это мои деньги, я их заработал, иногда рискуя жизнью. Надо обдумать в покое. Я пошел пешком, поглядывая на вывески – надо хотя бы постоянный двор – тьфу, гостиницу найти, уже вечерет. А зачем мне в гостиницу? Подошел к старушкам, мило поговорил и за триста рублей устроился на ночлег в отдельной комнате. Есть не хотелось, я улегся на кровать, мне всегда нравилось размышлять в тишине и покое. После некоторых размышлений я нашел, как мне казалось, верное решение и уснул. С утра поехал в скупку драгоценных металлов при ювелирном магазине, оценщик покрутил головой, но принял несколько монет.

- Раритетные монеты, вам бы такие коллекционерам сдать, больше получите, мы ведь по весу золота берем.

Заговорщицки оглянувшись по сторонам, он назвал пяточок, где собираются любители старины, истории и коллекционеры. Идти было недалеко, и я направился туда, потолкавшись среди мужиков, я предложил монету благообразному мужчине. Тот осмотрел ее через лупу:

- Надо же, как хорошо сохранилась!

- Раритетные монеты, вам бы такие коллекционерам сдать, больше получите, мы ведь по весу золота берем.

Заговорщицки оглянувшись по сторонам, он назвал пяточок, где собираются любители старины, истории и коллекционеры. Идти было недалеко, и я направился туда, потолкавшись среди мужиков, я предложил монету благообразному мужчине. Тот осмотрел ее через лупу:

- Надо же, как хорошо сохранилась!

Молча отсчитал деньги.

- Еще есть?

- Есть, сто шестьдесят семь штук.

От удивления у него чуть не отвалилась челюсть.

- Что, клад нашел?

Я ухмыльнулся в ответ.

- Хорошо, поехали ко мне, здесь у меня нет таких денег.

Мы проехали на метро к нему домой, он тщательно осмотрел каждую монету, боясь подделки. Я сидел спокойно, какие подделки были в мое время? Мужичок ушел в другую комнату, долго шелестел бумагами, вышел со здоровенной пачкой денег в руке - пересчитывайте. Я пересчитал и попросил пакет, не нести же деньги в руках.

- У меня еще есть, можно зайти через месяц-другой?

У коллекционера радостно заблестели глаза:

- Да, можно, только вы сами понимаете, надо нашу сделку сохранить в тайне, не дай бог, узнает милиция или еще хуже - криминал, беды не оберешься.

- Да, конечно, я понимаю.

Я подхватил целлофановый пакет с деньгами и отправился на авторынок. Походил по рядам машин, подобрал неброскую «шестерку»-пятилетку. Кузов кое-где поцарапан, есть мелкие вмятинки, но двигатель хороший, не дымит, работает тихо и устойчиво. Съездили с продавцом к нотариусу, оформили доверенность, я отдал деньги и стал автовладельцем. Я специально оформлял по доверенности, чтобы на машине были московские номера - в глаза не бросается. В туристическом магазине купил четыре хороших, прочных дорожных сумки. Заехал в кафе, плотно позавтракал, заодно и пообедал, еще неизвестно, придется ли ужинать. Немного отдохнул в машине, заехал в автосервис и поставил на коробку передач хороший механический блокиратор. На тольяттинской классике уехать можно было и без ключей, машина для честных людей. Пока занимался делами, настал вечер, то, что мне надо. Я подъехал в Петроверигский переулок, поставил машину чуть поодаль от моего бывшего дома, прихватил рюкзак с лопатой и фонарем, дорожные сумки уложил одну в одну и пошел в дом. Мусор раскидал быстро, рыхлая после вчерашних раскопок земля тоже поддавалась легко, добрался до ящика. Пересыпая в дорожные сумки золото, нашел еще маленький сверток из холста, а в нем несколько обработанных изумрудов - еще Абрам делал. Что-то я про них и забыл. Поочередно перенес сумки в багажник, машина заметно просела - килограммов восемьдесят было точно, да не бумажек, а благородного металла. На сегодня все. Ящик пуст, дело сделано. Я устал от нервного напряжения, московской сумятицы, выехал за Кольцевую автодорогу, загнал машину в кусты, откинул сиденье и улегся спать. Разбудило меня солнышко, что пробивалось через лобовое стекло и светило прямо в глаза.

Что ж, пора вставать. Я вылез из машины, умылся из бутылки с минеральной водой, причесался, как мог, разгладил руками помятую за ночь одежду. Поехал в город, нашел на окраине небольшое кафе, сытно поел и стал искать адресное бюро. Раньше на каждом углу стояли справочные киоски, но после перестройки почти все куда-то исчезли. С трудом нашел один киоск. Попросил дать адреса Кожиных, в первую очередь - тех, кто проживал в Петроверигском переулке. Киоскерша подозрительно уставилась на меня - я протянул свой паспорт:

- Видите, я Кожин, приехал к родне, они жили в Петроверигском переулке, а жильцов выселили, наверное, дом под слом или капитальный ремонт.

Мое вранье ее успокоило, она стала звонить, высунулась в окошко.

- Гражданин, Кожиных в Москве семнадцать семей, вам что, все выбирать? Это дорого будет!

- Да, давайте все адреса, я заплачу.

Через несколько минут я стоял с листками бумаги, где были адреса. Я снова обратился к киоскерше:

- Как лучше проехать, чтобы мне по пути было?

Сунул в окошечко сто рублей, и мне подробно объяснили, в какой очередности, куда и как ехать. Да, учитывая, что москвичи ездят нагло, агрессивно и пробки не редкость, придется убить много времени. Один адрес оказался недалеко, я позвонил, с волнением ожидал, кто выйдет. Вышла бабуля лет семидесяти, объяснила, что никогда не жила в Петроверигском переулке, а вся ее родня живет в этом доме больше ста лет. Я вежливо откланялся. Во втором доме меня встретили неласково – зачем, что, почему и в конце хамовито попросили убраться. Еще два адреса ничего не дали. Я стал сомневаться – а чего я ищу – ни Миши, ни Насти не будет, триста лет прошло, их потомков найти – непростая задача. Может быть, у Миши были дочери, вышли замуж, сменили фамилии. А с другой стороны – что я теряю? И я продолжал попытки. Но на пятом адресе, когда открылась дверь и вышедшая девочка-подросток спросила, что мне надо, я увидел в лице что-то от Насти – похожий овал лица, такие же глаза, волосы. От волнения перехватило горло. Девочка заметила, что мне нехорошо:

- Давайте я водички дам.

Я кивнул. В это время из комнаты женский голос спросил:

- Аленушка, кто пришел?

Дверь из комнаты открылась, вышла пожилая женщина, но в открытую дверь я увидел на стене картину Дюрера, ту, что я покупал у Абрама за десять талеров. По щекам моим потекли слезы, ноги ослабли, и я медленно сполз по стене на пол. Нашел, я нашел!

Глава 8

Родственники с Петроверигского

Обе женщины склонились надо мной.

- Вам плохо? Аленушка, давай проводим гостя в комнату.

Мне помогли подняться и завели в квартиру, в комнату, где на стене висела картина. Девочка-подросток принесла стакан воды, я выпил и слегка успокоился.

Анна Никитична, так звали пожилую женщину, спросила:

- Вы искали Кожиных? Мы Кожины, а вы к кому?

- Скажите, а вы жили в доме на Петроверигском?

- Да, там жил мой папа, но потом стали расселять коммуналки, и нам дали квартиру здесь, на Ленинском проспекте. А в чем, собственно, дело?

- Долго объяснять. Если коротко – я ваш дальний родственник. Тот дом на Петроверигском весь, целиком весь, наш! Неужели не сохранилось никаких документов?

Анна Никитична покачала головой.

- Нет. Мне мой папа никогда не говорил об этом, правда, в те годы и говорить-то об этом было опасно.

- А жив ли ваш батюшка?

Анна Никитична перекрестилась.

- Бог прибрал вот уж десять лет как. А что вас интересует? Да и откуда вы? Сколько живу, папа мне не говорил о родственниках.

Я представился. - Кожин Юрий Григорьевич, - достал из пиджака паспорт и отдал хозяйке. Обе женщины с любопытством просмотрели его, заглянули в прописку.

- И что вы хотите от нас?

- Конечно, с вашей точки зрения, это будет выглядеть нелепо и смешно. Но мне хотелось бы выяснить, насколько это возможно, судьбу ваших предков. Помолчав, я добавил:

- И моих родственников.

- Давайте попьем чаю, - предложила Анна Никитична.

Меня проводили на кухню, стали собирать на стол.

- К сожалению, я мало что знаю о дедушке и бабушке. От отца в детстве слышала, что они были из дворян. Во время революции большевики их расстреляли. Да и рассказывал он это не мне, а моей маме. Я случайно подслушала. Больше, пожалуй, я ничего вам сообщить не могу. А почему вы интересуетесь?

Я помялся.

- Видите ли, Анна Никитична, рассказ мой долгий и поверить в него сложно. Попробую объяснить, но только прошу не принимать меня за сумасшедшего.

В сжатой форме я пересказал свои приключения. Но даже этот короткий рассказ занял около двух часов. Чайник опустел, за время рассказа я прихлебывал из чашки и доливал вновь. Женщины сидели ошарашенные, затем стали переглядываться. Похоже, они сейчас вызовут «неотложку» - психиатрическую бригаду или милицию, а то и тех и других сразу. Пора было убеждать фактами.

- У вас на стене висит картина Дюрера. Я ее покупал и знаю хорошо. На обратной стороне в верхнем левом углу должно быть пятно от краски белого цвета, по форме немного напоминающее овал.

Аленушка выпорхнула из кухни, вернулась с картиной, ее перевернули, и точно, в указанном месте пятно было. Я вытащил из кармана несколько золотых монет - они были разные - цехины, дублоны, реалы и выложил их на стол.

- Посмотрите, это такие же деньги, на которые я покупал картину.

Женщины повертели деньги в руках. Про клад я пока благоразумно молчал.

- А не передавал ли вам, Анна Никитична, отец или дедушка кулон с изумрудом или серьги с изумрудами, они из одного комплекта.

Анна Никитична кивнула внучке, и та принесла из комнаты шкатулку. Дрожащими от волнения руками она открыла ее, и я увидел кулон с изумрудом, подаренный мной Настеньке. Защемило сердце, в памяти сразу всплыли наши счастливые дни.

- Вот только кулон остался, мама говорила, что были и серьги, но в войну, чтобы не умереть от голода, она их обменяла на рынке на мешок муки.

Анна Никитична кивнула внучке, и та принесла из комнаты шкатулку. Дрожащими от волнения руками она открыла ее, и я увидел кулон с изумрудом, подаренный мной Настеньке. Защемило сердце, в памяти сразу всплыли наши счастливые дни.

- Вот только кулон остался, мама говорила, что были и серьги, но в войну, чтобы не умереть от голода, она их обменяла на рынке на мешок муки.

Спросив разрешения, я взял в руки кулон. Поглаживая изумруд, вспоминал, как по-детски радовалась Настя моему подарку.

- Это мой подарок любимой женщине, вероятно, вашей прапрапрабабушке. Женщины с изумлением, страхом и недоверием смотрели на меня. Я вытащил из кармана маленький мешочек с изумрудами, развязал, и на руку мне легли такие же изумруды, как и в кулоне. Один в один совпадали цвет, огранка. Конечно, поверить в такое было вне человеческого разума. За окнами стало совсем уже темно. Я извинился за продолжительный визит и попросил разрешения посетить их завтра. Когда я уже уходил, Анна Никитична попыталась вернуть мне те золотые монеты, которые лежали на столе. Я отказался.

- Пусть они будут вам моим подарком за возможность снова увидеть кулон и картину. Оставьте их себе на память.

Ночевал я снова в машине, бросать ее на всю ночь с полным багажником золота я не решился. Лежа на разложенном сиденье, я вспоминал кулон, Настеньку, картины, что висели у меня в доме на стене. Где теперь это все, что случилось с Настенькой и Мишей? Незаметно я уснул.

Утром все повторилось – умывание из бутылки, завтрак в кафе. Но теперь у меня был план. Заехав в магазин, купил большой шоколадный торт и коробку конфет, в магазине компьютерной техники шикарный ноутбук для Аленки и заявился в гости к своим новоприобретенным родственникам. Надо сказать, что меня так рано не ждали – москвичи вообще-то встают позднечко. Если у нас, на юге, в восемь утра уже вовсю кипит работа, то москвичи в это время только просыпаются. Анна Никитична хлопотала на кухне, а Аленка по случаю каникул еще спала. Моему приходу были рады, а когда разбуженная Аленка в пижаме вышла на кухню и увидела конфеты и торт, глаза ее радостно округлились. Решив удивить по полной программе, я подарил и ноутбук. Девочка от радости завизжала и бросилась с подарком в свою комнату. Когда первые проявления восторга улеглись, сели пить чай.

- А где же родители Алены?

Настроение у женщины сразу упало, я это почувствовал.

- Сирота она, родители погибли в автокатастрофе, со мной она живет.

Да, я еще вчера обратил внимание, что в квартире чистенько, везде порядок, но бедновато. В комнате старый, еще ламповый цветной «Рубин», мебель, выдавшая лучшие годы. Оно и понятно – что можно купить на одну пенсию?

Допив чай, встал, кивнул Аленке:

- Собирайся, сейчас у нас будет деловая поездка.

Алена посмотрела на бабушку, та помялась, но кивнула, и Аленка убежала переодеваться. Через пять минут мы уже ехали в машине. Слава богу, далеко ехать не пришлось, на Ленинском проспекте были все необходимые нам магазины. Для начала мы зашли в магазин одежды, и я одел и обул Аленку во все новое, затем приоделся сам, поскольку в своей одежде, да еще после ночевки в машине и раскопок в подвале выглядел не многим лучше бомжа. Зайдя в соседний магазин мебели, выбрал отменный кожаный диван цвета шоколада, оплатил доставку. А напоследок в телемагазине я купил плазменную панель «SHARP» с тридцатисемидюймовым экраном. У Аленки глаза сделались квадратными.

- Это все нам?

- Нет, это я себе в машину поставлю!

Довольные, мы вернулись домой. У подъезда уже стоял мебельный фургон, и грузчики выгружали диван. Когда его с матерком грузчики затащили в квартиру, Анна Никитична от удивления села на табурет на кухне и только хлопала глазами. Я приплатил грузчикам, и они утащили старый диван и старый телевизор. Вдвоем с Аленкой мы достали из упаковки и водрузили на тумбочку новый «SHARP». Аленка тут же уселась на новый диван и стала щелкать пультом:

- Бабушка, иди скорее, посмотри, как показывает!

Анна Никитична подошла, осторожно присела на диван, погладила его рукой, стала осматриваться. Диван и плазменный телевизор преобразили комнату. Диван пах хорошей, дорогой кожей. Панель телевизора переливалась сочными цветами радуги.

- Зачем вы это купили? Это же очень дорого, я не смогу отдать деньги.

- Это мой вам подарок. Пользуйтесь на здоровье!

Анна Никитична от избытка чувств всплакнула.

- Бабушка, а можно я Нинке позвоню, пусть на мой ноутбук полюбуется, в школе расскажет - все обзавидуются!

- Подожди, егоза. Время уже обеденное, гость у нас, покушать надо.

И верно, уже четыре часа дня. Покушать в самый раз. А, гулять так гулять!

- Аленка, собирайся, снова ходим в магазин.

Мы поехали в ближайший супермаркет. Накупили всякой вкуснятины, вроде черной и красной икры, балыка из семги, трех сортов сыра, хорошей копченой колбасы, маслин, ну а мне - пива.

Когда мы, пыхтя, затащили два здоровенных пакета домой, Анна Никитична долго охала и обнюхивала продукты.

- Это же сколько деньжищ все стоит? Небось не одну мою пенсию.

Я засмеялся

- У вас теперь появился богатый дядюшка, не на одну пенсию жить будете.

Анна Никитична недоверчиво качала головой, а Аленка захлопала в ладоши и принялась скакать по дивану.

Наконец, уселись за стол. Не спеша отведали деликатесов и, пока ели, беседовали с Анной Никитичной. Аленка бегала в свою комнату и каждый раз появлялась в новой одежде.

- Слава богу, хоть душа болеть не будет, в чем дите в школу отправить. Спасибо, Юрий Григорьевич, даже не знаю, чем смогу вас отблагодарить.

Я спохватился - обувь мы забыли купить, да и Анне Никитичне ничего из одежды не приобрели. Вытащил из кармана увесистую пачку рублей и положил на стол.

- Купите, что вам надо.

Анна Никитична стала отталкивать деньги, но вмешалась Аленка:

- Бабушка, у нас теперь дядюшка появился, чем я хуже других, мне тоже в обновках походить хочется.

Похоже, этот аргумент доконал Анну Никитичну, видимо, внучку она любила.

Вечером я стал собираться, но на ночь меня не отпустили. Я перетаскал сумки с золотом из багажника в квартиру и с легким сердцем улегся спать. Уложили меня на новом диване.

Спал долго и безмятежно - все-таки это не сиденье в машине. Утром после завтрака стал думать - куда деть золото, не ехать же мне с ним домой, до первого поста ГАИ. После некоторых раздумий решил абонировать ячейки в хранилище банка. Интересно, сколько ячеек мне надо снять, чтобы поместить все золото? Вариант, правда, не очень надежный, сколько банков банкротится? Решил не класть все яйца в одну корзину, а раскидать по сумке с золотом в разные банки. Возня с золотом заняла два дня, все четыре сумки лежали в подвалах разных банков, а у меня в кармане четыре ключа от ячеек. Правда, я сыпанул пригоршню монет в свою легкую сумку на расходы. Пока занимался золотом, возникла еще одна мысль

- Анна Никитична, а как вы отнесетесь к тому, что я еще поживу у вас с недельку?

- Да живите сколько хотите.

С утра я направился в институт Склифосовского, договорился с коллегами поприсутствовать на операциях, посмотреть технику и ход операций - в основном в травматологическом и хирургическом отделениях. Я хорошо помнил свой вояж в Средневековье, как мне тогда не хватало знаний по смежным специальностям. Чем был хорош Склиф, так это тем, что «Скорые» возят пациентов со всей Москвы и можно было увидеть сразу же разную патологию - ранения, травмы, острые заболевания живота. Пожалуй, единственное, чего здесь не было, так это пластической хирургии. Каждый день я ходил в Склиф, как на работу. Не скажу, что меня встречали приветливо, но «зеленые» рубли открывали любые двери. Меня интересовала только работа в операционных. Одну неделю я уделил пластической хирургии в частной клинике, мне не нужны были тонкости, я не собирался делать красивые носы и подтягивать подбородки, а также устраивать женщинам роскошные бюсты. Мне просто надо было понять принцип этой работы, ведь ранее я не сталкивался с ней никогда.

В один из дней я задумался - а зачем мне это надо? Неужели в глубине души я не терял

надежды возвратиться обратно, в ставший для меня родным семнадцатый век, к Настеньке, Мише, Сидору? Я спрашивал себя и не находил ответа. Тогда к чему это рвение, хождение в операционные, долгие беседы с коллегами?

Незаметно, в хлопотах и учении, прошел отпуск, осталось три дня. Пора и честь знать, загостился я в нынешней Москве – совсем чужой для меня теперь, а как она мне нравилась прежняя, да уж не вернуть. На прощанье устроил своей вновь приобретенной родне праздничный ужин, оставил свой адрес и телефон и, клятвенно пообещав регулярно звонить, рано утречком поехал домой. Только рассвело, воздух чист и свеж, машин на дороге мало и чем дальше от Москвы, тем еще меньше. Проскочил Домодедово, вот и Кашира позади. Потянулись унылые поля Тульской области. Почти на каждом посту ГАИ машину останавливали, иногда заглядывали в багажник – ну не любят москвичей в провинции. Я мысленно себе поаплодировал за то, что положил золото в банковские ячейки, хорош бы я был сейчас на посту ГАИ с полными сумками золота, да и вряд ли бы его конфисковали официально, алчность гаишников перешла уже все границы, так же, как и их продажность. К концу дня, с небольшими остановками на заправку и еду в придорожных кафе, удалось добраться до Ростова-на-Дону. Пора было останавливаться на ночлег. Был у меня в Ростове давний знакомый – Жора Багдыков, тоже доктор, однако искать в потемках малознакомого города, и довольно немаленького к тому же, Двадцать Третью линию в армянской слободе я не рискнул и заночевал в мотеле. Утром, после завтрака, бодро рванул по трассе, пока она была пустой. Часа через два ее заполнят дальнобойщики на чадящих «КамАЗах», скорость упадет. Километр за километром оставался позади, и наконец я въехал в мой родной город. Оставил машину на платной стоянке, зашел в магазин и, набив сумку продуктами, пошел домой. Хотелось только одного – спать. Все-таки полторы тысячи километров за рулем за неполные два дня утомляют. Забросив продукты в холодильник, упал на диван и забылся глубоким сном. Проснулся часа через три, не спеша пожарил свиные отбивные с картошкой, обильно сдобрил пивом. Нет, разучились варить пиво большие компании. Рекламы много, а вкус не тот. То ли дело сваренный холопами в своем доме – плотный, слегка тягучий, пощипывающий язык прохладный напиток. К месту я вспомнил и о рыбке – и не о желтых сушеных полосатиках или анчоусах, а о расстегаях с рыбой или копченом угре, бывших в порядке вещей на любом постоялом дворе. Ладно, что беречь душу воспоминаниями, надо заняться хозяйственными делами – поутюжить рубашки и брюки, просмотреть деловые бумаги, все-таки завтра с утра на работу. А может, бросить к чертовой матери работу – нервы трепки больно много, а платят мало, а я ведь на сегодняшний день очень богат. Мысль, конечно, интересная. А главное – вовремя пришла. Я уселся на диван и задумался. Если уволиться, чем тогда заниматься буду? Можно попутешествовать немного, но обычно туристам в Лондоне или Париже показывают старину – замки, старинное оружие, доспехи, немцы угощают пивом по старинным рецептам. Я же все это видел, пользовался этим. А в музеях строгие смотрительницы будут шептать с придыханием: «Руками не трогать, это же восемнадцатый век!» Хм, нет, мне этого не надо. Уж лучше работать, все-таки какой-то интерес в жизни, в медицину я пошел по призванию, нравилась мне профессия, да и получалось. А на подработки и совместительство можно было начхать. Решив так, я включил телевизор и открыл бутылку пива. С экрана мордатый депутат бодро вещал о своем неустанном радении о благе народа, правительство с фанфарами в голосе радовалось росту Стабилизационного фонда. Тьфу, пустобрехи. Вас бы в Средневековье, где за каждое сказанное слово надо отвечать делом и честью. Наверное, так не рвались бы в слуги народа. Немного попереключав каналы, выключил эту тяготину и лег спать.

Больница ничуть не изменилась за время моего отпуска – те же обшарпанные стены, так же сердито ворчали санитарки, ходячие больные кучковались на скамейках в парке – покурить, обсудить свои болезни и врачей. Мое родное урологическое отделение тоже ничуть не

изменилось, да и что может измениться за месяц отпуска. В углу ординаторской, за письменным столом, готовил истории болезни к утренней планерке мой коллега Владимир Матвеевич, он отдежурил ночь и мечтал поскорее сдать дежурство и смыться отсыпаться. Судя по стопке историй болезней и синим кругам под глазами, ночь выдалась не из легких. Как всегда, только в восемь появился заведующий, в белом халате и высоченном колпаке. Поздоровавшись со всеми, кивнул отдельно мне.

- Вышел? Хорошо, а то я совсем зашился. Забирай истории пациентов из своих палат, пусть тебе их Владимир Матвеевич передаст.

Минут за двадцать мой коллега вкратце пересказал мне болезни уже моих пациентов, передал истории, и мы попрощались. Я пошел на обход. Экстренного ничего не было, в плановом порядке надо было оперировать двоих. Я подошел к заведующему, и мы согласовали время операций. Заведующий решил меня подстраховать, как-никак месяц не стоял за операционным столом – это как у летчиков вывозные полеты с инструктором. На следующий день я оперировал, заведующий стоял рядом, ассистировал, присматривал за ходом операции. После второй операции, снимая окровавленный халат, он бросил мне:

- Зайди ко мне в кабинет.

Переодевшись, зашел к начальству, тот милостиво разрешил закурить, что бывало с ним крайне редко. Обычно это свидетельствовало о предстоящей выволочке или о чем-то необычном. Я уселся в кресло, с удовольствием затянулся сигаретой. Никаких проколов я за собой не чувствовал и поэтому был спокоен.

Виктор Сергеевич побарабанил пальцами по столешнице, молчание затягивалось. Наконец заведующий заговорил:

- Кожин, ты где отпуск провел?

- В Москве, у родственников.

- Да? Вроде ты раньше о родственниках в Москве не упоминал.

- Если и не упоминал, то это не значит, что их нет. А в чем дело?

- Юрий Григорьевич, тут какая-то закавыка. Обычно после длительного перерыва навыки несколько теряются, а ты с таким мастерством и блеском провел обе операции, что я просто диву даюсь. Вот и подумал, может, в отпуске ты где-то в хорошей клинике стажировался? Может, перебежать в другую больницу хочешь? Так, по-моему, тебе и у нас неплохо. Просто раньше ты никогда так не оперировал, техника стала другой, подход другой, и все это за месяц отпуска. Так могут оперировать хирурги с очень большим стажем и даром Божиим.

Я скромно потупился – что есть, то есть. Не рассказывать же ему, что когда я был в отпуске, то полтора десятка лет набивал руку и набирался опыта, в том числе оперируя королей, а затем в отпуске еще и в Институте Склифосовского. Не поймет, подумает, что под него копаю. А зачем мне начальственная должность? Умение и навык у меня уже есть, деньги теперь тоже, а отвечать за чьи-то грехи не хочется. В отделении ведь всякое бывает, то медсестра назначения не все выполнит, то у благополучного больного, которого собирался на днях выписывать домой, начинается серьезное осложнение, которого и быть не должно. Нет, не мое это, не лежит душа.

- Ладно, иди работай.

Однако после этого разговора я стал замечать, что наш зав ко мне присматривается – то зайдет в операционную, то, совсем случайно, в перевязочную, да и истории болезни моих пациентов стал проверять чаще, чем у других врачей.

Я же сделался большим любителем искусств и истории, стал посещать книжные магазины в поисках исторических книг, покупал диски с историческими фильмами, ходил на художественные выставки. Было интересно узнать что-то новое, одновременно сравнить со своим личным опытом и ощущениями. Кое в чем наши уважаемые историки заблуждались, основывая свои выводы на результатах археологических раскопок. Иногда, когда я читал о Средневековье, мне остро хотелось вернуться туда. Там мужчины отвечали за свои слова, там защита Родины – честь, а не постылая обязанность. Конечно, судьба мне улыбнулась, как никому другому, я увидел свою Родину, какой она была триста лет назад, и мог сравнить с современностью, и не во всем сравнения были в пользу современности. Наверное, единственное, чего мне там не хватало, это картошка, ну, может, еще сигареты. Если мозги и руки имелись, можно было жить и там.

День шел за днем, я много оперировал, результаты были достаточно хорошими, пациенты старались попасть в мои палаты. Но, как водится в интеллигентной среде, у заведующего проснулась ревность. Я без титанических усилий выполнял объемные и сложные операции, осложнений было мало. По возможности я старался не обращать на придирки внимания, но морально было неприятно.

В один из вечеров, поставив машину на стоянку, я, не спеша, направился домой. Смеркалось, кое-где на улицах зажглись фонари. Кусты на аллее желтели листьями – осень скоро. Воздух был бодрящим – еще не холодно, но чувствовалось приближение осени. Дышалось легко, и потихоньку рабочее напряжение отпускало. Вдруг за кустами слева послышались какая-то возня, сдавленный писк – не молодежь ли устроила любовные игрища? Я усмехнулся и продолжил путь, но раздался сдавленный женский писк: «Помогите!», тут же оборвавшийся. Похоже, это не любовные игрища. Я ломанулся сквозь кусты. На небольшой полянке небольшой мужичок неопределенного возраста копался в дамской сумочке. Часть предметов: косметичка, телефон, носовой платок – валялись на траве. Второй соучастник, молодой парень с красной рожей, удерживал молодую женщину. Одной рукой завернул ей руку за спину, а второй зажимал рот. Шансов вырваться у красотки не было. С ходу выяснив ситуацию, я не стал задавать пустых вопросов. Ситуация понятна, я так сразу врезал ногой в лицо грабителю, что потрошил сумочку. Заверещав, он схватился за лицо. Второй детина бросил женщину и, вытащив нож, двинулся на меня.

– Что, козел вонючий, по рогам получить захотел? Сейчас я тебя попишу – мать родная не узнает.

Рожа при этом была у него довольно наглая. Кого другого бы испугал. Жаль, что даже ножа у меня не было. А сейчас бы и сабелька не помешала. Времени думать не было, сорвав с плеча сумку, я метнул ее в лицо бугаю, тот на секунду отвлекся, отмахиваясь от нее рукой. Этот шанс я не упустил и, ударив ногой под колено, тут же отскочил. Бугай не ожидал и упал, впрочем, из положения лежа попытался достать меня ножом. Как же, буду я ждать! Пока он не успел встать, я от души врезал ему ногой по мошонке. Бугай взвыл и схватился за причинное место, бросив нож. Мне удалось схватить его. Женщина в оцепенении стояла и смотрела, нет, чтобы уносить ноги, да, видно, за сумочку переживала – может, ключи, может, документы там нужные были. Сзади раздался шорох. Второй! Я о нем на время забыл. Резко обернулся, но к голове уже летел увесистый сук. Бах! Из глаз посыпались искры, сознание померкло.

Очнулся я, надо думать, не скоро. Рука под туловищем затекла, и пальцы кололо, как

иголками. Перед лицом – вытоптанная трава. Тошнило. Черт! Опять по голове! Что за невезуха, это же мой рабочий инструмент. Медленно встал на четвереньки. Осмотрелся. Ни грабителей, ни женщины рядом не было. Сил подняться не было тоже. Постояв так немного, собрался с силами и встал. Подташнивало, в глазах двоилось. Видно, хорошо приложил, от души. Осмотрелся вокруг – где-то здесь должна быть моя сумка, черная такая, с плечевым ремнем. Побродив по полянке, пошарил по кустам. Сумки не было. Наверное, женщина успела сбежать, а грабители прихватили мою сумку, подумал я. Ладно, хоть не забили ногами или не зарезали. А может, женщина закричала, спугнула? Место хоть и не оживленное, но и не ночь еще, люди ходят. Надо двигать домой. Запасные ключи от моей квартиры есть у соседа Петровича. Жаль только, что в сумке и бумажник с правами был. Черт с ними, с деньгами, но восстанавливать водительское удостоверение такая морока! Меня слегка покачивало, но соображал я уже четко. Продравшись сквозь кусты, направился по тропинке к дому. Пройдя несколько минут, вдруг осознал – что-то не так. Не слышно шума проезжающих машин, а дорога-то рядом, не видно света фонарей, меж тем, когда я шел по аллее, фонари уже горели. Нехорошо засосало под ложечкой. Ешкин кот! Неужели опять куда-то влип? И за что судьба так на меня ополчилась?

Я продрался сквозь кусты на другую сторону тропинки. Вот оно – домов не было, а вдалеке стояла небольшая деревенька – пять-шесть бревенчатых домов. Я даже засмеялся – снова угораздило! Интересно, какой нынче год и куда я попал, какая хоть область. Судя по домам – Россия. Слабость и некоторая неуверенность походки остались, но я направился к домам. Есть дома – есть люди и дорога от деревни. У крайнего дома стоял мужичок в лаптях. Это меня уже не удивило.

- День добрый! – поздоровался я. Мужичок опасно на меня покосился, слегка поклонился.

- Что, козел вонючий, по рогам получить захотел? Сейчас я тебя попишу – мать родная не узнает.

Рожа при этом была у него довольно наглая. Кого другого бы испугал. Жаль, что даже ножа у меня не было. А сейчас бы и сабелька не помешала. Времени думать не было, сорвав с плеча сумку, я метнул ее в лицо бугаю, тот на секунду отвлекся, отмахиваясь от нее рукой. Этот шанс я не упустил и, ударив ногой под колено, тут же отскочил. Бугай не ожидал и упал, впрочем, из положения лежа попытался достать меня ножом. Как же, буду я ждать! Пока он не успел встать, я от души врезал ему ногой по мошонке. Бугай взвыл и схватился за причинное место, бросив нож. Мне удалось схватить его. Женщина в оцепенении стояла и смотрела, нет, чтобы уносить ноги, да, видно, за сумочку переживала – может, ключи, может, документы там нужные были. Сзади раздался шорох. Второй! Я о нем на время забыл. Резко обернулся, но к голове уже летел увесистый сук. Бах! Из глаз посыпались искры, сознание померкло.

Очнулся я, надо думать, не скоро. Рука под туловищем затекла, и пальцы кололо, как иголками. Перед лицом – вытоптанная трава. Тошнило. Черт! Опять по голове! Что за невезуха, это же мой рабочий инструмент. Медленно встал на четвереньки. Осмотрелся. Ни грабителей, ни женщины рядом не было. Сил подняться не было тоже. Постояв так немного, собрался с силами и встал. Подташнивало, в глазах двоилось. Видно, хорошо приложил, от души. Осмотрелся вокруг – где-то здесь должна быть моя сумка, черная такая, с плечевым ремнем. Побродив по полянке, пошарил по кустам. Сумки не было. Наверное, женщина успела сбежать, а грабители прихватили мою сумку, подумал я. Ладно, хоть не забили ногами или не зарезали. А может, женщина закричала, спугнула? Место хоть и не оживленное, но и не ночь еще, люди ходят. Надо двигать домой. Запасные ключи от моей квартиры есть у соседа Петровича. Жаль только, что в сумке и бумажник с правами был. Черт с ними, с деньгами, но восстанавливать

водительское удостоверение такая морока! Меня слегка покачивало, но соображал я уже четко. Продравшись сквозь кусты, направился по тропинке к дому. Пройдя несколько минут, вдруг осознал – что-то не так. Не слышно шума проезжающих машин, а дорога-то рядом, не видно света фонарей, меж тем, когда я шел по аллее, фонари уже горели. Нехорошо засосало под ложечкой. Ешкин кот! Неужели опять куда-то влип? И за что судьба так на меня ополчилась?

Я продрался сквозь кусты на другую сторону тропинки. Вот оно – домов не было, а вдалеке стояла небольшая деревенька – пять-шесть бревенчатых домов. Я даже засмеялся – снова угораздило! Интересно, какой нынче год и куда я попал, какая хоть область. Судя по домам – Россия. Слабость и некоторая неуверенность походки остались, но я направился к домам. Есть дома – есть люди и дорога от деревни. У крайнего дома стоял мужичок в лаптях. Это меня уже не удивило.

- День добрый! – поздоровался я. Мужичок опасливо на меня покосился, слегка поклонился.

- Здрав будь, барин.

- Как деревенька называется?

- Мышонково.

- А до города далече?

- По этой дороге верст пятнадцать.

- А как город называется?

Мужичок удивленно на меня вытаращился.

- Так Алексин.

Ага, уже что-то знакомое. Это в Тульской губернии. Не хотелось спрашивать, да надо – удивляю мужичка еще раз:

- А год какой?

- От Рождества Христова одна тысяча шестьсот девяносто третий!

Тут пришла пора удивляться мне.

Мама моя, нет чтобы в знакомое место или хотя бы время, так нет, забросило на шестьдесят лет позднее. Какой уж тут Сидор, да и Настеньки в лучшем случае лет как тридцать нет. Одна надежда все-таки осталась – Миша уже вырос и если не сгинул где, то сейчас почти уже старик. Вот это завернуло! Я направился по дороге, мужик вслед крикнул: – Барин, лицо умой, лоб в крови! Я машинально дотронулся до лба и тут же отдернул руку – больно. Свежей крови не было, а засохшая короста была, да и шишка хорошая. Сильно врезал мерзавец, чтоб ему пусто было.

Через пару километров наткнулся на небольшую речушку с деревянным хлипким мостом – телегу с лошадью должен выдержать. Но машина уже вряд ли бы проехала. Прямо с мостков, благо они были низко, зачерпнул воды, обмыл лицо, напился. Да и поесть бы неплохо, только нечего, да и в карманах пусто. Ладно, у меня теперь была цель – добраться до Москвы, найти

свой дом в Петроверигском переулке, встретиться с Мишей, если он жив и вспомнит меня – полдела сделано. Правда, сказать легко – добраться, а как добраться? Денег нет, поезда не ходят, дилижансов, как во Франции, нет. Если пешком, то это полторы сотни верст, или искать попутное судно, наниматься кем-нибудь за харчи и работу.

Решил идти по дороге, или на реку наткнусь, или в город приду. Часа через четыре хорошего хода, когда я уже слегка взмок, впереди заблестела речная гладь. Река, насколько я помнил, Ока. Вышел на берег, присел перевести дух. По реке проплывало суденышко, небольшое, с прямым парусом. В какую сторону Москва? Никаких ориентиров не было. Я постарался припомнить, встал спиной к солнцу – стало быть, Москва на север. Ну, точно, мне надо ловить попутное судно с правого берега, по течению реки. Выше по течению показался кораблик, нам по пути. Я стал размахивать руками, кричать – без толку. Может быть, не слышали, а может, не захотели приставать к берегу. Одет-то я по здешним меркам незамысловато, богатого кафтана нет, на голове шапки или тафьи нет, лицо бритое, а без бороды какой ты уважаемый человек, так, шпынь ненадобный. Борода-то хоть отрастет, а вот с одеждой пока проблема. Решено – потихоньку двинулся вниз по течению реки. Если повезет, наткнусь на стоянку какого-нибудь судна, должны же они останавливаться на ночевку. Правда, до вечера, похоже, еще часа два-три. Я посмотрел на часы – шесть вечера. Но еще не факт, что ход моих часов совпадает с местным временем. По тому, как солнце склонялось к горизонту, похоже, время совпадало. Вдоль берега, метрах в пятидесяти, тянулась тропинка, вот по ней я и шел, лучше, чем по траве идти. Когда солнце уже стало садиться, увидел небольшой затон и следы костров на берегу. Точно место стоянки судов, уходить отсюда не след, кто-нибудь пристанет. Попив воды из реки и смыв с лица дорожную пыль, уселся на пенек, буду ждать. Время тянулось медленно, но часа через два из-за пологого поворота показалась купеческая шхуна – с пузатыми бортами, низкой осадкой. Шхуна явно приближалась к берегу, мягко ткнулась в него носом.

- Эй, на берегу, держи конец.

Стоявший на мосту матрос кинул мне причальный канат, который я споро намотал на пенек, на котором сидел раньше. Со шхуны сбросили трап, сбежало несколько человек, начали собирать дрова для костра. Быстро темнело. Когда костер уже весело трещал дровами, освещая поляну, по трапу важно сошел купец, дородный, толстый, с окладистой бородой, одетый в шелковую рубашку, под распахнутым кафтаном – сразу видно, хозяин, солидный человек. Купец подошел к костру, кто-то услужливо подстелил коврик. Купец, пыхтя, уселся. Я подошел к купцу, поздоровался, поинтересовался – не в Москву ли путь держит.

Купец окинул меня неприязненным взглядом.

- А ежели и в Москву, тебе-то что?

- Да вот хочу в попутчики напроситься.

- Сам-то кто будешь? Немец?

- Почему немец? – слегка обиделся я.

- Одежда у тебя не нашенская, европейского покроя, да лицо голое, кто же ты после этого есть?

- Лекарь я, а что до одежды, так и в самом деле пришлось в дальних странах пожить.

- Деньги-то за провоз найдутся?

- Извини, почтенный, денег нет. Могу матросом отработать или в охране помочь.

Купец захохотал.

- Да какой из тебя охранщик, у тебя и оружия-то никакого нет. Да и в руках саблю али лук держать умеешь ли?

Тут уж засмеялась команда.

- Хорошо, пусть кто-нибудь против меня на кулаках выйдет. Уложу его - берешь меня, не смогу одолеть - видно, не судьба.

Купец немного подумал, кивнул.

- Федор, выйди супротив.

Со шхуны спустился здоровенный бугай. Под тонкой рубашкой переливались бугры мышц, на звероватом лице бродила ухмылка. Если не повезет и кулачищем угодит в лоб - о дальнейшей дороге можно не беспокоиться. Одна надежда - опыт в драках и навыки современного боя. Бугай подошел поближе, немного пригнулся и вдруг молнией метнулся ко мне, выкинув вперед здоровенный кулак. Мое счастье, успел уклониться и подставить ногу. Бугай растянулся на земле и пока сконфуженно поднимался, вокруг нас собралась вся команда шхуны. Федор поднялся, отблески костра бросали красноватый отблеск на выпученные глаза. Мужик, видно, не привык обороняться, прицеливаться к противнику, просто дал в глаз или в лоб, и вся драка. Прошедшее падение ничему его не научило, подумал - случайность. Матрос снова кинулся на меня, я уклонился от удара, хотя кулак слегка задел мое плечо, и я с разворота врезал ребром ладони по шее.

Федор упал ничком. Бой закончился. Команда ждала развлечения на ночевке, а тут два удара - и конец боя. Люди разочарованно расходились, лишь один сердобольный попытался помочь Федору встать.

Федор упал ничком. Бой закончился. Команда ждала развлечения на ночевке, а тут два удара - и конец боя. Люди разочарованно расходились, лишь один сердобольный попытался помочь Федору встать.

- Ну что же, уговор дороже денег, садись к костру. Уже и похлебка готова, повечеряем да спать. Работать будешь со всеми, спать на палубе. Будешь отлынивать, выкинем с борта. Понял?

Я кивнул. Это все же лучше, чем идти пешком. Один и без оружия я буду легкой добычей для лихих людишек. Правда, взять у меня нечего, так ведь они не знают. Обшарят теплый труп - а карманы пусты. Нет уж, я лучше на кораблике. Похлебали каши с мясом из одного котла, запили сытом, улеглись спать. Купец поставил двух людей на охрану. Утром быстро поели почти всухомятку - вареные яйца, подчерстневшие пироги - и тронулись в путь. Бизнес задержки не любит. С утра был небольшой ветерок, парус легко нес по течению наше суденышко. Я поглядывал на берега, иногда узнавая знакомые места - излучину, деревеньку на берегу. Работы пока не было, и я молил бога, чтобы ветер не стих. Идти на веслах - нелегкая задача. Корабельные мужики к такой работе привычны, а иметь руки с кровавыми мозолями на ладонях мне не хотелось. Сзади тихо подошел купец.

- Откуда будешь, из каких краев?

- Из Рязани, да только давно перебрался с семейством в Москву.

- А здесь как оказался?

- Судьба занесла, из дальних стран возвращался, да корабль наш на Днепровских порогах утюгом затонул, еле спастись удалось. Спасались, кто как может, потому ни денег, ни одежды справной на мне нет - на голубом глазу врал я. Нехорошо, конечно, врать, но не могу же я рассказать правду.

- А в Москве-то чем занимаешься? - не отставал купец.

- Лекарь я. Людям в болезнях помогаю, да дело небольшое у меня было, не знаю - все ли в порядке сейчас - не один год дома меня не было.

- Да, - вздохнул купец, - вона оно как. А я поначалу тебя чуть за бродягу не принял, токмо одежда чистая да не драная.

- Так откуда одеже хорошей взяться? Знакомец один отдал.

Купец постоял рядом, порассказывал разные истории о кораблекрушениях да и ушел к себе. Солнце стало высоко и уже пригревало, под форштевнем журчала вода. Хорошо! Вдали, по левому берегу, показался одинокий всадник, несколько минут скакал параллельно реке, однако к нам не приближался. Матросы на судне забежали, из каюты вышел купец.

- Опять казак, прости господи. Совсем Мазепа людишек своих распустил, хуже разбойников. Оружием владеют хорошо, да наглые, все на конях, подчистую обирают. Никакой управы на них нет.

Матросы, пригнувшись, спрятались за левым бортом, лишь рулевой стоял на корме, правда, к нему подскочил один из матросов и прикрыл небольшим щитом

- А что вы так всполошились? Всадник-то один.

- Да наверняка разведчик, ниже по течению жди засады. Есть там одно неудобное местечко, река сужается и делает правый поворот, нас течением немного сносит к левому берегу, наверное, там ждать будут.

- А ружья у вас есть?

- Так ты с фузеей обращаться умеешь?

- Приходилось.

- Вот и ладненько. Сейчас прикажу - принесут. Держу на всякий случай, да, мыслю, толку от нее не много, раз пальнет, а потом перезаряжать долго.

- Надо было купить несколько ружей, пока один стреляет, другой перезаряжает.

- Верно сказал, да только где я сейчас другие ружья возьму?

По распоряжению купца один матрос принес фузею. Состояние ее внушало опасение, на стволе мелкими точками ржавчина, кремь в замке болтается.

- Давно хоть из нее стреляли?

Купец пятерней почесал в затылке.

- Да не упомяну что-то.

Матрос отдал мне мешочек с пулями и рожок с порохом.

- Коли умеешь, заряжай, вместе от ворага бороняться будем.

Не тратя время даром, я прочистил ствол, подтянул кремь, высыпал порох, забил пыж, забил пулю и сверху снова пыж. На полку подсыпал порох. Купец внимательно смотрел

- Да, ловко ты управляешься, опыт есть.

Приблизились к повороту. Шхуну течением стало прибывать к левому берегу. Казаков первым увидел я. В кустах они прятались, да пики их выдали, торчали из-за кустов ровными палками. Толкнув купца в бок, я показал на кусты - вон они!

- Почем знаешь?

- Смотри над кустами, где ты видел такие ровные ветки?

Купец крикнул команде.

- Берегись! Федор, Ануфрий, ну-ка по кустам из луков стрельните!

Тотчас раздалась щелчки тетив, и две стрелы вонзились в кусты. Раздалось конское ржание и чей-то вскрик. Ага, зацепили кого-то. Поняв, что раскрыты, казаки на лошадях, ломая кусты, рванулись по плоской отмели к нам, стреляя на ходу из луков. Огнестрельного оружия видно не было, у всех луки, сабли, пики. Палуба шхуны и борта оказались густо утыканы стрелами. Один из наших, постанывая, пытался вытащить из руки стрелу. Нападавших было человек пятнадцать. Присев на колени, укрывшись бортом, я положил ствол тяжеленькой фузеи на борт, выцелил самого близкого и спустил курок. Грохнуло изрядно, борт заволокло дымом. Не мешкая, стал перезаряжаться, все равно другого оружия у меня не было.

Крики приближались, лошади казаков уже чуть не по брюхо зашли в воду. Нападающие почти непрерывно осыпали нас стрелами. Хорошо, что рулевой был толковый, почти улегся на рулевое весло, пытаясь отвести шхуну от берега подальше. Лодки или чего-нибудь плавучего у казаков не было, а вплавь - поди заберись на шхуну. Ружье к выстрелу было готово, я слегка высунул голову над бортом, выбрал еще одну цель - всадника в ярком кафтане и спустил курок. На таком маленьком расстоянии - метров пятьдесят, я даже услышал шлепок свинцовой пули о тело. На берегу уже валялись с пяток распростертых тел.

Шхуна медленно удалялась от места схватки. Казаки еще немного преследовали нас по берегу, осыпая со злости стрелами, но быстро отвернули в сторону, где через некоторое время появился дым. Не иначе как на деревеньку напали, жгут да грабят. Река впереди была пустынной, ни лодки, ни корабля. То ли успели попрятаться, то ли назад повернули. Летом по Оке движение было оживленным - зимой река замерзает, весной и осенью по дорогам не проехать - телеги в грязи вязнут. Летом только купцу и возить товар - хочешь по реке, хочешь по дорогам на повозках. Навстречу из-за пологого поворота выплыл ушкуй. Паруса опущены, ветер встречный, идет под веслами, видны только голые спины гребцов.

- Эй, на ушкуе, слушай сюда!

Купец подошел к борту. На ушкуе бросили грести, нас течением поднесло к ним.

- Впереди, в верстах пяти, казаки балуют, на нас напали, уходите к вашему левому берегу да оружие приготовьте.

- Спасибо! Бог вам в помощь!

Ушкой резко ушел со стремнины к берегу, теперь, пожалуй, и из лука до них казакам не достать.

Я тем временем занялся ранеными – их оказалось двое – один в руку, другому стрелой разорвало кожу и мышцы на спине. Чистые тряпицы на судне были, специально берегли для подобных случаев. Перевязал, по-хорошему рану на спине шить надо, да только где взять иглы и шовный материал. Как в мое время – нигде не купишь, ни аптек, ни больниц. Шли под парусом до вечера. Когда начало смеркаться, пристали к берегу. Пора было и костер развести, чтобы поесть горяченького. Хоть и на веслах сегодня не сидели, однако устали все. Пока мы наломали веток да развели костер, уже стемнело. В котелке булькало варево, распространяя вокруг аппетитный запах. Ко мне подошел купец.

- Неплохо стреляешь, сам видел, двоих ты с коней снял, да четверых мои холопы положили. Всегда бы так, глядишь – разбойничать бы перестали.

- А что же царь-то батюшка? Неуж не знает?

- Да знает, только силенок маловато, да и заправляет всеми делами не он, а Софья.

Стрельцы в Москве сидят да по рубежам. А здесь гетман Мазепа козни строит, то купцов грабит, то с ляхами али со шведами за нашими спинами сговаривается. Совсем простому народу худо. В чужеземных странах как народ живет?

- Да всяко живет, а в основном не лучше нашего.

Котелок с варевом был готов. Все дружно и молча работали ложками, потом так же молча разошлись спать. Мне выпало дежурить в первую половину ночи. Я отошел немного в сторону и сел у кустов. Глаза привыкли к темноте и при слабом свете луны я хорошо видел местность. Сидеть у костра опасно, подкрадись враг – и мы как на ладони. Но не будешь же поучать купца. Он мне чужой, да и слушать не станет, обидится вдруг да и со шхуны ссадит. Но ночь прошла спокойно, меня сменили, я поднялся на шхуну и улегся на палубу. Веки сомкнулись мгновенно, и я провалился в сон. К вечеру после скучного дня мы уже были в Коломне, по Москве-реке поднялись до Москвы. Остановились, правда, не дойдя до нее несколько верст, поскольку у купца в пригородах были склады. Ладно, и на том спасибо. Мы по-дружески расстались.

Я пошел пешком, путь предстоял долгий – насколько я помнил, до моего дома от места моей высадки идти надо было часов шесть.

Ничего, в пути хотя бы продумаю, как мне быть дальше. Смешно заявиться к хозяину, который старше тебя на сорок лет и сказать, что он мой сын.

Я пошел пешком, путь предстоял долгий – насколько я помнил, до моего дома от места моей высадки идти надо было часов шесть.

Ничего, в пути хотя бы продумаю, как мне быть дальше. Смешно заявиться к хозяину, который старше тебя на сорок лет и сказать, что он мой сын.

В лучшем случае высекут кнутом на конюшне. К моему счастью, психбольных здесь почти не было. Пока шел по кривым переулкам предместья, придумал некоторый план. По утрам кухарки ходят на торг для закупки провизии. Надо как-то познакомиться и вызнать – кто сейчас хозяин и вообще обстановку в доме. По-моему, план реальный. Только где переночевать? Денег на постоянный двор нет. Решение нашлось быстро – на берегу Москвы-реки сидели у костра рыбаки. Пока было светло – чинили сети, латали лодки. Подошел, поздоровался, разговорились. Когда подоспела уха, меня покормили. Спать рыбаки укладывались в небольшом дощатом сарайчике здесь же, на берегу. Мне тоже дали местечко. Рыбой в сарайчике пахло очень сильно, но это лучше, чем спать на голой земле. Поутру обмыл лицо речной водой и поспешил к своему старому дому – кухарки ведь рано идут за покупками. Успел еле-еле, не было даже времени рассмотреть свой бывший дом. Из задней калитки вышла женщина с корзиной и направилась в сторону торга. Я поспешил за ней.

По торгу я ходить не стал, зачем лишний раз на глаза попадаться, ждал на улице, все равно мимо не пройдет. Вот наконец кухарка вышла. Я пошел следом, стал догонять. Из корзины торчали пучки зелени, свешивал голову гусь. Нагнав кухарку быстрым шагом, я якобы поскользнулся, ударив сбоку корзину. Та покатила по земле, посыпались покупки.

- Ах, барин, ну какой же вы неуклюжий! – Кухарка бросилась поднимать рассыпанные покупки. Я несколько раз извинился, помог собрать пучок редиски и еще какую-то зелень. Наконец все было уложено в корзину, и кухарка пошла к дому. Мне удалось пристроиться рядом.

- А скажи, красавица, ты давно здесь живешь?

- Да с рождения.

- Не знаешь ли дом Кожина в Петроверигском переулке?

Кухарка от неожиданности остановилась, более внимательно меня оглядела. Да, конечно, вид непрезентабельный, одежда помята, запахок рыбный чувствуется, бороды нет, так, щетина трехдневная. Видно, я ей не глянулся.

- А какое у вас дело к барину?

- А вот дело я обскажу самому барину. Кто сейчас хозяин? Не Михаил ли?

Кухарка вздохнула.

- Стар уж Михаил, еле ноги таскает, сидит себе в кабинете, делами-то заведует его старшенький – Юрой зовут.

Ба, да не в мою ли честь?

- А с головой у старого-то барина хорошо? У меня ведь к нему дело.

- Хворают часто да забывают кое-что стал, однако сыновья – их двое у него – слушают отца. Эвон наследство какое – заводы водочные, каменный завод, где камень белый для домов пилят, да много чего еще.

- А мать его где же, Анастасия?

- Барин, да умерла уже, почитай, годков как двадцать тому. Муж ее где-то в плавании сгинул. Говорят, разбойники на судно напали, он и погиб, да вот что еще странно, тело не нашли.

Старый слуга, на что уж убивался, все тело искал, да так и не нашли. Хозяйка старая все ждала, замуж не выходила. Сама-то я не видела, да от матери знаю, мы в этом доме уже третьим поколением служим.

Она вдруг резко остановилась.

- А пошто расспрашиваешь меня? Не тать, поганое дело замышляешь?

- Что ты, спаси тебя Господь!

Я перекрестился

- Родственник я их дальний, из Рязани.

Кухарка успокоилась.

- Да, в Рязани у них и дом был, а остался ли кто из родных, не ведаю. Вот мы и пришли, с черного хода идем, холопы мы. Хочешь - доложу о тебе барину, коли родня.

- Конечно, хочу, вот только помоги платью привести в порядок, попачкался я немного.

После того как совместными усилиями мы уже на заднем дворе слегка почистили брюки, рубашку и пиджак, кухарка ушла, бросив напоследок:

- Стой здесь, сейчас доложу, а уж примет или нет - не мне решать.

Не было ее долго, с полчаса. Небось сначала на кухню продукты занесла да подругам новость о родственнике пересказала. Наконец из-за угла дома показался молодой хозяин, я понял, что старший сын. Лицом похож на Михаила, а фигурой - не знаю, я ведь Мишу взрослым не видел.

- Кто меня спрашивает?

Я поклонился слегка, посмотреть - все вокруг мое, только доказать нельзя будет. Есть в доме купчая на дом на мое имя, только сколько уж лет прошло, меня уже и быть не должно - а вот есть я, стою на земле.

- Родственник я ваш, Кожин Юрий, из Рязани, с бариним Михаилом потолковать хочу.

Молодой хозяин скептически меня осмотрел, хмыкнул, но ничего не сказал, махнул рукой - иди за мной - и пошел к парадному входу. Зайдя в дом, показал на людскую:

- Подожди здесь, - и пошел наверх. Я знал расположение дома, знал, где был мой кабинет. Воспоминания нахлынули с новой силой. В этом доме я отбивал нападение поляков, здесь я провел счастливые годы с Настенькой и Мишей. А теперь и Насти нет, да и Михаил старик. Узнает ли? Сердце в груди глухо бухало, во рту пересохло. На лестнице раздались шаги, сверху спустился сын Михаила: - Пойдем, барин ждет.

Иду по знакомой лестнице, поворот, коридор, знакомая дверь в коридор. Все по-прежнему. Захожу в кабинет, в углу за столом сидит седой старик, лет семидесяти пяти, точнее сказать сложно.

Я громко поздоровался. Старик вздрогнул.

- Подойди поближе, человек! Голос знакомый, да признать не могу.

Я подошел, старик долго вглядывался, затем откинулся на спинку кресла, закрыл глаза. К нему подскочил сын: Что, папа, плохо?

- Нет, сын. Усади гостя, дай с дороги сбитня. Угостил ли ты его?

- Нет, - растерялся сын.

- Распорядись, пока мы поговорим.

Я пока оглядел комнату - почти все осталось неизменным - те же картины на стенах, стол, шкаф с книгами. Михаил открыл глаза, требовательно сказал:

- Рассказывай. Ты мне очень напоминаешь одного человека. Но этого быть не может, потому как минуло уже много лет.

Я вздохнул, придется правдоподобно врать. В случившееся со мной на самом деле никто не поверит. Сожгут на костре, как оборотня, и дело с концом. Можно иначе - на дыбу и кнутом, кнутом, пока правду не скажет. Оба варианта меня не прельщали.

- Долгий разговор будет, брат Михаил!

- Ничего, у меня время есть, если расскажешь что интересного - награжу, а ежели попусту время отнимать будешь - сразу уйди, стар я стал, устаю быстро.

- Хорошо, - решил я рассказать придуманную версию. - Мы с тобой, Михаил, братья. Когда отец с Сидором на судне поплыли, на них разбойники напали, сеча изрядная вышла.

Михаил кивнул:

- Про то ведаю, Сидор после того случая в Москву вернулся, все рассказал. Трех убитых привез, вот только одного тела среди них не было.

- Да, - кивнул я. - Отца по голове сильно ударили, упал он в воду и течением его вниз снесло, выгреб кое-как, да и к берегу. Полежал маленько, вниз по течению шла купеческая шхуна, его и подобрали.

Старик мелко-мелко затряс головой:

- Так вот почему Сидор тело найти не мог. Говори же, говори дальше, я весь в нетерпении.

- Плохо то, что отец потерял память - не помнил, как его звать, чем занимается, какого рода-племени, даже где живет, и то забыл.

- Да-да, я слышал, бывает такое.

- До осени простым матросом ходил отец на шхуне. Как лед на реке встал, прибился к женщине одной, сестре матроса со шхуны, стали жить, потом я появился. Так и плавал, купцу на судне помогал, да случай занес его через много лет в Рязань. Увидел он дом свой старый в Рязани и вспомнил, как звать его, что лекарь он по занятию, да фамилией Кожин. Да случилась на зиму лихоманка, заболел отец тяжело, перед смертью меня позвал, рассказал как есть все, что была у него любимая жена и сын Михаил, правда, приемный. Сильно горевал, что к жене не вернулся, да, вишь, память отшибло. Просил волю его исполнить - найти вас в Москве, обсказать все да прощенья попросить.

По щекам старика текли слезы, он сидел с закрытыми глазами. Потом рукою вытер слезы:

- А мы его здесь искали, мама перед смертью просила - если узнаешь, где похоронен, на могилку съезди, цветы от меня положи. Да только стар я уже, не доехать. Что еще передавал ли?

Я решил - если врать, то уже до конца.

- Отец завещал мне деньги, что были в управление банком в Рязани отданы. Бумаги на то - в подвале его дома в Москве, в Петроверигском переулке. Где в подвале - он мне про то подробно обсказал.

Михаил покивал головой.

- Сейчас покушаем, долго мучились мы, мама и я, о судьбе отца, а тут Бог сподобил, на своих последних днях все узнал. Дай обниму тебя, брат!

Мы обнялись. Мне давно хотелось его обнять и утешить, но я не знал, как он к этому отнесется, примет ли он меня, поверит ли в мой рассказ.

Я поглядел на картины:

- Отец мне про них рассказывал да просил поинтересоваться - целы ли серьги и кулон с изумрудами.

- Целы, целы, память ведь это, мать их берегла, просила моей дочери подарить, а если сыновья - то старшей невестке. Не говорил ли еще чего?

- Да сразу я и не упомяну, не один год минул.

- Чем кормишься?

- Лекарь я, как и отец. Как память вернулась, он меня многому научить сумел, все кусок хлеба в руках.

- Что-то ты одет тогда непотребно, не похож на удачливого и богатого.

- Разбойники обчистили до нитки, спасибо Господу, в живых остался.

- Ладно, стол накрыт небось давно. Не след дорогого гостя и брата с пустым животом держать, пойдем, отведаем, что холопы приготовили.

Мы спустились в трапезную на первом этаже. Кое-что здесь изменилось, но было узнаваемо. Из других комнат вышли молодой хозяин с женой, чинно уселись.

- Великий день сегодня у нас. Знакомьтесь - твой дядя Кожин Юрий, - старик повернулся к сыну, - и он тоже Юрий, тезка твой, жена его Анфиса, тяжела нынче, наследника ждем. Поднимем кружки за встречу, сподобил Господь!

После обеда и долгих разговоров молодой хозяин и я спустились в подвал. По старой памяти я сразу сунул руку за балку в левом дальнем углу и вытащил запыленную бутылку. Мы поднялись наверх, в трапезную. Осторожно вытащили пробку и вытряхнули из бутылки пергамент. Я мысленно себя похвалил, что не завернул документ в кожу или холстину, за

семьдесят лет уже сгнил бы давно. А так – пожелтел только. Я осторожно развернул документ – текст четко сохранился, да и сургучная печать на месте. Из-за правого плеча заглядывал в пергамент Юра.

- Вопрос только в том, сохранился ли этот банк.

- Кто знает, ехать надо.

Поднявшись в кабинет Михаила, я попросил небольшой помощи – одежду местную, оружие, немного денег на дорогу.

- О чем говоришь, брат мой! Все дадим. Когда в путь собираешься?

- Думаю завтра с утра.

Михаил позвонил в колокольчик, прибежал холоп.

- Проводи барина, пусть оружие выберет, одежду подбери. Потом ко мне приведешь.

Холоп проводил в комнаты первого этажа. Сначала мы подобрали одежду – пару рубашек, синюю и красную, штаны, кафтан, сапоги, картуз, ремень широкий, потом зашли в оружейку. Ба, здесь изрядно прибавилось железа. Я долго выбирал себе подходящую сталь, выбрал удобный нож в простом чехле, саблю и, конечно же, нарезной пистолет, вернее сказать – пару. Пощелкал курками, замки работали исправно. Холоп молча протянул мешочек с пулями и рожок с порохом. Я с вождением посмотрел на штуцера в пирамиде, но посчитал штуцер вещь обременительной – тяжел, да и не на войну собираюсь. Воткнул пистолеты за пояс и поднялся к Михаилу.

- Ба, вылитый отец! Одевался так же, да и оружие такое же носил. Похож.

Он обошел вокруг меня, осмотрел, похоже, остался доволен. Открыл ящик стола, достал небольшой мешочек.

- Серебро на дорогу. Завтра с утра наше суденышко в Рязань бежит, на лесопилку. Холоп утром проводит на пристань, предупредит капитана. Сейчас отдыхай, брат.

Я поблагодарил и вышел. Пока есть возможность, надо отсыпаться и отъедаться.

Утром, еще не забрезжил рассвет, меня растолкал холоп:

- Пора, барин.

Быстренько умылся, перекусил молоком со вчерашними пирогами. Дом еще спал, было тихо. Ночными переулками мы прошли по Москве к пристани. Вся команда была уже на борту, лишь у сходней стоял капитан. Холоп подошел, поговорил с ним, капитан кивнул, махнул мне рукой. Ну что ж, пора отплывать.

Плавание прошло без приключений, через три дня я уже был в Рязани, ветер дул попутный, да еще и вниз по течению плыли. Город изменился, то ли пожар у них тут был, то ли просто времени много прошло. Поплутав по городу, нашел постоянный двор. Заказав обед в номер, перекусил, заодно узнал, где банк. Оказалось, почти на старом месте. Оставив небольшую котомку и саблю в номере, отправился в банк.

Поплутав по незнакомым уже улицам, добрался до здания банка. У входа стоял здоровенный бугай при сабле, вероятно, охранник. На меня он не обратил никакого внимания, и я свободно прошел внутрь. С момента, когда я был здесь в последний раз, число служащих увеличилось – за столами сидели в основном зрелые мужи, сосредоточенно скрипевшие гусиными перьями по бумаге, еще был слышен шелест бумаг. Я спросил – где управляющий? Один из тружеников пера и бумаги показал на дверь в конце комнаты. Постучавшись, я вошел. За столом сидел толстый, очень толстый мужичок, про которого в народе говорят – себя шире, и сосредоточенно шевелил губами, закатив глаза. Считал, надо думать. Я громко поздоровался, мужичок вздрогнул.

– Ты кто такой?

– А здороваться с клиентами тебя не учили?

– Здравствуй, а ты разве наш клиент? Что-то я тебя не помню.

– Еще мой дед (тут я слукавил) положил деньги и учредил этот банк.

Мужичок аж подскочил на стуле.

– А бумаги есть ли?

Я достал из кафтана пергамент, сунул его под нос управляющему. Прочитал он его быстро, надо отдать должное. На лице обозначилась слащавая улыбка.

– Садись, слушаю, какая необходимость привела тебя к нам?

– Деньги хочу забрать. Все, с процентами.

Управляющий позвонил в колокольчик. На пороге возник труженик пера и бумаги.

– Посмотри по реестрам и записям долговой книги – Кожин Юрий – сколько числится и проценты.

Труженик исчез. Прошло полчаса, управляющий начал нервничать, снова позвонил в колокольчик. Труженик появился снова.

– Считаем, господин.

Прошло еще около часа, пока на стол управляющему положили бумагу. Тот прочитал, и узенькие, заплывшие жиром глазки округлились. Он побарабанил пальцами по столу.

– С процентами много выходит. У нас сейчас столько и не будет.

– Хорошо, давайте сколько есть, на остальное расписку пишите – позже заберу.

Я встал, подошел к столу и взял бумагу. Да, сумма изрядная по нынешним временам – больше двадцати тысяч. Наскребли около семи. Я выходил из банка с небольшим мешком денег и распиской. Медяками я не брал, в основном серебро и немного золотых. Так, и куда мне теперь

с таким грузом? Не кошелек, чай, весу поболее полупуда будет.

- Эй, служивый, - обратился я к бугаю, - повозку или экипаж не сыщешь ли?

Я кинул ему серебряный рубль. Бугай схватил на лету, немного отошел от банка и свистнул. Из переулка выкатились дрожки. Сел, отъехали, кучер повернулся: - А куда ехать?

- Кого-нибудь из ювелиров-златокузнецов знаешь?

- Как не знать, барин, вмиг доставлю.

Остановились у каменного дома, что уже говорило о статусе владельца. После знакомства с ювелиром я сразу взял быка за рога - хочу купить бриллианты и другие какие камни. Ювелир молча кивнул, вышел и вернулся с небольшой шкатулкой - на черном бархате сиротливо лежали три камешка. Я их внимательно осмотрел, да толку - понимал я в них немного. Сторговались, я отсчитал из мешка деньги, убыло немного.

- А еще есть ли?

- У меня нет, в городе еще у одного ювелира могут быть несколько камней. Я дам слугу, он покажет дорогу.

Второй ювелир смог продать десять бриллиантов, не очень крупных, но чистой воды. Расплачивался серебром, приберегая золото. Мешок изрядно уменьшился, но все же был тяжел.

- Давай на пристань, - распорядился я кучеру.

У причала стояли несколько ушкуев, одна шхуна и десяток парусных лодок. Я хотел арендовать одно из судов, чтобы быстрее добраться до Москвы. С такими деньгами рисковать не очень хотелось. Удалось с трудом договориться с владельцем одного из ушкуев, он заканчивал разгрузку. Договорились выйти утром, я оставил задаток и поехал на постоялый двор. После ужина я наказал хозяину разбудить с рассветом, приготовить в дорогу пирогов и вареную курицу, а также повозку.

Утром, только встало солнце, я уже был на причале. Хозяин судна ждал у сходней, и как только я взбежал на судно, мы отчалили. Во избежание сомнений я сразу отсчитал хозяину деньги. Мне выделили крохотную каюту на корме, где была узенькая койка и больше поместиться просто ничего не могло. Слава богу, путешествие не должно быть продолжительным, перекантуюсь. Пустое судно резво бежало под парусами, я стоял у борта, разглядывая и кое-где узнавая знакомые мне места. В голове теснились мысли - а что теперь? Открывать ли в Москве лечебницу или удариться в бизнес. Вроде и то и другое получалось у меня здесь неплохо. Судя по годам, скоро Петр I войдет во власть, выстроит город на Неве. Ему нужны будут грамотные люди. Только как приблизиться к нему? Ведь не карьеру хочу сделать, родине помочь, себя нужным ощутить. Так и не решив, пошел спать. Спал до ужина, когда хозяин пригласил покушать. Ушкой уже стоял у берега. На поляне горел костер, что-то булькало в котле. Поужинали, выпивать я не стал, а хозяин и не настаивал. Спать улегся в каюте, из-за духоты оставив дверь открытой. Долго ворочался и уже начал дремать, когда до меня донеслись тихие голоса. Разговаривали двое, где-то в районе мачты. В разговоре прозвучали несколько слов, которые меня насторожили - всех... сразу хозяина... сказал - мешок может... соглашайся. Эге, затевается что-то недоброе. В темноте на ощупь я проверил оба пистолета, положил на койку саблю, вытащив ее из ножен, проверил, как выходит из ножен нож. Один только неясный момент - капитан с ними или нет? Вся команда решила поразбойничать или

наиболее отпетые решили устроить бунт. Потихоньку найти капитана и рассказать ему? А если он в сговоре? Хотя нет, не похоже. Если капитан в сговоре с командой, кто не давал напасть на меня им днем. И как сообщить хозяину судна, если я даже не знаю, на берегу он или на судне. Ежели ходить искать, неведомые мне противники насторожатся, наверняка кто-то из команды приглядывает. Будь что будет, решил ждать. Хорошо хоть выспался, сон сморить не должен. На палубе еле слышное шлепанье босых ног. Я встал за узкую дверь, в обеих руках по пистолету. Шаги замерли перед дверью, тихий шепот, и в проеме двери возникли два силуэта. Один метнул длинный нож в койку. Если бы я там лежал, мне бы несдобровать. Я тут же выстрелил из обоих пистолетов по разбойникам. Оба свалились на палубу. Бросив пистолеты на койку, я схватил саблю и выскочил из каюты. На берегу слышалась возня, в свете догорающего костра мелькали тела и тени, слышались звуки ударов. На палубе корабля никого не было. Бросился по сходням на берег. Кто-то кого-то бил, мелькали ножи. Кого из них бить, кто разбойник, а кто остался верен хозяину? За день пути я даже всех лиц не разглядел. Ага, вон в стороне двое нападают на одного. У всех в руках ножи. По-моему, похож на хозяина. Надо выручать. Я подскочил сзади и рубанул саблей по руке, нож выпал, и, обливаясь кровью, матрос упал. Второй замешкался, и капитан ткнул его в живот ножом.

- Спасибо, вовремя подоспел. А кто стрелял на судне?

- Двое напали, - коротко пояснил я.

Капитан закричал:

- Федор, Лука, Никита, все сюда!

К нам пробивались двое. Три бездыханных тела лежали на поляне. Ну вот, вроде теперь понятно, кто за кого. Мы бросились на помощь команде, капитан кинулся в самую гущу схватки, я прикрывал ему спину. Пару раз пришлось здорово помахать саблей, что против нее ножи, даже длинные. Дело было сделано. Капитан обошел оставшихся. В живых осталось трое человек команды, четверо были убиты, и двое раненых бунтарей сидели, зажимая раны руками.

- У, душегубцы, давно я к вам приглядывался, носом чуял - неладное что-то. Случай подвернулся - пассажир наш двух самых скверных застрелил. Не он, уже к богу наши души отлетели бы. - Он повернулся ко мне: - С этими-то что делать будем?

- А посаднику в ближайшем городе сдай, коли рук марать не хочешь и грех на душу брать.

- Быть по сему, связать татей!

Разбойников связали, бросили в трюм. Тела убитых завернули в парусину и, привязав по камню, бросили в воду. Отдышались, выпили за упокой.

- Трудновато с судном управляться будет, людей мало, хорошо, если ветер попутный будет, а то на весла сажать некого. Плохо, что кормчего убили, реку знал хорошо. Бог даст - дойдем.

До утра уже не спали, прибирали судно, окатили палубу водой от крови, приготовили немудреный завтрак. Как только первые лучи осветили воду, оттолкнулись от берега. За рулевое весло встал сам капитан. По мере своих знаний я помогал матросам - закрепить парус, перевязать шкоты. Когда выдалось свободное время, подошел на корму к капитану, встал рядом.

- Видно, Бог тебя послал, помог от душегубов уберечься, спасибо. Меня Тимофеем звать.
- Юрий Кожин, из Москвы.
- Да и мы недалече живем, истринские мы.
- Что же у тебя, Тимофей, команда такая, без малого жизни не лишили да корабль не отобрали.
- Шкипер набирал, убили его. Самому надо было, да на шкипера понадеялся. Дел-то на берегу много – груз найти, загрузиться, доставить вовремя. На судно продукты, паруса, смолу, веревки, за всем не уследишь.
- А судно-то чье?
- Брата моего, от лихоманки позапрошлым годом умер. По наследству – женка его владелица, а управляюсь я, его семью кормлю и сам кормлюсь.
- Предложение у меня к тебе, Тимофей. Не хочешь ли ты мне служить вместе с судном и командой? Команду сам подберешь, пока в Москве стоять будем. Платить буду не меньше, чем до этого зарабатывал, а плавать будешь – куда я скажу. Тебе выгодно – груз самому искать не надо. Зимой, когда лед на реках встанет, – корабль чинить, к весне готовить будешь, а жалованье все равно идти будет. Подумай.
- А чего думать, согласен я, иногда бегаешь, бегаешь по купцам – ну нет грузов, хоть и сезон. А команде деньги вовремя дай, семьи две опять же кормить надо. Так что не сомневайся, служить на совесть буду, не подведу. Ты, я вижу, человек серьезный, вон как укорот разбойникам дал, да не только за себя постоял, мне и команде помог, хотя мог и на судне отсидеться.

Мы скрепили наш договор рукопожатием. Не сглазить бы. Деньги есть, судно есть, теперь бы и дело найти да своим жильем обзавестись. Хотя и мой дом в Петроверигском, да формально прав на него не имею. К вечеру дошли до Коломны. Мы с капитаном сошли на берег, пошли искать посадника, все же разбойников сдать надо да про убитых рассказать. Посадник, хотя и дома был, а не на службе в городской управе, нас принял, выслушал, стражу позвал – разбойников в городскую тюрьму перевезти велел. Когда обоих вытащили из трюма – один уже еле дышал, наверное, к утру отойдет, а второй хотя и бледен был, держался неплохо. Жить по чести не хотел, теперь в петле палача или на плахе жизнь закончит. Сам выбрал свой путь, никто не толкал.

С утра пошли на суд. На ушкуе для охраны остался только один вахтенный. Суд был при городской управе, судил посадник. Выслушал нас, заслушал разбойника, второй так и умер в тюрьме, не дождавшись суда. Может, оно для него и лучше. При стольких свидетелях отрицать свою вину было бесполезно. Приговорили к повешению, что и было немедля исполнено. Правильно, что за казенный счет ублюдка кормить. Мы поклонились посаднику за справедливый суд и стали спускаться по ступеням. В это время прямо ко входу лихо подкатила четверка коней с экипажем. Сзади гарцевала охрана – четверо конных. Лакей соскочил с задка кареты, раскрыл дверцу, откинул подножку. Из кареты задом вперед вылез сухощавый господин в добротном камзоле, в белых чулках, при шляпе, но без оружия. Ни шпаги, ни сабли я при нем не увидел. Господин медленно и важно стал подниматься по лестнице, а навстречу из дверей управы выскочил посадник, согнулся в поклоне. Видимо, отвлекся важный чин, не поберегся, соскочила нога со ступеньки, да и грохнулся. Посадник тут же подскочил, пытаюсь помочь встать. Но господин лишь ругался, в основном по-немецки. Наконец, совместными усилиями ему удалось встать, однако идти, да что там идти, даже опереться на одну из ног он

не смог. «Вывих или перелом лодыжки», – подумал я. Господина внесли в управу его дюжие охранники. Когда я попытался пройти следом, меня остановили.

– Я лекарь, хочу посмотреть, что с господином.

Старший охраны бросил:

– Стой здесь. Сейчас узнаю у господина Лефорта.

Меня как градом окатило. Не Франц ли Лефорт, швейцарец, будущий советчик Петра? У охранника я спросил:

– Не Франц ли господин?

Охранник кивнул. Старший вышел и позвал меня внутрь. Лефорт лежал на диване, обе ноги со снятыми туфлями покоились на подушке, на лице было страдальческое выражение. Я поклонился

– Юрий Кожин, лекарь. Не позволите ли осмотреть вашу ногу, сударь?

– Та, та, нога болеть, надо лечить.

Я осторожно стащил с ноги чулок. Нога в голеностопе уже распухла, наливалась красно-синюшным. Осторожно прощупал – да, вывих. Попросил старшего из охраны придержать ногу, резко дернул и повернул стопу. Со щелчком стопа встала на место. Пациент заорал от боли. Старший сделал угрожающую рожу и двинулся ко мне.

– Быстро давай холстину, туго перетянуть ногу надо.

Старший в растерянности остановился. Франц перестал орать, боль уходила.

– Что стоишь, делай, как сказали.

Охранник крутил головой, где в служебной комнате посадника найдешь холстину. Франц прошипел: – Снимай рубаху, рви исподнее, режь! – Охранник мгновенно разделся, под верхней шелковой рубахой была нижняя, более плотная. Ее-то мы и порезали на длинные полосы. Я туго подбинтовал сустав. Франц уже лежал спокойно.

– Молодец, я уже здоров?

– Надо три-четыре дня не ходить, ногу побережь, нужен покой, лежать в постели.

– Дел много, как же лежать?

Я решил пугнуть:

– А то можно остаться хромым.

– Ист гуд. Ладно, послушаем лекаря. Дай ему денег.

Охранник сунул мне серебром рубль.

– Откуда будешь?

- Московит я, здесь проездом, разбойники нас пытались ограбить, людишек побили.

- Да, да, да, просто беда с разбойниками.

Надо не упускать случай.

- Дня через три-четыре надо снять повязку и осмотреть ногу.

- Подойдешь в Москве в Немецкую слободу, мой дом тебе всякий покажет.

- Хорошо, господин.

Я слегка, на европейский манер, поклонился. Чертовски плохо, не знаю немецкого языка. Татарскому в плену научился, в своем времени английский учил, а вот немецкий?! Во время Петра многие его сподвижники говорили на немецком или голландском.

Мы с Тимофеем вышли из управы, поднялись на судно, и так уже целый день потеряли, правда, с пользой для меня. Франц Лефорт – это не купец или ювелир, я знал, что очень скоро он наберет вес, после Петра будет вторым человеком в государстве, в большом уважении у Петра.

К вечеру следующего дня пристали уже в Москве, на моей, вернее уже Михаила, пристани.

- Здесь будет место твоего причала. Без моего разрешения не отплывать. Держи пока денег – расплатись с командой, набери новых людей, только отбирай потщательнее. Продукты заготовь, оснастку, где веревки гнилые – поменяй. Несколько дней я тебя беспокоить не буду. Если нужда какая возникнет, я пока в доме Кожиных, в Петроверигском переулке жить буду, а там видно будет.

Мы по-дружески расстались. Идти было недалеко, да и повозок поблизости не было, пошел пешком. Ополовиненный мешок с деньгами не сильно обременял, дошел быстро, даже не запыхался. Прислуга узнала,пустила. Я сразу прошел на второй этаж, в кабинет Михаила. Поздоровавшись, уселся в кресло. Достал из мешка деньги, отсчитал и вернул Михаилу.

- Спасибо, брат, выручил, но долг платежом красен, возвращаю, а вот саблю и пистолеты пока оставлю, они мне жизнь спасли. – Я коротко пересказал матросский бунт, упомянул о знакомстве с Лефортом, о том, что арендовал судно с командой. Теперь я попросил Михаила подыскать мне жилье. Тот замахал руками:

- Что ты, что ты, совсем меня обидеть хочешь? Живи, сколько надо, ты меня нисколько не стесняешь, да и мне интереснее, поговорить можно с кем-то, не с холопами же.

Мы с Тимофеем вышли из управы, поднялись на судно, и так уже целый день потеряли, правда, с пользой для меня. Франц Лефорт – это не купец или ювелир, я знал, что очень скоро он наберет вес, после Петра будет вторым человеком в государстве, в большом уважении у Петра.

К вечеру следующего дня пристали уже в Москве, на моей, вернее уже Михаила, пристани.

- Здесь будет место твоего причала. Без моего разрешения не отплывать. Держи пока денег – расплатись с командой, набери новых людей, только отбирай потщательнее. Продукты заготовь, оснастку, где веревки гнилые – поменяй. Несколько дней я тебя беспокоить не буду. Если нужда какая возникнет, я пока в доме Кожиных, в Петроверигском переулке жить буду, а там видно будет.

Мы по-дружески расстались. Идти было недалеко, да и повозок поблизости не было, пошел пешком. Ополовиненный мешок с деньгами не сильно обременял, дошел быстро, даже не запыхался. Прислуга узнала,пустила. Я сразу прошел на второй этаж, в кабинет Михаила. Поздоровавшись, уселся в кресло. Достал из мешка деньги, отсчитал и вернул Михаилу.

- Спасибо, брат, выручил, но долг платежом красен, возвращаю, а вот саблю и пистолеты пока оставлю, они мне жизнь спасли. - Я коротко пересказал матросский бунт, упомянул о знакомстве с Лефортом, о том, что арендовал судно с командой. Теперь я попросил Михаила подыскать мне жилье. Тот замахал руками:

- Что ты, что ты, совсем меня обидеть хочешь? Живи, сколько надо, ты меня нисколько не стесняешь, да и мне интереснее, поговорить можно с кем-то, не с холопами же.

- Все так, Михаил, да только не монах я, вдруг женщину захочется, да и своих слуг нанять хочу, им тоже где-то спать надо. По возможности буду сам часто заходить, да вас в гости ждать буду, но все-таки свой дом хочу занять.

- Ну чего же, вольному воля. Я поговорю с сыном, он найдет что-нибудь подходящее.

- Только не очень большой, денег у меня не так много, да и дела своего пока нет.

В заботах пролетели два дня, пора было навеститься к Лефорту. Я выпросил у Михаила пролетку и поехал в Немецкую слободу. На месте спросил дом Лефорта, мне его тут же указали. У дома стояли уже знакомый экипаж и та же охрана. Меня узнали, провели в дом. Войдя в комнату, поклонился Лефорту, тот меня тоже узнал, улыбнулся скупому:

- Здравствуй, лекарь. Бог дал тебе хорошие руки, нога почти не болит, по дому хожу уже хорошо.

- Посмотреть ногу надо, повязку снять.

- Некогда мне сейчас, уезжаю. Вот что, поедем со мной, место в карете есть, на ходу и посмотрим. Обрато тебя отвезут.

Ну что же, так оно, может, и лучше. Два охранника, поддерживая, а по ступенькам и вообще на руках, вынесли своего господина, усадили в карету, следом, на сиденье напротив, уселся и я. Дверцу прикрыли, и карета тронулась. Я стянул туфлю и чулок пациента, осмотрел ногу. Суставчик был иссиня-желтый, но отек ноги спал, так, легкая припухлость. Пропальпировал кости - переломов все-таки нет. Пожалеешь, что нет рентгена. Помог надеть чулок и туфлю.

- Надо поделывать компрессы вот с этими травами неделю, затем попарить несколько дней ногу.

Франц слушал внимательно, а бумагу с названиями трав спрятал за обшлаг левого рукава. Еще по первому моему переносу сюда я усвоил, что чужестранцы более тщательно заботятся о своем здоровье, чего не скажешь о нашей нации - не болит и ладно, а если болит - выпей водки и пройдет. Не скоро, ох, не скоро мы будем европейцами. За неспешным разговором выехали за город. У каких-то рвов бегали солдаты в одинаковых синих мундирах. Я попытался вспомнить-то ли преображенцы, то ли семеновцы. А может, их и вообще еще нет, просто потешные полки Петра. Францу помогли выйти из кареты, к нему подбежал долговязый подросток, азартно обнял Франца. Тот поморщился.

- Фу, что у русских за манера сразу обниматься, Петр!

Я мысленно ахнул – так вот это Петр, будущий вершитель судеб России, реформатор и одновременно палач стрелецкий, просветитель и алкоголик. В нем было столько намешано, что сразу не определить, чего больше – плохого или хорошего. Но однозначно одно – сделать ему предстояло многое.

- А это кто с тобой, Лефорт? Почему не знаю?

- Лекарь это мой, друг Петенька.

Я скромно вышел из-за спины охранника. Петр окинул меня внимательным взглядом выпуклых, даже слегка каких-то выпученных глаз.

- Лекарь? Это хорошо, нам нужны будут лекари, воевать будем.

- Не только лекарь, Петр Алексеевич, пушкарь еще.

- Да? – заинтересовался Петр. – А морское дело ведаешь ли?

- Нет, Петр Алексеевич.

- Пойдем со мной, братец, – схватил меня за рукав Петр и потащил к солдатам.

Впереди в капонире стояло несколько пушек и мортира. Раздался глухой звук выстрела, мортира окуталась дымом. Все задрали головы, следя за полетом ядра. Оно упало не очень далеко, не долетев до цели – вкопанного столба – метров сто.

- Почему так стреляют? Знаешь?

- Мортира чугунная, заряд слабый.

- Откуда знаешь?

- У чугунной мортиры звук выстрела глухой, а у бронзовой – звонкий, после выстрела, как колокол, звенит. В чугунную мортиру много пороха класть нельзя, разорвет, бронза более податлива, заряда больше сыпать можно, пожалуй что ядро и долетит.

Петр уставился на меня удивленно.

- А ведь и правда, ты даже к капониру не подходил, а расслышал, как есть. Где огненному бою учился?

- Приходилось, ваша светлость, и в плену побывать, у магометан посмотрел и на море канониром был, жизнь заставила.

- А можешь ли моих бомбардиров научить?

- Научить могу, ваша светлость, да только мортиры бы бронзовые да порох хороший.

Петр от удовольствия хлопнул меня по плечу.

- Вот это по-нашенски! С завтрава зачисляю тебя бомбардиром к преображенцам. Вот их командир, знакомьтесь.

Ко мне подвели сухощавого офицера, к сожалению, в тех званиях и регалиях я разобрался

слабо.

- Поставь мужа сего, фамилией Кожин, бомбардиром в первую роту со всеми причитающимися видами довольствия. Пусть канониров учит, как стрелять потребно.

М-да, такого исхода и такой службы я не ожидал. К Петру приблизился Лефорт, глядя на меня, что-то зашептал на ухо. Тот отмахнулся:

- Ладно, ладно, пусть пушкарей обучит, коли сам зело понимает, а потом посмотрим.

И мне:

- Завтра с утра в полк, а сейчас свободен.

Ну и день, не успел в Москву вернуться, а заделался бомбардиром в Преображенский полк. Только тут начало доходить - а ведь при Петре служили двадцать пять лет. Или он такой указ позднее издал? Вляпался, как кур в ошип. Юра, ну тебе оно надо? Убежать из Москвы? Рано или поздно могут сыскать, уже не так много времени осталось до создания Петром Преображенского, читай, Сысного, приказа. Ладно, бог не выдаст, свинья не съест. Попробуем, жизнь покажет.

Вернувшись в Москву, рассказал о службе Михаилу.

- Ну вот, не успели пообщаться - тебе на службу. Чего уж было так торопиться, за эти деньги, что Петр на жалованье отпускает, можно и лучше дело найти.

И в самом деле можно, я сам был слегка растерян, дернуло меня познания в пушкарском деле проявить. По лекарской части проявлять себя надо. Я заказал через Михаила кое-какие инструменты. Надо ведь обрастать инструментарием. Поинтересовался, ищут ли мне жилье.

- Ох, не скорое это дело. Не так много в Первопрестольной каменных домов, да еще и на продажу, но сын будет искать.

С утра заявился в полк. Предстал перед ясными очами командира. Меня записали в послужной лист, затем командир кликнул вестового, и меня провели в цейнгауз - подбирать мундир. Повозился немного, но портной подогнал по размеру, а вот сапоги пришлось впору. Посмотрел на себя в мутноватое от времени зеркало - ха, прямо бравый вояка. Вот уж не мыслил себя на воинской службе. Вестовой отвел меня к моей бомбардирской роте, по-современному - к батарее. Личный состав выстроился - около сотни бородатых лиц, многие уже в возрасте, кое у кого мундиры уже пообстирались, руки заскорузли - с пушками работать тяжело, да и грязно. Пойди, отмой после стрельбы орудие и пороховой нагар с рук. Это ведь не современный бездымный порох.

- Я ваш командир, буду учить вас стрелять из пушки и мортиры. Сейчас всем разойтись к своим орудиям.

Солдаты разбежались по своим местам. Я подошел к первому орудью - это была чугунная пушка.

- Кто командир орудия?

Канониры начали растерянно переглядываться.

- Заряжай!

Солдаты начали бестолково суетиться. Так, ясно.

- Всем стоять!

Солдаты замерли. Я выбрал солдата со смышленным лицом

- Ты будешь командиром орудия!

- Слушаюсь, ваше высокобродь!

- Ты будешь командовать расчетом орудия. Встаньте все в ряд.

Солдаты встали.

- Ты будешь наводчиком, наводишь орудие на цель, понял?

- Понял, дело знакомое.

- Ты будешь банником чистить ствол после выстрела.

- Ты, - ткнул пальцем, - засыпать шуфлой порох в ствол, сколько скажет командир.

- Вы двое, подносить ядра к пушке и закатывать в ствол.

- Ты, - ткнул пальцем, - засыпать шуфлой порох в ствол, сколько скажет командир.

- Вы двое, подносить ядра к пушке и закатывать в ствол.

Короче, я определил все номера расчета. Каждому указал конкретную работу и так же обошел все орудия.

- Командиры орудий, ко мне!

Подбежали все четыре. Я объяснил, что выстрел надо производить по моей команде. По команде же увеличивать пороховой заряд, по моей команде доворачивать орудие влево или вправо и поднимать ствол. Целый день солдаты учились заряжать орудия, я пытался довести это непростое действие до автоматизма, проверяя по часам с секундной стрелкой. И так три дня. Когда получаться стало неплохо, неожиданно поменял номера расчетов, тот, кто подносил ядра, стал орудовать банником, кто засыпал порох, стал таскать ядра. Скорость зарядания снова упала. В перерыве ко мне подошли командиры орудий. Помявшись, решились на вопрос.

- Ваше высокобродь, зачем номера расчетов менять? Только вроде приловчились и снова начинать?

- А сами не додумались? Представьте, идет бой. В капонир с пушкой угодило ядро, один номер погиб, другой ранен. Что же, пушка должна перестать стрелять? А кто пехоту поддерживать будет? Ваши товарищи в голом поле на неприятеля со штыком бегут, а тут и пушки замолчали. Нравится вам это?

- Поняли, господин офицер, премного извиняемся.

После перерыва дело пошло веселее, видно, командиры у себя объяснили, зачем я сделал перестановку. К вечеру, полуголые, снявшие от гари и пота мундиры и рубашки солдаты еле переставляли ноги.

С утра начал объяснять командирам, как увеличивать или уменьшать дальность стрельбы. Если у мортир угол возвышения ствола всегда одинаков – сорок пять градусов и дальность можно менять только изменением количества пороха, то у пушки лафет другой – можно менять и угол возвышения ствола. Для наглядности зарядили пушку нормальным зарядом и выстрелили. Ядро, пролетев метров триста – триста пятьдесят, взрыло землю. Теперь заряд слегка увеличили, ядро улетало заметно дальше.

- Дело в том, что нельзя все время увеличивать вес пороха, ствол не выдержит, его разорвет, можно увеличить угол наклона ствола.

Поскольку на лафете никаких приспособлений не было, величину наклона меняли, подкладывая деревянные клинья под колеса или станину. Мы подложили клинья, пушка задрала ствол. Зарядили обычным зарядом и выстрелили, ядро пролетело столько же, сколько и при усиленном заряде.

- Все поняли?

Канониры закивали. Следующим делом изменяли сектор обстрела. Вот только как объяснить солдатам, на сколько градусов повернуть орудие влево или вправо, если никто из них писать не умеет. Наконец до меня дошло – на полпальца влево или на два пальца вправо – так по моей команде они поворачивали станину орудия. Дело стало получаться. Гонял я их до седьмого пота, памятуя поговорку Суворова: «Тяжело в учении, легко в бою». Может быть, мой труд сэкономит эти солдатские жизни? Вечером ко мне подошел командир полка.

- Как идут дела?

- Учимся пока, стараются ребята.

- Что-то уж больно мягко ты к ним относишься, не видел, чтобы ты их бил или через строй прогонял.

- Повода не было, коли солдат неправильно что-то делает, стало быть, командир не научил.

Командир только покачал головой и собрался уйти.

- Подождите, Иван Савельевич! Просьба у меня к вам, нельзя ли шелка хорошего купить, аршин десять?

У командира от удивления челюсть отпала.

- Это зачем еще? Никак рубахи пошить решил?

- Нет, я в Париже видел, что порох не шуфлой в ствол пушечный кидают, а заранее в мешочки шелковые отмеряют – перезаряжать быстрее получается.

Командир сначала задумался, затем махнул рукой: – А зачем нам быстро?

Я так растерялся, что не сразу нашелся с ответом. Ну и черт с ними, если сам командир полка не понимает! Вызвал фельдфебеля – нечто вроде старшины или прапорщика в современной

армии, дал денег, наказал с утра сходить в лавку негоцианта и купить самого тонкого шелка на все деньги. Немного оторопев, тот спросил: – А цвет?

Тут уже я захохотал.

– Любой, лучше белый.

На следующий день, как только фельдфебель привез шелк, все солдаты превратились в портных. Один резал шелк по размеру, другие иголками, вручную, сшивали мешочки. Потом все стали развешивать порох, ссылая в мешочки. Когда все было готово, я спросил:

– Кто догадался, для чего мешочки с порохом?

Ответом было молчание.

– Хорошо, захватите пару мешочков и идите все к орудию.

Я приказал сделать два выстрела подряд старым способом, когда порох засыпали в ствол специальными совочками с длинной ручкой – шуфлой. Затем еще два выстрела подряд, но уже с готовыми шелковыми мешочками. Результат последнего примера удивил всех.

– Занятно, вашбродь, – подошли ко мне командиры, – но зачем?

– Чем быстрее вы сможете стрелять, тем больше врагов будет убито, тем целее сами будете и пехотинцев сбережете.

Такие ежедневные занятия я продолжал полгода. За это время видел Петра только издали один раз. И стоило из-за этого идти в пушкари, так и медицину можно забыть. Я ждал подходящего случая, а он не замедлил появиться. Одним ранним летним утром командир полка собрал командиров.

– Государь Петр Алексеевич высочайше изволил здесь, в Кожухово, устроить учебную баталию, посмотреть хочет, поелику солдаты его в ратном деле преуспели. Кроме нашего полка будут семеновцы. Надо не ударить в грязь лицом. Командовать учениями будет генерал Гордон. Мундиры почистить, пушки надраить, солдат по лицу не бить, дабы синяков видно не было. Выполнять!

У меня по батарее синяков и так не было, вот форму поизносившуюся починить да почистить не помешает.

Через три дня в полк прибыл большой обоз людей, пролеток, экипажей. Пovyлазили оттуда разнаряженные генералы и прочая придворная свита. Разукрашены орденами, мундиры шиты золотом, развеваются перья на шляпах. Ей-богу, куда им воевать, хорошего бы снайпера у противника, полчаса, и конец войне. Невольно я обратил внимание – Петр не любил ездить верхом, или в возке, или пешком. Командовал Гордон. Петр забрался со свитой на холм, наблюдал оттуда. После постановки задачи Гордоном командиры рот и батарей разбежались по своим местам. Пехотинцы выстроились в три шеренги и пошли на приступ неприятеля. Гордо развевалось полковое знамя, били барабаны. Со стороны – цирк, да и только. Нам дали отмашку, и все три батареи начали стрельбу. Наша батарея показала, что полгода не зря хлеб жевала. Стреляли очень быстро, точно, чего нельзя сказать о других батареях. С холма, где был Петр, подскакал офицер.

– Кто командир роты?

Я сказал:

- Кожин.
- Сколько орудий на батарее?
- Две пушки, две мортиры.

Офицер ускакал, а мы продолжили стрельбу. Я смотрел на цели, командовал орудиями. Вдруг сзади рявкнул голос командира полка:

- Смирно!

Все застыли, я обернулся. В трех шагах от меня стоял Петр и с ним свита.

- Больно быстро и хорошо стреляешь! Кто таков?
- Кожин, государь. Если припомните, лекарь я, Лефорта лечил.
- Да, да, припоминаю. А правда ли, что на батарее четыре орудия, не верит никто, говорят - не меньше восьми должно быть, уж больно стрельба изрядная.
- Правда, государь.

Петр обошел позиции бомбардирской роты.

- И правда, четыре всего. Молодец!

Он порывисто меня обнял, стиснул в объятиях. Я чуть не задохнулся.

- Как удалось?

Я подошел к ближайшему орудью, показал шелковый мешочек для пороха. Объяснил, для чего, коротко рассказал о тренировках.

- Молодец! Выпей со мной чарку вина.

Из-за спины вынырнул ординарец, налил из бутылки вино в два здоровенных кубка.

- Упаду, - мелькнуло в голове. Но выпить надо. Кубок из рук царя - что медаль. Петр первым осушил кубок и требовательно на меня глянул. Я последовал его примеру, выпил и перевернул кубок, показывая, что он пуст.

- Вот это по-нашему, - захохотал Петр, в свите захихикали.

- Где шелк взял?

- Купил.

- А деньги откуда?

- На свои.

Петр грозно посмотрел на командира полка.

- Почему мне не сказал, такими мешочками только турки пользуются, нам еще перенимать надо, а у тебя командир роты умней тебя оказался.

Повернулся ко мне: - Проси, что хочешь! Порадовал ты меня сегодня. Нам бы таких гренадеров и бомбардиров побольше - Турции башку быстро бы скрутили.

- Дозволь госпиталь открыть в Москве, дабы лечить раненых, больных и увечных. Здание мне надо да немного денег на инструменты.

Петр задумался.

- Не время пока сейчас, на Азов скоро походом пойдем. Назначаю тебя командиром всех пушкарей в полку, обучи все бомбардирские роты, как свою. Повоюем Азов, а там можно и вернуться к разговору о госпитале. У самого такие думки были. Деньги на картузы для пороха в полковой казне возьми, позволяю. Ну а для себя что хочешь?

- Отпуск на три дня.

- Дозволяю! Ты сегодня меня порадовал, а Гордон - так в удивлении просто, нигде в Европе так не стреляют, может, только османы.

- Дозволяю! Ты сегодня меня порадовал, а Гордон - так в удивлении просто, нигде в Европе так не стреляют, может, только османы.

С утра, после доклада командиру полка, я уехал в Москву, была настоятельная необходимость. Михаил с сыном подобрали каменный дом для меня. Надо было осмотреть и, если понравится, составить купчую. Дом был недалеко от моего старого жилья, небольшой участок земли, каменное строение в один этаж и шесть комнат - меня дом устроил, и мы со старым хозяином поехали составлять купчую. Теперь в управах появились для оформления таких сделок специальные люди - стряпчие. В заботах прошел день. Вечером, как водится на Руси, обмыли попку. Я попросил Михаила еще об одной услуге. Нанять мне прислугу - сторожа, кухарку, кучера. Сын его, Юрий, пообещал уже завтра решить вопрос. Следующим днем я направился в Немецкую слободу, спрашивал на постоялых дворах, где лекари живут. Обойдя несколько человек, изрядно поторговавшись и облегчив кошелек, купил я кое-какие медицинские инструменты - скальпели, ножницы, зажимы. Были они, правда, странноваты - с вензелями и прочими украшениями, но работать ими было можно. На торге купил сундучок и выбеленный холст - для перевязок. Теперь у меня был хотя бы походный медицинский инструментарий. Попросил у Михаила небольшой бочонок спирта для стерилизации инструментов. С этим проблем не было. Навестил Тимофея - судно стояло у причала, матросы лениво валялись на палубе. Непорядок, получая зарплату, люди должны работать, лень развращает. Оплатил некоторые расходы по ремонту судна, выдал капитану жалованье для команды. Поскольку я вчера договорился с Михаилом, временно судно будет работать на него, зарабатывая деньги на свое и мое содержание.

Денег у Петра в армии платили немного - командир роты получал двадцать пять рублей. Надо отдать должное - платили вовремя и только золотом или серебром. Медью в армии не платили. Медные монеты были в ходу только у гражданских. Решив накопившиеся дела, убыл в полк.

Пришлось заново начинать работать с новыми людьми и батареями. Своих командиров орудий по одному дал в другие батареи для наглядного примера. По мере обучения и другие батареи подтягивались до уровня моей старой. Незаметно летело время, в полку стали часто появляться офицеры с донесениями, проверяющие. Чувствовалось приближение какого-то

события. Однажды утром командиров рот собрал командир полка. Полковник был краток – выступаем на Азов. Завтра придут подводы, артиллеристам грузиться на подводы, все забирать с собой – порох, ядра, пушки, обмундирование. Пехотинцы идут пешком. Собираемся под Воронежем, идем тремя колоннами. Приказ ясен? Выполнять.

Как обычно, в лагере началась суета. Укладывались вещи. Разбирались пушки. Когда на следующий день пришел обоз, грузили оружие и припасы на телеги. Много ли погрузишь на подводу? На одной телеге ствол от пушки. На другой лафет. Только артиллерийский обоз растянулся на версту. Лишь к обеду смогли выйти из лагеря. Во главе колонны, верхом на лошади, трусил я, рядом фельдфебель – он хорошо знал дорогу на Воронеж. Замыкающим ехал командир второй батареи, дабы подгонять отставших, рядом с ним для связи так же верхом – вестовой. Пыль от множества ног, копыт, колес стояла невообразимая. Вечером обоз въехал в небольшую деревушку.

- Привал, – обернувшись к колонне, крикнул я. Солдаты брели к единственному колодцу, напиться, умыть лицо.

Когда солдаты из головной части уже кашеварили, хвостовая часть въезжала в деревню. Офицера из замыкающих я еле узнал из-за пыли. Пыль лежала на лице, на мундире, на лошади. Спрыгнув с лошади, тот долго отряхивался.

- Эдак пока до Воронежа доедем, не отмоемся вовек.

- Что делать, служба!

Офицеры собрались у костра, кашу с салом уже сварил вестовой. Спали кто где смог найти место. Обочина вдоль дорог, все свободные места были заняты спящими людьми, лишь выставленное мной охранение маячило и переговаривалось поодаль.

До Воронежа двигались около двух недель. Когда засверкала речная гладь, навстречу нам примчался верхом вестовой.

- Преображенцы?

- Да.

- Бомбардиры?

- Да.

- Петр приказал еще две версты вперед и на берегу реки разбивать лагерь, ждать погрузки на суда.

Ну что же, судами передвигаться легче, и так у меня человек десять ехали на подводах с потертыми в кровь ногами. Я проскакал вперед, выбрал удобное место для лагеря с песчаным пологим спуском к реке, дабы грузиться было удобнее, чай, мы не пехота. Тяжелые пушки, ядра затаскивать надо. Подождал, пока подтянется обоз, построил солдат. Измученные лица, пыльные мундиры.

- Гвардейцы! Сейчас здесь разобьем лагерь, будем ждать погрузки на корабли. Еще раз напоминаю – воду пить только кипяченую, руки перед едой мыть, не будете заботиться, забудете – сляжете с животами. Только обузой будете! Все поняли? Разойдись! Командиры – ко мне!

Я дал указания командирам, где ставить шатры, условился об охране лагеря. Хотя вокруг неприятеля нет, однако воинская дисциплина обязывает. Сам успел умыться и поехал верхом искать штаб – Петра, или Лефорта, или кого-нибудь из генералов. Впереди показался воинский лагерь – я позавидовал, река, сосновый бор, воздух чистейший. На мое счастье, здесь был мой полковник. Он и рассказал, что уже готова флотилия судов, поджидают отставшие и припозднившиеся части. На днях будем грузиться и по реке спускаться в низовья Дона.

- Много ли больных и умерших в ротах?

- Да человек десять на подводах с потертыми ногами.

- Всего-то? В других ротах по десять-пятнадцать человек в деревнях пооставляли, у кого кровавый понос, у кого лихорадка. Повезло тебе. Ладно, отправляйся к себе, приводите себя в порядок, думаю, Петр может приехать проверить. Большие надежды у него на пушки.

Когда вернулся к себе в лагерь, увидел раскинутые шатры, поднимался дым от костров, кашевары помешивали варево в котлах, солдаты мылись в реке, стирали пыльное и потное обмундирование. Война, поход – это прежде всего грязь, пот, труд, кровь. Мало в ней героического. Генералы гордятся славными викториями, но кто считал, сколько безымянных могил осталось на полях сражений.

За несколько дней солдаты отошли от перехода, расправились плечи от тяжелых ранцев и ружей, отдохнули натруженные ноги. Кое-где уже раздавались шутки и смех. По лагерю шастали вездесущие торговцы, продавали все, что угодно, от иголок до водки. Я собрал командиров, предупредил – смотрите за торговцами, ежели водкой торговать будут, отобрать и вылить на землю. Вино дозволяю.

Через пару дней из бора показались всадники – передовое охранение, следом ехала открытая пролетка, в которой издали была видна фигура Петра.

- Стройся!

Солдаты бросились одеваться, становиться в строй. Когда возок с Петром подъехал, все уже построились побатарейно.

Петр окинул войско радостным взглядом:

- Орлы! Молодцы, гвардейцы!

Грянуло дружное солдатское «Ура!».

Осмотром лагеря, а также моими потерями при переходе государь остался доволен.

- Подойдут суда, грузитесь. Дальше будет действовать капитан на каждом судне, перед Азовом выгрузитесь.

Когда подошли корабли и мы погрузились, суда опустились ниже, собрались в большую флотилию и двинулись вниз по реке. Сила шла большая, почти от берега до берега, на протяжении нескольких верст почти не было видно воды – шли шхуны, галеры, ушкуи и вообще все, что могло плавать. Солдаты наслаждались отдыхом, разбившись на кучки играли в кости, травили веселые байки. Я тоже смотрел на берега – чем дальше от Воронежа, тем ближе берега, глазу зацепиться не за что – степь. Несколько раз, довольно близко от низовий, к нам подскакивали разъезды на низких степных лошадях – то ли татары, то ли ногайцы – поди

разбери. Стоя поодаль, рассматривали корабли, но не обстреливали, исчезали так же внезапно, как и появлялись. По-моему, турки уже были в курсе, что по реке сплавляется русское воинство, и, наверное, приготовятся нас встретить, разумеется, не хлебом-солью.

Доплыли до Азова, остановились, не доходя верст пять, выгрузились на удивление спокойно, турки не тревожили набегами, видно, уверовали в толщину своих крепостных стен. А стены были в самом деле внушительные – высокие, мрачно-серые, в сторону степи выходили двое ворот, крепость окружал глубокий ров. С другой стороны крепость выходила к морю. Там маячили турецкие суда с зелеными вымпелами на флагштоках. Нам туда соваться не стоило – у Петра речная флотилия, на море такие суда неустойчивы на волне, да и вооружение на суденышках несерьезное. Нам же они крови могут попортить много – в низовьях Дон довольно глубок, позволяет заходить морским судам на несколько миль, а то и десятков миль вверх. Такого маневра турок я и опасался, но все обошлось. Войска встали лагерем на виду у неприятеля, каждая часть отдельно – были здесь казаки, стрельцы, ополчение, из регулярных войск – оба-два петровских полка – Семеновский и Преображенский. Несколько дней ничего не происходило – наши лазутчики подбиралась к крепости, турки лениво постреливали, крича со стен что-то обидное. Наконец Петр решился на штурм. Из истории я знал, что первый поход Петра на Азов был неудачным, крепость взять не удалось, понеся тяжелые потери, поэтому особо не надрывался, не лез вперед, не подставлял попусту своих солдат. Начали атаку стрельцы, волнами накатывались они на крепость, после ожесточенного пушечного огня турок откатывались назад, бросая на поле боя раненых и убитых. Помощи раненым почти никто, кроме своих товарищей, не оказывал. Зря Петр пренебрегал медициной – многих раненых можно было спасти, многократно сократив потери. Да разве государи считают солдатские души? Кое-как, под покровом ночи, удалось завалить хворостом и прочим хламом крепостной ров. Турки регулярно пытались поджечь хворост, поливая его сверху горячей смолой, а иногда делая вылазки. Однажды казаки чуть не ворвались в крепость, но турки успели закрыть ворота, бросив своих солдат на истребление. Но и это было случайной удачей. Сделать что-либо со стенами не представлялось возможным. Орудия наши были слишком маломощны, дальность невелика, стены разрушить они не могли. У пехоты не было никаких средств, чтобы взобраться на высокую стену. Грамотных инженеров-саперов, чтобы сделать подкоп и взорвать стену, не было также. С каждой неделей солдат от болезней умирало больше, чем от ранений. Армия топталась на месте. Петр приходил в бешенство, сменял командиров, но толку не было. Чтобы взять крепость, нужна была обученная армия, а не стрельцы. Они привыкли жить в Москве на всем готовом и ничего не делать. Хорошей саперной поддержки тоже не было – нельзя было ни таран хороший соорудить, ни осадные башни построить. К тому же турки, осмелев от долгого и бестолкового топтания русских у крепости, стали делать по ночам набеги. Из ворот вырывалась толпа всадников, рубила все и вся и так же стремглав уносилась обратно. Стрелять в темноте из пушек невозможно – не знали, куда целиться. Пешему солдату противостоять конному можно только в строю, а какой строй и организованный отпор ночью. Стрельцы разбегались кто куда, слыша топот копыт и турецкие крики «Алла!». Каждый день поутру считали убитых и раненых, несколько человек попали в плен. Вокруг лагеря армии кружились конные крымские татары, ногайцы – постреливали из луков, периодически вырезали дозоры. Петр уже и сам начинал понимать всю безысходность и беспомощность осады. Война – дело серьезное, готовиться к ней надо основательно – учить и вооружать армию, готовить запасы пороха, ядер, продуктов. Петр по молодости решил взять крепость нахрапом. Через несколько месяцев бестолковой осады Петр собрал генералов, долго заседал, наконец решили осаду снимать и уходить. Путь-дорога не близкая, наступит осень со своими дождями, тяжело вернуться будет. Многие из свежестроенных Петром в Воронеже судов затонули – строили наспех, из сырого дерева, опыта постройки было мало. Да и нельзя было построить качественно столько кораблей. Ведь было построено около восьмидесяти разных судов, а бригада корабелов в лучшем случае два корабля за год строила. Вот и получилось, что

получилось. Хотя часть армии погибла в сражениях, часть умерла от болезней, мест все равно не хватало. Генералы решили часть войск, в первую очередь больных, раненых, отправить судами по реке, задействовали все, что могло плавать, – галеры, струги, лодки, шхуны. Люди сидели в душных трюмах, лежали на палубах, но все понимали, что идти пешком еще тяжелее. Я со своими артиллеристами отступал к Коломне, пушки были снова погружены на подводы, канониры шли за ними. Почти все были целы, за исключением десятка больных. Уныло обоз двигался на север, под стать было и настроение – три месяца осады, кроме потерь, ни к чему не привели. Да еще я опасался нападения турок или их сподручных – татар. Это на позициях артиллеристы сильны – пушки защитят. А в походе пушки разобраны, лежат на подводах. У солдат из оружия – артиллерийские тесаки, что-то вроде коротких мечей. Сабли только у офицеров. Случись напасть конным татарам – защищаться нечем будет. От моих опасений командиры отмахивались. Но именно так все и произошло.

Глава 10

Крымский пленник

Мы уже отошли верст на сто, подойдя к слиянию Дона и Северного Донца, когда из прибрежной рощицы вымахало сотни две конных татар.

- Подводы в круг! – скомандовал я.

Но пока крестьяне в телегах начали разворачивать коней, татары уже успели подскочить вплотную. Началась самая настоящая мясорубка. Конными были только три моих офицера и я. Так мы и приняли бой. На меня налетели сразу трое. Саблей-то я владел неплохо, но щита не было, никакой кольчуги тоже. Кольчуг не было и у татар. Но были щиты. Одного, видимо самого горячего и молодого, мне удалось свалить сразу. Уклонившись от его удара, я, не мешкая, вонзил саблю в его левую подмышку. Татарин упал на шею коня. Спереди и с правого бока уже опасно сверкали клинками двое других. Видимо, смерть первого их ужасно разозлила. Я вертелся, как угорь, отбивая атаки со всех сторон. Смотреть, что с моими солдатами, времени просто не было. Наконец удалось извернуться и рубануть по руке одному из татар. Сабля его выпала из руки, он стегнул лошадь здоровой левой и отвалил в сторону. Теперь полегче будет – один на один. Давно я не сражался саблей, да еще верхом, подуставать стал. Плохо, что рядом с собой я не видел своих офицеров – убиты ли, может, просто бой отошел в сторону. Татарин завизжал и снова кинулся в атаку. Удар, еще удар – я успешно отбивался. Вдруг шею сдавило, и, ничего не успев сообразить, я вывалился из седла и грохнулся о землю. Меня тут же поволокло по земле. Сабли в руке уже не было, скорее всего обронил при ранении. Я попытался перевернуться на спину, чтобы не биться лицом о землю, и мне это удалось. Схватившись обеими руками за волосяной аркан, попытался ослабить хватку. Не тут-то было. Единственное, мне чуть удалось ослабить хватку аркана, чтобы не задохнуться. Сколько продолжалась гонка, сказать не могу, мне каждое мгновение казалось вечностью. Наконец лошадь остановилась, аркан ослаб, ко мне подбежали два татарина, не дав подняться, связали руки и ноги. Перебросили позади татарской лошади, и мы снова поскакали. Кровь прилила к изодранному лицу, рядом мелькали неподкованные копыта татарской лошадедки. Судя по топоту копыт, вся татарская орава скакала рядом. То ли отбились наши, то ли татары насытились кровью и нахватались трофеев, но теперь они уходили от русской армии дальше и дальше в степь. Здесь была их земля, они знали каждый овраг и каждую дорогу. Черт, опять не повезло, опять в плен к мусульманам. Пока меня немилосердно трясло на лошадке, я обдумывал, что делать. Убежать пока невозможно, язык татарский знаю – это хорошо, но надо это скрывать – может, сболтнут при мне что-то интересное и важное. Самое главное – остаться сейчас в живых. С этих станется – приведут к своему баю да устроят потеху, шкуру с живого

спустят или еще чего учинят, в этом они мастера. К вечеру подъехали к реке, коней напоили и двинулись дальше. Судя по тому, что скачка стала тише, до их лагеря или стойбища было недалеко. Остановились. Меня, как куль, сбросили с лошади, хорошо, хоть падать было невысоко. Обступившие меня татары, рассмеялись.

- Урус, готовься умереть!

Из богатого шатра выскочил один из татар, подбежал к нам. Бек требует пленника к себе! Тупым концом копья меня погнали к шатру, развязав ноги, но оставив связанными руки. Саднила от аркана шея. Я осторожно озирался по сторонам. Ба, моя лошадка полковая, к седлу сзади приторочен небольшой сундучок с медицинским инструментарием. В голове сразу созрел план. Меня втокнули в шатер. Со света показалось темно. Сопровождающий пнул меня по ногам так, что я упал на колени.

- Ползи к беку, неверный! Моли Аллаха о пощаде.

Я на коленях пополз к центру шатра. У противоположной от входа стены сидел вислоусый молодой, лет тридцати пяти, татарин. Одет в шитый золотом халат, у ног распростерлась служанка или невольница. Рядом с обнаженной саблей стоял воин. Татары заговорили между собой. Что-то в языке их было не так. Я понимал почти все, но что-то не так. Может, это и не татары?

- Ты кто такой? - молвил небрежно бек.

- Лекарь.

- Если обманываешь, твою голову насадят на кол.

- Зачем мне обманывать? У твоего шатра стоит моя лошадь, рядом твой воин, что взял меня в плен. У седла мой сундучок с лекарскими инструментами. Пусть воины принесут, можно сразу же убедиться.

Бек махнул рукой. Сопровождавший меня воин выбежал и вскорости вернулся, неся мой сундучок. Воин откинул крышку сундучка и преподнес его ближе к беку. Тот брезгливо поковырялся - там лежали холстины для перевязок, скальпели, зажимы, щипцы для доставания пуль из ран и прочие нужные инструменты. По-татарски спросил у воина.

- Это его лошадь и сундучок?

- Да, повелитель. - Воин склонился в поклоне.

- Милостив Аллах, хорошо, что ты лекарь, а не воин. А почему саблей от моих нукеров отбивался?

- Жить хотел, великий бек, - тут я подлил елея в голос.

- Неудачно царь Петр в поход сходил, крепость ему не взять никогда. У османов большие пушки, крепкие стены и много кораблей. У Петра этого ничего нет. Мы, ногайцы (так вот откуда некоторые странности с языком!), всегда османам помогали. Вы, урусы, только вышли из Воронежа, а турки уже знали. Правда, думали, царь Петр Крымское ханство воевать хочет. Будешь пока при мне в лагере, моих нукеров лечить. Забирай сундук и иди, занимайся своим делом.

Я склонился и попятился к выходу. Бек бросил по-татарски:

- Развяжите ему руки, но приглядывайте за ним. Попробует бежать - отрубите голову. Завтра выступаем.

Мне разрезали путы на руках, я долго тер затекшие запястья. Воин вытащил из шатра мой сундучок, порылся в нем. Не найдя ничего для себя ценного - бросил мне. Я спросил его:

- Где ваши раненные?

Меня подвели к раненым - их было трое, все лежали на голой земле. Грязные, окровавленные тряпицы закрывали раны. Ранения были свежими, видно, от недавней стычки. Так, осмотрим первого - сабельный удар правой руки - о! Да это же мой недавний враг, я его и приложил. Промыл рану водкой, раненый заскрипел зубами. Зашил, перевязал.

- Надо полежать, крови много потерял.

Ногаец покрутил головой, не понял по-русски. Стоящий рядом перевел. Второй - ранение в живот, судя по ширине раны - от тесака. Кровь по ране черная, по всей видимости, удар задел печень. Я поднял голову - этот не жилец, часа два ему осталось. Воин, что наблюдал за мной, кивнул, подошел, вытащил из-за голенища сапога нож и всадил его в сердце раненому. Я и охнуть не успел. Сурово! А по сути врачебной помощи нет, в дальнем походе куда с тяжелоранеными - обуза. Но уж больно как-то просто, если не жилец - нож в сердце. У русских как-то помилосерднее. Третий ранен был в бедро - то ли удар саблей, то ли палашом, крови немного, но вокруг раны припухлость, скорее всего образовался карман, в котором скопилась кровь. Надавил на края раны, выдавил из кармана скопившуюся кровь, скорее, даже сгустки. Промыл рану водкой и ушил. Перевязал, сам сполоснул водкой руки. За мной все время ходил один воин, то ли приглядывал, чтобы я не навредил, то ли оценивал качество моей работы. Скальпель, как режущий предмет, у меня не отобрали. Но ведь с ним воевать не будешь. Стемнело, нукеры улеглись на войлочных подстилках лошадей, я на голой земле. Утром воины развели костры, сварили из баранины шулюм. Поели, сыто отрывая, вытирали руки о засаленные халаты. Меня, естественно, не покормили, смотрели, как на нужную вещь, не более. Я набрался наглости, подошел к ведру с водой, напился. Неизвестно, как долго будет продвигаться отряд.

Воины сели на лошадей, и все разом сорвались с места. Мне вместе с другими пленными пришлось укладывать шатер, собирать котлы, увязывать ковры и кошмы, укладывать на несколько повозок. С нами осталось несколько молодых воинов во главе со старым одноглазым ногойцем. Воины ехали верхом, мы правили повозками. Хорошо, хоть не пешком. Ехали без остановок часов до четырех. Остановились напоить и накормить коней. Нам никто не дал и черствой корки хлеба. О лошадях заботились лучше, чем о пленниках. Конечно, пленников можно захватить - сразу и много, а лошадь пока вырастет в табуне... Русских лошадей мусульмане не любили - мохнатая татарская сама зимой корм из-под снега добывает, подковывать не надо, кругом одна выгода, поэтому своих лошадей старались беречь. Пленных русских лошадей использовали как тягловую силу, запрягая в повозки, а при голоде съедали в первую очередь. Что я уяснил из первого плена - нельзя красть ничего, даже кусок хлеба, враз руку отрубят, а уж если целого пленника не берегут, то однорукого и подавно.

Ногайцы поели вареной конины с лепешками и поднялись в седла. Пленники довольствовались речной водой. Шли четыре дня, переходя вброд мелкие реки, в основном дорога пролегла по степи. Как без карты и компаса, указателей и дорог ориентировались степняки - уму не понятно, но мы всегда выходили точно к стойбищу или колодцу в степи. Наконец впереди

показались стены крепости. Я снова возвращался к Азову. Пока ехали вдоль стен, во все глаза разглядывал повреждения. Их оказалось не так много, да и те спешно заделывались многочисленными рабами. Нас завели в город, я вертел головой, стараясь запомнить расположение пушек, камнеметных машин. Толку с этого было немного – ни нашим сообщить, ни схему зарисовать. На ночь всех затолкали в сарай, где уже находились такие же, как и мы, пленные. Мелькали грязные и порванные разноцветные мундиры – стрельцы. Пара синих мундиров преображенцев, зеленый мундир семеновца. Я сразу стал пробиваться к своим.

- Это его лошадь и сундучок?

- Да, повелитель. – Воин склонился в поклоне.

- Милостив Аллах, хорошо, что ты лекарь, а не воин. А почему саблей от моих нукеров отбивался?

- Жить хотел, великий бек, – тут я подлил елея в голос.

- Неудачно царь Петр в поход сходил, крепость ему не взять никогда. У османов большие пушки, крепкие стены и много кораблей. У Петра этого ничего нет. Мы, ногайцы (так вот откуда некоторые странности с языком!), всегда османам помогали. Вы, урусы, только вышли из Воронежа, а турки уже знали. Правда, думали, царь Петр Крымское ханство воевать хочет. Будешь пока при мне в лагере, моих нукеров лечить. Забирай сундук и иди, занимайся своим делом.

Я склонился и попятился к выходу. Бек бросил по-татарски:

- Развяжите ему руки, но приглядывайте за ним. Попробует бежать – отрубите голову. Завтра выступаем.

Мне разрезали путы на руках, я долго тер затекшие запястья. Воин вытащил из шатра мой сундучок, порылся в нем. Не найдя ничего для себя ценного – бросил мне. Я спросил его:

- Где ваши раненые?

Меня подвели к раненым – их было трое, все лежали на голой земле. Грязные, окровавленные тряпицы закрывали раны. Ранения были свежими, видно, от недавней стычки. Так, осмотрим первого – сабельный удар правой руки – о! Да это же мой недавний враг, я его и приложил. Промыл рану водкой, раненый заскрипел зубами. Зашил, перевязал.

- Надо полежать, крови много потерял.

Ногаец покрутил головой, не понял по-русски. Стоящий рядом перевел. Второй – ранение в живот, судя по ширине раны – от тесака. Кровь по ране черная, по всей видимости, удар задел печень. Я поднял голову – этот не жилец, часа два ему осталось. Воин, что наблюдал за мной, кивнул, подошел, вытащил из-за голенища сапога нож и всадил его в сердце раненому. Я и охнуть не успел. Сурово! А по сути врачебной помощи нет, в дальнем походе куда с тяжелоранеными – обуза. Но уж больно как-то просто, если не жилец – нож в сердце. У русских как-то помилосерднее. Третий ранен был в бедро – то ли удар саблей, то ли палашом, крови немного, но вокруг раны припухлость, скорее всего образовался карман, в котором скопилась кровь. Надавил на края раны, выдавил из кармана скопившуюся кровь, скорее, даже сгустки. Промыл рану водкой и ушил. Перевязал, сам сполоснул водкой руки. За мной все время ходил один воин, то ли приглядывал, чтобы я не навредил, то ли оценивал качество моей работы.

Скальпель, как режущий предмет, у меня не отобрали. Но ведь с ним воевать не будешь. Стемнело, нукеры улеглись на войлочных подстилках лошадей, я на голой земле. Утром воины развели костры, сварили из баранины шулюм. Поели, сыто отрыгивая, вытирали руки о засаленные халаты. Меня, естественно, не покормили, смотрели, как на нужную вещь, не более. Я набрался наглости, подошел к ведру с водой, напился. Неизвестно, как долго будет продвигаться отряд.

Воины сели на лошадей, и все разом сорвались с места. Мне вместе с другими пленными пришлось укладывать шатер, собирать котлы, увязывать ковры и кошмы, укладывать на несколько повозок. С нами осталось несколько молодых воинов во главе со старым одноглазым ногойцем. Воины ехали верхом, мы правили повозками. Хорошо, хоть не пешком. Ехали без остановок часов до четырех. Остановились напоить и накормить коней. Нам никто не дал и черствой корки хлеба. О лошадях заботились лучше, чем о пленниках. Конечно, пленников можно захватить – сразу и много, а лошадь пока вырастет в табуне... Русских лошадей мусульмане не любили – мохнатая татарская сама зимой корм из-под снега добывает, подковывать не надо, кругом одна выгода, поэтому своих лошадей старались беречь. Пленных русских лошадей использовали как тягловую силу, запрягая в повозки, а при голоде съедали в первую очередь. Что я уяснил из первого плена – нельзя красть ничего, даже кусок хлеба, враз руку отрубят, а уж если целого пленника не берегут, то однорукого и подавно.

Ногойцы поели вареной конины с лепешками и поднялись в седла. Пленники довольствовались речной водой. Шли четыре дня, переходя вброд мелкие реки, в основном дорога пролегла по степи. Как без карты и компаса, указателей и дорог ориентировались степняки – уму не понятно, но мы всегда выходили точно к стойбищу или колодцу в степи. Наконец впереди показались стены крепости. Я снова возвращался к Азову. Пока ехали вдоль стен, во все глаза разглядывал повреждения. Их оказалось не так много, да и те спешно заделывались многочисленными рабами. Нас завели в город, я вертел головой, стараясь запомнить расположение пушек, камнеметных машин. Толку с этого было немного – ни нашим сообщить, ни схему зарисовать. На ночь всех затолкали в сарай, где уже находились такие же, как и мы, пленные. Мелькали грязные и порванные разноцветные мундиры – стрельцы. Пара синих мундиров преображенцев, зеленый мундир семеновца. Я сразу стал пробиваться к своим.

- Здравствуйте, други!

Оба солдата глянули на меня и, хотя они были пехотинцами, сразу узнали, подвинулись, дали место рядом с собой. Разговорились, невезунчики попали в плен уже давно, почти в самом начале осады Азова. Ничего нового мне сказать не смогли, сами хотели услышать, что да как. Я рассказал, что Петр с войском ушел к Воронежу, выручить теперь нас некому. Друзья повесили головы.

- А теперь вы расскажите, как жизнь в плену.

- Да какая жизнь? На работу гоняют каждый день, камни таскаем стены восстанавливать, рвы чистим. Кормят плохо, один раз в день, правда, воды дают сколько хочешь. За провинности бьют, а со вчерашнего дня купцам с кораблей продавать в рабство стали. Еще неизвестно, где хуже – здесь или в империи Османской. Али на галеры попадешь, там больше года никто не выживает. Хорошо тем, у кого мастерство в руках есть, – кузнецы, шорники, медники, ювелиры – за тех хорошую цену дают и на галеры их не посылают. Могут и крымские татары купить, в Бахчисарай. Магометане, как узнали, что Петр с войском ушел, так торговцы людьми, как пчелы на мед, слетелись. Известное дело – где война, там пленные – кого в рабы, кого за выкуп.

В общем-то, я ничего другого и не предполагал.

- Ладно, братцы, давайте спать, не так кушать хотеться будет.

С утра привычный ритм жизни пленников нарушился - нам дали похлебку, воды, попить и умыться, что уже было редкостью. Среди пленников пошел шепоток - не иначе на рынок рабов всех погонят. Всех построили, спереди, сзади и с боков встали по два турецких солдата в красных фесках, с обнаженными саблями в руках. Нас повели в сторону морского побережья. На площади было по-восточному шумно - галдели торговцы, оглушали криками разносчики шербета, воды, лепешек. Азартно, до хрипоты спорили о цене покупателя, только рабы удрученно молчали. Нас завели на помост, приказали скинуть мундиры, раздев до пояса. Мы остались в штанах и сапогах. Тут же подбежали два турка, начали тыкать пальцами, ощупывать мышцы, заглядывать в рот. Ну, как при покупке лошадей, ей-богу. На мне что-то споткнулись, хозяин-ногаец не хотел уступать так дешево. Насколько я понял из разговора, меня хотели купить для каменоломни - по росту и физическому развитию я их устраивал. Ногаец кричал, что я лекарь и цена должна быть выше, по крайней мере, в пять раз. Эти двое купили лишь несколько человек и отошли. Сразу же подошел седой - то ли татарин, то ли ногаец. Турки и адыги выглядели не так. Это я уже уяснил.

- Кто тут говорил, что лекарь есть?

Ногаец услужливо подскочил - его грязный палец ткнул меня в грудь.

- Вот он, он лекарь, хорошо лечил раненых нукеров нашего бека, у него и инструмент есть. - Он пнул ногой мой сундучок.

Седой внимательно меня осмотрел.

- Что делать можешь? - на плохом русском спросил он.

- Все, больных лечить, раны шить.

Оба отошли чуть в сторону и начали торговаться. Сошлись на четырех дирхемах серебром. Купцы хлопнули по рукам, показали рукой на мой сундучок. Я надел мундир, схватил сундучок, крикнул своим:

- Удачи, ребята! - и зашагал за седым. Идти было недалеко, до причала. Здесь было пришвартовано судно средних размеров с парусным вооружением. Я зашел на палубу за своим хозяином. Откинулся люк, и меня втокнули в трюм. Сверху стояло несколько решеток, света хватало, но было душновато. Пленников было человек пятьдесят, в основном бывшие воины Петрова войска, но были и несколько гражданских. Судно простояло до утра. В люк на всех бросили несколько лепешек и спустили пару ведер воды. Не всем хватило напиться, утром судно вышло в море, на палубе зашлепали босые ноги матросов, раздалась команда, захлопали паруса. В основном мы слышали, а не видели. В левую скулу стала бить волна, корабль закачался. Куда идем, сколько идти будем? Неизвестность томила. После полудня корабль изменил курс, похоже, повернул к югу. Среди гражданских, видно, кто-то из моряков или просто бывалый человек, сказал - в Черное море повернули, в Керчь или Кафу. Наступила ночь, мы также шли, никуда не сворачивая. В трюме снова разговоры - нет, не Керчь, не Кафа. Или в Османскую империю, или в Крымское ханство. Ждали утра. Утречком солнце било точно в корму - нас везут в Крымское ханство. К полудню судно бросило якорь в бухте, на берегу которой теснилась деревушка. Невольников согнали на берег, охраняли всего двое, вооруженные пиками и саблями татар. Но куда отсюда бежать? Почти все невольники полезли в морскую воду - смыть пот, пыль, от всех изрядно попахивало. Татары не препятствовали. Где-

то через час нас построили. Связали одной длинной веревкой и колонной по два повели в горы. Чем дальше от моря, тем выше становились холмы. По рядам невольников пронеслось – в Бахчисарай! К концу дня колонна измученных долгим переходом невольников втягивалась в ворота Бахчисарая. Город, освещенный заходящим солнцем, был красив – мощные стены, на верхушках башенки, в самом городе высокие минареты, золотом отливают полумесяцы. Здания с узорчатыми арочными окнами и дверными проемами. Но, как и везде на Востоке, – глухие заборы, вонючие канавы.

Невольников разделили на три части. Нас, оставшихся, завели во двор трехэтажного дома из туфа, замкнули в сарае. Через несколько минут занесли кувшин с водой, лепешки и тазик с абрикосами. Люди с жадностью набросились на воду и еду. Весь день крошки во рту не было. Да и до плавания жили впроголодь. Спали после перехода беспробудно, гудели ноги. На следующий день дали лепешек, воды, сушеных фруктов. Затем по одному стали заводить в кузницу, на шею каждому склепывали металлический ошейник, на нем арабской вязью было выгравировано имя хозяина. Читать никто из нас по-арабски не мог.

Когда закончился перестук молотков кузнеца, всех построили, вышел седой татарин, уже в богатых одеждах, рядом с ним – полуголый негр здоровенного роста. Мышцы под атласной кожей шоколадного цвета так и бугрились, в руке негр держал кнут из бычьей кожи. Похоже, надсмотрщик над рабами. На ломаном русском седой распределил невольников по работам. В заключение сказал:

– Над вами всеми начальник – Мбата. – Он указал на негра. – Все его распоряжения выполнять! За непослушание – битье кнутом у столба. Кушать два раза в день – утром и вечером. Спать в сарае. Я – хозяин, мое имя Сайрулла. Только я буду решать, кого из вас казнить, кого миловать. Работать только на совесть! Сегодня отдыхайте. Завтра всем на работу.

Утром всех подняли рано, как только на минаретах запели муэдзины. Вода была без ограничений, удалось вымыть лицо и руки, каждому дали по лепешке, горстке вареного риса и сухофрукты. Для завтрака прилично, но я помнил, что обеда не будет. К сараю подходили слуги, уводили невольников на работы. Я остался в одиночестве. Через какое-то время ко мне подошел Мбата. Концом кнута указал на дом: «Хозяин, иди, ждать не любит». И по-русски, и по-татарски говорил неважно, но, с его точки зрения, выбился в люди, не упахивается с утра до вечера. Я пошел в дом.

В дверях ждал слуга – мальчик-татарчонок. Он проводил меня к Сайрулле. Хозяин сидел за низким столиком, скрестив ноги, перед ним стояла пиала с чаем.

– Как звать тебя, раб?

– Юрием.

– Расскажи, где жил, что лечить умеешь.

Чтобы нам было легче понимать друг друга, я отвечал на татарском.

– Жил в Москве, лечил от болезней, ранений и травм. В основном занимался хирургией, если тебе, хозяин, известно это слово.

Сайрулла, конечно, был очень удивлен моим татарским.

– Кто и где учил тебя по-нашему говорить?

- Приходилось в жизни часто общаться с больными, в том числе и с татарами, правда, все они были из Казанского ханства.

- То-то я слышу, отличается язык, но все же это лучше, чем русский. Это хорошо. Что такое хирургия, я знаю. Был в Италии, Франции, видел, что могут тамошние лекари.

Далее он начал спрашивать меня о травах, симптоматике различных болезней, методах лечения. Кое-что его удивило, с чем-то был не согласен, но в целом разговором был удовлетворен.

- Не думал, что в дикой Руси есть лекари такого уровня. Удивлен! Я думал, ты лишь кровь при ударах отворять можешь да лихорадку лечить. Посмотрим, каков в деле. Инструменты все с собой?

Я пожал плечами, если не растерялись в походе и пленении, то должны быть.

Сайрулла хлопнул в ладоши. На пороге возник татарчонок.

- Принеси сундук русского.

Из принесенного сундука Сайрулла доставал мои инструменты, разглядывал, называл по-татарски, объяснял назначение. Ошибся только один раз. Затем провел меня в соседнюю комнату, начал доставать свои инструменты, я объяснял. Ошибся два раза, непривычно было разбираться с завитушками и украшениями. В мое время инструменты гладкие, с минимумом выступов и впадин для легкой стерилизации, да и специальная сталь дорога. После импровизированного экзамена Сайрулла остался доволен.

- У меня сейчас дела, можешь идти, завтра без напоминаний ты должен быть здесь.

Я прошел в свой угол в сарае, с удовольствием улегся и расправил ноги. Полдня пришлось простоять, тогда как Сайрулла сидел. Вдруг в сарай вошел Мбата. Черный был зол и искал, на кого бы излить свою злость.

- Твой почему не работать? Кнута хочешь?

- Хозяин разрешил.

- Врешь, собака!

- Иди спроси.

Мбата зло посверкал глазами, щелкнул кнутом по пыльному полу и ушел. По-моему, мы взаимно друг другу не понравились, как бы не нажить себе врага.

После ночи и завтрака я уже стоял в коридоре дома. Сайруллы пока не было. На лестнице раздались шаги, разговор. Поднимались двое - татарин в зеленой чалме и мой хозяин. Зашли в комнату, Сайрулла махнул мне:

- Зайди, сядь в угол, смотри и слушай.

После расспроса о жалобах Сайрулла приступил к осмотру. Насколько я понял по жалобам, речь шла о хронической сердечной недостаточности, пожалуй, с явлениями декомпенсации - одышка, отеки на ногах. Сайрулла ограничился прослушиванием пульса, осмотрел отекавшие ноги. Хоть бы печенку прощупал. Назначив кое-какие травы, Сайрулла проводил гостя до

калитки, выказав таким образом уважение к гостю.

- Ну что можешь сказать?

- У больного не в порядке с сердцем.

Сайрулла кивнул.

- Надо было осмотреть печень и посчитать пульс, для этого есть часы, хотя бы песочные.

- А печень зачем смотреть? Мулла не страдает от разливов желчи.

Как мог, я объяснил, для чего это надо и как влияет плохая работа сердца на печень.

- Что бы ты назначил?

- Настойки или отвары наперстянки.

- Слышал и читал труды досточтимых мной греческих медиков, там есть упоминание об этом. Но я никогда не пользовался. Вот тебе несколько монет, - он кинул мне три медных фельса, - завтра сходи на базар, купи это растение.

Купить так купить. После завтрака я вышел за ворота усадьбы и, спрашивая дорогу, дошел до базара. С трудом отыскал у одного травника наперстянку шерстистую, принес сухой пучок. Сайрулла внимательно изучил траву, помял в пальцах, понюхал, расспросил, как пользоваться. Через несколько дней, когда мулла пришел снова, он продал ему за приличные деньги пузырек с отваром. Вот жулик! Потратил два медных фельса, а продал за четыре серебряных дирхема, объяснив, что ему лекарство привезли из самой Греции. Коли так пойдет, он меня окупит за несколько приемов пациентов.

День тянулся за днем, я сидел в углу, изображая раба на посылках, а Сайрулла беззастенчиво использовал мои знания и опыт, чтобы делать деньги. Прямо бизнесмен какой-то. Надо отдать ему должное - кормить меня стали лучше, в углу сарая бросили старый матрас. Да и у него я учился кое-чему тоже - например, Сайрулла использовал в своей практике яд гадюк, что водились в Крыму во множестве, а также укусы пчел, для чего держал пасеку. Я этим как-то не заморачивался раньше, причем и эффект был, особенно при радикулитах. Добавив к этому еще и несколько приемов мануальной терапии, а также вытяжение позвоночника в воде, он заработал неплохую славу. Доверие его ко мне росло. Как-то я спросил у старого раба - почему меня без сопровождения выпускают в город? Тот усмехнулся:

- Все ворота города охраняются, с ошейником на шее тебя не выпустят из города.

- А если мне удастся спуститься по стене?

- И куда ты пойдешь? - спросил он. - Море далеко, по всем дорогам конные разъезды рыщут, поймают - вернут хозяину за вознаграждение, а Сайрулла прикажет Мбате, и тебя забьют до смерти кнутом у столба. Мбата большой умелец пользоваться кнутом - может бить долго, но не убивать. Может с одного удара позвоночник переломать, да еще очень точно бьет, как-то на спор метров с пяти одним ударом муху на стене убил.

Так, это надо иметь в виду. Тем более зависть или ненависть его ко мне возрастала, хотя прямых стычек не было. По всей видимости, он ревновал хозяина ко мне, ведь я потихоньку становился выше его - кормежка лучше, на тяжелой работе не работаю, в город выхожу, с

хозяином каждый день какие-то вопросы обсуждаю. Как бы не учинил какую-нибудь пакость черный мерзавец. Месяца через три пришлось с ним вступить в открытую схватку. Выводя рабов, он щелкнул бичом по земле, якобы неаккуратно, задев кончиком по моей ноге. Зная, что он виртуоз по владению кнутом, я в это не поверил. Нагло уставившись на меня, он поигрывал бичом, как бы предлагая кинуться на него, тогда бы он проявил себя в полную силу. Первым кинуться на меня он остерегался, не меня, хозяина. Меня он еще не знал. Я постоял, разглядывая на щиколотке след от удара бича, но конфликтовать не стал, ушел в сарай. Зачем на виду у рабов трогать надсмотрщика? Мне свидетели не нужны, а коли Мбата вышел на тропу войны, он ее получит. Я старался не оставаться с ним один на один, обходя стороной, пусть позабудется его удар. Но и оставлять безнаказанным я его не буду.

В один из вечеров, когда рабы уже были в сарае и ужинали, я вышел во двор за водой. Мбата выходил из дома хозяина. Я подошел к бадье, зачерпнул воды. Мбата проходил мимо. Я резко обернулся и четырьмя пальцами руки, тычком, как в карате – заехал ему по гортани. Мбата осел, закашлялся, схватившись за горло, бич выпал из руки. Вторым ударом я врезал по бифуркации сонной артерии. Мбата отключился, упал без сознания. Я воровато осмотрелся – никто меня не видел. Рабы жадно ели в сарае, а что хозяевам делать вечером во дворе? И я нанес третий удар – в межреберье по верхушке сердца. Сильный удар убьет, не сильный – покалечит. Ранее такими ударами я не пользовался, чисто теоретически, из старинных рукописей я знал, что этот удар любили самураи и палачи в Орде. Убивать Мбату было нельзя, подозрение быстро падет на меня, учинит Сайрулла дознание. Но и позволить ему заговорить – тоже, сразу укажет на меня. С кувшином в руке я зашел в сарай, жадно припал к горлышку. Пусть все видят – ходил человек за водой. Тем более после стычки во рту и в самом деле было сухо. Все улеглись спать, русских невольников у Сайруллы было много – как не половина, но ни с кем близко я не сошелся. Делиться ни с кем я не стал – а ну как сдадут? В середине ночи, когда я уже крепко спал, поднялась суматоха. Пришлось проснуться. Рабы взволнованно переговаривались – наверное, нашли Мбату. Ну и черт с ним, скольких рабов он забил кнутом по воле хозяина, по делам и наказанию. Я повернулся на бок и попытался уснуть. Не тут-то было – меня бесцеремонно растолкали. Открыв глаза, я увидел слугу-татарчонка.

В один из вечеров, когда рабы уже были в сарае и ужинали, я вышел во двор за водой. Мбата выходил из дома хозяина. Я подошел к бадье, зачерпнул воды. Мбата проходил мимо. Я резко обернулся и четырьмя пальцами руки, тычком, как в карате – заехал ему по гортани. Мбата осел, закашлялся, схватившись за горло, бич выпал из руки. Вторым ударом я врезал по бифуркации сонной артерии. Мбата отключился, упал без сознания. Я воровато осмотрелся – никто меня не видел. Рабы жадно ели в сарае, а что хозяевам делать вечером во дворе? И я нанес третий удар – в межреберье по верхушке сердца. Сильный удар убьет, не сильный – покалечит. Ранее такими ударами я не пользовался, чисто теоретически, из старинных рукописей я знал, что этот удар любили самураи и палачи в Орде. Убивать Мбату было нельзя, подозрение быстро падет на меня, учинит Сайрулла дознание. Но и позволить ему заговорить – тоже, сразу укажет на меня. С кувшином в руке я зашел в сарай, жадно припал к горлышку. Пусть все видят – ходил человек за водой. Тем более после стычки во рту и в самом деле было сухо. Все улеглись спать, русских невольников у Сайруллы было много – как не половина, но ни с кем близко я не сошелся. Делиться ни с кем я не стал – а ну как сдадут? В середине ночи, когда я уже крепко спал, поднялась суматоха. Пришлось проснуться. Рабы взволнованно переговаривались – наверное, нашли Мбату. Ну и черт с ним, скольких рабов он забил кнутом по воле хозяина, по делам и наказанию. Я повернулся на бок и попытался уснуть. Не тут-то было – меня бесцеремонно растолкали. Открыв глаза, я увидел слугу-татарчонка.

- Хозяин зовет.

Поднявшись и продрав глаза, вошел в дом. В просторной прихожей на полу лежал Мбата. Я его не сразу узнал. Кожа стала пепельно-серой, даже в несильном свете светильников. Около него стоял Сайрулла.

- Что-то с Мбатой случилось. Ночью слуга вышел по нужде и нашел его лежащим. Я его осмотрел, но понять ничего не могу - синяков, ран, ссадин нет, на драку не похоже, раньше был здоров, как бык, а сейчас лежит, сказать ничего не может.

Я подошел ближе, Мбата глядел на меня полуоткрытыми глазами, узнав, он начал шептать: «Лекарь, лекарь».

- Ага, - понял Сайрулла, - лекарь ему нужен. - Кивнул слугам:

- Отнесите в его каморку, попробуй полечить.

Мбату отнесли в его каморку в хозяйственной постройке, где хранились рабочие инструменты. Слуги ушли, я уселся на топчан, посчитал пульс. Ого, сорок пять - сорок шесть в минуту. У такого здоровяка должно быть семьдесят пять - семьдесят восемь. Хороший получился удар. Мбата полуоткрыл глаза, повел ими в стороны, узнал свое жилье.

- Мбата, ты узнаешь меня?

В глазах его мелькнул ужас, он едва заметно кивнул.

- Не трогал бы ты меня, был бы жив и здоров. Лечить я тебя не буду. Сам потихоньку сдохнешь, хозяину ты такой не нужен, как бы он с тебя сам шкуру не снял, зачем ему лишний рот? Здоровым и сильным ты уже никогда не будешь, - это я уже давил на психику.

Как кнутом стегать беззащитных рабов - так он герой, пусть полежит, прочувствует ситуацию. Я посидел для порядка часик-другой. Чего торопиться - хозяин уже спит, ни одного окна не светится, только во дворе горит факел. Конечно, завтра же хозяин поставит нового надсмотрщика, свято место пусто не бывает, но, может быть, хоть не такого паскудного. Я сидел у топчана Мбаты, в голову лезли мысли о моей дальнейшей судьбе. Жить-то здесь я смогу, но быть рабом?! Освободиться выкупом вряд ли получится, что-то за прошедшие полгода я не слышал, чтобы Петр выкупил или обменял кого-то из пленных. Ну, обменивать, положим, некого - турки отсиживались в крепости, у нашей армии было лишь несколько пленников, а с выкупом - забыл Петр, наверное, о нас, горемычных. Значит, надо выбирать самому. Сбежать из дома я смогу, даже из крепости - надо лишь место подобрать и веревку прикупить - со стены спуститься. А как избавиться от металлического ошейника, где взять деньги, куда идти? Если остановит татарский разъезд - отбиваться оружия нет, да и один пеший против нескольких конных не устоит. Море - далековато оно, до него добраться надо, и корабли сплошь османские или Крымского ханства. Никто меня не возьмет на борт, а скорее всего вернут Сайрулле или продадут в новое рабство. По воздуху? Где купить, на что купить шелка, как сшить воздушный шар? Тоже нереально. Все-таки надо искать выход. Под лежащий камень вода не течет. Я поднялся и пошел к себе в сарай - утро вечера мудренее.

Утром я с некоторой опаской шел к Сайрулле, но никакого беспокойства в доме не было. Ну, заболел раб - так и хозяин заболеть может. Нужный, конечно, раб, но и другие на его место найдутся. Нашелся - старый, кривой и злобный татарин Ахмед. Рабом он не был, на шее ошейника не было, но перед Сайруллой сгибался в три погибели. Раньше в доме я его не видел. Как выяснилось в дальнейшем - дальний и очень бедный родственник Сайруллы, которого тот вытащил из аула. Когда возникла нужда. Был он недалеко, хитер и злобен, но меня не трогал.

После случая с Мбатой внезапно я стал много оперировать. До этого хозяин как-то не пытался брать хирургических больных – так, по мелочи – гнойник вскрыть, небольшую рану ушить. Но где-то через месяц после моей разборки с Мбатой ночью прибежал слуга-татарчонок:

- Быстро вставай, хозяин зовет.

Пришлось по-армейски быстро одеться и поспешить к хозяину. Тот с удрученным видом стоял возле лежащей на постели женщины:

- Моя любимая младшая жена заболела, думаю, серьезно. Помогай.

Я вымыл руки, осмотрел пациентку. Понятно, внематочная беременность с разрывом маточной трубы.

- Срочно оперировать, иначе умрет.

- Ты уверен?

- Абсолютно. Давайте побольше света – светильники, зеркала. Еще чистые простыни, мои инструменты, хлебное вино, настойку опия.

Сайрулла при упоминании о хлебном вине передернулся, как истый мусульманин. Но выбирать не приходилось, тем более вино не пить.

Я обрабатывал водкой операционное поле, дал выпить пациентке опиумную настойку. Пока она не начала действовать, как мог объяснил Сайрулле, что я буду делать при операции и в чем он будет мне ассистировать. Видимо, его роль не очень ему нравилась, но деваться было некуда. Сделал широкий надлобковый разрез, стал ушивать сосуды, добрался до брюшной полости. Кровищи полно. Эх, электроотсос бы сюда, придется сушить салфетками. Когда подсушили полость, стала видна кровоточащая маточная труба. Пережал ее с обеих сторон зажимами. Показал Сайрулле, в чем причины и как выглядит это наяву. Вид у Сайруллы был бледноватый, но ничего, держался, хоть крючки держал. Плохо, что свет скудный, а из опия наркоз неважный, как хирурги говорят – живот дует, то есть мышцы не расслабляются. Подвел под трубу шелковые нити, перевязал, отсек разрыв трубы. По возможности осушил салфеткой полость от крови и послойно ушил. Перевязал и присел в изнеможении. Все-таки оперировать такие серьезные вещи при плохом освещении, дрянном инструменте, почти никаком наркозе и отсутствии лекарств – это что-то. Вымотался. Вымыл руки, наказал служанке следить за повязкой и пошел в свой сарай. С утра никто меня не будил, когда ушли невольники на работу, я даже не слышал. Время было где-то к полудню. Умылся, пожевал вареного риса с фруктами и лепешкой и пошел к пациентке. Состояние было неважным, но стабильным. Конечно, кровопотеря велика и наркоз неважный – все-таки болевой шок имел место быть. Пульс частит – около сотни, на лбу испарина. Но держится девочка, держится. Давай, у тебя еще вся жизнь впереди. Осмотрел и сменил повязку, чуть подмокло, но терпимо. В день по несколько раз я навещал больную. Сайрулла ко мне не подходил, сам принимал пациентов. Через неделю Гюльнара – так звали жену Сайруллы – уже сидела, еще через неделю почти была здорова. Мой авторитет в глазах Сайруллы вырос безмерно.

- А не пора ли нам брать хирургических больных? Никто с тобой не может во всем Бахчисарае, да что там Бахчисарае, ни в ханстве, ни в Высокой Порте сравниться, делать то, что сделал ты.

- Брать больных можно, но надо сделать комнату, где оперировать, с хорошим светом и инструментами, моих не хватает.

- Скажи, что надо, и мне привезут лучшие инструменты из Порты, Генуи, Парижа.

Я продиктовал и даже нарисовал ему, что мне было необходимо. Писать по-татарски или по-арабски я не умел.

Сайрулла заказал знакомым купцам инструменты, а сам стал готовить по моим указаниям комнату. Сделали подобие операционного стола, отдельно столик для инструментов. Чтобы не удивлять продавцов на рынке поисками хлебного вина, сделали с помощью раба-кузнеца самогонный аппарат, и теперь один из рабов постоянно занимался изготовлением самогона - замачивал зерно, добавлял сахар, перегонял, сливал в бутылки. Зато теперь я не зависел от нехватки спирта. Самогон был хорош, градусов семьдесят, горел синим пламенем. Правда, пах противно, да и пился так же. За хлопотами пролетело два месяца, купцы доставили Сайрулле заказанный мной инструмент, операционная была готова.

- Скажи, что надо, и мне привезут лучшие инструменты из Порты, Генуи, Парижа.

Я продиктовал и даже нарисовал ему, что мне было необходимо. Писать по-татарски или по-арабски я не умел.

Сайрулла заказал знакомым купцам инструменты, а сам стал готовить по моим указаниям комнату. Сделали подобие операционного стола, отдельно столик для инструментов. Чтобы не удивлять продавцов на рынке поисками хлебного вина, сделали с помощью раба-кузнеца самогонный аппарат, и теперь один из рабов постоянно занимался изготовлением самогона - замачивал зерно, добавлял сахар, перегонял, сливал в бутылки. Зато теперь я не зависел от нехватки спирта. Самогон был хорош, градусов семьдесят, горел синим пламенем. Правда, пах противно, да и пился так же. За хлопотами пролетело два месяца, купцы доставили Сайрулле заказанный мной инструмент, операционная была готова.

Первый плановый больной с грыжей был уже готов, тянуть не стали, прооперировали сразу. Первый блин не вышел комом. Вообще удивительное дело - в Средние века на людях все заживало, как на собаках. А разобраться - антибиотиков нет, стерильных условий для операции нет, какое там кварцевание операционной или палат. Мы обходились проглаживанием простыней для операционной раскаленным утюгом и обработкой рук и операционного поля самогоном. И очень редко получали осложнения в виде нагноений. Здоровы были люди, кто рождался хилым - умирал в детстве, остальные если и умирали, в основном от ранений и травм или острых заболеваний - вроде аппендицита или той же внематочной беременности. Сравнение здоровья людей разных времен было не в пользу современности. Даже зрение до почтенного возраста было приличным, да и то сказать - телевизоров не было, книги читали только редкие мудрецы или ученые, газет не было. Глаза портить было нечем.

Дальше уже у Сайруллы шло по накатанной дороге, он выискивал больных - но это на первых порах, со временем они искали его уже сами, слухи быстро расходятся, тем более по современным меркам город не так уж и велик, я полагаю, около ста тысяч.

После осмотра я оперировал. Сайрулла лишь считал деньги да обеспечивал техническую сторону. За сложные операции я не брался - выхаживать серьезных послеоперационных больных - непросто и хлопотно. Хозяин мой настолько увлекся амбулаторным приемом и отбором больных, что оперировал я один, привлекая Сайруллу в редких случаях для ассистирования.

В один из осенних дней на осмотр пришел венецианский мореплаватель, купец и владелец корабля - Винченцо Сальгори. У него был застарелый, часто кровавый геморрой. Лечился

почти во всех портах, куда заходило его судно, но без толку. От кого-то прослышал обо мне и решил приехать. Корабль его с товаром стоял в Судаке, до Бахчисарая он добирался с попутным караваном. Я взялся за его лечение, прооперировал через несколько дней. Поскольку он нуждался в перевязках, Сайрулла ежедневно отпускал меня на постоянный двор, где временно расположился Винченцо. Поскольку пациент платил хорошо, причем золотыми солидами, то никаких препятствий не было. В один из дней, закончив перевязку и помыв руки, я присел передохнуть в комнате пациента. Винченцо завел разговор.

- Ты очень хороший хирург! Откуда ты?

- Русский я, из Москвы, с войском Петровым ходил на Азов, попал в плен, сейчас в невольниках у Сайруллы.

- Не надоело тебе быть рабом?

Я грустно посмотрел на Винченцо, хмыкнул.

- С твоими руками в просвещенной Европе ты бы мог прославить свое имя и неплохо заработать.

- Как мне вырваться отсюда, если на шее ошейник, из города не выпускают, денег на дорогу нет.

- В благодарность за твое лечение я помогу тебе, только продумаю план. Если хочешь, живи в моем родном городе - Венеции, я дам денег на открытие своего дела, правда, в рост, проценты невелики. Впрочем, пока об этом говорить рано. В принципе ты согласен?

- Согласен, я сам давно искал способ удрать отсюда. Если все получится, ты внакладе не останешься.

- Хорошо, я пока обдумываю план, мои слуги помогут подготовиться, ведь нужны лошади, проводник. Ты знаешь европейские языки?

- Английский.

- Хорошо, при проводнике нам не надо говорить по-татарски. Это может вызвать ненужные подозрения. Как долго мне нужны еще перевязки?

- Около недели.

- Значит, время еще есть.

Мы пожали друг другу руки и расстались. Я шел к дому хозяина и размышлял, как Винченцо осуществит план. На болтуна он не похож, на альтруиста - тоже. Явно рассчитывает организовать мне в Венеции дело, вложить деньги и получать прибыль. В принципе так и должно быть, он же торговый человек, у него прибыль в крови сидит. Но не получится ли так, что он перепродает меня кому-то другому в ту же Порту. Выбора у меня в любом случае не было, без помощи извне быть мне в рабах у Сайруллы до смерти. Придется положиться на порядочность венецианца.

Каждый день я посещал пациента, пока он не сказал - план готов. Поскольку после операции сидеть, а самое главное, ехать верхом трудно, нашли экипаж, мне придется спрятаться под сиденьями и так выехать из города. При первой же возможности снять ошейник, молоток и

зубило уже приготовлены, одежда готова тоже. Его люди пока не в курсе, чтобы никто не проболтался, но венецианец заверил меня, что все они будут держать язык за зубами. Проблема только в проводнике, если что-нибудь заподозрит – всем нам несдобровать. В принципе план хорош, и у меня возникло подозрение, что венецианец не в первый раз проворачивает не совсем законные дела. Побег решили устроить завтра, как только я приду на постоялый двор.

Ночью спалось плохо, вечером я заранее положил в сундучок с инструментарием нож, который незаметно выкрал на кухне. Случись непредвиденное, может выручить, не скальпелем же мне махать. Вот денег у меня не было совсем, да и одежда вся та, которая на мне. Не скажу, что она ветхая, но сразу по одежде во мне было видно раба. И еще этот чертов ошейник.

С утра, плотно позавтракав, я захватил свой сундучок и отправился на постоялый двор. Карета уже стояла во дворе, недалеко были слуги купца у оседланных лошадей. Дверца кареты была открыта, Винченцо встал так, чтобы прикрыть меня от чужих взглядов. Я шмыгнул в карету, откинул сиденье и еле втиснулся в узкий и короткий ящик. Следом на сиденье уселся Винченцо, что-то прокричал по-итальянски, и мы тронулись. Тесно, темно, изо всех углов поднималась пыль. Я боялся чихнуть и руками зажимал себе нос. Остановились, открылась дверца, вероятно, карету досматривали. Короткий разговор по-татарски, звякнула монета – ага, позолотил стражникам руку. Карета снова тронулась. Ура, первое из многих препятствий позади. Удалось выбраться из города. Отъехав от города на несколько верст, Винченцо встал с сиденья, откинул его, и я еле выбрался из потайного ящика. Вероятно, ящик служил для личных вещей пассажиров, но никак не для перевозки людей, тем более с моим немаленьким ростом. Мне еле удалось расправить затекшие руки и ноги, после массажа в конечностях закололо, я почувствовал, что чувствительность возвращается. Тесновато в карете-то, Винченцо помог мне переодеться в приобретенные для меня вещи – узкие лиловые штаны, башмаки из грубой кожи, куртку темно-зеленого цвета с медными пуговицами, рубашку из синего шелка. На голову надел берет по венецианской моде. Выглядел я не хуже слуг Винченцо, по крайней мере, внешне. Говорить по-итальянски я не мог, но самое главное – ошейник! Любая татарская застава вмиг заподозрит неладное. Я не выходил на коротких остановках, ел всухомятку и запивал вином. К вечеру заехали в рощицу, остановились. Винченцо подозвал слугу, переговорил с ним по-итальянски. Проводника с еще одним слугой отправил вперед. Один из подопечных купца залез в карету, а Винченцо прогуливался неподалеку. Ошейник мой положили на край доски, которую я держал руками. Зубилом и молотком с нескольких ударов удалось сбить заклепку, а сам ошейник разогнуть. Я тут же забросил его далеко в кусты. Винченцо неодобрительно помахал головой, подозвал слуг, и все вместе стали искать ошейник. Найдя, вырезали дерн, подкопали землю и, положив ошейник туда, аккуратно уложили на место.

– Ты неосторожен, мой друг! На ошейнике выгравировано имя хозяина. Если его случайно найдут, будет ясен путь, куда делся беглец. Сопоставить мой путь и твой ошейник недолго. А поскольку я давно торгую с Крымским ханством и Османской империей, то и отношения портить мне не хочется. Втихомолку учинить пакость нехристям – можно, но если узнают, что я помог бежать рабу, конец моей торговле здесь, а то и штраф. Тем более мы еще не на корабле.

Да, надо признать, что я поступил опрометчиво. Я уселся в карету, намазал шею специальным составом, который изготовил сам для быстрого заживления царапин и потертостей, что оставил ошейник.

Ехали до глубокой ночи, остановились в ауле, нашелся здесь и захудалый постоялый двор. Мы с Винченцо сразу прошли в комнату, ужин слуги принесли туда. После ужина я сделал

перевязку купцу, все-таки после операции ему надо было полежать в постели, а не трястись в карете. Утром взяли с собой в дорогу сыра, лепешек, вареную курицу и сразу в путь. Чем быстрее мы погрузимся на судно, тем безопаснее. Ехали почти без остановок, и к вечеру показались здания и стены Судака, за ними серело море. Подуло ветром с привкусом йода и соли, а не пыли, как в Бахчисарае. Стража у ворот удовольствовалась тремя медными фельсами и без осмотра пропустила в город. Винченцо тут же рассчитался с проводником, и татарин на своей низкорослой лошадке тут же повернул обратно.

Город купец и его слуги знали и безошибочно доехали по узким улицам к порту. Корабль, довольно большое по тем меркам судно, похожий на каравеллу, стоял у причала. Прибывшие на нем товары уже были проданы местным купцам. Только Винченцо со слугами и мной поднялся на борт, как сходни были сброшены, и мы вышли в море. Конечно, разумнее было выйти в море с утра, все мореплавание торговых судов проходило в основном в виду берега, но лучше было уйти от дотошных татар подальше. Винченцо, его помощник и я уединились в каюте, где с удовольствием пили вино и ели фрукты. Какое ни с чем не сравнимое удовольствие я испытывал, чувствуя себя свободным, не надо бежать по первому зову к Сайрулле, есть не что хочется, а что дают.

В конце концов, получать деньги за любимую работу тоже должен я, а не хозяин. Проклятая Порта! Ну, ничего, будет и на нашей улице праздник. С непривычки я сильно захмелел, и помощник отвел меня в крохотную каюту, где я с удовольствием упал на мягкую кровать и уснул. Проснулся утром от криков матросов и топота ног по палубе, пару раз хлопнул переключаемый парус. Явно что-то происходило. Я выскочил на палубу. На корме возле рулевого стоял Винченцо и смотрел вдаль в подзорную трубу. Сколько я ни всматривался, море казалось чистым.

- По какому поводу паника?

- Нас догоняют две галеры, идут быстро, кто они - сказать пока не могу, флагов не видно. Могут быть турки, могут марокканские пираты, могут корсиканцы. Одни не лучше других. Любые могут ограбить, отобрать товар, а то и судно. Команду иногда заковывают и сажают на весла, а если будут сопротивляться, то и потопят.

- И что решил ты?

- Надо будет уходить на всех парусах. Но у нас торговое судно, с военным или пиратским судном мы тягаться не можем. Надежда есть, здесь часто встречаются венецианские, итальянские, греческие суда. Мы с ними в дружеском договоре, помогут. Сами вряд ли отобьемся, у нас всего четыре пушки, команда не выдержит абордажного боя.

- Где пушки?

- Лекарь, позволь на судне распорядиться мне, или ты знаком с огненным боем?

- Знаком, дозволю осмотреть пушки.

Винченцо подозвал матроса, что-то сказал по-итальянски, и мы стали спускаться на нижнюю палубу. По обоим бортам стояло по две пушки, калибр небольшой, видно, что ими никто давно не занимался, только что паутиной не заросли. Ядра лежали недалеко, в деревянных ящиках. Матрос не спеша достал откуда-то банник и фитиль. Еще более долго искал порох. Да, торговцы они, может, и не плохие, но вояки из них, как из меня балерина. Не торопясь, я оглядел пушку, матрос с любопытством наблюдал. Я знаком попросил помочь зарядить. Одну

пушку зарядили ядром, вторую крупной картечью, с другого борта сделали так же. Поднялся на корму. Теперь суда можно было видеть и невооруженным глазом. Были они далеко, но шли не только под парусом, видны были мелькающие весла, вспенивающие воду. Догоняют, не уйти.

- Винченцо, кто у вас канонир?

- Боцман умеет стрелять из пушки, ему помогают несколько матросов. Постоянных пушкарей у меня нет, судно торговое.

Хреновато, если нет практики, будем только переводить порох почем зря.

- Может, еще и обойдется, Юрий.

Вот в этом я сильно сомневался. Пару часов нас догоняют галеры, чтобы поздороваться? О своих сомнениях я сказал купцу.

- Недалеко Варна, неизвестно только, что будет раньше - нас догонят или мы приблизимся к порту. Поскольку это земли Османской империи, на море постоянно патрулируют турецкие военные суда. Купцов стараются не дать в обиду, иначе нарушится вся торговля.

Я оглядывался назад. К моему огорчению, галеры приближались. Венецианец взгляделся в подозрную трубу - это марокканские пираты. Они понимают только силу, никаких откупов.

- Команда, приготовиться к бою!

Команда, впрочем, и так была готова. Матросам раздали абордажные сабли, кое-кто заряжал мушкеты. Вид у команды был унылый. На каждой галере человек по семьдесят отпетых пиратов, имеющих большой опыт и практику абордажа. На купеческом судне - человек шестьдесят и опыта маловато. В далекой дымке по правому борту показалась Варна. Далеко, очень далеко, до пиратов значительно ближе - кабельтова три уже. Видно, как на палубе теснятся пираты в разномастной одежде, сверкая лезвиями сабель. Да, стычки не избежать. Я спустился к пушкам. Надо отбиваться. Предварительно договорился с Винченцо, как только пираты приблизятся метров на сто, резко повернуть судно бортом к галерам. Через пушечный порт было видно, что галеры охватывают нас с двух сторон, но одна чуть отстает. Ближе, ближе! Уже слышны воинственные крики и отчетливо виден зеленый флаг на мачте. Пора, что же ты ждешь, венецианец. Но нет, судно стало поворачивать, притом резко. Я махнул рукой боцману, мы припали к прицелам. Боцман выстрелил первым, качка ли тому виной или поспешил, но ядро прошло высоковато, порвав оснастку.

Мне выстрел удался лучше. Ба-бах!

Борт окутался дымом. Картечью удалось изрядно проредить пиратские ряды.

Матросы кинулись перезаряжать орудия, а мы с боцманом бросились к другому борту. Очень вовремя. До второй пиратской галеры было всего метров восемьдесят. Два выстрела почти в упор! Ядро боцмана ударило в корму, снеся рулевое весло и убив рулевого. Галера сразу вильнула. Я целился в толпу на палубе и попал очень удачно. С галеры неслись крики раненых, ключьями свисали уже свернутые паруса. Снова бросились к другому борту, а матросы побежали перезаряжать наши пушки. Борт галеры был рядом, пираты уже падали из пистолетов, были видны разинутые в крике рты. Получите! Залп пришелся в центр палубы. Ядро, а затем картечь вызвали мясорубку. Нетронутыми оказались лишь корма и нос, но и там теснилось достаточно много пиратов. Пожалуй, успеем еще стрельнуть с другого борта.

Помогли матросам завершить зарядание и, почти не целясь, снова ударили залпом. Да и что тут целиться, до галеры метров двадцать, с нее в нашу сторону уже летели веревки с абордажными крючьями.

Все, стрелять из пушек нельзя, долго будем заряжать, пора на палубу, там теперь мое место. Я взлетел по трапу. У мачты лежала кучка оружия. Глаз сразу узрел секиру. Вот, оно самое. Я заткнул за пояс подвернувшийся нож, двумя руками взял секиру. Хорошо!

Длинное лезвие, толстая, удобная в хвате ручка. Чуть-чуть подлинней, цены бы не было. Попробуй отбей секиру сабелькой. Матросы рубили веревки с крючьями, но с вантов галер на палубу уже сыпались пираты. Близко удалось подойти только одной галере, вторая без рулевого весла никак не могла присоединиться. И славно, удара с двух бортов нам бы уже не выдержать. На корме уже слышались звон сабель и крики. На палубу в моем районе сразу соскочили два пирата. Одному, не мешкая, я сразу снес голову, второго свалил выстрелом из мушкета матрос. Суда сблизилась вплотную, и на палубу хлынул поток пиратов. Теперь уже каждый дрался сам за себя, часто в окружении двух-трех противников. Против меня дрались сразу трое с абордажными саблями, устрашающего вида, с косынками на голове.

Не принимая навязанного сабельного боя, я широко размахивал секирой, не давая приблизиться на длину сабли. Есть! Отсек разбойнику справа руку выше локтя. Этот уже не в счет. Двое кинулись с разных сторон, времени для замаха секирой не было. Я просто ткнул острым концом лезвия левого в живот, а правого – обратным ходом секиры тупым концом древка в лицо. Левый упал, а правый продолжал тупо размахивать саблей.

Я взмахнул секирой, пират с развороченной грудью упал. Повернувшись в сторону, я увидел, как на боцмана насаждают двое пиратов. Не мешкая, с ходу секирой чуть не развалил надвое одного урода, ударив поперек спины, второго удачно зарезал боцман.

Мы встали спиной к спине и продолжали обороняться. Нос судна уже был захвачен пиратами, на палубе еще кипел бой, на корме, похоже, обстановка складывалась в нашу пользу. Мы с боцманом прошли по палубе; он прикрывал мой тыл, я же вращал над головой секиру. Сверкающее лезвие не давало приблизиться врагам, я же отсекал попадающие в жуткую мясорубку ноги, руки, головы – все, куда попадала секира. Я уже весь был в крови, слава богу, чужой, рукоятка стала скользкой от крови, но я был готов сражаться за свободу до конца. Постепенно мы добрались до кормы. Здесь яростно сражались за свои жизни Винченцо, его помощник и один из матросов.

Взбежав по лестнице, я снизу вверх вонзил здоровенному пирату в подбородок острие секиры, едва выдернув из падающего свое оружие, широким замахом снес голову другому. Двух оставшихся прикончили купец со товарищи. Я посмотрел на палубу – там еще всю кипел бой. Надо помогать. Обернувшись к купцу, увидел, как они обреченно смотрели на правый борт. Господи, я же совсем в горячке боя забыл о второй галере. Если на палубу хлынет вторая волна пиратов, нам не устоять. На палубе наших осталось не больше десятка, нас на корме четверо – все уже устали. Кое-кто ранен, но держится на ногах. Но галера вела себя странно – стоя буквально рядом, в десяти-пятнадцати метрах, она рыскала по курсу, и было впечатление, что пираты не горят желанием высадиться на палубу нашей посуды. В чем дело?

Взбежав по лестнице, я снизу вверх вонзил здоровенному пирату в подбородок острие секиры, едва выдернув из падающего свое оружие, широким замахом снес голову другому. Двух оставшихся прикончили купец со товарищи. Я посмотрел на палубу – там еще всю кипел бой. Надо помогать. Обернувшись к купцу, увидел, как они обреченно смотрели на правый борт.

Господи, я же совсем в горячке боя забыл о второй галере. Если на палубу хлынет вторая волна пиратов, нам не устоять. На палубе наших осталось не больше десятка, нас на корме четверо – все уже устали. Кое-кто ранен, но держится на ногах. Но галера вела себя странно – стоя буквально рядом, в десяти-пятнадцати метрах, она рыскала по курсу, и было впечатление, что пираты не горят желанием высадиться на палубу нашей посудины. В чем дело?

Я осмотрел море и толкнул локтем Винченцо. Вот она, причина. К нам на всех парусах спешило турецкое боевое судно.

Было оно еще далековато, милях в двух, но шло ходко. На корме развевался зеленый османский флаг, пушечные порты открыты.

Вероятно, корабль патрулировал побережье в районе, и наша пушечная стрельба привлекла их внимание. На галере поняли, что ситуация меняется с точностью до наоборот, теперь их могут захватить. Раздался свисток. На пиратском корабле опустили весла, и он стала удаляться от нас. Вперед, на палубу, надо добивать оставшихся пиратов. С удвоенной энергией мы бросились вниз по лестнице, с ходу врубилась в дерущихся. Хоть это и не по-рыцарски, я всадил лезвие секиры сзади пирату, проделав в спине огромную рану. Второй пират успел извернуться и саданул меня наотмашь саблей. На древке секиры, которой я чудом успел прикрыться, осталась глубокая зарубка. Ударить второй раз я уже не дал, лезвием секиры чиркнул по шее – ударил фонтан крови, пират закатил глаза и рухнул на палубу, и без этого залитую кровью и скользкую. Мои товарищи тоже времени даром не теряли. Через несколько минут на палубе остались только убитые и раненые пираты, которых добивали матросы. Оглянулся – галера от правого борта ушла, в ее сторону направлялся турецкий фрегат. Подошел к левому борту – несколько пиратов на галере рубили веревки с абордажными крючками, что стягивали наши суда. Надо им помешать. Я позвал Винченцо, тот понял без слов: – За мной! – Все вместе мы ринулись на галеру, сделать это было очень легко, ее палуба была ниже нашей на полтора метра. Пираты, завидя нас, бросились на корму, пытались организовать оборону. Не тут-то было, секирой я эту оборону проломил, убив одного и ранив двоих.

Трое оставшихся просто бросили оружие и сдались. Не мудрствуя лукаво, их просто бросили в море: доплывут до берега – их счастье, нет – не повезло.

Снизу, из-под палубы, раздавались крики. Я заглянул туда – Матерь Божья! На скамейках сидели прикованные цепями рабы, у всех во рту торчали деревянные кляпы, лишь несколькими удалось освободиться от них. Винченцо заглянул тоже и в испуге отшатнулся. Изможденные лица, исполосованные кнутом голые спины, а какая вонь! Прикованные цепями к лавкам гребцы испражнялись на днище судна, запах был еще тот. Я вдруг понял, что подобная судьба могла не обойти и меня. Я подскочил к лавкам. Гребцы в ужасе отшатнулись. Ну конечно, весь, с головы до ног залитый кровью, в руке секира, взгляд бешеный.

– Спокойно, пираты убиты. Кто-нибудь понимает по-русски или по-татарски?

– Да, да, господин, – раздалось в нескольких местах.

– Сейчас я вас освобожу. Пока сидеть в трюме тихо, на палубу не выходить, рядом турецкий фрегат. Если не хотите снова попасть на галеры – слушать и выполнять, что я скажу; будете свободны. Сейчас переведите все, что я сказал, своим товарищам.

Я несколько раз ударил секирой по цепям, освобождая пленников.

Поднялись на палубу галеры. Вдалеке, милях в трех, шел бой. Турецкий фрегат окутывался

клубами порохового дыма, затем доносился глухой звук пушечного залпа. Похоже, второй галере приходил конец. Мы перешли на свое судно. Зрелище, представшее перед нашими глазами, ужасало. Повсюду убитые матросы и пираты, палуба залита кровью, свисали перерубленные ванты. Я осмотрел оставшихся – вместе со мной шесть человек. Мы просто не сможем управляться с судном, для постановки и уборки парусов надо по крайней мере человек пятнадцать, плюс на руле кто-то должен стоять. На лице Винченцо читались похожие мысли.

– Сам Господь Бог послал тебя ко мне – от болячки избавил. Здесь, на корабле, секирой махал, как норманн, из пушек стрелял исправно – боцман уже рассказал. Кто ты есть, Юрий? Лекарь или воин?

– Винченцо, это я тебе спасибо сказать должен, что из плена освободил, долг платежом красен – так говорят на Руси, вот и я помог. Что делать будем – людей осталось мало.

– Ума не приложу, – вздохнул купец.

– У нас есть два варианта. Поскольку галера наш военный трофей, можно невольников взять на корабль. Помогут с парусами до Венеции. Или пусть галера под веслами идет и тянет нас на буксире.

Винченцо задумался:

– А если рабы поднимут бунт, сами захватят наш корабль и товары?

– Оружия им давать, конечно, нельзя, но в обмен на свободу они будут делать все, что мы скажем. До Варны недалеко, дойдем и на буксире, там галеру можно продать – тебе же новый экипаж нанимать надо. Поговорим с невольниками, кто-то домой пойдет, а кто-то может и на судах остаться.

– Хорошо, у тебя получается с ними говорить, иди!

Я спустился на галеру.

– Всем слушать. Мы с венецианского корабля. Все пираты галеры убиты. К сожалению, и у нас в команде осталось мало людей. Сейчас все поднимайтесь на наше судно. Надо убрать убитых и смыть кровь. Затем все переходите снова на галеру, от нас будет рулевой и капитан. На буксире наш корабль вы ведете в Варну – вон он город, – я показал рукой. Там галеру, как военный трофей, продаем. Кто из вас хочет, может остаться на нашем судне и влиться в экипаж как свободный человек, получать за работу деньги. Кто не хочет – может из Варны отправляться домой сам. Кто знает языки – переводите соседям.

В трюме заговорили. Немудрено – здесь в гребцах были и белые, и негры, и два узкоглазых – то ли узбеки, то ли еще кто. После недолгих переговоров от невольников выступил крепкий мужчина лет сорока. Как только он заговорил, все смолкли, видимо, он пользовался авторитетом.

– Мы согласны с твоим предложением. Большинство идут к вам в команду. Многих в своих странах не ждут, да и страны сейчас под османами. Сами до дома вряд ли доберутся.

– Быть по сему. Сейчас приберите у себя на палубе, и человек двадцать – на наше судно. Заодно можете попить и покушать. Старший над вами будет, – я указал пальцем на говорившего со мной.

- Ираклий, - подсказал тот.

Невольники стали выходить на палубу, морщась от солнца. Ираклий не дал прохладиться, отсчитал двадцать человек, они стали сбрасывать в море трупы пиратов и отмывать палубу от крови. Я тоже перелез на купеческое судно.

- Убитых пиратов можете выкинуть за борт, коли новая одежда подойдет и не выпачкана кровью, оставьте себе, а то в порту всех распугаете.

Мы собрали своих убитых. Невольники с галеры нам помогали, завернули их в холстины и привязали к ногам пушечные ядра.

Помолились и спустили в воду. Во все века и во всех странах так хоронили моряков. Безымянная братская могила - любой океан и любое море. Очистив палубу от трупов, стали отмывать от крови. Боцман сам, где мог, заменял или связывал такелажи. Судно постепенно приобретало благопристойный вид. После авральной приборки все галерники перешли к нам. Мы дали им вволю напиться и покушать. С Ираклием решили, что к ним на судно перейдем я и наш рулевой, тянем на буксире судно в Варну. Винченцо с остальными остается на своем судне, здесь тоже кто-то должен стоять на руле. Обрубили веревки с абордажными крючьями, галерники перешли к себе, мы спустились тоже. Постепенно течение стало разделять наши суда, между бортами уже три, затем пять метров. Ираклий скомандовал:

- Весла на воду!

Осторожно, дабы не сломать весла о наше судно, мы продвинулись вперед. Закрепили сброшенный нам канат.

Поскольку Варна виднелась вдалеке, и штурман был не нужен, двинулись к порту. Ираклий взял в рот свисток, по его писку гребцы дружно опускали весла в воду. На каждом весле сидело по три человека. Сначала галера стояла на месте, тяжеловат был для нее наш груз, но постепенно купеческое судно сдвинулось с места, и, набирая ход, поплыли в Варну. В порт входили уже в сумерках, но лучше в порту, чем оставаться в открытом море. Если задует ветер, мы будем почти не управляемы. Не хватало нам еще сесть на камни; медленно подобралась к причалу, отшвартовались. Через несколько минут на пирсе появился турецкий чиновник в синем мундире и красной феске в сопровождении двух солдат.

С каравеллы спустился Винченцо, поклонился подошедшим.

- Просим укрытия, на нас напали марокканские пираты, ваше военное судно помогло нам отбиться от пиратов. К сожалению, наш экипаж не полон - многие погибли в схватке. Нам необходим небольшой ремонт.

С каравеллы спустился Винченцо, поклонился подошедшим.

- Просим укрытия, на нас напали марокканские пираты, ваше военное судно помогло нам отбиться от пиратов. К сожалению, наш экипаж не полон - многие погибли в схватке. Нам необходим небольшой ремонт.

- Продавать что-нибудь будете?

- Только галеру как военный трофей!

Глаза турка жадно сверкнули.

- Платите портовый сбор.

Винченцо отсчитал деньги. Турок отвел его в сторону, вероятно, опасаясь своих же солдат, и о чем-то горячо стал спорить с венецианцем.

Затем турок развернулся и ушел.

- Что он от тебя хотел?

- Чтобы я продал галеру ему. Но уж больно цена смехотворно мала.

- Продай, неужели мы здесь будем терять время на продаже этой посуды? Экипаж укомплектуем галерниками, быстро починимся - повреждения невелики, да и в дорогу.

Винченцо задумчиво покивал головой.

- Надо подумать, с утра все за ремонт, сейчас отдыхать.

Галерники перебрались на палубу и через несколько минут уснули. Последовал их примеру и я, уж очень утомительный день был, впечатлений полно.

С утра пришел тот же турок, но уже без эскорта солдат. Снова переговоры с купцом, наконец они ударили по рукам и разошлись.

- Что, продал?

- Да, сегодня турок добавил в цене, завтра принесет деньги. Занимайтесь ремонтом.

Боцман раздавал из шкиперской бухты веревки, матросы показывали, что и как делать. Галерники все делали споро, компенсируя неумение старанием. Каждый хотел побыстрее убраться из порта.

Хоть город Варна и болгарский, но власть в городе турецкая, давно уже Болгария под турецким владычеством. К вечеру ремонт почти закончили, все без сил повалились отдыхать. Хорошо, что погода благоприятствовала, было солнечно, тепло, сухо.

Утром, как только команда позавтракала, пришел турок с двумя слугами. В каюте капитана пересчитали деньги, составили купчую, и турок ушел. Мы тотчас бросили швартовы и вышли из гавани. В бухте лавировали на одном переднем косом парусе, у команды не было опыта, выйдя в открытое море, поставили все паруса.

Винченцо потренировал команду, пару раз убирая и ставя паруса вновь. К вечеру на траверзе справа оставили Бургас. Пройдя еще пару часов, бросили недалеко от берега якорь. Штурмана у нас не было, и рисковать венецианец не стал. Еще через пару дней подошли к бывшему Константинополю, ныне захваченному турками и переименованному в Стамбул. Впереди был пролив Босфор. Ночь стояли на якоре, турки перегораживали пролив здоровенной железной цепью, а на берегах с обеих сторон стояли крепости с мощными пушками. Никто бесконтрольно не мог пройти пролив. Утречком на лодке подплыл турецкий чиновник в неизменной красной феске. После приветствия старому знакомому купцу: «Хороша ли была торговля?» - Винченцо уплатил сбор за проход пролива. Массивная цепь опустилась на дно пролива, и мы вошли в пролив. С обеих сторон тянулись улицы Стамбула, блестели купола Айя-

Софии.

Команда столпилась у берегов и разглядывала город – бывший Царь-град, бывший Константинополь, нынешний Стамбул. Кто с восторгом, кто с любопытством, кто с ненавистью. Много турки причинили зла и Европе, и России, и Кавказу. Не было у соседей повода любить Османскую империю. За пару дней прошли Мраморное море, повернули на север, в Адриатику. Винченцо повеселел. Хотя пираты водились и здесь, но все-таки встречались реже, близок был его родной город. Слева проплывали покрытые мхами холмы Италии.

Еще несколько дней – и мы швартуемся в Венеции. Серые дома затейливой постройки, вместо улиц – каналы, по которым снуют узкие лодки.

- Каналы не везде, только в береговой части города, сам увидишь.

Оставив судно на помощника, мы сошли на берег. Винченцо нашел гондольера, а мы не спеша поплыли по улицам. Странные ощущения, по улице – и на лодке. Над тобой нависают дома, сушится на веревках белье.

- Ну вот я и дома, – вскричал купец. Мы причалили к крыльцу, или если будет угодно – к маленькой пристани, перебрались из гондолы на ступеньки. Винченцо яростно заколотил в дверь: – Хозяин приехал, встречайте!

Двери распахнулись, слуги стали кланяться и перетасили из гондолы наш багаж. Собственно, из моего багажа был только один потрепанный сундучок с медицинскими инструментами.

После обильного застолья и возлияний меня отвели в отведенную комнату. Взглянув в окно, я еще раз подивился речной глади вместо улицы и рухнул в постель.

Пару дней я ничего не делал, пока Винченцо занимался товарами и кораблем. На третий день Винченцо заявил: – Я нашел для тебя подходящий дом, ты сможешь там жить и вести прием больных. Дом сдается в аренду, я уже внес залог. Поедем смотреть.

Дом располагался не на канале, а на суше, на обычной улице, если это устраивало больше. В два этажа, узкий, высокий, под черепичной красной крышей. Дом был с мебелью и даже с двумя слугами. Хозяин их оставил приглядывать за домом, уехав по делам в Индию.

Известное дело – только дорога туда занимала три месяца. Дом мне понравился, я распорядился освободить одну из комнат первого этажа, там я планировал сделать что-то вроде операционной, все остальное меня устраивало. Винченцо оставил мешочек с дукатами на первое время и, пообещав заглянуть завтра, уехал. Один из слуг сносно мог говорить по-английски. Он и привел меня к знакомому плотнику, где я заказал операционный стол, деревянный, конечно. Затем я посетил торговую площадь, купил опиум, в аптеке – спирт. Причем аптекарь удивился, что я взял так много – целых пять литров.

Через несколько дней приемно-операционная была готова. Тянуть время было не в моих интересах. Надо было отдавать долг Винченцо, да и жить на что-то... Знакомых у меня не было, а вот загвоздка одна была – язык! Я не знал итальянского. Правда, Винченцо прислал мне своего слугу-полиглота, который говорил почти на всех европейских языках. В институте я учил латинский, который лежит в основе итальянского, но все равно это языки разные – как русский и украинский, скажем. Понять с пятое на десятое можно, но в разговоре с больным с пятого на десятое не пойдет, ведь самое важное иногда – грамотно расспросить человека, и самым важным может оказаться и второе, и пятое, и девятое. Я занимался разговорным итальянским каждый день, выходил на улицы, слушал речь, для меня это было жизненно

ВАЖНО.

Topreading.ru